

ISSN 2410-1583

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Правительство Алтайского края
Совет по вопросам реализации государственной национальной политики
в Алтайском крае
Алтайский государственный университет
Факультет социологии
Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействия
интеграции народов и культур в Алтайском крае
Алтайская краевая общественная организация
психолого-социального сопровождения и охраны здоровья
«Позитивное развитие»

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Сборник материалов I Международного
форума «Интеграционные процессы
в этнокультурной сфере»*

*I Региональная конференция
«Социальная интеграция и развитие
этнокультур в региональном социуме»*

Барнаул, 2018

ББК 60.542.15-26
С 693

Редакционная коллегия:

А. А. Экарт, С. Г. Максимова, В. И. Матис,
О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко

С 693 Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов региональной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. – Вып. 6. – Ч. 2. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2018. – 381 с.

ISBN 978-5-91556-456-4
ISSN 2410-1583

В издание включены материалы второй части I Международного форума «Интеграционные процессы в этнокультурной сфере» – I Региональной научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в региональном социуме», проходившей 8–11 июня 2018 г. в Алтайском государственном университете при поддержке Фонда президентских грантов, Правительства Алтайского края, Совета по вопросам реализации государственной национальной политики Алтайского края в сотрудничестве с Алтайским краевым Российско-Немецким Домом. Задача форума и подготовленного по его результатам сборника научных трудов состояла в создании междисциплинарной дискуссионной площадки для обобщения передового научно-исследовательского и практического опыта в области межнациональных отношений, социальной интеграции этнических культур, сохранения этнокультурного многообразия, гармонизации межэтнических отношений и обеспечения национального единства.

Сборник предназначен для представителей органов законодательной и исполнительной власти в сфере социальной и национальной политики, специалистов комитетов по делам молодежи, некоммерческих организаций, ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех лиц, интересующихся проблемами социальной интеграции и этнической безопасности.

Издание подготовлено и опубликовано при поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов по проекту «Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае №17-2-014841 от 11.12.2017 г.

© Правительство Алтайского края, 2018
© АКОО ПССОЗ «Позитивное развитие», 2018
© Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействия интеграции народов и культур в Алтайском крае, 2018
© Алтайский государственный университет, 2018

Содержание

Раздел 1. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ.....	8
<i>Айкина Л. П., Геворгян Г. М.</i> Актуальные вопросы деятельности национально-культурных общественных организаций Алтайского края.....	8
<i>Альдашева А. Б.</i> Сопровождаемое проживание инвалидов: теоретико-методологические подходы к исследованию.....	15
<i>Бессчетнова О. В.</i> Поведенческие и личностные трансформации родителей в процессе восстановления родительских прав: опыт социологического исследования.....	23
<i>Бухнер Н. Ю.</i> Роль казачества в стабилизации межнациональных отношений в Алтайском крае (по результатам социологического исследования).....	28
<i>Ведякова Н. А., Кадникова Г. К.</i> Учебный текст как объект восприятия этнически неоднородной аудитории.....	34
<i>Виницкая Н. В., Шабалина Е. П.</i> Реализация этнокультурной толерантности в образовательной среде...	42
<i>Волкова Т. Г.</i> Эмоциональный компонент этнической толерантности в поликультурном образовательном пространстве.....	47
<i>Гекман Н. А.</i> Тенденция фольклоризации в современной культуре (на примере деятельности любителей ролевых игр и исторической реконструкции).....	54
<i>Горбунова А. А.</i> Доверие как элемент становления гражданского общества в российских регионах.....	59
<i>Дедюшина Е. В.</i> К вопросу о педагогическом потенциале декоративно-прикладного творчества как средства сохранения и развития этнокультурных традиций.....	65
<i>Жакупова Э. А.</i> Формирование и развитие педагогической мысли в Казахстане.....	73
<i>Зиберт Н. П.</i> К вопросу о совместимости религиозного мировоззрения и службы в армии в советской России в 1920-х г. (на примере протестантских общин Сибири).....	81
<i>Кряклина Т. Ф.</i> Особенности взаимодействия традиционной хореографии сибирских народов и профессиональной хореографической культуры.....	86

<i>Липатова Ю. П.</i> Инновационная школа как фактор влияния на идеологию общества.....	101
<i>Мазайлова Т. А., Миллер С. М., Сиротина Т. В.</i> Развитие больничной клоунады в Алтайском крае.....	107
<i>Мамчур Ю. Ю.</i> Формирование профессиональных компетенций педагогов как необходимое условие непрерывного образования.....	112
<i>Маратканова Е. А.</i> Русский язык в системе образования национальных республик Российской Федерации.....	118
<i>Мардасова Е. В., Козырева Ю. В.</i> Практика реализации внеучебной работы с иностранными студентами как форма социально-культурной интеграции в российском образовательном пространстве (на примере географического факультета Алтайского государственного университета).....	128
<i>Московкина Е. А.</i> Сакрализация семьи как фактор коммуникативного поведения: на примере малой прозы В. М. Шукшина.....	135
<i>Пустовалова Е. В.</i> Актуальные проблемы этноконфликтологии.....	142
<i>Серегин Н. В.</i> Психодидактика искусства в евразийском пространстве.....	147
<i>Сытых О. Л., Синцова Л. К.</i> Потенциал социогуманитарных дисциплин для формирования толерантности в полиэтническом обществе.....	154
<i>Трофимова Ю. В.</i> Субъективная оценка процессов суверенизации в период поздней юности (на примере русского этноса).....	162
<i>Харитонов А. М.</i> Современная историческая география и проблема урало-алтайского взаимодействия в контексте мировой цивилизации.....	168
<i>Щербакова О. С.</i> Песенный фольклор села Камышенка Петропавловского района Алтайского края и история его изучения.....	176
Раздел 2. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ.....	184
<i>Артюхина В. А.</i> Общие принципы урегулирования межнациональных конфликтов.....	184
<i>Борисова О. В.</i> Миграционные настроения молодежи Алтайского края (по материалам социологических исследований).....	188

<i>Виницкая Н. В., Шабалина Е. П.</i> Особенности национальной культуры сибирского региона.....	192
<i>Гоношилова Т. О., Максимова С. Г.</i> Реализация антинаркотической политики в Алтайском крае: особенности межведомственного подразделения.....	200
<i>Горбунова А. А.</i> Отношение населения к мигрантам и представителям других этнических групп в современной России.....	204
<i>Дворянчикова Н. С., Шершнева Е. А.</i> Некоторые аспекты изучения деятельности протестантских общин на территории Алтайского края в 1970–1980-хх. гг.	210
<i>Должиков В. А.</i> Проекты союзной интеграции этнических сообществ Евразии в истории отечественной политики.....	214
<i>Еремин А. А.</i> Проблемы будущей демографической динамики Алтайского края до 2035 года.....	220
<i>Злобина Ю. И.</i> Социокультурная интеграция инфокоммуникационных технологий в РКИ (региональный аспект).....	225
<i>Колесникова О. Н.</i> Социальное благополучие, миграция и уровень образования: взаимовлияние на региональном уровне.....	232
<i>Лукашевич Е. В.</i> Медиатизация проблемы социальной интеграции мигрантов в российских СМИ (на материале делового издания «Ведомости»).....	236
<i>Мелехин В. А., Кротов А. В., Праздникова Н.Н.</i> Общественная безопасность и евразийство как факторы формирования идеологии России.....	244
<i>Молдагазинова Ж. М.</i> Востребованность русского языка в Казахстане: статус и общественные настроения (по материалам полевых исследований в городе Усть-Каменогорск).....	251
<i>Ноянзина О.Е., Максимова С.Г., Омельченко Д.А.</i> Нелинейные миграции населения: основные подходы к определению транзита.....	257
<i>Реттих С. В.</i> Опыт реализации мультикультурной интеграционной модели в Алтайском крае.....	267
<i>Черепанова М. И., Горбунова А. А., Глухверова Д. А., Сарыглар С. А.</i> Микрофакторы транзитной миграции.....	276
<i>Чуканова Т. В.</i> Социокультурная реабилитация детей с ограниченными возможностями как способ их интеграции в общество.....	281

<i>Шахова Е. В.</i> Оценка жителями регионов Российской Федерации своей грамотности в области русского языка (по результатам социологического исследования).....	287
--	-----

Раздел 3. МОЛОДЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ.....	294
<i>Алехина А. Ю.</i> Специфика межнациональных отношений в Алтайском крае.....	294
<i>Васильев А. А.</i> Адаптационные стратегии мигрантов в Алтайском крае.....	298
<i>Воеводина З. Э.</i> Генерализованное и партикулярное доверие как факторы формирования социальной активности населения.....	302
<i>Казачек А. С.</i> Психосемантический анализ формирования этнической идентичности на примере датских сказок.....	307
<i>Кириу С. С.</i> Социокультурная реабилитация детей с тяжелыми и множественными нарушениями развития в условиях детских домов интернатов для умственно-отсталых детей: нормативно-правовые основы.....	313
<i>Мацакова Е. А.</i> Социально-правовая регуляция межпоколенных семейных отношений.....	320
<i>Мицких Д. А.</i> Межкультурная коммуникация как фактор образовательной интеграции.....	323
<i>Морева Ю. Е.</i> Организационные формы ранней помощи детям с расстройством аутистического спектра и их семьям в Российской Федерации.....	327
<i>Мотина А. В.</i> Стереотипизированный образ профессии учителя в сознании студенческой молодежи.....	334
<i>Овсянникова Е. В.</i> Влияние администрации вуза на процесс адаптации иностранных студентов.....	339
<i>Перепелкина К. В., Максимова С. Г.</i> Роль национально-культурных объединений в интеграции местного сообщества (на примере диаспорных групп).....	343
<i>Плотникова М. В.</i> Больничная клоунада как технология социокультурной реабилитации детей с ментальной инвалидностью в условиях детского дома-интерната.....	347
<i>Попова А. И., Максимова С. Г.</i> Востребованность выпускников вузов на рынке труда г. Барнаула: проблемы и перспективы.....	355

<i>Пугачев М. Д.</i> Благотворительные курсы по войлокотерапии для социально незащищенных категорий граждан.....	359
<i>Силонова М. В.</i> Положение русского языка на постсоветском пространстве.....	362
<i>Риш М. В.</i> Отношение жителей алтайского края к трудовым мигрантам из стран СНГ.....	367
<i>Ханмурадова А. В.</i> Социальная поддержка молодой семьи в сельской местности (на примере Целинного района Алтайского края).....	372
Сведения об авторах.....	377

РАЗДЕЛ 1. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Айкина Л. П., Геворгян Г. М., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье представлена попытка анализа структуры, численного состава, основных направлений, проблемного поля деятельности национально-культурных общественных организаций Алтайского края. Особое внимание уделено формам и направлениям работы по сохранению, развитию и трансляции этнокультурных традиций, вопросам организации межкультурного взаимодействия в условиях региона, работе с молодежью, реализации проектов, подготовленных на основе грантовой поддержки.

Ключевые слова: этнос, национально-культурное объединение, сохранение этнических традиций, общественные организации.

Сохранение этнокультурной самобытности народов, населяющих Российскую Федерацию, равно как и сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России, являются важнейшими задачами, стоящими перед обществом на современном этапе, что подчеркнуто в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666) [1]. Большую роль в решении указанных задач могут сыграть этнокультурные объединения, функционирующие в регионах представляющие собой законодательно закреплённую форму национально-культурного самоопределения граждан как представителей этнической общности, проживающих в иноэтничном окружении. Такие объединения, являясь одним из социально-культурных институтов, осуществляют разнообразные виды и формы деятельности в соответствии с Федеральным законом от 17 июня 1996 г. №74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Такие объединения, помимо обеспечения права на

сохранение, развитие и использование родного языка и национальной культуры, способствуют стабилизации и интеграции этнической группы, ее структуризации, приобретению определенного социального статуса ее членами [2].

В Алтайском крае на 01.12.2017 г. зарегистрированы 53 национально-культурных объединения, созданных представителями 20 народов, проживающих на территории региона. Эти объединения представлены разными организационно-правовыми формами: общественными организациями, землячествами, ассоциациями, центрами, автономиями и др. Большая часть из них (36) имеют региональный статус [3].

В рамках реализации проекта «Алтай – территория взаимопонимания» нами был проведен опрос лидеров активно действующих этнокультурных объединений Алтайского края. Анкетирование проводилось с целью анализа перспективных направлений, выявления наиболее характерных проблем организации деятельности национально-культурных общественных организаций, определения путей их решения.

В опросе приняли участие представители организаций с разным опытом деятельности. Так, 10% из числа опрошенных осуществляли свою деятельность от года до 3 лет, 40% – от 4 до 9 лет, 40% – от 10 до 19 лет, и 10% – более 20 лет. Численный состав организаций преимущественно до 50 человек (40%) и от 51 до 100 человек (50%). Более 100 официальных членов насчитываются в составе 10% организаций. Все организации привлекают к своей деятельности волонтеров. Из них у подавляющего большинства организаций численный состав волонтеров в пределах 50 человек (90%) и лишь у 10% количество волонтеров в промежутке от 51 до 100 человек.

Большой разброс получился в ответах на вопрос о количестве благополучателей от деятельности этнокультурных организаций. Так, до 10% организаций указали незначительное количество благополучателей, в пределах 50 людей в текущем году были указаны в ответах 40% участников опроса, группы от 51 до 100 человек охватили своей деятельностью 20 % опрошенных, и также 20% респондентов указали количество граждан более 500 человек, которые были так или иначе охвачены деятельностью своих этнокультурных объединений.

Среди целевых групп населения, которые были охвачены деятельностью национально-культурных объединений 30% респондентов указали все население, 10% указали лиц с

ограниченными возможностями здоровья, по 30% уделяют внимание женщинам, детям и лицам старшего возраста, 40% – молодежи, по 20% опрошенных уделяют внимание гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, а также мигрантам, 10% многодетным и неблагополучным семьям.

Все опрошенные представители национально-культурных объединений считают важным участие своей организации в общественных мероприятиях. Так 60% респондентов принимали участие в субботниках, благоустройстве дворов, парковых зон, 70% в праздничных шествиях и демонстрациях. По 40% участников опроса участвовали в общественных слушаниях и работе общественных (экспертных) советов разного уровня, 50% оказывали материальную и натуральную помощь нуждающимся, 10% участвуют в обеспечении порядка и безопасности на территории проживания, 40% – в организации досуга детей и молодежи на детских и спортивных площадках. Следует отметить, что абсолютно все опрошенные считают важным участвовать в фестивалях национальных культур. Аппетитивность такого направления деятельности, на наш взгляд, обусловлена возможностью решить большой круг задач – увеличить социально-культурную значимость деятельности этнокультурного объединения, совершенствовать систему духовно-нравственного воспитания детей и молодежи, расширить пространство межкультурных коммуникаций и наладить сотрудничество с потенциальными партнерами в сфере межкультурной коммуникации и т.д.

Основными направлениями деятельности этнокультурных объединений были названы социальная поддержка граждан (30%), адаптация мигрантов (50%), благотворительная деятельность (50%), просветительская деятельность (60%), сохранение и защита самобытности, культуры, языка и традиций этноса (100%). Следует отметить, что такому направлению деятельности, как профилактика социально опасного поведения, в том числе экстремизма, уделяют внимание всего 20% респондентов. На наш взгляд, такая ситуация обусловлена довольно стабильной социально-политической ситуацией в регионе, а не недооценкой уровня опасности экстремизма. Так, по данным социологических исследований, «удельный вес жителей Алтайского края, дающих негативную оценку межнациональным отношениям в своем регионе, в 2015 году составил 8,1%, 2016 году – 8,0%. Для сравнения в 2015 году в Красноярском крае данный

показатель составил 25,3%, Кемеровской области – 20,8%, Иркутской и Томской областях – 15,0%, Новосибирской области – 13,8%» [4, с. 18].

В то же самое время подавляющее большинство респондентов (80 %) в рамках нашего опроса считают важным развивать у участников своего этнокультурного объединения интерес к межнациональному сотрудничеству. По мнению А. Н. Халтурина, «взаимодействие есть имманентная функция этнического организма, поскольку любой этнос может существовать только через взаимодействие с окружающим социальным миром, составляя с ним единое социокультурное целое. Вместе с тем взаимодействие осуществляется только между организационно оформленными субъектами этноса, а не с этносом в целом. И такими субъектами могут выступать общественные организации, общины, этнические юридические лица и пр.» [5, с. 33]. Организуя межнациональный диалог, участники этнокультурных объединений не только создают пространство, свободное от этнической напряженности, но и имеют возможность сохранять и транслировать обществу свою культуру.

Большая часть опрошенных (60%) обозначили готовность к обмену опытом организации деятельности своего объединения с представителями других этнокультурных объединений, 20 % респондентов готовы к такому взаимодействию лишь в определенной степени. На открытый вопрос о предполагаемых направлениях обмена опытом были получены следующие ответы: «изучение и освоение родного фольклора», «самобытная народная культура и традиции», «организация работы с пожилыми и молодежью», «где есть общие интересы» и др. Пятая часть респондентов готовы обмениваться опытом по все направлениям своей деятельности. Среди направлений деятельности, по которым лидеры этнокультурных объединений хотели бы получить помощь от других объединений, были указаны «поиск тематик проектов для вовлечения молодежи», «работа с детскими коллективами», «проведение совместных мероприятий».

Среди предложенных форм взаимодействия между этнокультурными объединениями были отмечены как наиболее перспективные – семинары, круглые столы, фестивали этнических культур, обмен методическими материалами (по 80%). Необходимыми видами нефинансовой поддержки, в которой нуждаются этнокультурные объединения, названы информационные рассылки (60%), консультации (50%), обучающие

мероприятия (40%), поиск партнеров – НКО и распространение информации о деятельности своем этнокультурном объединении (по 30%).

Ряд вопросов предполагал анализ деятельности этнокультурных объединений по сохранению, развитию и трансляции национально-культурных традиций. Как уже было сказано ранее, абсолютно все объединения стремятся так или иначе проводить работу в этом направлении. Среди наиболее распространенных форм такой деятельности по результатам опроса были выделены следующие: сохранение бытовых традиций, включая национальную кухню, обустройство дома и т.д. (80%) и песенно-танцевальное творчество (100%). В меньшей степени (по 30%) развито сохранение семейных и брачных обрядов (рождение, свадьба и т.д.) и традиционного вероисповедания, а также возрождение промыслов (10%).

Половина респондентов оценивают информированность членов диаспоры о значимых для своего народа исторических событиях (возникновение письменности, принятие вероисповедания, возникновение государства и т.д.) как достаточную, треть опрошенных считают необходимым проводить определенную работу и лишь 10 % определяют осведомленность участников этнокультурного объединения как недостаточную.

Среди направлений воспитательной работы с молодежью значительная часть опрошенных (90%) выделяют сохранение родного языка и фольклора, ознакомление с культурно-историческим наследием прошлого (70%), половина респондентов видят важным воспитание подрастающего поколения согласно приоритетам этнических ценностей и освоение празднично-обрядовой и семейно-бытовой культуры. В меньшей степени участников опроса заботит формирование чувства принадлежности к особой социально-культурной группе (30%) и приобщение к традиционной для народа религиозной культуре (10%). В то же время закрепление культурных традиций, сочетающих в себе черты народной культуры диаспоры и культуры региона проживания, считают важными 70% опрошенных.

Задачами, которые представители этнокультурных объединений обозначили как приоритетные в своей деятельности, являются «проведение фестиваля национальных культур», «активизация деятельности молодежи и привлечение новых молодых членов в организацию», «привлечение молодежи,

создание групп для детей, обновление состава ансамбля», «расширение региональных связей», «реализация грантовых проектов», «проведение юбилея организации», «развитие основных форм деятельности» и др.

Среди проблем, с которыми приходится сталкиваться этнокультурным объединениям при организации деятельности, 90 % опрошенных указали отсутствие необходимой материальной базы, при этом половина из них не считают эту проблему неразрешимой. По 10% участников опроса указали на незнание законодательной базы, регламентирующей деятельность этнокультурного объединения, и нежелание членов своей этнической группы участвовать в работе организации.

Положительным фактором, характеризующим эффективность национально-культурной политики, проводимой в регионе, является тот факт, что все опрошенные указали на наличие поддержки со стороны региональных органов власти. Большая часть опрошенных лидеров этнокультурных объединений участвуют в конкурсах на получение грантовой поддержки деятельности.

Таким образом, этнокультурные объединения есть социально-культурный институт, деятельность которого преодолевает исключительно этнические функции, так как сфера интересов объединения включает не только сохранение культуры этнической группы, ее самоорганизацию и этническую идентификацию, но и развитие культуры межнационального общения, предотвращение межэтнических конфликтов.

Литература

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (Дата обращения 02.12.2017).

2. О национально-культурной автономии: Федеральный закон от 17.06.1996 N 74-ФЗ (ред. от 04.11.2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722/ (дата обращения: 02.12.2017).

3. Национально-культурные объединения края // Официальный сайт Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altairregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosud>

arstvennaya-natsionalnaya-politika/Natsionalno-kulturnye-obedineniia-kraia/ (дата обращения: 02.12.2017).

4. Ноянзина О. Е. Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции. Вып. 4. Ч. 1. Барнаул: Новый формат, 2016. С. 14–20.

5. Халтурин А. Н. Национально-культурные объединения: социально-философский подход // Дискуссия: ежемесячный научный журнал. Выпуск №11 (52) декабрь 2014. С. 32–37.

TOPICAL ISSUES OF NATIONAL AND CULTURAL PUBLIC ORGANIZATIONS OF ALTAI KRAI

Aykina L. P., Gevorgyan G. M., Barnaul (Russia)

Abstract: the article presents the attempt of analysis of the structure, numerical composition, the main directions of the problem field of the activities of national-cultural public organizations of Altai krai. Special attention is paid to the forms and directions of work on preservation, development and presentation of ethnocultural traditions, issues of intercultural interaction in the region, work with the youth, realisation of projects, based on grant support.

Keywords: ethnicity, national-cultural associations, the preservation of ethnic traditions, public organization.

СОПРОВОЖДАЕМОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНВАЛИДОВ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Альдашева А. Б., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье анализируются теоретические подходы к исследованию сопровождаемого проживания лиц с инвалидностью, в частности, исследуются традиционные и посттрадиционные модели инвалидности, теории нормализации и социальной валоризации (В. Вольфенсберг), антидискриминационные теории, теории активизации ресурсов клиента (У. Риз, Б. Киффер).

Ключевые слова: сопровождаемое проживание, инвалидность, социальная модель инвалидности, теория нормализации, социальная валоризация, антидискриминационная теория, теория активизации.

Сопровождаемое проживание как технология социальной работы с людьми с инвалидностью прежде всего направлено на получение и повышение навыков самообслуживания для дальнейшей самостоятельной жизни, на способствование их интеграции в общество, а также на создание условий для успешной адаптации в социальной среде. Для анализа данной деятельности мы рассмотрим сопровождаемое проживание в рамках нескольких теорий и подходов.

В теоретико-методологическое основание данной работы положены социальные модели инвалидности, теории нормализации и социальной валоризации (В. Вольфенсберг), антидискриминационные теории, теории активизации ресурсов клиента (У. Риз, Б. Киффер).

Положение людей с инвалидностью в обществе, социальная политика в отношении этой категории населения во многом определяются существующими в обществе моделями инвалидности. Исследователи выделяют двенадцать различных исторических и современных моделей инвалидности, повлиявших или влияющих на конструируемую социумом социальную политику в области инвалидности и условно разделяемых на две парадигмы инвалидности – «старую», то есть традиционную, или медицинскую, и «новую», то есть посттрадиционную, или социальную.

Так называемая «старая», или традиционная, парадигма инвалидности включает в себя: моральную (религиозную) модель,

медицинскую модель, модель функциональной ограниченности, экономическую модель, реабилитационную модель [6, с. 15].

Не будем их рассматривать подробно (так как они не являются основополагающими для продвижения идей сопровождаемого проживания), отметим лишь следующее. В конечном итоге «старые» модели делают упор на то, что у данного лица (инвалида) лимитировано или отсутствует, и что делает его «нетипичным». Данные концепции были направлены на то, чтобы создать для этих людей отдельные социальные ниши, не пытаясь полноценно вписать их в социум, что вело, в свою очередь, к созданию барьеров общения между «здоровыми» членами общества и инвалидами, поощрению пассивного социально-профессионального поведения инвалидов и снижению их статуса на рынке труда [7].

Социальная модель инвалидности принципиально отличается от модели медицинской. Она ориентирована не на устранение «дефекта», а на преодоление препятствий, которые затрудняют интеграцию человека с ограниченными возможностями в обществе. Согласно социальной модели, человек с инвалидностью является равноправным субъектом общественных отношений, которому общество должно предоставить равные права, равные возможности, равную ответственность и свободный выбор с учетом его особых потребностей [5].

Посттрадиционная парадигма, к которой относятся социальные модели инвалидности, включает в себя следующие модели: материалистическую, независимой жизни, психосоциальную, социально-политическую, культурную, человеческого разнообразия.

Так, британская материалистическая модель является разновидностью социальной модели инвалидности, постулаты которой вытекают из учения К. Маркса – марксистская социология и политэкономия выступают ее методологической базой. Ключевые элементы этой модели инвалидности заключаются в признании того факта, что люди с ограниченными возможностями являются угнетенной социальной группой. Согласно этой версии, угнетение, с которым сталкиваются индивиды, вытекает из экономической и социальной структуры капитализма, в условиях которого общество само продуцирует институциональную сегрегацию инвалидов и, как следствие – их всеобщую дискриминацию.

Опора на самопомощь и близких родственников означала, в некотором роде, возвращение к традиционной медицинской

модели. Поэтому позднее было предложено альтернативное решение, заключающееся в развитии частного сектора социальных и медицинских услуг на платной и бесплатной основе. Предполагалось, что небольшие учреждения частного типа смогут более чутко реагировать на запросы своих клиентов. Данная модель оказала значительное влияние на формирование концепций социальной политики во многих западных странах (например, Великобритании, Швеции, США) и нашла свое конкретное отражение в официально взятом курсе на деинституционализацию [1]. Данный подход позволил расформировать специализированные учреждения для инвалидов и сформировать новые формы помощи для людей с инвалидностью. Это привело непосредственно к организации сопровождаемого проживания людей с инвалидностью. Изначально деинституционализация началась с сокращения мест в психоневрологических интернатах и формирования группы дневного сопровождения, а после и вовсе интернаты расформировались и закрылись. Вместо психоневрологических интернатов появились квартиры, дома с постоянным сопровождаемым проживанием.

Британская модель независимой жизни вытекала из теории нормализации и социальной валоризации и в качестве методологической базы использовала функционалистскую социологию, социологию символического интеракционизма и частично идеи «второй волны» феминизма. Данная модель оказала значительное влияние на формирование концепций социальной политики в области инвалидности во многих западных странах, таких, например, как Великобритания, Швеция и США. Свое конкретное отражение она нашла в официально взятом курсе на деинституционализацию и декарцерацию, то есть на свертывание сети специализированных интернатов для людей с ограниченными возможностями и на развитие разнообразных форм обслуживания и поддержки инвалидов непосредственно по месту жительства – вначале в Скандинавских странах, затем в Великобритании и США [6, с. 25–26].

Стоит упомянуть и о самой теории (принципе) нормализации и социальной валоризации, вносящей определенный вклад в развитие социальной модели инвалидности, активно реализующейся в конце 1990-х – начале 2000-х годов в западных странах и оказывающей значительное влияние на формирование модели гражданских прав как одной из концепций социальной политики по отношению к инвалидам. Одним из факторов

перехода к данной теории явилось повышение стоимости институционального обслуживания инвалидов, поскольку считается, что реализация независимой жизни обойдется дешевле. Суть данной теории заключается в курсе на деинституционализацию и декарцерацию, предполагающем существенное реформирование системы здравоохранения и социального обслуживания инвалидов. Декарцерация и деинституционализация предполагают сокращение институциональных стационарных форм обслуживания инвалидов и развитие самопомощи и сервисного обслуживания на уровне местного сообщества для нормализации условий и повышения качества жизни лиц с ограниченными возможностями. Причем вновь созданные сервисы для инвалидов позиционируются как кардинально отличные от институциональных форм обслуживания, рассматриваемых как недостаточно эффективные и как часть довольно жесткого социального контроля. Считается, что данное сервисное обслуживание позволяет инвалидам полнее удовлетворять индивидуальные нужды потребителей, вести самостоятельную жизнь «обычного», «нормального» человека и быть менее подверженным социальному контролю. Нормальные условия жизни людей с ограниченными возможностями подразумевают: обладание собственным жильем, образование, трудоустройство, досуг, средства к существованию, возможности пользоваться разнообразными социальными благами, навыки самообслуживания и общения. Теория нормализации и социальной валоризации была весьма притягательна для многих людей с ограниченными возможностями, поскольку позволяла перейти от весьма специфических закрытых условий проживания в интернатах и стационарах к самостоятельному существованию в открытом социуме и ощущать себя менее дискриминируемыми.

Понятие «независимой жизни» начало формироваться в связи с развитием социальных моделей инвалидности, в частности, с формированием британской модели независимой жизни. Идеологической базой ее служит философия независимой жизни. Это направление прикладной социальной философии разработано в 1978 г. Гербеном Делонгом. Согласно его идеям, общество обязано организовать людям с ограниченными возможностями условия повседневного быта, при которых они в минимальной степени зависели бы от чьих-то услуг, могли бы себя содержать и обслуживать, самостоятельно принимать решения, влиять на

государственную политику и, наравне с другими, заниматься общественной деятельностью [2].

Уникальность философии «независимой жизни» заключается в том, что она сформировалась по инициативе самих инвалидов, что называется, снизу, исходя из каждодневного практического опыта людей с особыми потребностями. Она предполагает развитие системы обслуживания и поддержки людей с особыми потребностями непосредственно по месту жительства, а не в специализированных интернатах.

Еще одной теорией, важной для исследования сопровождаемого проживания, является антидискриминационная теория. Антидискриминационная практика возникает как реакция представителей радикальной теории на неравенство и несправедливость. Поскольку эта теория ставит под сомнение существующий социальный порядок, она рассматривает проблему социального порядка и структур, а не личностную или групповую.

Важным источником антидискриминационных идей являются исследования и комментарии по социальным вопросам, связанным с расой и этничностью, однако не менее важны также теория феминизма, работа с инвалидами. Чуткость сфокусирована в значительной степени на этнической принадлежности и расовых признаках, хотя потенциально может быть использована и при других социальных различиях.

Дискриминация означает идентификацию индивидов и групп по определенным признакам и менее терпимое к ним отношение, чем к лицам и группам с общепринятыми характеристиками [3, с. 144].

Антидискриминационная теория в рамках сопровождаемого проживания позволяет реализовать равные права людям с инвалидностью, иметь право пользоваться собственным жильем, жить в обычных местах своего проживания и быть включенными в общественную жизнь. Не быть дискриминируемыми и пользоваться всеми правами и обязанностями наравне с другими гражданами страны.

Актуальной в рамках изучения сопровождаемого проживания инвалидов является теория активизации ресурсов клиента. Она, прежде всего, рассматривает внешние и внутренние ресурсы в совокупности с осознаваемой готовностью их развивать и использовать, создает тот самый личностный потенциал, который определяет успешность человека на разных этапах жизнедеятельности. Инвалид трудоспособного возраста,

ограниченный в передвижении, может иметь высокий уровень интеллекта и активную жизненную позицию, следовательно, именно этот ресурс необходимо еще больше активизировать в процессе социальной работы с ним. Другой инвалид имеет слабо выраженные физические дефекты, но при этом отличается нелюдимостью и слабым развитием мотивационной сферы. Работа с таким клиентом требует разработки противоположной по сути стратегии и тактики налаживания контактов, применения реабилитационных методик социальной интеграции. Иными словами, только объективный анализ ресурсной обеспеченности клиента (что есть – чего нет) позволит выбрать индивидуально применимый путь поддержки клиента и соответствующие технологии работы с ним [4].

Роуз и Блэк в рамках теории активизации ресурсов описывают проект организации независимой жизнедеятельности душевно больных людей в условиях микросоциальной среды. Их концепция основывается на работе П. Фрейре. Роуз и Блэк стремятся стимулировать активность клиентов, чтобы они могли стать субъектами собственной жизни, вовлекая их в процесс защиты. При критических дискуссиях с клиентами происходит вторжение в их субъективную реальность, которая исследуется совместно с ними. В результате клиенты могут осознать, как субъективная реальность ограничивает их контроль над окружением в конкретных ситуациях. Клиенты вовлекаются в трансформацию от зависимости к взаимозависимости совместно с коллективной сетью социальной поддержки.

Данная теория в сопровождаемом проживании инвалидов применяется при активизации скрытых ресурсов людей с инвалидностью, путем обучения и повышения навыков самообслуживания для достижения максимальной самостоятельности. Теория активизации ресурсов клиента помогает обрести социальную значимость, изменить существующий социальный порядок и быть полноправным участником своей жизни, принимать решения.

Таким образом, разные подходы и теории позволяют раскрыть многоаспектность изучаемого объекта и могут выступать фундаментом изучения сопровождаемого проживания инвалидов как инновационной технологии социального обслуживания. Целесообразным является применение разных подходов и теорий, так как каждая из них дополняет друг друга.

Так, социальные модели инвалидности ориентированы на соблюдение равных прав и возможностей людей с инвалидностью, на их интеграцию в активную жизнедеятельность общества. Именно в рамках социальной модели появились первые идеи независимой жизни инвалидов, был взят курс на деинституционализацию и декарцерацию специализированных учреждений.

Неразрывно от социальных моделей инвалидности рассматривается теория нормализации и социальной валоризации. Данная теория провозглашает необходимость перехода от проживания в закрытых специализированных учреждениях к самостоятельному существованию. Именно поэтому социальные модели и теория нормализации и социальной валоризации были выделены нами как основополагающие в изучении сопровождаемого проживания.

Антидискриминационная теория позволяет бороться с социальной несправедливостью, с неравенством в правах. Постоянное проживание человека с инвалидностью в закрытом специализированном учреждении противоречит международному законодательству и является нарушением его прав, что требует необходимости внедрения антидискриминационных мер.

Теория активизации ресурсов клиента, главным образом помогает развить скрытые ресурсы людей с инвалидностью с целью достижения максимальной самостоятельности и помогает обрести социальную значимость для включения инвалида в общественную жизнь.

Литература

1. Жигаева К. В., Мазунина Н. А. Генезис понятия инвалидности в рамках основных моделей инвалидности: зарубежные и отечественные подходы // Человек. Общество. Инклюзия. 2015. №1. С. 21–28.
2. Нестерова Т. Ф. Независимая жизнь инвалидов – взгляд в будущее // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. – 2008. Т. 10. №2. С. 77–80.
3. Пэйн М. Социальная работа: современная теория / Под ред. Дж Камплинга. М., 2007. 381с.
4. Романычев И. С., Рузаева Е. М. Ресурсный подход в социальной работе: к вопросу о социологическом осмыслении // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. №3. С. 82–85.
5. Суфишоев Г. С., Одинаев Ф. И., Пулотов К. Д., Ходжаева Ш. А. Социальная модель инвалидности как инструмент для решения

проблем лиц с ограниченными возможностями // Здравоохранение Таджикистана. 2013. №3. С. 9–15.

6. Тарасенко Е. А. Социальная политика в области инвалидности: кросс-культурный анализ и поиск оптимальной концепции для России // Журнал исследований социальной политики. Том 2. №1. 2004. С. 45–54.

7. Тюрин А. В. О некоторых американских моделях социальной инвалидности конца XX – начала XXI в. // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18944139_38381478.pdf

SUPPORT LIVING OF PEOPLE WITH DISABILITIES: THEORETICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS

Aldasheva A. B., Barnaul (Russia)

Abstract: *in the article the main theoretical approaches to the study of support living of people with disabilities are analyzed. There are traditional and social disability models, normalization theory, social valorization (Wolf Wolfensberger), antidiscrimination theories, empowerment theories. Their contribution to the development of support living concept is examined.*

Keywords: *support living, disability, social disability model, normalization, social valorization, antidiscrimination theories, empowerment theories.*

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОДИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Бессчетнова О. В., Балашов (Россия)

Аннотация: в статье представлены результаты социологического исследования поведенческих и личностных трансформаций родителей, ранее лишенных родительских прав, в процессе их восстановления. Исследование проведено в трех регионах – Белгородской, Саратовской областях и Забайкальском крае в 2017 году с использованием качественных методов (кейс-стади и глубинных интервью) при финансовой поддержке РФФИ (проект №16–03–00057). Интерпретация эмпирических данных позволила установить две наиболее типичные стратегии поведения респондентов в ситуации кризиса: самоидентификация с ролью родителя и сознательный отказ от материнства и родительства, а также выявить объективные и субъективные трудности, препятствующие восстановлению родителей в их правах.

Ключевые слова: семья, лишение родительских прав, восстановление в родительских правах, дети, оставшиеся без попечения родителей, сиротство.

Предпосылки и цели исследования

Долгое время сиротство рассматривалось в двух основных направлениях: через призму социальной патологии (аномии) как следствие алкоголизма, наркомании, аморального и асоциального поведения родителей; либо в рамках дискурса медиализации как социальная болезнь, где дети-сироты наделялись «тяжелыми» диагнозами, имели слабые когнитивные и познавательные способности; высокий уровень девиаций и т.д. [1, 2]. Данные представления нашли свое отражение не только в научных публикациях, но и в социальной политике и практике. И лишь небольшой процент публикаций, основанных на критической социальной теории интерпретативного социально-антропологического подхода, представляет собой альтернативное видение проблемы [3].

Основной причиной лишения/ограничения родительских прав является ненадлежащее исполнение, пренебрежение родительскими обязанностями по содержанию и воспитанию детей. Однако, на наш взгляд, в настоящее время уже недостаточно объяснений причин воспроизводства сиротства с точки зрения биологических,

генетических или фамилистических теорий, данный феномен необходимо рассматривать в более широком контексте, с позиции макроэкономических и социокультурных процессов.

Усугубление социально-экономических условий жизни семьи, безработица, бедность, значительное социальное расслоение, слабый доступ к социальным благам и ресурсам, особенно низших слоев социальной структуры общества, невысокий уровень восходящей социальной мобильности их представителей, в том числе, детей из семей группы риска: неполных, малоимущих, многодетных, асоциальных, приводит к воспроизводству социального сиротства, лишению или ограничению родителей в их правах и невозможности или неспособности восстановить их в дальнейшем.

Для изучения жизненных траекторий родителей, имеющих намерение и уже восстановивших свои родительские права, в 2017 году на территории Белгородской, Саратовской областей и Забайкальского края были проведены качественные социологические исследования при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-03-00057). На первом этапе использовался метод кейс-стади с родителями, желающими восстановить родительские права (n = 10); второй этап предполагал проведение глубинных интервью с родителями, восстановленными в родительских правах (n = 35), для изучения их структурных, поведенческих, мотивационных и личностных трансформаций.

Статистическая основа и методология исследования

Методом сбора первичных социологических данных выступало глубинное интервью, включающее три блока: 1) история лишения родительских прав; 2) дальнейшая судьба женщины и ребенка; 3) действия, предпринятые для восстановления родительских прав. Респондентами выступали женщины 30–45 лет, проживающие в сельской местности, имеющие в анамнезе алкогольную или наркотическую зависимость, ранее лишенные родительских прав. Методы обработки и анализа материалов глубинного интервью включали изучение отдельного случая и реконструкцию фреймов на основе интерпретации наблюдаемых практик.

Основные результаты

В ходе первого этапа были выявлены две наиболее типичные стратегии поведения респондентов: первая связана с самоидентификацией с материнством, которая позволила установить прямую корреляцию между ценностью родительства и возвращением права опеки над ребенком: чем сильнее самоидентификация с ролью

родителя, тем более вероятно возвращение ребенка в биологическую семью. Вторая стратегия демонстрирует сознательный отказ женщин от материнства и родительства под влиянием трудной жизненной ситуации; характеризуется самооправданием собственного поведения, идентификационным кризисом личности, граничащим с глубокой деградацией.

Исследование позволило установить наиболее эффективные ресурсные механизмы, позволяющие родителям вернуть право опеки над родными детьми: демонстрацию устойчивой мотивации в течение всей процедуры восстановления родительских прав; проявление инициативы к возврату детей; наличие активной социальной поддержки со стороны членов расширенной семьи; трудоустройство; прохождение курса лечения у нарколога; преодоление аддикции; получение стабильного дохода; организацию и осуществление комплексного сопровождения родителя(ей) со стороны социальных служб, образовательных и медицинских учреждений.

В ходе исследования были установлены типичные объективные и субъективные барьеры, препятствующие родителям восстановить опеку над кровными детьми. К объективным трудностям следует отнести: низкую правовую грамотность; недостаток знаний о механизмах работы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; отсутствие независимой негосударственной структуры (организации, службы), оказывающей родителям помощь в восстановлении их прав; заявительный характер получения социальной помощи; низкий уровень выявления семейного неблагополучия на более ранних этапах со стороны учреждений образования, здравоохранения, социальной защиты населения, усугубляющего кризис семьи.

Субъективными трудностями, затрудняющими процесс восстановления родительских прав, выступают: наличие специфических социально-психологических особенностей самих родителей, в частности, инфантилизм; низкий уровень самоконтроля и нереалистичная оценка собственного поведения; рецидивы алкоголизма/наркомании; форма жизнеустройства ребенка (в случае с родственной опекой, уровень мотивации на восстановление родительских прав крайне низкий); кризис самоидентификации личности, самооправдание несостоятельности выполнения родительских ролей.

Интерпретация результатов качественного социологического исследования, проведенного на втором этапе, позволила сделать

следующий вывод о трансформациях, произошедших с родителями, в процессе восстановления родительских прав. Важными структурными трансформациями признаны: вступление в повторный брак либо стабильная семейная жизнь в незарегистрированном браке (сожительстве), трудоустройство, получение постоянного дохода; наличие собственного жилья, пригодного к проживанию. К поведенческим трансформациям отнесены: усиление самоконтроля нормативного поведения; наличие «переломного момента» в жизни, давшего толчок к изменению поведения, переоценке ценностей, расстановке приоритетов, на который указывают все информанты. Мотивационные трансформации включают: поддержание стабильного уровня мотивации к возврату ребенка в семью на протяжении всего процесса восстановления родительских прав; привязанность и любовь к детям; поддержка членов расширенной семьи, нового супруга, ближайшего социального окружения. Личностные трансформации связаны с изменением круга общения, выполнением родительских обязанностей, с более стойкими и длительными периодами ремиссии.

Вывод

Таким образом, истоки и причины воспроизводства сиротства необходимо исследовать в более широком контексте, с позиций макро социологических теорий, которые позволяют выявить взаимосвязь данного феномена с экономическими, политическими, социокультурными, идеологическими факторами для принятия адекватных и своевременных мер социальной политики по поддержке семей с детьми.

Исследования, проведенные в трех регионах РФ, позволили установить, что первопричиной семейного неблагополучия, повлекшего в дальнейшем распад семьи и лишение родителей их прав, послужили конфликтные супружеские отношения; уход мужчины из семьи; измена; низкий материальный доход. Наличие конгломерата финансовых, психологических, бытовых трудностей, отсутствие адекватной помощи и поддержки со стороны служб социальной помощи на этом этапе семейного неблагополучия приводит к тому, что родитель (чаще всего мать) самостоятельно не справляется с трудной жизненной ситуацией и предпочитает уйти от проблем («эскапизм», в терминах Р. Мертон), посредством употребления алкоголя, наркотиков, миграции, оставляя детей без присмотра, еды, адекватных условий жизни. В этом случае органы опеки и попечительства на основании оценки информации о семье, предоставленной образовательными,

медицинскими, правоохранительными, социозащитными учреждениями, обращаются в суд с иском о лишении или ограничении родительских прав. Усиление профилактической направленности работы социальных служб, выявительный характер их деятельности, скоординированная работа всех учреждений системы профилактики сиротства и правонарушений несовершеннолетних, более активное взаимодействие с неправительственными организациями, организация социального сопровождения восстановленных биологических семей позволит, на наш взгляд, снизить масштабы социального сиротства.

Литература

1. Зелинская Д. И. Социальное сиротство как одна из проблем здравоохранения Российской Федерации // Всероссийский вестник перенатологии и педиатрии. 2008. №1 (58). С. 83–89.
2. Митина Т. А. Социальное сиротство при живых родителях // Человеческий капитал. 2010. №4. С. 25–28.
3. Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная антропология. Учебное пособие. М.: УМО вузов России по социальной работе. 2004. 387 с.
4. Bordo S. The Male Body: A New Look at Men in Public and in Private. Farrar, Straus and Giroux. 1999. 358 p.

BEHAVIORAL AND PERSONAL TRANSFORMATION OF PARENTS IN THE PROCESS OF RESTORATION OF PARENTAL RIGHTS: THE SOCIOLOGICAL RESEARCH EXPERIENCE

Besschetnova O. V., Balashov (Russia)

Abstract: *the article presents the results of the sociological research of parents' behavioral and personality transformations, in the process of restoration of parental rights. The study is conducted in three regions – Belgorod, Saratov region and Trans-Baikal territory in 2017 with the use of qualitative methods (case-study and in-depth interviews) under the financial support of The Russian Foundation for Basic research (project № 16–03–00057). The interpretation of empirical data allows establishing the two most typical strategies of the respondents' behavior in a situation of crisis: self-identification with the role of a parent and a conscious rejection of motherhood and parenthood, as well as identifying objective and subjective barriers to the restoration of parental rights.*

Keywords: *family, termination of parental rights, restoration of parental rights, children, left without parental care.*

РОЛЬ КАЗАЧЕСТВА В СТАБИЛИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Бухнер Н. Ю., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с определением роли казачества Алтайского края в стабилизации межнациональных отношений на современном этапе. Автором приводятся некоторые результаты социологического исследования, связанные с определением социоэтнического стереотипа казака, основанные на данных полученных у двух групп респондентов: казаков и населения Алтайского края.

Ключевые слова: казаки, население Алтайского края, социологическое исследование, субэтнос, социоэтнический стереотип казака, межэтнические отношения.

Межнациональные отношения – это не только неотъемлемая часть, следствие существующего процесса социального взаимодействия в обществе. Имея внутреннюю сложную и неоднородную структуру, они и сами могут являться одной из причин возникновения и воспроизведения социального взаимодействия, а также определять его характер. В современной российской действительности, отличающейся многообразием культур народов, населяющих территорию России, неизменным результатом межэтнического взаимодействия является бинарный поиск, состоящий из противоположных, но взаимодополняющих друг друга полей. Одним из полюсов такого взаимодействия является формирование толерантного отношения представителей одного этноса к представителям другого, а другим – возникновение межэтнической напряженности. В этой связи важную роль играет формирование взаимной этнической толерантности у всех этносов и субэтносов, населяющих территорию Российской Федерации, которая в современных условиях становится частью этнического менталитета личности.

Этнический менталитет личности или этничность воспроизводится во всех социальных практиках во взаимодействии, как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Ссылаясь на работы Дж.Рекса [8, с. 27] И. Г. Краснопольская и Г. С. Солодова отмечают, что «этническая принадлежность воспринимается как объективно определяющая поведение и мышление членов

этнических групп, накладывается на группы, как «мерка» [5, с. 26]. Ф. Барт в рамках субъективно-конструктивистского подхода говорит о том, что принадлежность к группе влияет на идентификацию личности самой себя, как действующей [9, с. 10]. Являясь неоднородной по степени близости/удаленности одного этноса от другого, этничность во многом определяет характер взаимодействия между этносами и внутри одного этноса. Примером взаимодействия внутри русского этноса является отношение, возникающее между казаками, которых мы в работе рассматриваем как субэтнос [1, 3, 4], возникший в границах русского этноса, и остальными представителями указанного этноса.

История возникновения и развития казачества в России является одним из примеров толерантности между представителями различных народов. Более того, в казачестве могли состоять и представители различных конфессий, что не противоречило казачьим традициям. Как отмечает Д. И. Копылов, еще в период покорения Сибири войско Ермака составляли, наряду с православными, тоболо-иртышские татары и «прочие магометяне» [6, с. 193]. Тезис о неоднородной этнической структуре казачества подтверждается и в работе другого ученого: «Казачество было во все времена по своему составу многонациональным, включало в свои ряды русских, поляков, украинцев, евреев, немцев, бурят, калмыков, молдаван, осетин, якутов, ногайцев, башкир и представителей других народов» [2, с. 21]. Дальнейшее развитие качества в России в целом и в Алтайском крае, в частности, показало, что казачество, являясь сложным полиэтническим образованием, проявляет себя как социальная структура, способная регулировать межнациональные отношения.

Как отмечает в своей работе Н. Ф. Бугай, «казачество в новой России – это многомерное явление, рассматриваемое как: ответ русского этноса на «вызов эпохи» по причине этнической ущемленности; общественный институт, защищающий интересы славян; локомотив в решении «русской проблемы» (в частности, на Юге России); социокультурная группа, призванная возродить национальную культуру русского и родственных ему народов; ответ русских на создание представителями других народов этнически ориентированных общественных организаций; исторически сложившаяся этнокультурная общность и т. д.» [2, с. 21].

Целью настоящей статьи является анализ отношения населения Алтайского края и казачества Алтайского края к участию казаков в регулировании межэтнических отношений, роли казачества в их стабилизации. Материалом для анализа стали данные, полученные в ходе эмпирического социологического исследования, проведенного в 2015 году. В ходе исследования (методом анкетирования) были опрошены 1005 человек, из них 223 – казаки и 782 – население Алтайского края (основания выборки: пол, возраст, место проживания).

Говоря об этничности как «мерке», особый интерес для нас представляло выявить и провести сравнительный анализ ассоциаций, возникающих при словах «казак», «казачество» у современных казаков, проживающих в Алтайском крае, а также у населения Алтайского края. В этой связи двум группам респондентов – казакам и населению – было предложено выбрать из определенного набора ответов тот, который в большей мере отражает их мнение. После анализа полученных в результате опроса данных, мы выяснили, что для обеих групп респондентов определяющим признаком *казака* являются **духовная традиция и образ жизни, военные традиции и воспитание боевого духа, а также ценности служения Родине**. Сравнивая ответы населения и казаков, можно отметить, что для первой группы наиболее важным признаком, характеризующим казачество, являются *военные традиции и воспитание боевого духа*, в то время как для второй группы специфическим, определяющим фактором является также и *духовная традиция и образ жизни* (таблица 1).

Таблица 1

«Какие ассоциации возникают у Вас при словах «казак», «казачество»?», %

Варианты ответа	казаки	население
Духовная традиция и образ жизни	59,60	41,70
Военные традиции и воспитание боевого духа	58,70	50,50
Ценности служения Родине	43,90	31,30
Идеалы воспитания молодежи	34,50	17,60
Особые способы ведения хозяйства, особая экономическая модель	22,40	12,10
Исторический феномен России	17,50	21,50
Другое	6,30	4,20

Таким образом, для двух групп респондентов, как казаков, так и населения Алтайского края, до настоящего времени слово «казак» прежде всего ассоциируется с военными традициями и воспитанием боевого духа. Не менее характерны для наивной картины мира респондентов ассоциации казачества с духовными традициями и образом жизни, ценностями служения Родине.

Ассоциируя казаков с военными традициями, почти половина опрошенных (49,2%) респондентов (населения) видят в казаках реальных защитников интересов государства, что зафиксировано их ответом «Да» на вопрос **«Видите ли Вы в казаках реальных защитников интересов государства?»**. Ответы «Нет» и «Не уверен» выбрали 15,3% и 22,1% соответственно. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что именно эта сторона определяет существующий в обществе «этнический стереотип» или социоэтнический стереотип казака, включающий в себя, прежде всего, такую черту, как ценность служения Родине, опирающуюся на особые духовные традиции, воспитание боевого духа. Под «этническим стереотипом» в работе мы понимаем «социально обусловленный схематический, стандартный образ этнофора о своей этнической общности (автостереотип) или о других этнических общностях (гетеростереотип)» [7, с. 96]. Как отмечает Н. Н. Великая «социоэтнический стереотип, связанный со словом «казак», заключался в образе вольного, удалого, отважного человека, добывающего средства существования на войне» [3, с. 106].

Определяя казаков как защитников интересов государства, в современной реальности и население, и сами казаки не отводят казачеству определяющей роли в формировании межнациональных отношений. Причем население в меньшей мере приписывает этой группе сколь либо значимое положительное или отрицательное влияние на данный социальный процесс. В то время как сами казаки указывают, что они способствуют налаживанию и стабилизируют межнациональные отношения (таблица 2).

Таким образом, в повседневных практиках, являющихся следствием и проявлением процессов социального конструирования этничности, казаки не воспринимаются населением, как группа сколь либо существенно оказывающая влияние на регулирование межнациональных отношений, хотя сами казаки приписывают себе эту социальную роль, что является,

по нашему мнению, проявлением социально-деятельного потенциала конструкта этничности.

Таблица 2

«Какова, по-вашему, роль казачества в межнациональных отношениях в Вашем населенном пункте?», %

Варианты ответа	казаки	население
1. Способствует налаживанию добрососедских отношений	24,3	15,7
2. Стабилизирует, не допускает обострения отношений	24,3	12,08
3. Обостряет, но способствует разрешению конфликтов	0,5	1,6
4. Способствует обострению межнациональных отношений	0,5	2,0
5. Особой роли не играет	35,4	38,7
6. Затрудняюсь ответить	15,0	29,2

На наш взгляд, такое положение дел вызвано тем, что за последнее десятилетие на территории Алтайского края не отмечалось каких-либо серьезных межэтнических столкновений, и существующая межэтническая напряженность вызвана скорее этнопсихологическими факторами, иными словами, мигранты, въезжающие и затем остающиеся на территории Алтайского края, вызывают скорее определенный психологический дискомфорт, нежели провоцируют межэтническое противостояние.

В настоящее время населением Алтайского края не отводится казакам решающая роль в формировании межэтнических отношений, однако, 27,78 % населения и 48,6 % казаков полагают, что казачество способствует налаживанию добрососедских межэтнических отношений, а также стабилизирует их, не допускает обострения такого вида отношений.

Литература

1. Белецкая Е. М. Этническое сознание и социальная психология уральских казаков в фольклоре и литературе XIX века // Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы VI Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2–3 октября 2002 г. Екатеринбург, 2004. С. 17–24.

2. Бугай Н. Ф. Казачество России: мир на границе, спокойствие в государстве, служение Отечеству // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. №3. С. 21–46.

3. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. 278 с.

4. Дорофеев В. А. Основные закономерности и тенденции социального воспроизводства казачества в контексте эволюции российской государственности (опыт концептуального историко-социологического анализа). Диссертация доктора социологических наук. Барнаул, 2001. 350 с.

5. Краснопольская И. И., Солодова Г. С. Социальное конструирование этничности // Социс. 2013. №12. С. 26–34.

6. Копылов Д. И. Ермак. Иркутск, 1989.

7. Сикевич З. В. Национальное самосознание русских: Социологический очерк. Москва: Механик, 1996.

8. Rex J. Race and Ethnicity. Milton Keynes: Open University Press, 1986.

9. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference / Ed. By F. Barth. Bergen; Oslo; London, 1969. P. 10–15.

THE INFLUENCE OF THE COSSACKS ON INTERETHNIC RELATIONS IN THE ALTAI KRAI (SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Buhner N.Yu., Barnaul (Russia)

Abstract: the paper is focused on the simulating influence of the Cossacks on interethnic relations in the Altai krai. Based on the obtained empirical data (from Altai Krai's inhabitants and the Cossacks) the author singles out social-ethnic stereotype of the Cossacks.

Keywords: the Cossacks, the Altai krai's inhabitants, sociological research, ethnic group, social-ethnic stereotype of the Cossacks, interethnic relations.

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ВОСПРИЯТИЯ ЭТНИЧЕСКИ НЕОДНОРОДНОЙ АУДИТОРИИ

Ведакова Н. А., Кадникова Г. К., Челябинск (Россия)

Аннотация: проблема языкового и культурного развития ребенка-инофона в новой социальной среде становится все более значимой. В настоящее время дети-инофоны, приезжающие в российские школы, как правило, из стран ближнего зарубежья, не владеют русским языком на достаточном для комфортного обучения уровне и не имеют возможности развивать свои языковые и лингвокультурные способности в семье, где общение проходит не на русском языке. В школе у таких детей возникает необходимость преодоления языкового барьера, а школьные учебники ориентированы на владеющих русским языком как родным, что доставляет значительные неудобства не только ребенку-инофону, но и учителю, которому приходится самостоятельно корректировать учебный процесс. В связи с этим исследователи рассматривают потенциальные сложности восприятия учебного текста в иноязычной, этнически неоднородной аудитории, выявляют трудности в освоении программы по неадаптированному учебнику и пытаются найти возможности их преодоления в современных педагогических условиях взаимодействия учителя русского языка, учебного текста и полиязычного класса.

Ключевые слова: учебный текст, полиязыковая аудитория, полиэтническая/ этнически неоднородная аудитория, русский язык как родной/неродной/иностраный.

В условиях усиления миграционных процессов проблема социальной и лингвокультурной адаптации их участников приобрела федеральный масштаб в свете государственной, национальной и языковой политики. Если эту проблему рассматривать на региональном уровне, данные комитета по делам образования города Челябинска на 2018 год следующие: в школах города обучается более полутора тысяч детей мигрантов. Как и в большинстве других городов России, русский язык как иностранный/неродной в школах Челябинска не преподают, так что в классах вместе с носителями русского языка оказываются дети с неродным русским языком, которые вынуждены осваивать одну общую программу.

Всех учащихся – детей мигрантов – учителя российских школ условно делят на две группы. Первая группа – это учащиеся-билингвы, которые в семьях говорят на своем родном языке и на русском языке, которым тоже владеют достаточно хорошо. Если такие учащиеся знают русский язык на высоком уровне, для их характеристики некоторые исследователи используют спорное понятие «второй родной язык». Ко второй группе относят учащихся-инофонов, родители которых недавно мигрировали и часто сами испытывают трудности с русским языком. Преодоление языкового барьера создает для таких учащихся определенные трудности, а языковой барьер, в свою очередь, мешает адаптироваться в социуме, что позволяет говорить в целом о социокультурном и языковом барьерах одновременно. По оценкам преподавателей, таких детей мигрантов большинство: «Дети мигрантов, приходящие в современную российскую школу, в большинстве случаев не владеют языком в той степени, которая способствует быстрой адаптации в среде русскоязычных сверстников» [1, с. 134].

В настоящее время вопрос об обучении и воспитании именно детей-инофонов стоит особенно остро в связи с нехваткой квалифицированных учителей российских школ, имеющих соответствующий опыт обучения в этнически неоднородной аудитории, включающей носителей языка, билингвов и инофонов; а также в связи с отсутствием методической базы и системы адаптационных мероприятий, прошедших апробацию и утвержденных на федеральном или хотя бы региональном уровне.

Современные школьные учебники по русскому языку не ориентированы на такие смешанные аудитории, что доставляет значительные неудобства не только ребенку, но и учителю, которому приходится самостоятельно разрабатывать учебные материалы для инофонов или корректировать с этой целью имеющиеся. Именно учебные тексты школьного учебника по русскому языку для 5 класса средней школы [6] мы выбрали в качестве материала нашего исследования, посвященного выявлению трудностей, которые возникают у детей-инофонов в процессе изучения русского языка в этнически неоднородном классе.

Учебный текст выступает полноценным участником учебного процесса наряду с учителем и учеником, более того, он является условием и средством дидактической заочной коммуникации. Иными словами, дидактическая коммуникация возможна как в

очной, так и в заочной форме, но не может обойтись без текстовых жанров: «Текстовые жанры выступают посредниками между учеником и учителем: расширяют материал, объясняемый учителем, актуализируют информацию на конкретных примерах и так далее, то есть являются полноправным участником коммуникации и решают задачи дидактического речевого взаимодействия» [5, с. 87]. В качестве учебных текстов выступают тексты разных жанров, которые в составе сложного жанра учебника могут представлять собой формулировку задания, объяснение теоретического материала, а также аутентичные тексты разных стилей и жанров, которые используются в качестве учебного материала и приобретают, таким образом, дидактическую функцию.

В условиях смешанной аудитории преимущества учителя, владеющего основами методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ) очевидны. Мы используем аббревиатуру РКИ обобщенно, сознательно не разделяя русский язык как иностранный и русский язык как неродной, поскольку сегодня это разделение часто носит условный характер, на основании временных, территориальных, юридических критериев, когда не учитывается диаспоральный, миграционный фактор и мнение самих носителей (более подробно см., например [2]).

Предлагаем обратить внимание на общий алгоритм и принципы такого анализа учебного текста, которые позволяют выявить потенциальные проблемы восприятия и освоения материала урока по учебнику русского языка как родному детьми-инофонами. В качестве примера и отправной точки нашего анализа мы взяли ученика с элементарным уровнем владения РКИ. Предлагаемый анализ не претендует на всеобъемлющую характеристику учебника, наоборот, в каждом случае учитель сам определяет потенциальные сложности, которые скрывает неадаптированный учебник, исходя из особенностей языковой личности своих учеников – уровня языковой компетенции, особенностей родного языка, возраста и других характеристик.

При подготовке к уроку в смешанном классе принципы отбора материала для работы в аудитории с определенным уровнем владения РКИ нацеливают учителя на последовательный поуровневый анализ учебного текста с точки зрения его фонетических, морфологических, лексических, синтаксических, а также стилистических особенностей.

Одной из первых фонетических сложностей при работе с учебником русского языка как родного стоит назвать отсутствие ударений и буквы «е». Произносительные возможности у каждого ребенка-инофона индивидуальны, не случайно одним из принципов методики обучения РКИ/РКН является принцип соотнесенности с родным языком учащихся [4, с. 65]. Так, в узбекских словах не встречается больше одного согласного в начале слова, отсутствуют некоторые русские звуки, например [ы], [ш'], [ц], поэтому ребенку с родным узбекским языком будет сложно освоить произношение русских загадок: *Стучит, бренчит, вертится, не говорит, а показывает; Хмурилось, гремело, сверкало, разразилось; Сложу, вложу, за море пушу – и там говорит.*

Этот же материал можно использовать в качестве иллюстрации лексических сложностей, сконцентрированных в рамках одного упражнения. Нередко авторами учебника используются фольклорные и художественные тексты со стилистически окрашенной лексикой, большим количеством архаизмов и историзмов, которые понятны не каждому русскому ребенку. Очевидно, что слова *диво, бурливо, подымет, вой, на бреге, удалые* и другие из «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина не входят в активный словарный запас не только инофонов, но и русскоговорящих детей, и могут потребовать дополнительной словарной работы. В то же время учителю стоит обратить наиболее пристальное внимание именно на те тексты, которые с точки зрения носителя языка кажутся простыми, понятными. Например, детское стихотворение «Грустные вести» А. Шibaева, выступающее в качестве учебного текста в рассматриваемом учебнике [6, с. 20], скрывает в себе серьезные препятствия для инофона, так как можно предположить, что ребенок с бытовым знанием русского языка не поймет и половины стихотворения.

Грустные вести

Пришло письмишко мне.

Гляжу – из лагеря, от Мишки...

Здесь чудный лук, и я лижу.

Написано в письмишке.

Лук лижет?! Что за чудеса?

Наверно, шутит плут...

Читаю дальше: **Здесь – лиса,**

Красивый длинный прут.

И что такое он плетет –

Не разберусь, хоть тресни:

**Когда отряд идет в поход,
Я запиваю песни...
На днях в лесу нашел я грусть
И очень был доволен...**

Нет, нет, не шутит он! Боюсь,
Мой друг серьезно болен.
Вернется – надо подлечить:
Заставить правила учить...

А. Шибает

Большая часть использованных в этом учебном тексте знаменательных слов не входит в лексический минимум для элементарного уровня [3]: *грустные, вести, лагерь, письмишко, гляжу, чудный, лук, лижу, чудеса, шутит, плут, лиса, прут, плетет, разберусь, тресни, отряд, поход, запиваю, нашел, грусть, доволен, боюсь, вернется, подлечить, наверно, заставить, правила.*

Осложняют восприятие производные слова с приставками и суффиксами – *письмишко, запивать* (ср. *письмо* и *пить*), а также безличная конструкция со словоформой *написано* по сравнению со спрягаемыми формами глагола *написать* в двусоставных активных конструкциях.

Элементы, составляющие вторую, «понятную», половину текста, представляют собой повторяющиеся местоимения или служебные части речи *мне, из, от, и, я, в, не, что, он, на, когда*, а также имя собственное *Мишка* и некоторые частотные в разговорном языке слова *пришло, читаю, здесь, был, очень, мой, друг, серьезно, болен, надо, учить.*

Так что без предварительной подготовки к восприятию текста, без так называемых «предтекстовых заданий» в терминологии методики РКИ, ребенок-инофон, скорее всего, сможет назвать только два события в этом стихотворении: 1) друг Мишка серьезно болен; 2) кого-то надо учить. Основную дидактическую нагрузку данный учебный текст не выполнит, потому что ребенок не сможет разделить незнакомые омоформы и омофоны *лижу и лежу, леса и лиса, пруд и прут* и др.

Боле того, использование данного текста может спровоцировать педагогическую неудачу, так как работа с отрицательным языковым материалом при усвоении новой лексики может закрепить в сознании учащегося ошибочный вариант с нарушением орфографической нормы (*запиваю песни*). На наш взгляд, задания на коррекцию, исправление ошибок в тексте, целесообразно предлагать только тем учащимся, у которых

уже сформирован орфографический навык и прочно закреплён графический образ знакомого слова.

Как видим, отработка определённого навыка с носителями языка может сопровождаться решением дополнительных задач в обучении детей-инофонов, что требует внесения корректив в рабочие программы по русскому языку. Т. Б. Михеева предлагает добавить материал для работы с полиэтническим контингентом в дополнение к умениям учащихся, формируемым материалом учебника. Например, чтобы научить определять гласную в безударных личных окончаниях глагола, она предлагает изучить на дополнительных занятиях с детьми-инофонами спряжение глаголов настоящего и простого будущего времени как изменение по лицам и числам [4, с. 65–66]. Такая рекомендация не вызывает возражения, однако вызывает сожаление по поводу отсутствия достаточного количества дополнительных занятий, которыми располагает учитель в современной российской школе. Рассмотрим ещё одно упражнение, в котором отрабатывается орфографический навык употребления Ъ и Ь. Задание требует изменить слова по образцу (*разлить* – *разолью* – *разольёт*), то есть предусматривает умение спрягать подобные глаголы, отсутствующее у ребёнка-инофона. Вариантом решения проблемы может стать трансформация данного упражнения в виде готовых цепочек слов, в которые нужно будет вставать мягкий или твёрдый знак.

Таким образом, анализ учебного текста с точки зрения уровня владения РКИ/РКН позволяет выявить специфические для инофонов сложности, на основании которых учитель принимает решение о корректировке рабочей программы и целесообразности использования материала и/или его трансформации. Упражнение, которое не является трудным для восприятия ребёнком-инофоном, можно дать на уроке без подготовки. В противном случае можно попытаться трансформировать задание, например, выполнить его только в письменной форме и не предлагать читать вслух труднопроизносимые слова, раздать адаптированный текст на отдельных карточках, убрав из него факультативную трудную лексику, и т. п. В случае максимальной сложности упражнения и одновременно его максимальной значимости для усвоения основной программы рекомендуется провести предтекстовую работу, чтобы изучить новую лексику; отработать артикуляционные навыки, грамматические формы или конструкции и т.п. Максимально сложные с точки зрения

восприятия ребенком-инофоном упражнения стоит оценить с точки зрения целесообразности обязательного их включения в ход урока, дать такие задания в качестве домашней или самостоятельной работы русскоговорящим детям и рассмотреть варианты альтернативных заданий для работы в смешанном классе.

Литература

1. Баймурзаева Г. Б. Вопросы языковой адаптации детей мигрантов в современной школе [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2017. Том 4. №4. С. 134–138. URL: [https://psyjournals.ru/files/88806/langpsy_2017_n4\(10\)_Baimurzaeva.pdf](https://psyjournals.ru/files/88806/langpsy_2017_n4(10)_Baimurzaeva.pdf) (дата обращения: 29.05.2018).

2. Ведякова Н. А., Гришина Н. В. Языковая личность иностранного студента в современном образовательном пространстве // Сборник материалов международного конгресса «Россия в международном диалоге». Челябинск: Энциклопедия, 2017. С. 18–24.

3. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение [Электронное издание] / Н. П. Андрушина, Т. В. Козлова. 5-е изд. СПб.: Златоуст, 2015. 80 с.

4. Михеева Т. Б. Специфика обучения русскому языку многонационального контингента учащихся // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85. №6–2. С. 62–68.

5. Редькина О. Ю. Функциональный подход к типологии жанров дидактической коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. №6 (402). Филологические науки. Вып. 106. С. 87–90.

6. Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 / Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова, М. Т. Баранов и др. М.: Просвещение, 2012. 192 с.

EDUCATIONAL TEXT AS THE OBJECT OF PERCEPTION BY MULTICULTURAL AUDIENCE

Vediakova N., Kadnikova G., Chelyabinsk (Russia)

Abstract: today the language and cultural development of migrants and their children in the new social environment is one of the most

important problems in Russian education. These children from post-Soviet countries do not have language level enough for comfortable studying at Russian schools, moreover language and cultural development in their families without communication in Russian is impossible. Such children have to overcome language barrier while studying at school. Furthermore, school textbooks are designed for native speakers causing difficulties for schoolchildren and teachers who have to adjust the educational process themselves. In this regard, researchers consider the potential difficulties in perception of an educational unadapted text by multicultural audience and identify possibilities for solving these problems during interaction of a teacher of Russian, an educational text and multicultural audience.

Ключевые слова: *educational text, multilingual audience, multicultural audience, Russian as a foreign/native/non-native language.*

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Виницкая Н. В., Шабалина Е. П., Бийск (Россия)

Аннотация: *раскрывается формирование интереса к традициям народного декоративно-прикладного искусства, преемственность в народном искусстве через реализацию различных форм в образовательной среде.*

Ключевые слова: *национальная культура, традиции, преемственность, этническая самобытность, образование, формы обучения.*

Формирование толерантности в условиях культурного многообразия – одна из задач современного образования. Разнообразие культур является средством для полноценного интеллектуального, эмоционального, морального и духовного образа жизни людей. Понимание собственной культуры и знание основ других культур являются необходимыми условиями существования в современной обстановке полиэтнических и поликонфессиональных обществ.

Музейная педагогика как одно из направлений современного образовательного процесса соответствует идеи освоения поликультурности современного общества как образовательного пространства с языковым, культурным и духовным полиэтническим разнообразием. Изучение этнических стереотипов было выделено в особую исследовательскую сферу, широко освоенную этнографами, этнологами, культурологами, фольклористами, этнолингвистами. Традиции этнопедагогической культуры как основы видения мира с позиций представителей разных культур на занятиях, проведенных в рамках музейной практики, будут восприняты более органично, и позволят осуществить региональный подход к поликультурному образованию.

Т. И. Агишина в основы музейно-педагогической программы включает: информирование (первичное получение сведений о музее, составе и содержании коллекций); обучение (освоение музейной информации путем передачи и усвоения знаний, приобретение умений и навыков в процессе музейной коммуникации); развитие творческих начал (постижение музейной информации); общение (деловые контакты, связанные с

тематикой музея, содержанием его коллекций); отдых (удовлетворение потребности в отдыхе в музейной среде) [1].

Традиционно в отечественном образовании большое место занимала художественная культура не только как средство эстетического воспитания, но и как носитель большого информационного потенциала. Информационно-познавательная емкость произведений искусства определяется тем, что в них объективируется психологическое и идеологическое состояние интеллектуального, эмоционального и волевого опыта жизни людей, их эмоционально-оценочного отношения к окружающей действительности и к внутреннему миру человека, труднодоступных для других форм социального отражения и духовной жизни. В условиях современного состояния российского образования этот процесс осуществляется не всегда полноценно.

Традицию российской школы необходимо не только сохранять, но и развивать. Шаг за шагом следует в полной мере изучать сокровища художественной культуры своих регионов, практически до сих пор мало востребованные образовательными учреждениями. Осознание необходимости изучения культуры регионов привело не только к появлению учебных дисциплин соответствующей направленности, но и к возникновению музеев при учебных заведениях. Это могут быть оформленные в народном стиле аудитории, небольшие тематические композиции или специально собранные в мини-музее экспонаты, знакомство с которыми не ограничится эстетической функцией.

В условиях разрушения национально-культурной преемственности поколений в семейном воспитании, основная задача приобщения студентов к лучшим образцам национальной культуры возлагается на педагогов. Знание основ культуры региона становится тем более важным, чем более он удален географически от центральных городов и крупных музеев. В этом плане культура Алтая, являясь вариантом российской культуры, может быть интересна не только артефактами, но и в плане осмысления последних в системе взглядов евразийства. Эта теория понимания российского культурного типа как уникального соединения западных и восточных черт, а потому одновременно принадлежащего Западу и Востоку, но в то же время не относящегося ни к тому, ни к другому, жителям Алтая будет близка и понятна.

Разнообразный этнический и конфессиональный состав населения края определил такую черту его культуры как

обостренное чувство национального. Традиции местных племен и народов соседствовали с традициями русских, казахских и немецких переселенцев, приносивших с собой собственный уклад материальной и духовной культуры. Основным источником знаний о принципах воспитания, ценностях и эстетических идеалах, сложившихся в культуре разных народов, его нравственных, религиозно-мифических основах является декоративно-прикладное искусство и устное народное творчество. Развитие художественного вкуса, потребности эстетического суждения, без наличия которого нельзя представить себе специалиста, имеющего свои запросы и свое отношение к искусству, умение сравнивать художественные стили и жанры, соотносить их с определенной исторической эпохой, направлением, национальной школой, необходимо не только студентам художественного профиля. Так, использование музея этнической культуры Алтая в учебном процессе, формирует профессиональную компетентность студентов. Гуманитарные дисциплины позволяют освоить духовный опыт народной культуры, проследить традиции преемственности и взаимосвязи устного народного и профессионального творчества. Занятия декоративно-прикладным творчеством позволят не только шире познакомиться с этнографическими традициями народов, но и осознанно воплотить определенные элементы или предметы декоративно-прикладного искусства этих народов в собственных решениях в проектной или предметной деятельности. Проектный метод обучения как нельзя лучше обозначил необходимость овладения не только основами работы с материалом и этапами создания материального объекта, но и быть компетентным в вопросах эстетики, истории и теории культуры и т.д.

Формирование интереса к традициям народного декоративно-прикладного искусства позволит продолжить линию преемственности в народном искусстве, но реализовываться по причине изменения условий существования современного общества она может уже не в семье, а в образовательной среде. Тем самым требования к профессиональной компетентности и общей эрудиции педагога значительно возрастают. По мнению В. Б. Кошаева, «развернутое знание о народной художественной культуре есть непереносимое условие профессиональной деятельности и профессиональной подготовки специалистов, стремящихся к освоению народного наследия как средства формирования сознания человека» [2, с. 11].

Специфика регионального образования, особенно в полиэтнических и поликонфессиональных регионах, должна с одной стороны опираться на национальный фактор, а, с другой стороны, реализовывать стратегию этнокультурной толерантности в различных формах образования, в учебных предметах, в содержании факультативов. При выборе форм повышения эффективности формирования всесторонне развитой личности в условиях многонационального региона, большое значение имеет знакомство с основами народного творчества, отражающее опыт многих поколений.

Как реакция на тенденции глобализации возобновляется изучение фольклора как источника традиций и художественных достижений в разных видах искусства, направлениях и жанрах. Кроме того, нередко проявляется интерес не к фольклору в целом, а к его проявлениям в рамках определенной локальной традиции. В последнее время большой интерес вызывают исследования, посвященные национальной культуре народов Сибири.

Сохранению культурных традиций в регионе уделяется большое внимание. Доказательством этому служит функционирование сети культурно-просветительских центров и музеев. Только на территории Алтайского края действуют десять государственных и пятьдесят муниципальных музеев. Появляются и новые общественные организации и фонды, поддерживающие национальные традиции. Одним из таких проектов стал фонд «Русский Путь», учрежденный в 2003 году томским предпринимателем Г.М.Павловым. Фонд представляет собой самостоятельную общественную организацию с культурными и просветительскими целями. В рамках фонда был создан первый музей славянской мифологии. Действует «Общество возрождения истории литературы Сибири» в г. Барнауле Алтайского края.

Художественные произведения оказываются своеобразной «памятью культуры». Проблема заключается в изучении механизма сохранения искусством культурных ценностей как по линии фольклора, так и в рамках фольклора «вторичного», то есть преобразованного и переосмысленного в рамках авторского произведения [3, с. 49].

Искусство XX века характеризовалось идеей преемственности через новое видение образов и выразительных средств мифологии и фольклора, способов его переосмысления в контексте новых эстетических взглядов. Национальная специфика может проявляться в культурных феноменах, которые могут

существовать только в форме артефактов. Возможность создания произведений, отличающихся национальным своеобразием художественного языка, и в то же время обращенных к широкой аудитории, привлекала не одно поколение музыкантов, художников, поэтов.

Образно-символическая природа художественного творчества, его воздействие на эмоционально-чувственную сферу личности делает его наиболее эффективным средством воспитательного воздействия на личность. В дальнейшей деятельности по отношению к народному наследию можно выделить несколько форм его использования в музейной практике: копирование изделий народного творчества; изучение техник, технологий, принципов образной системы и создание изделий по мотивам народного искусства; преобразование традиционной художественной формы в современную.

Понимание глубинной связи художественного содержания с социокультурным контекстом является определяющим моментом для мировоззренческой интерпретации произведений искусства в образовательной среде.

Литература

1. Агишина Т. И. Программа начального музейного образования «Мир музея». Елабуга, 1999. 80 с.
2. Кошаев В. Б. Вопросы формирования понятий в науке о народном искусстве. Ижевск: Изд-во Удм. ГУ, 1998. С. 11.
3. Веницкая Н.В., Шабалина Е. П. Формирование общекультурных компетенций студентов на основе историко-культурного наследия Алтайского региона // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2015. №5. С. 48–50.

REALIZATION OF ETHNOCULTURAL TOLERANCE IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Vinitskaya N. V., Shabalina E. P., Biysk (Russia)

Abstract: *formation of interest in traditions of national arts and crafts, continuity in folk art through realization of various forms in the educational environment reveals.*

Key words: *national culture, traditions, continuity, ethnic originality, education, forms of education.*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Волкова Т. Г., Барнаул (Россия)

Аннотация: в работе представлен анализ структуры эмоционального компонента этнической толерантности. Приведено описание основных составляющих структуры эмоционального компонента этнической толерантности в поликультурном образовательном пространстве. Этническая толерантность рассмотрена в контексте уровневого подхода. Выделены составляющие эмоционального компонента этнической толерантности: самопринятие, позитивная этническая идентичность, эмпатия, аффективная толерантность и эмоциональный интеллект. Обозначены функции и характеристики данных феноменов в структуре этнической толерантности образовательного пространства.

Ключевые слова: этническая толерантность, структура эмоционального компонента этнической толерантности.

Современное гражданское общество находится в непрерывной полиэтнической адаптации, в качестве проявлений которой выступает межэтническая напряженность.

Одним из регуляторов, детерминирующих благоприятный характер межэтнических контактов, является этническая толерантность. Этническая толерантность – общепризнанный фактор, обеспечивающий гармонизацию многонационального общества.

Существует большое количество концепций в научной психологии, раскрывающих собственно понятие этнической толерантности: феномен рассматривается сквозь призму устойчивости к различиям (В. Л. Литвинова), способа взаимоотношения с другим (С. Л. Братченко), позитивного образа иной культуры (Н. М. Лебедева, Ф. М. Малхозова), готовности безусловного принятия другого (А. Г. Асмолов), восприятия непохожести индивидуальных картин мира (В. А. Тишков), установочного конструкта, актуализирующегося в новом социокультурном пространстве (Е. И. Шлягина), интегральной характеристики личности (Г. У. Солдатов) и др. Однако, единых концептуальных оснований до сих пор не существует (С. Л. Братченко).

Этническая толерантность исследуется также в контексте профессиональной деятельности педагогов и психологов (О. Н. Недосека, А. В. Науменко, Э. Р. Хакимов и др.), с точки зрения

уровневого подхода и структуры толерантности (Н. Э. Солянин, С. Б. Дагбаева, Г. У. Солдатов, Л. М. Дробижева, и др.), как феномен, имеющий триединую структуру, состоящую из следующих компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого (С. Б. Дагбаева, Ю. П. Ивкова и т.д.).

Другой культурный облик, безусловно, оказывает воздействие на эмоциональную сферу личности, формирует новые переживания, реакции, которые во многом обуславливают характер межкультурной коммуникации. Считаем, что именно эмоциональный компонент этнической толерантности является тем звеном, которое позволит сгладить конфликты в поликультурном обществе. Толерантность здесь будет заключаться именно в принятии данных различий. Активизация аффективного компонента толерантности осуществляется за счет оценки степени важности, а, соответственно, и значимости отличительных характеристик между личностями в процессе их взаимодействия, этим также определяется и диапазон интенсивности реагирования на данные различия.

Эмоциональный компонент этнической толерантности будет являться психологическим отношением между субъектом и объектом толерантности, которое выражается в оценочном реагировании на различия и достижении общего эмоционального основания, за счет составляющих эмоционального компонента. В качестве каркаса для подобного рода отношения служат элементы эмоционального компонента этнической толерантности: самопринятие, позитивная этническая идентичность, эмпатия, аффективная толерантность и эмоциональный интеллект.

Обозначим функции этих компонентов в структуре этнической толерантности образовательного пространства.

Самопринятие является основой для аффективной толерантности, открыто воспринимается человеком как важный факт, относящийся к собственной личности. Значимые составляющие самопринятия – степень его целостности, интегрированности, а также автономности, независимости от внешних оценок. Благодаря целостности своей структуры самопринятие личности помогает ей функционировать и подпитывать свою жизнедеятельность. Самопринятие связано с процессом персонификации, который объединен со стремлением человека быть самим собой, тем самым личность характеризуется «интегрированностью личностных структур, позитивностью, эмпатичностью и конгруэнтностью человека и высокой степенью общей аутентичности человека своей

сущности» [8, с. 11]. Принимая свою личность, индивид определяет комфортные границы своего существования за счет объективизации собственных ресурсов и недостатков, в соответствии с этим правдиво взаимодействует со своими эмоциями.

Позитивная этническая идентичность – личность в контексте межкультурной коммуникации воспринимает другого индивида сквозь призму собственной этнической идентичности [2, 5, 9]. С точки зрения Г. У. Солдатовой, «устойчивость идентичности и ее позитивность – центральные моменты для ощущения группой психологической безопасности и стабильности», оказывают влияние и на отдельных участников этнической группы [9].

Говоря о позитивной этнической идентичности, следует выделить два наиболее важных аспекта: во-первых, она может рассматриваться как фактор, влияющий на стабильную и автономную жизнедеятельность этноса, во-вторых, способствует поддержанию безконфликтных и относительно дружественных межэтнических контактов в поликультурном пространстве.

Сензитивным периодом формирования является подростковый возраст, в юношестве же происходит становление константных очертаний этносознания, далее же возможны его незначительные модификации ввиду политических, социально-экономических и других условий. Во процессе усвоения знаний, умений и навыков будущей профессиональной деятельности и в зависимости от профессиональной направленности обретают очертание определенные аспекты эмоционального интеллекта, этническое самосознание приобретает устойчивую конфигурацию. Затем, если человек реализуется в практической деятельности социального характера, эмоциональный интеллект прогрессирует и становится основой эффективного взаимодействия, в том числе и с представителями другой этнической общности [7].

В образовательном пространстве всегда есть возможность конфликта, который может актуализироваться.

Идентичность личности, в том числе и этническая, подвергается воздействию (расширение социальных контактов, приобретение нового личностного смысла и знаний, возникновение кризисной ситуации и т.д.), соответственно, есть вероятность перестройки этнического самосознания, к которому относятся этноцентризм, этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм, этнонигилизм, в сторону позитивной этнической идентичности. В своей основе данные феномены имеют либо пристрастное и агрессивное отношение к представителям иных

этнических групп, либо размытое представление о своей соотнесенности и принадлежности к какой-либо национальности. В процессе освоения просоциальных компетенций важен заданный позитивный вектор этнической идентичности.

Эмпатия представляет собой процесс, направленный на другую личность, сензитивность в отношении переживаний другой личности, безоценочный отклик на чужие эмоции и чувства, осмысление собственных переживаний, проявление в форме реакции принятия собеседника и его переживаний. Это ресурсная основа личности, благодаря которой становится возможным понимание внутреннего содержания другой личности.

Для межэтнического общения эмпатия является необходимым опосредующим звеном. Она позволяет воспринять и поймать эмоциональные состояния и аффективные ориентации своего собеседника, примерить эту «другую реальность» на себя, осмыслить ее и, в соответствии с этим, признать и принять. Благодаря эмпатии становится возможным настроиться на восприятие другой личности, его картины мира таким образом, что другой уже будет восприниматься не как опасный, враждебный и отличающийся субъект, а как интересный партнер по общению, который может дать потенциальный ресурс для саморазвития, приобретения новых знаний в процессе коммуникации.

Также эмпатия является актуальным инструментом в случае трудностей перевода или же незнания языка собеседника, поскольку в этом случае ориентировка производится в сторону невербальных реакций другого участника коммуникации, а также отслеживания собственных эмоциональных реакций [5].

Аффективная толерантность представляет собой особый вид эмоциональной устойчивости. Отметим два аспекта. Первый состоит в способности выдерживать эмоциональное напряжение, которая реализуется через терпимое отношение к своим негативным переживаниям и отсутствие их подавления или же искажения. Другой аспект связан с терпимым отношением к эмоциям других людей, что дает возможность правильнее понять как собственные эмоциональные процессы, так и чужие без какого-либо проецирования на их счет негативного смысла, что приобретает особую важность в процессе межэтнического взаимодействия [2; 3; 7].

Целостное переживание эмоций не приобретается сразу. Лимитированным является диапазон интенсивности и длительности эмоциональных переживаний, выдерживаемых

человеком. В связи с этим, необходимо обратить внимание на определенную активность, возникающую в случае близости переживания к «границам переносимости». Осуществление подобной деятельности предполагает стратегию избегания или же блокировки сознательной фиксации эмоционального потока информации. Реализация подобного процесса саморегуляции усиливает способность переносить эмоции. Исследователи подчеркивают необходимость комплектации эмоциональных переживаний в комфортной зоне интенсивности, поскольку снижается вероятность возникновения трудностей в плоскости адекватной обработки информации [2; 3; 8].

Важным составляющим инструментом в контексте эмоционального компонента мы выделили эмоциональный интеллект. Это когнитивная способность, отвечающая за переработку эмоциональной информации, имплицитно содержащая в себе отношения личности; регуляцию эмоциональной сферы и фасилитацию процессов мышления [7]. Это осознанная регуляция эмоций, осмысление эмоций, различение и выражение эмоций и их использование для повышения качества мыслительной активности. Данный компонент является залогом эффективного межличностного взаимодействия. Человек является социальным существом, что требует от него усвоения общепринятых в данной культуре форм выражения и понимания индивидуальных проявлений эмоций других людей, с которыми личность непосредственно взаимодействует.

Д. В. Люсин представляет эмоциональный интеллект в качестве совокупности способностей для понимания и управления своими собственными эмоциями и эмоциями, которые принадлежат другим. Компонент понимания собственных эмоций содержит в себе следующие субкомпоненты: диагностирование существования эмоции у себя и другого человека; опознание типа эмоционального переживания и нахождение ему вербального воплощения (также как относительно себя, так и в отношении другого); идентифицирует детерминанты эмоции, а также их возможные следствия. Компонент способности к управлению эмоциями включает: контроль интенсивности эмоционального переживания; контроль экспрессии; продуцирование той или иной эмоции при необходимости [6].

В структуру эмоционального интеллекта, помимо когнитивных, входят и личностные характеристики, которые детерминируют уровень выраженности и индивидуальные

особенности эмоционального интеллекта у личности. Сюда относят: когнитивные способности (скорость и точность переработки эмоциональной информации), представления об эмоциях (как о ценностях – важном источнике информации), особенности эмоциональности (эмоциональная устойчивость, эмоциональная чувствительность и др.) [1, 6].

Анализируя феномен эмоционального интеллекта, можно отметить, что сконструированная модель, функционируя и в межкультурном общении в поликультурной образовательной среде, будет эффективна ввиду постоянной подстройки под собственное эмоциональное состояние и переживания другого.

По нашему мнению, аналогично можно представить эмоциональный компонент этнической толерантности, раскрывающейся на внутриличностном и межличностном уровнях. В первый аспект будут входить: самопринятие, эмоциональная саморегуляция, сосредоточенная в субкомпонентах эмоционального интеллекта и аффективной толерантности. Ко второй категории будут относиться позитивная этническая идентичность, принятие других, эмпатия, некое предвосхищение и контроль чувств и состояний собеседника, принадлежащего к другой национальной общности, благодаря актуализации межличностных подразделений эмоционального интеллекта.

Таким образом, в поликультурном образовательном пространстве безоценочная эмпатия как педагогов, так и обучающихся позволяет найти некоторое единство, является буфером, трансформирующим резкие очертания межкультурной конфликтной ситуации в когнитивной и поведенческой плоскостях, блокируют их на межличностном уровне, самопринятие помогает поддерживать целостность собственной личности, дает возможность гармоничного взаимодействия с другими личностями, в том числе иного этнического происхождения, позитивная этническая идентичность обеспечивает создание уважительных отношений внутри своей группы на уровне межгруппового взаимодействия, аффективная толерантность и эмоциональный интеллект запускают процессы саморегуляции и сокращения дистанции на эмоциональном уровне в контексте межкультурных контактов.

Литература

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // Вопросы психологии. 2006. №3. С.78–86.

2. Братченко С. Л., Миронова М. Р. Личностный рост и его критерии // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1997. С.38–46.
3. Дагбаева С. Б. Структурно-содержательные характеристики этнической толерантности подростков // Фундаментальные исследования. 2012. №11. С. 576–580.
4. Дегтярев А. В. «Эмоциональный интеллект»: становление понятия в психологии// Электронный журнал «Психологическая наука и образование», 2012. №2. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/2/2912.phtml> (дата обращения: 13.12.2017).
5. Лебедева Ю. В. Кросс-культурный анализ феномена эмпатии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2015. №1 (135). С. 169–176.
6. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д. В. Люсин // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования; под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. С. 29–36.
7. Манойлова М. А. Эмоциональный интеллект как фактор развития межэтнической толерантности в образовании // ACTA et commentationes collegii Narovenssis. Tartu Ulikooli Narva Kolledzi toimetised. Narva, 2008. С. 245–250.
8. Орлов А. Б. Личность и сущность: внутреннее и внешнее Я человека // Вопросы психологии. 1995. №2. С. 5–12.
9. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.

EMOTIONAL COMPONENT OF ETHNIC TOLERANCE IN THE POLYCULTURAL EDUCATIONAL SPACE

Volkova T. G., Barnaul (Russia)

Abstract: *the paper presents an analysis of the structure of the emotional component of ethnic tolerance. The main components of the structure of the emotional component of ethnic tolerance in the multicultural educational space are described. Ethnic tolerance is considered in the context of the level approach. The components of the emotional component of ethnic tolerance are singled out: self-acceptance, positive ethnic identity, empathy, affective tolerance and emotional intelligence. The functions and characteristics of these phenomena in the structure of ethnic tolerance of the educational space are indicated.*

Keywords: *ethnic tolerance, the structure of the emotional component of ethnic tolerance.*

ТЕНДЕНЦИЯ ФОЛЬКЛОРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОЛЕВЫХ ИГР И ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Гекман Н. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье представлена краткая характеристика современного обращения молодежи к традиционной народной культуре. Автором поднимается вопрос о трансформации традиционной народной культуры в массовую в контексте досуга молодежи в условиях современной городской среды. Рассматриваются молодежные движения любителей ролевых игр и любителей реконструкции как феномен социально-культурной деятельности. Проанализирована деятельность неформальных объединений как возможность сохранения, трансляции и развития фольклорных традиций в их деятельности. Представлен ряд признаков, который характерен для деятельности клубов любителей ролевых игр и исторической реконструкции. Кратко рассмотрено возникновение и развитие современных ролевых игр как игр драматического действия развлекательного назначения, а также их роль в процессе сохранения, трансляции и развития традиционной народной культуры.

Ключевые слова: фольклор, молодежь, массовая культура, народная культура, досуг, ролевые игры, историческая реконструкция.

Для рубежа XX–XXI вв. одним из самых актуальных явлений стало обращение к традиционной народной культуре. В настоящее время все сферы человеческой жизни так или иначе попадают в поле фольклорной традиции, будь то в современная литература и кинематография, которые используют адаптированные мифологические тексты; музыка вновь обращается к аранжировкам с использованием народных инструментов, да и в целом стало достаточно популярно обращение именно к народной культуре.

Говоря о фольклорном движении России, мы под «фольклором», вслед за В. Е. Гусевым, понимаем «народную культуру (в разном объеме ее видов), социально обусловленную и исторически развивающуюся форму творческой деятельности народа, «характеризующуюся системой специфических признаков (коллективностью творческого процесса как диалектическим единством индивидуального и массового творчества, традиционностью, нефиксированностью форм передачи произведений, вариатив-

ностью, полиэлементностью, полифункциональностью) и тесно связанную с трудовой деятельностью и бытом, обычаями народа» [2].

Обращение к традиционной культуре, попытки ее сохранения, трансляции и адаптации к современным условиям характерны для жителей многих регионов России. Популярным становится и направление, называемое «ролевыми играми», одной из задач которых является воссоздание быта того времени, события которого разыгрываются участниками игры [1]. Молодежное движение любителей ролевых игр – феномен социально-культурной деятельности, принадлежащий исключительно городской культуре. Для исследователя социально-культурной деятельности в этом движении пока больше вопросов, чем ответов. Тем интереснее попытки научного проникновения в закрытый для посторонних мир молодежной ролевой игры [3]. Расцвет отечественной фантастики в 1960-х гг. стал основой для первых организованных групп любителей фантастики. Однако по-настоящему массовым движение клубов любителей фантастики (КЛФ) стало только в начале 1980-х годов.

В 1984 году, во время борьбы с общественными движениями, некоторые КЛФ были закрыты или лишились поддержки библиотек, домов культуры или отделений Общества Книголюбов, которые прежде предоставляли им помещения для проведения заседаний. Именно клубы любителей фантастики стали прообразом современных ролевых игр направления «фэнтези».

В настоящее время подобные сообщества активно используют Интернет для организации различных мероприятий в рамках сообщества, например, ролевых игр, фестивалей и конкурсов косплея, т.е. переодевания в костюмы известных персонажей и изготовления таких костюмов [6]. Любители исторической реконструкции воспроизводят максимально точно на основе изучения исторических документов какое-либо важное событие (военные баталии разных времен, происходившие в данной стране) либо этнокультурный, бытовой уклад мирной жизни определенного периода времени, определенного народа, определенной местности. Это дает возможность участникам этого движения самостоятельно изучить исторический, информационный контекст реконструкции и получить личный опыт «вживания» в событие, воссоздания истории, ее «оживление» в ситуации «здесь и теперь» [3].

Под ролевой игрой понимают игру развлекательного назначения, вид драматического действия, участники которого

действуют в рамках выбранных ими ролей, будь то персонаж литературного, кинематографического произведения, историческая личность или персонаж компьютерной игры. В соответствии с выбранной ролью участники руководствуются характером своего персонажа и внутренней логикой среды действия. На протяжении всей игры они вместе создают сюжет или следуют уже созданному. Действия участников игры считаются успешными или нет в соответствии с принятыми правилами. Игроки могут свободно импровизировать в рамках выбранных правил, определяя направление и исход игры. Таким образом, сам процесс игры представляет собой моделирование группой людей той или иной ситуации. Каждый из них ведет себя, как хочет, играя за своего персонажа. Действие ролевой игры происходит в мире игры, то есть в определенном реальном или придуманном пространстве. Мир игры может выглядеть как угодно, но именно он определяет ход игры. Сюжет, предлагаемый мастером игры, и описываемый им мир составляет основу ролевой игры. Мир может быть полностью придуманным, основываться на каком-нибудь художественном произведении (книге, фильме или пьесе). Достижение цели не обязательно является основной задачей ролевой игры, а в некоторых ролевых играх ее вообще нет [6].

В практике развития ролевых игр, как на Западе, так и в России, выделяются три ветви этого социально-культурного движения: 1) настольные ролевые игры, 2) компьютерные ролевые игры, 3) ролевые игры живого действия, которые со временем дифференцировались на игры исторической реконструкции и активные игры живого действия.

Сохранением и трансляцией традиционной народной культуры занимаются такие представители молодежных неформальных объединений, как клуб любителей ролевых игр г. Барнаула, Омский центр ролевых игр «Форност», московский творческий клуб «Золотые леса»; клубы любителей исторической реконструкции «Ратобор» г. Москва, «Цитадель», г. Омск, клуб «СТЯГЪ» г. Петрозаводск; клубы реконструкции старинного танца «Северная сторона» г. Барнаула, историко-культурный центр «Отражение» г. Новосибирск. Среди российских музыкантов этого направления наиболее известны такие группы как «Мельница», «Темнозорь», «Алевтина» [3].

Особенно важно отметить, что тенденция сохранения, реконструкции и трансляции народной культуры наиболее четко прослеживается среди представителей молодежных

неформальных объединений, в которых народная игра, связанная с различными ритуалами, является одной из составляющих.

Анализируя деятельность перечисленных выше неформальных объединений, мы можем сделать вывод, что сохранение и трансляция фольклорных традиций в их деятельности носят не совсем привычный характер. Воспроизведение быта, элементов (а иногда и всего) костюма, украшений, обрядовых действий, с одной стороны, носит культуροохранительный характер, с другой – превращает культурное наследие в продукт массовой культуры. Так, вольная стилизация элементов народного костюма в деятельности неформальных объединений может способствовать популяризации народной культуры среди молодежи, что, несомненно, является положительным моментом, тем не менее, преобладание эстетической функции над утилитарной и сакральной говорит об утрате этнокультурных ценностей.

Обращаясь к данному выше определению понимания народной культуры, отметим, что для деятельности клубов любителей ролевых игр и исторической реконструкции характерен ряд признаков, заявленных в определении: социальная обусловленность, коллективность творческого процесса, вариативность, полиэлементность и полифункциональность. Тем не менее, отсутствие такого ключевого элемента как связь с жизнью, бытом и обычаями народа не позволяет рассматривать данную деятельность как традиционный способ сохранения народной культуры. А досуговый и/или коммерческий характер данного вида деятельности, отсутствие сакральной составляющей и направленность на массовое потребление позволяют говорить о том, что тенденция фольклоризации все больше приобретает черты массовой культуры.

Подобное рассмотрение тенденции фольклоризации в контексте современной культуры общества подводит нас к вопросу о переходе народной культуры в культуру массовую. Наше исследование не претендует на полноту решения данного вопроса, но дает почву для более подробного исследования этой проблемы. Стоит надеяться, что возросшая актуальность народной культуры не приведет к полному упадку ее сакральной сущности.

Литература

1. Алтайский сайт ролевых игр [Электронный ресурс]. URL: <http://rpg22.ru> (дата обращения: 03.12.2017).

2. Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) и др. Минск: Навука і тэхніка, 1993. 478 с.

3. Гекман Н. А. Теоретические подходы к разработке типологии современных молодежных ролевых игр // Инновационные технологии в гуманитарной сфере: материалы IV международной науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и соискателей. Барнаул: Изд-во АГИК, 2016. С. 28–37.

4. Гусев В. Е. От обряда к народному театру (эволюция святочных игр в покойника) // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Ленинград, 1974. С. 49–59.

5. Гусев В. Е. Русский фольклорный театр XVII-начала XX века. Ленинград: ЛГИТМИК, 1980. 94 с.

6. Оленина Г. В., Гекман Н. А. Программы деятельности любителей ролевых игр: теоретико-практический анализ // Вестник МГУКИ. 2015. № 3(65). С. 130–137.

7. Ромодин А. В. Человек творящий. Музыкант в традиционной культуре. СПб.: Астерион, 2009. 279 с.

FOLKLORIZATION TENDENCY IN THE MODERN CULTURE
(ON THE EXAMPLE OF ACTIVITY OF FANS OF ROLE-PLAYING GAMES
AND HISTORICAL RECONSTRUCTION).

Heckman N. A., Barnaul (Russia)

Abstract: *the short characteristic of the modern appeal of the youth to traditional national culture is presented in article. The author brings up a question of transformation of traditional ethnic culture in mass in the context of leisure of the youth in conditions of the modern urban environment. Youth movements of fans of role-playing games and fans of reconstruction as a phenomenon of welfare activity are considered. Activity of informal associations as a possibility of preservation, translating and development of folklore traditions in their activity is analysed. A number of signs which is characteristic to the activity of clubs of fans of role-playing games and historical reconstruction is presented. Emergence and development of the modern role-playing games as games of drama action of entertaining appointment and their role in the course of preservation also, translating and development of traditional ethnic culture are briefly considered.*

Keywords: *folklore, youth, mass culture, national culture, leisure, role-playing games, historical reconstruction.*

ДОВЕРИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ¹

Горбунова А. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: доверие является одной из ключевых социологических категорий. Межличностное и институциональное доверие часто рассматриваются как факторы экономического развития и роста благосостояния, условия становления гражданского общества, демократических институтов и, в целом, развития интеграционных и стабилизационных процессов в обществе. В то время как недоверие выступает в качестве препятствия для осуществления социальной активности граждан, способствующего отстранению людей от участия в общественно-политической жизни. Социологические исследования показателей доверия различным социальным группам и организациям в контексте развития гражданского общества позволяют получать представления о ключевых проблемах и перспективах, существующих в данной области.

Ключевые слова: доверие, межличностное доверие, институциональное доверие, социальный капитал, гражданское общество, общественные организации.

В настоящее время проблема доверия как одна из центральных социологических категорий активно разрабатывается в рамках теории социального капитала. Как отмечает П. М. Козырева, доверие и социальный капитал часто анализируются как взаимодополняемые и тесно связанные, поскольку, с одной стороны социальный капитал предстает как некий потенциал общественного взаимодействия, являющийся результатом достигнутого доверия между членами общества, с другой – достигнутый уровень доверия выступает выражением накопленного запаса социального капитала [2, с. 44]. Более того, достаточно часто доверие рассматривается как основная составляющая такого капитала. Так, А. Н. Татарко и Н. М. Лебедева указывают на то, что доверие выступает ядром социального капитала общества, поскольку оно способно накапливаться как на личностном, так и на социальном уровнях. Подобное накопление успешного опыта социальных

¹ Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ №17-33-00049 «Институциональное и межличностное доверие как социальный капитал развития гражданского общества в современной России» (2017–2019).

взаимодействий и формирует особый социальный ресурс [6]. В рамках данного подхода, как правило, анализируются такие ключевые темы, как взаимосвязь доверия и показателей экономического развития. Например, Н.Я.Калужнова, рассматривая корреляцию между индексами доверия и конкурентоспособностью отдельных стран, приходит к выводу о наличии связи между показателями экономики и уровнем доверия в стране [1]. В свою очередь А.Н.Татарко на основе исследований генерализованного доверия, доверия людям другой национальности и вероисповедания приходит к выводу, что доверие взаимосвязано с такими показателями социально-экономического развития различных стран как ВВП, гражданские свободы, политические права, качество национальной бизнес-среды, экономическая свобода и демократия [5].

По признанию многих авторов доверие также выступает важным элементом формирования гражданского общества в современной России. Так, отмечается, что высокие показатели доверия положительно коррелируют с социальной активностью граждан, их вовлеченностью в работу общественных организаций [3–4].

Для исследования современного состояния гражданского общества и показателей доверия был проведен анализ данных, полученных в рамках исследования «Институциональное и межличностное доверие как социальный капитал развития гражданского общества в современной России». В ходе социологического опроса населения оценивалась степень доверия отдельным людям, социальным группам и институтам общества, а также были получены оценки развития гражданского общества. Выборку исследования составили 2400 респондентов из шести регионов России (Алтайский край, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Кемеровская, Омская и Оренбургская области).

В исследовании респондентам предлагалось оценить ряд утверждений, характеризующих условия для развития гражданского общества в регионе проживания. Оценка данных условий осуществлялась по шкале от 1 (наименее выражено) до 10 (наиболее выражено). В целом по выборке наблюдаются максимально высокие средние значения по таким показателям как терпимость к вероисповеданию, к лицам других конфессий (6,10) и терпимость к лицам других национальностей (6,16). При этом данные показатели выше в таких регионах как Омская область (7,30 и 7,51 соответственно) и Кемеровская область (6,81 по каждому показателю). Минимальные значения терпимости в обществе отмечаются в Забайкальском крае, там средние значения данных индикаторов составляют 5,09 и 5,04 соответственно.

Несмотря на то, что уровень доверия средствам массовой информации достаточно низок, респонденты достаточно высоко оценивают объективность освещения проблем общества в средствах массовой информации (5,06) (максимальные значения по данному показателю отмечаются в Оренбургской области (5,73), минимальные – Забайкальском крае (4,49).

Более высокие значения характерны и для таких условий как разграничение полномочий между федеральным центром и регионами (5,02) и эффективность предоставления услуг в сфере культуры, образования и здравоохранения (5,02). Выраженность этих условий выше в Еврейской автономной области (5,50 и 5,57 соответственно) и Оренбургской области (5,53 и 5,50 соответственно) и ниже – в Забайкальском крае (4,14 и 4,42 соответственно).

При этом, несмотря на высокие оценки предоставления услуг в сфере культуры, образования и здравоохранения, конкретные меры по обеспечению равного доступа к образованию и справедливого доступа к медицинскому обслуживанию респонденты оценивают несколько ниже (4,49 и 4,69 соответственно). Равный доступ к образованию выше оценивается жителями Оренбургской области и Еврейской автономной области (5,66 и 5,59 соответственно), в то время как в Забайкальском крае и Кемеровской области средние значения выраженности данных условий минимальны (4,42 и 4,44 соответственно). Средние значения оценки справедливого доступа к медицинскому обслуживанию, в свою очередь, выше в Оренбургской области (5,71) и ниже в Забайкальском крае (3,86).

Наличие такого условия развития гражданского общества, как проведение свободных и честных выборов оценивается жителями опрошенных регионов на уровне 4,99. При этом утверждения, согласно которым партии выступают реальным инструментом формирования власти и лоббирования общественных интересов, а законодательная власть создает законы, защищающие права и интересы избирателей, оцениваются несколько ниже, их средние оценки составляют 4,63. Средние значения данных показателей выше в Оренбургской области и Еврейской автономной области.

Наряду с тем, что жители опрошенных регионов согласны с эффективностью разграничения полномочий федеральных и региональных органов государственной власти, респонденты также высоко оценивают утверждение, согласно которому местное самоуправление – власть, имеющая полномочия и

средства их осуществления (4,85). Однако более конкретные индикаторы, а именно – наличие эффективной системы управления регионом и успешность разрешения возникающих конфликтов в регионе, получили более скромную поддержку (4,40 и 4,42 соответственно). Средние значения по этим показателям выше в Еврейской автономной области и Кемеровской области, минимальные – в Забайкальском крае.

Среди полномочий органов исполнительной власти респонденты выше оценивают функции по реализации надзора и контроля (4,83), несколько ниже – эффективность управления госимуществом и контроль за соблюдением законов (4,71 и 4,72 соответственно). Своего максимума данные оценки достигают в Еврейской автономной области (5,56, 5,46 и 5,47 соответственно). Что касается минимальных оценок, то функции по осуществлению надзора и контроля в целом невысоко оценивают в Забайкальском крае, Кемеровской и Омской областях (4,49, 4,44 и 4,47 соответственно), контроль за соблюдением законов – в Забайкальском крае и Кемеровской области (4,32 и 4,37 соответственно), эффективность управления госимуществом – в Омской области (4,18).

На уровне 4,7 также находятся средние значения оценки деятельности судов, которые в целом выше в Еврейской автономной области (5,46), а минимальны в Забайкальском крае и Кемеровской области (4,28 и 4,27 соответственно).

Что касается непосредственно деятельности гражданских ассоциаций и поддержки общественных инициатив, то условия для их реализации оцениваются значительно ниже. Так, средние оценки утверждения «некоммерческий сектор качественно развит, некоммерческие организации реально предоставляют социальные услуги населению и проводят общественную экспертизу» составляют 4,53. Еще ниже оценивается эффективность и публичность диалога государства и общества при принятии значимых решений (4,47), оценка деятельности органов власти с учетом общественного мнения (4,45) и поддержка гражданских инициатив (4,42). Средние оценки деятельности некоммерческих организаций выше в Оренбургской области, по остальным показателям лидирует Еврейская автономная область, минимальны значения данных показателей в Забайкальском крае.

Наименее выражены, по мнению респондентов, такие условия развития гражданского общества, как деятельность профсоюзных организаций, связанная с защитой интересов наемных

работников, формирование экономики, направленной на обеспечение равных возможностей и гарантий, а также противодействие коррупции (4,29, 4,38 и 4,03 соответственно).

Отметим, что уровень доверия отдельным общественным организациям и объединениям при этом находится на достаточно низком уровне. Так, наибольшим доверием среди населения пользуются Русская православная церковь (37,8% доверяют данной организации), общественные и благотворительные организации, общества защиты прав потребителей (29,2%, 28,6% и 29,4% соответственно). Несколько реже население доверяет правозащитным организациям (20,9%) и национально-культурным объединениям (18,0%), еще реже – средствам массовой информации, этническим диаспорам и ТСЖ (14,0%, 12,5% и 11,8% соответственно). Наименьший уровень доверия опрошенные демонстрируют по отношению к политическим партиям (9,5%). Следует отметить, что уровень доверия общественным организациям и объединениям в целом выше в таких регионах как Еврейская автономная область, Оренбургская область и Кемеровская область и ниже – в Омской области и Забайкальском крае.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что в настоящее время в регионах, по мнению населения, в большей степени созданы условия, связанные с деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, нежели функционирования гражданских институтов и организаций. Что касается межрегиональных различий, то в целом условия развития гражданского общества выше оцениваются жителями Еврейской автономной области и Оренбургской области, в то время как минимальные средние значения по большинству показателей получены в Забайкальском крае. Уровень доверия данным объединениям также находится на невысоком уровне. Однако, именно в тех регионах, где наблюдается более высокий уровень доверия отдельным общественным организациям и объединениям, наблюдаются и более высокие оценки выраженности условий для их функционирования. Что позволяет говорить о том, что доверие может выступать одним из главных элементов развития гражданского общества.

Литература

1. Калужнова Н. Я. Экономика недоверия (институт доверия и его роль в конкурентоспособности регионов) // Экономика региона. 2014. №1. С. 56–65.

2. Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. №1. С. 43–54.

3. Максимова С. Г., Морковкина А. Г. Межличностное и институциональное доверие как показатели формирования гражданского общества в различных по социально-экономическому развитию субъектах Российской Федерации // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 9 (143). С. 184–191.

4. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Суртаева О. Е. Институциональное доверие и развитие гражданского общества // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. №6 (152). С. 185–189.

5. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Варава В.В., Дубова Т.Г. Современные реалии социальной безопасности регионального социума // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №2–1 (66). С. 187-190.

6. Татарко А. Н. Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития // Социальная психология и общество. 2014. №3. С. 28–41.

7. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Социальный капитал: теория и психологические исследования: монография. М.: РУДН, 2009. 233 с.

TRUST AS AN ELEMENT OF THE FORMATION OF THE CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN REGIONS

Gorbunova A. A., Barnaul (Russia)

Abstract: *trust is one of the key sociological categories. Interpersonal and institutional trust is often seen as a factor of economic development and welfare growth, a condition for the formation of the civil society, democratic institutes, and the development of integration and stabilization processes in society. While mistrust acts as an obstacle to the development of social activity of citizens, contributing to the exclusion of people from participation in public and political life. Sociological research of indicators of trust to various social groups and organizations in the context of the development of the civil society provides insight into key problems and perspectives in the field.*

Keywords: *trust, interpersonal trust, institutional trust, social capital, civil society, public organizations.*

К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК СРЕДСТВА СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Дедюшина Е. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье поднимаются вопросы, касающиеся сохранения и развития традиционной народной культуры не только в России, но и в Алтайском крае, в частности. Автор рассматривает педагогический потенциал декоративно-прикладного творчества, социально-педагогическую значимость сохранения и развития этнокультурных традиций средствами декоративно-прикладного творчества. Необходимость реализации поставленной научной проблемы и отсутствие современных научно обоснованных технологий в теории, методике и организации социально-культурной деятельности обусловили актуальность выбранной автором темы. Таким образом, актуальность темы данной статьи обусловлена противоречиями между: существующей общественной потребностью в сохранении и развитии этнокультурных традиций и недостаточной мерой ее реализации в структуре досуговой деятельности учащихся учреждений дополнительного образования; значительным педагогическим потенциалом декоративно-прикладного творчества как средства сохранения этнокультурных традиций и недостаточной мерой его использования в деятельности учреждений социально-культурной сферы.

Ключевые слова: культура, традиционная культура, декоративно-прикладное творчество, этнокультурные традиции, педагогический потенциал.

Традиционная культура – важнейшая составляющая духовного и культурного пространства любого народа, основа формирования национального самосознания. Это широкое понятие включает народные традиции, национальные особенности духовного уклада того или иного этноса, обряды, ритуалы, праздники, ремесла. Оно подразумевает также занятия сотен тысяч людей любительским творчеством в его традиционных формах – народной песней, музыкой, танцем, театром, поэзией, декоративно-прикладным творчеством.

Невозможно представить себе культуру России без народного искусства. Оно раскрывает исконные истоки духовной жизни русского народа, наглядно демонстрирует его моральные,

эстетические ценности, художественные вкусы и является частью его истории. Традиционная народная культура является глубинной основой всего многообразия направлений, видов и форм культуры современного общества. На основе традиционности закрепляется весь опыт практической деятельности человеческого сообщества и формируются важнейшие этнические идеалы, моральные принципы и нравственные установки, регулируются нормы социальных отношений. Вытеснение народных традиций на периферию культурных процессов грозит разрушением самобытности и, как следствие, размыванием и утратой у подрастающих поколений национальной идентичности.

Возрождение фольклорной традиции затрагивает все сферы человеческой жизни. В XX–XXI веке тенденция фольклоризации приобретает значительно большие масштабы: проявляется в музыке, литературе, кинематографии, модной индустрии. В настоящее время, с развитием современных технологий, общество нуждается в творческих, смелых, инициативных личностях. Этот прогресс зависит от количества и качества творчески развитых умов, от их способности повысить интеллектуальный потенциал народа. Не случайным явлением современной социокультурной ситуации становится обращение к феномену традиционной культуры, социально-педагогический потенциал которой выражается в способности содействовать становлению личности через трансляцию духовных ценностей и социального опыта, национально-культурной самоидентификации и реализации человеческих возможностей.

При разработке путей сохранения и развития этнокультурных традиций большое значение имеет декоративно-прикладное творчество, впитавшее в себя опыт, мудрость и талант многих поколений, накопленный на протяжении веков и даже тысячелетий. Декоративно-прикладное творчество играет большую роль и в развитии способностей личности. Оно благотворно воздействует на раскрытие творческого потенциала, обогащает эмоциональный и практический опыт, развивает психику, формирует интеллект, способствует воспитанию эстетических потребностей, ведет к накоплению профессиональных навыков и умений, развитию природных задатков детей, способствует самоидентификации ребенка, развивает чувство любви к родной культуре. Народное творчество корнями уходит в прошлое, является ценным наследием национальной культуры. В наши дни народные ремесла и

художественные промыслы – основа и неиссякаемый источник мудрости, доброты и талантов.

Однако сегодня педагогический потенциал декоративно-прикладного творчества как средства сохранения и развития этнокультурных традиций не используется в полной мере как в практике учреждений дополнительного образования, так и в сфере культурно-досуговой деятельности. В современном образовании недооценивается роль преемственности этнокультурных традиций; проблема их сохранения и развития средствами декоративно-прикладного творчества не получила должного освещения в литературе, посвященной вопросам совершенствования учебно-воспитательного процесса в учреждениях социально-культурной сферы, включая учреждения дополнительного образования. Проблема, описываемая автором данной статьи, заключается в необходимости выявления комплекса организационно-педагогических условий сохранения и развития этнокультурных традиций средствами декоративно-прикладного творчества, что, конечно же, не может быть решено в рамках одной работы, однако обращает нас к необходимости более подробного рассмотрения сложившейся ситуации.

Социально-педагогическая значимость сохранения и развития этнокультурных традиций средствами декоративно-прикладного творчества, необходимость реализации поставленной научной проблемы и отсутствие современных научно обоснованных технологий в теории, методике и организации социально-культурной деятельности обуславливают обращение к данной проблеме. Важную роль народного декоративно-прикладного творчества в воспитании детей отмечали искусствоведы, исследователи детского изобразительного творчества (А. В. Бакушинский, Т. Я. Шпикалова и другие). По их мнению, ознакомление с произведениями народного декоративно-прикладного творчества побуждает в детях первые яркие представления о Родине, ее культуре, способствует воспитанию патриотических чувств.

Так, например, в ремеслах Алтая прослеживается связь обучения и воспитания с жизнью, они содействуют осуществлению всестороннего роста и развития творческих способностей учащихся, их нравственному, эстетическому и трудовому воспитанию. Кроме того, современные изделия народных художественных промыслов сохраняют этническую

специфику, связанную с передачей традиций художественного мастерства, сложившегося в рамках соответствующего этноса [2].

В то же время, следует отметить, что сегодня промыслы, в силу определенных причин находятся в катастрофическом состоянии. На протяжении длительного времени сокращаются объемы производства изделий, численность народных мастеров и художников. Устаревшие технологии, полное отсутствие инфраструктуры сбыта изделий, как следствие, минимальная заработная плата (значительно ниже средней по стране), невозможность участия в выставочной деятельности как внутри страны, так и за рубежом, не обеспечивают необходимого развития творческих коллективов. Особенно тревожит то, что прекращается преемственность художественного мастерства поколений, передающих традиционные навыки и секреты технологий молодым мастерам.

Актуальность сохранения народных промыслов и необходимость разработки мер их государственной поддержки неоднократно подчеркивались высшими руководителями страны. В целом в развитии законодательства в сфере культуры за последние годы произошли значительные изменения. Можно говорить об определенном прогрессе, чему способствовала активная деятельность соответствующих комитетов Государственной Думы. Что касается общего состояния законодательства непосредственно в сфере культуры, то здесь картина представляется следующей.

Главным в этой области стал Закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», утвержденный Верховным Советом Российской Федерации 9 октября 1992 года №3612-1 [4]. С 15 января 1999 года вступил в действие Федеральный закон от 6 января 1999 года №7-ФЗ «О народных художественных промыслах» [3], призванный способствовать решению важной государственной задачи сохранения, возрождения и развития этого подлинного достояния России, одной из важных форм народного творчества. Согласно закону органы государственной власти Российской Федерации, ее субъекты принимают целевые программы, способствуют осуществлению инвестиционных проектов, устанавливают льготы по налогам и тарифам на продукцию и услуги естественных монополий, а также порядок заготовки и приобретения сырья и материалов, подлежащих учету и охране, осуществляют меры по поддержке посредством бюджетных кредитов, содействуют обучению и подготовке работников. Кроме перечисленных

законов, отношения в области культуры, затрагивающие вопросы деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также организаций и учреждений культуры, охраны сохранения культурного наследия, социального обеспечения работников сферы культуры находят свое отражение и в целом ряде других законодательных актов Российской Федерации.

Начиная с 2005 года наметились положительные тенденции темпов роста производства изделий народных художественных промыслов. В 2008 году произведено изделий народных художественных промыслов в фактических ценах (без НДС и акцизов) на сумму 4,04 млрд. рублей, в том числе изделий признанного художественного достоинства – на 1,19 млрд. рублей. Для обеспечения деятельности организаций народных художественных промыслов в 2008 году Министерством промышленности и торговли Российской Федерации проделана серьезная работа в этом направлении.

Народные художественные промыслы в нашей стране разнообразны по своей продукции, используемому материалу, применяемой технике и технологии. Наиболее распространены ручное ткачество и роспись тканей, художественная строчка и вышивка, кружевоплетение, ковроделие, резьба и роспись по дереву, художественное гончарство, резьба по кости, обработка мягкого камня, художественная обработка металла, лаковая миниатюра и т.д. Эти промыслы развиты в разных районах страны, но каждый из них имеет свой центр, наиболее известный и характеризующийся относительно большими размерами производства и значительным числом занятых.

Русским ремесленным традициям на Алтае более двух веков. Они возникали и развивались по мере освоения и заселения обширной территории края российскими поселенцами. Первоначально любое ремесло представляло собой домашнее производство необходимых в быту предметов и материалов. Поскольку вплоть до начала XX века хозяйство было преимущественно натуральным, в каждом селении и в каждой семье имелись мастера, способные срубить дом, изготовить глиняный горшок или выткать льняное полотно. При этом большое значение имели не только практическое назначение и функциональность, но и эстетическая сторона предмета. Стремление украсить свое жилище, орудия труда, повседневную утварь создавало ту особую эстетику народного быта, которая и

определяла уникальные черты старожильческой культурной традиции.

В Алтайском крае соединились традиции многих народов. Наиболее распространенными видами народных художественных промыслов в крае являются художественная обработка камня и металла, резьба по дереву, кружевоплетение, вышивка, изготовление изделий из керамики, бересты и другие. Художественные произведения мастеров Алтая украшают залы многих музеев мира. Славные традиции мастеров художественных промыслов и ремесел сохранились и развиваются в наши дни. В настоящее время спектр народных ремесел стал значительно богаче, нежели упомянутые направления. В народном искусстве алтайские мастера достигали высокого совершенства в деревянной резьбе, кузнечном мастерстве и гончарном искусстве.

С целью пропаганды народных ремесел предлагается сформировать соответствующую инфраструктуру с Губернаторским Центром развития народных художественных промыслов, который будет располагаться на базе ОЭЗ «Бирюзовая Катунь» в «Центре Рериха». Поддерживая народные художественные промыслы, мы сможем сохранить для последующих поколений все лучшее, что было накоплено нашими предками.

Л. С. Вагинова в своем исследовании, посвященном изучению традиционной народной культуры, отмечает: «Традиционная культура – это социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. Она включает в себя материальные и духовные ценности, а также процессы и способы культурного наследования» [1].

В настоящее время необходимо сохранить культурно-исторические традиции. Проводимая в крае работа по сохранению и развитию традиционной культуры способствовала привлечению внимания общества к проблемам народной культуры, введению ее элементов в современную жизнь, росту числа участников клубных формирований, занимающихся сохранением народных традиций. Одной из основных мер государственной поддержки организаций народных художественных промыслов должна стать политика государственного заказа при реализации изделий признанного художественного достоинства. Необходимо проработать нормативные документы, которые заставляли бы ориентироваться на удовлетворение государственного спроса за счет брендированной продукции промыслов, при этом перечень брендов должен быть

утвержден. Таким образом, гарантом сбыта изделий признанного художественного достоинства, используемых для создания подарочного фонда, а также для реализации этих изделий на крупных выставочных площадках в России и за рубежом, должно стать государство.

На федеральном и региональном уровнях могут быть и другие преференции, направленные на поддержку и развитие народных промыслов, но и для самих промыслов должны быть разработаны четкие критерии их значимости.

Наметившиеся тенденции развития законодательства в социально-культурной сфере высветили и проблемы, связанные с реализацией уже принятого законодательства и разработкой проектов новых законов. Так принятые за последние годы правовые нормативные акты не в полной мере регламентируют публичные отношения социально-культурной сферы. Обновление законодательства после принятия Конституции Российской Федерации идет, но не настолько интенсивно, чтобы решить все проблемы. Этот процесс сдерживается нечеткостью разграничения предметов ведения федерации и ее субъектов, отсутствием единства в подходах к решению главных задач по охране и защите прав человека, реализации возможностей по возрождению и развитию национальных культур, языка, самобытности наций и народностей.

Литература

1. Вагинова Л. С. Теоретические основания изучения традиционной и народной культуры региона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-7-2012/culture/vaginova.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).
2. Шпикалова Т. Я. Декоративное творчество школьника и художественные народные промыслы. Москва, 1973. 102 с.
3. О народных художественных промыслах: Федеральный закон №7-ФЗ от 6.01.1999. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21497/ (дата обращения: 15.11.2017).
4. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон РФ № 3612-1 от 9.10.1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 12.11.2017).

TO THE QUESTION OF THE PEDAGOGICAL POTENTIAL
OF DECORATIVE AND APPLIED CREATIVITY AS A MEANS OF
PRESERVING AND DEVELOPING ETHNOCULTURAL TRADITIONS

Dedyushina E. V., Barnaul (Russia)

Abstract: *in article the questions concerning saving and development of traditional national culture not only in Russia, but also in Altai Krai, in particular, are examined. The author considers the pedagogical potential of arts and crafts creativity, the social and pedagogical significance of saving and development of ethnocultural traditions by means of arts and crafts creativity, need of implementation of the delivered scientific problem and absence of the modern evidence-based technologies in the theory, to a technique and the organization of welfare activities caused relevance of the subject selected by the author. Thus, the relevance of a subject of this article is caused by contradictions between: the existing public need for saving and development of ethnocultural traditions and an insufficient measure of its implementation for structure of leisure activities of pupils at institutions of additional education; the considerable pedagogical potential of arts and crafts creativity as means of maintaining ethnocultural traditions and an insufficient measure of its use in activities of institutions of the social-cultural sphere.*

Keywords: *culture, traditional culture, arts and crafts creativity, ethnocultural traditions, pedagogical potential.*

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В КАЗАХСТАНЕ

Жакупова Э. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье описываются особенности казахской педагогики, история формирования и развитие педагогической мысли в Казахстане. Изучение педагогических мыслей в первую очередь обогащает духовность посредством педагогического анализа источников казахской педагогики – аль-Фараби, Д. Баласагуни, М. Кашкари и др; во-вторых, анализ работ показывает, что духовная преемственность служит для сохранения целостности культуры и педагогической системы; в-третьих, педагогическая мысль выдающихся ученых укрепляют преемственность поколений в контексте гуманизации общества, помогая оценить систему педагогического мышления с точки зрения требований развития цивилизации, и делают казахскую педагогику уникальной.

Ключевые слова: казахская педагогика, педагогическая мысль, знания, образование, воспитание.

Сегодня в рамках модернизации общественного сознания в Казахстане актуальным является пересмотр и переоценка народного наследия в сфере культуры, литературы, науки и в том числе педагогики. Уникальной особенностью казахской педагогики является наследие богатого народного педагогического наследия, которое подчеркивает человечность и разумность, высокие моральные и человеческие ценности. Казахская педагогика способствует укреплению национальной идентичности, самобытности, подчеркивает свое тюркское происхождение. Казахскую педагогику можно рассматривать как часть национальной истории или национального сознания.

Казахская педагогическая наука сформировалась на основе национальной практики, которая прошла столетия обучения и воспитания молодого поколения и развилась. Прогрессивные идеи в народной педагогике рождались и передавались из поколения в поколение, неся в себе дух казахского народа, традиции национального образования. Педагогические ценности вновь возрождаются, переоценивается содержание предыдущих теорий, и формируются новые подходы и тенденции в образовании.

Зарождение первых педагогических идей для всех народов тюркских народов происходит из VI–IX веков. Памятники Культегину и Таныкоку имеют большое значение для воспитания молодежи. Эти памятники содержат ценные педагогические идеи, отражающие мировоззрение и мифические мысли, а также нравственный образ человека. Главная мысль памятников, – служить людям, служить своей стране, сохранять единство народа и воспитывать сознательных граждан. Образы Культегина и Таныкока выражают интеллект, героизм, гениальность, трудолюбие, честность, настойчивость [4, с. 12].

Развитие первых педагогических идей тюркских народов связано с Коркытом. Книга Коркыта Ата рассказывает о героизме воина, мудрости аксакалов, содержит много великих афоризмов, крылатых слов и учений [4, с. 17].

Всемирно известный мыслитель, ученый Абу Наср аль-Фараби, ставший «вторым учителем» после Аристотеля, сыграл важную роль в реализации универсальных идей образования поколений в истории человечества.

Согласно аль-Фараби, настоящий учитель – единственный, кто не сбивается с пути, кто много знает, и с кем нельзя сравниться по силе разума и воли. Только учитель с такими чертами может служить примером для ученика и повести народ за собой.

Фараби высоко ценил учителя, который воспитывает молодое поколение и обучает труду. Поскольку труд – это единственное, что отличает человека от животного, он особое внимание уделял трудовому воспитанию и развитию трудолюбия. Педагогическое мастерство учителя – это не только его грамотность и всесторонность, но еще и умение убеждать учащихся.

Великий учитель говорил, что обучение нужно начинать с воспитания, так как не воспитанный человек – это враг всему человечеству. Аль-Фараби рассматривал обучение как теоретическую благотворительность, а воспитание как благотворительность через творчество. Если же обучение происходит через слово, то воспитание – через взаимодействие людей и социума. Образование является единственным путем к счастью. Воспитание – это осознанная деятельность с целью формирования нравственности, поведения, освоения творчества. Учитель рассматривал обучение и воспитание как целостный процесс.

Аль-Фараби в своих трудах описывал трудовое, эстетическое, физическое, гуманное, патриотическое, интернациональное

музыкальное направления воспитания. Великий ученый предложил использовать методы упражнения, практики, убеждения, подражания, примера с использованием мягкого и жесткого стилей. По мнению ученого не существует человека, неподдающегося воспитанию, коррекции и изменениям.

Еще один аспект, который рассматривал аль-Фараби, это взаимоотношения педагога с учеником, и тот, кто найдет оптимальные методы общения с учащимися, будет мастером.

В трудах великого учителя IX века можно встретить такие педагогические категории как «обучение», «образование», которые есть и в современной дидактике. Им были описаны принципы наглядности, системности, последовательности, понятности в обучении.

Педагогические идеи Аль-Фараби объединяют методологические, философские, и методические вопросы.

Прогрессивные взгляды аль-Фараби нашли свое отражение и в педагогике XXI века [2, с. 50].

Тюркский мыслитель и поэт XI века Юсиф Баласагуни в работе «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание») рассматривал важные вопросы образования, педагогики, дидактики, теории формирования личности, воспитание нравственного, эстетического, физического. Баласагуни утверждал, что знание, которое приносит счастье каждому, воспитание, способствуют человечеству в формировании гражданской идентичности, честности и духовном просветлении на протяжении веков.

В поэме Ю. Баласагуни определяет структуру педагогики как процесс совместной работы, проводимой под руководством учителя (преподавателя), направленный на развитие учебного процесса ученика (ученика) и в культивировании духовного богатства и подготовке к труду и общественной жизни. Знание – жемчужина, это свет в темноте, это единственное, чего человек не может лишиться, и что у него не украдут.

Ю. Баласагуни считал, что суть знания определяется как душой, так и разумом, то есть знания являются духовным сокровищем, которое зависит от поиска человека и работы ума. Образование – это источник всего добра. Образование и обучение способствуют формированию человеческих ценностей. Образование у людей является единственным источником знаний, а знание – единственный путь к счастью. Содержание образования, по мнению Баласагуни, – это приобретение и систематическое воспитание людей, формирование навыков и

способностей, развитие ума и чувств, формирование взглядов через познание. Учение Баласагуни основано на идее воспитания человеческой доброты через четыре принципа воспитания – справедливость, богатство, понимание, удовлетворение. Педагогические идеи Ю. Баласагуни являются ценными и сегодня, особенно в рамках реализации программы Модернизации общественного сознания [3, с. 85].

Формирование педагогических идей связано с именем ученого, мудрого учителя Махмуда Кашгара и его трудом «Словарь тюркских языков». Данная работа посвящена не только лингвистическим исследованиям и является не только словарем, но рассматривает опыт в воспитании поколений. Основой педагогической концепции М. Кашкари является теория обучения, образование, преподавание, интерпретация, содержание, принципы преподавания, методы и инструменты обучения. Образование является накоплением опыта, а обучение – результат лидерства учителя, который определяет полное развитие человека, приобретение знаний, навыков и способностей [4, с. 90].

Шокан Уалиханов – первый ученный, который поднял вопрос об образовании в степи. Он был первым исследователем казахских традиций и обычаев, фольклора, эпосов, народной музыки, национальных музыкальных инструментов.

Его особенностью является то, что, исследуя казахскую культуру, он также изучал русскую и западную культуры. За свои 30 коротких лет жизни он оставил след в истории, географии, литературе, этнографии и других науках [3, с. 120].

Ыбрай Алтынсарин – первый педагог в степи, поэт, писатель, просветитель, общественный деятель и гордость нации. Именно его наследие о реформах в образовании, просвещении, национальных ориентирах можно увидеть и в современной казахской педагогике. Он открыл первую казахскую школу в степи, заложил основы казахской детской литературы, и стал учителем учителей. Он воспринимал просвещение народа, обучение казахских детей как свой жизненный долг. И на это он потратил тридцать лет своей жизни.

В 1864 году он открыл первую казахскую начальную школу. В период с 1879 по 1883 гг. в Торгайском уезде были открыты еще четыре школы. В 1883 году в Торгае была открыта школа искусства. Это была первая школа технического направления в казахской степи. Ы. Алтынсарин был также борцом за женские права, и в 1887 году в Ырғызе он открывает первую женскую гимназию.

В связи с увеличением количества школ возникает острая необходимость в подготовке педагогических кадров. В 1881 г. в Омске он открывает первую педагогическую школу. По мнению Ы. Алтынсарина, самое главное в обучении – это личность учителя.

Алтынсарин занимался не только делами школ, он также является автором учебников и учебно-методических пособий. Из под его пера вышли «Казахская хрестоматия» и «Начальное руководство к обучению казахов русскому языку». В этих трудах он умело считал собственные литературные произведения с педагогической деятельностью.

Он пропагандировал важность знаний и образования и призывал молодежь учиться. Его стих «Кел балалар оқыйық» является лозунгом для детей и сегодня.

Дитя, когда учиться станешь ты,
То знание средь полной темноты
Светлее ламп осветит путь тебе,
И станут явью все твои мечты.

А для учебника «Казахская хрестоматия» он сам сочинял басни, сказки и притчи с целью привития нравственности, человечности и патриотизма.

Таким образом, Ы. Алтынсарин заложил основы современной казахской школы и педагогики. Он является основоположником методики обучения в казахских школах [4, с. 140].

Великий Абай также уделял внимание воспитанию молодежи. Через свои стихи и слова назидания он призывал молодое поколение к вежливости, дружелюбию, красноречию, сохранению чести, трудолюбию.

Каждое слово назидания – это педагогическая теория. 15-е, 17-е, 23-е, 29-е и 32-е слова назидания посвящены вопросам воспитания. Во втором слове назидания Абай говорил, что, прежде всего, нужно воспитать в ребенке трудолюбие. В третьем слове назидания Абай призывает всех изучать историю народа и избавиться от плохих качеств характера. В пятом слове назидания Абай говорит, что казахам необходимо обучиться ремеслу, но для освоения знаний и умений нужно много трудиться. В 15-м слове назидания Абай сказал, что человек должен заниматься самовоспитанием. В 17-м слове назидания отметил, что всестороннее развитие человека – это прежде всего развитие мужества, ума и души.

Стихи и песни Абай рассматривал как средства воспитания. Например, шілдехан (песни для новорожденных). По его мнению,

человек не рождается умным, он становится знатоком: слушая, смотря, осязая, пробуя, различая хорошее и плохое. Умен тот, кто слушается умных.

Абай выступил против утверждения, что люди по природе своей рождаются неравными по способностям. Он утверждал, что ум и наука – это результаты таланта и усердного труда.

Мыслителем были провозглашены пять врагов человечества и пять качеств, ведущих к цели. Абай призывал избавиться от сплетен, лжи, бахвальства, лени и пустой траты времени. Честность, ясность ума, последовательность, уравновешенность и труд помогут достичь цели [2, с 100].

Продолжает развивать философию, мысли и идеи великого Абая Шакарим. Говоря о педагогических взглядах, идеях Шакарима прежде всего нужно проанализировать его стихи, поэмы и научные труды. Он говорил, что преподавание – это уникальный инструмент для развития науки и образования, человечества и даже гражданства. Наука и образование – это общее богатство, поскольку их плодами пользуются все [2, с. 120].

Труды представителей казахской интеллигенции А. Байтурсынова, М. Жумабаева, Ж. Аймауытова, М. Дулатова заняли свою нишу в народной педагогике [1, с. 3].

Ахмет Байтурсынов – общественный деятель, ученый, тюрколог, писатель, публицист, просветитель, автор современного казахского алфавита и основоположник национальной педагогики. Его педагогические мысли впервые появились в газете «Казах». В статье он писал, что начальное образование человеку нужно так же, как глаза и уши. Будучи методистом в школе, А. Байтурсынов понимал, что обучение иностранным языкам следует осуществлять через родной язык обучающегося. Он предложил начать народное образование с обучения письму.

А. Байтурсынов становится основоположником казахского языка и методики преподавания на казахском языке. Им были написаны множество статей, на основе которых в 1920 году выходит книга «Баяншы» (Вестник).

После написания книги «Оқу құралы» (Средство обучения), он принимается за реформу казахского языка. Именно Байтурсыновым были описаны грамматические категории казахского языка, и каждой был присвоен термин на казахском языке. Он занимался вопросами и практической грамматики. В 1914–1916 гг. были изданы учебники по казахской морфологии, фонетике, синтаксису.

В 1926 году было издано первое учебное пособие для массовой грамотности «Әліппе» (Азбука). В пособии появляется современный казахский алфавит на кириллице.

Впервые Байтурсынов научно обозначил дидактические принципы. По мнению ученого, самая первая необходимость в школе – это учитель, имеющий представления о педагогике, дидактике, методике. На второе место он поставил средства обучения. Третья школьная необходимость – это программа. Он рекомендовал учителям использовать методы объяснения, анализа, изображения, дискуссии.

А. Байтурсынов считал, что казахская художественная литература должна стать опорой для образования [1, с. 70].

Жусупбек Аймауытов – автор первых учебников «Психология», «Педагогика» на казахском языке. «Комплекспен оқыту жолда» (Комплексное обучение), «Тәрбиеге жетекші» (Пособие для воспитателей), «Жан жүйесі және өнер тандау» (Выбор профессии), он впервые дал научное определение дидактике на казахском языке. Педагог отмечал, что в педагогическом процессе необходимо воспитывать ум, чувства, силу воли, характер ребенка. «Родной язык», – говорил педагог, – «главное средство освоения родной культуры». Он предложил не заниматься заучиванием слов, а понимать смысл данного слова.

Аймауытов сделал акцент на силе влияния семьи, друзей, родственников на воспитание ребенка [1, с. 150].

Миржакып Дулатов рекомендовал учителям при написании учебников учитывать психологию учащегося, составлять на родном языке, заинтересовывать обучающихся. Его творчество, в частности, его стих «Проснись, казах!» пробудило народный дух, развило национальное самосознание, воспитывало патриотизм, и агитировало за изучение казахского языка [1, с. 112].

Магжан Жумабаев внес огромный вклад в развитие народной педагогики. В 1922 году он издает книгу «Педагогика». В книге автор пишет, что педагогика нацелена на воспитание духовных сил, патриотизма и сохранение национальности, показывает пути обучения молодого поколения. Цель воспитания – это воспитание представителя нации [1, с. 130]!

В процессе глобализации и интеграции в мировое сообщество следует пересмотреть и переоценить народную педагогику. Это будет способствовать воспитанию патриотизма, осознанию национальной идентичности, пробуждению народного духа и гордости за свою нацию.

Формирование и развитие педагогической мысли в Казахстане – это история народа, менталитет, культура, традиции и обычаи казахов. Это самотверженный труд первопроходцев в казахской педагогике. Это ценные идеи по воспитанию и обучению молодого поколения, актуальные и на сегодняшний день. Это то, что делает нашу педагогику уникальной и своеобразной.

Литература

1. Әшімханов Д. Бес арыс. Алматы: Жалын, 1992
2. Табылдиев Ә. Қазақ этнопедагогикасы (уч. пособие). Алматы: Санат, 2001
3. Қалиев С., Молдабеков Ж. Ж., Иманбекова Б. І. Этнопедагогика (учебник). Астана: Фолиант, 2010.
4. Мұқанова Б., Ильясова Р. Этнопедагогика (уч пособие). Астана: Фолиант 2008

FORMATION AND DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL THOUGHT IN KAZAKHSTAN

Zhakupova E.A., Barnaul (Russia)

Abstract: *the article describes the features of Kazakh pedagogy, the history of formation and development of pedagogical thought in Kazakhstan. The study of pedagogical thoughts first of all enriches spirituality through pedagogical analysis of the sources of Kazakh pedagogy - al-Farabi, D Balasaguni, M. Kashkari and others; Secondly, the analysis of works show that spiritual continuity serves to preserve the integrity of culture and the pedagogical system; Thirdly, the pedagogical thoughts of outstanding scientists strengthen the continuity of generations in the context of the humanization of society, helping to assess the system of pedagogical thinking from the point of view of the requirements of the development of civilization and makes Kazakh pedagogy unique.*

Keywords: *the Kazakh pedagogy, pedagogical thought, knowledge, education, upbringing.*

К ВОПРОСУ О СОВМЕСТИМОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И СЛУЖБЫ В АРМИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН СИБИРИ)²

Зиберт Н. П., Барнаул (Россия)

Аннотация: статья посвящена рассмотрению вопроса отношения протестантских общин Сибири к службе в армии в 1920-е гг. в начале 1920-х гг. относительно лояльная к протестантам государственно-конфессиональная политика советской власти спровоцировала увеличение численности евангельских общин Сибири. На основе архивных источников и анализа законодательных документов установлено, вопрос допустимости службы в красной армии, являлся актуальным на протяжении 1920-х гг. и периодически провоцировал конфликты представителей советской власти с религиозными общинами. Принятие в 1925 г. закона. «Об обязательной военной службе», допускало возможность альтернативной службы, но только после соответствующего постановления суда и распространялось, как правило, на лиц, родившихся и выросших в семьях, религиозные воззрения которых запрещают нести военную службу.

Ключевые слова: протестантизм, служба в арми, советская власть, Сибирь.

Приход к власти партии большевиков осенью 1917 г. способствовал развертыванию в стране масштабной идеологической работы, в основе которой лежали атеистические принципы. 23 января 1918 г. был принят декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», согласно которому в стране была объявлена свобода совести и вероисповедания (Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства за 1917–1918 гг., 1942). Важным шагом стало принятие СНК СССР декрета «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» от 04.01.1919 г. Декрет допускал полное или частичное освобождение

² Публикация подготовлена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (№33.2177.2017/4.6).

от службы в армии лиц, религиозные убеждения которых не позволяли нести воинскую службу [8].

Принятие данного декрета спровоцировало резкое увеличение численности общин, причем не только за счет людей, осмысленно принимающих вероучение, но также и за счет тех, кто вступал в общину по причине нежелания служить в армии [2]. В связи с этим, действие декрета от 4 января 1919 г., освобождающего от несения воинской повинности, было существенно ограничено постановлением НКЮ РСФСР от 5 июля 1919 г. «О применении декрета об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям», согласно которому пацифистские убеждения каждого верующего тщательно проверялись. Спустя год вышел новый циркуляр «Об уклонении от воинской повинности по так называемым «религиозным убеждениям». Право освободить от воинской повинности передавалось народному суду, который в свою очередь мог проигнорировать мнение представителей религиозных общин [9].

В Сибири первым правовым актом местных властей, регулирующим вопросы воинской службы, стало постановление Сибирского революционного комитета от 20 апреля 1920 г., инициатива принятия которого принадлежала сибирским меннонитам. Согласно тексту постановления, все меннониты Сибири, «принадлежащие к этому вероучению» до 1 января 1920 г. и продолжающие оставаться в этом вероучении, подлежали освобождению от любой воинской повинности. В конце 1922 г. – начале 1923 г. во всех районах Сибири местными партийными органами и сотрудниками ГПУ была проведена масштабная операция, целью которой являлось заставить евангельские общины признать службу в армии [9]. Помимо этого, предполагалось ликвидировать большую часть протестантских церквей, привлекавших крестьян дружественной и нацеленной на хозяйственный успех жизнью в общинах, а также освобождением от воинской повинности [7]. По итогам данной акции многие протестантские группы прекратили свое существование. При этом к 1924 г. активность некоторых общин в Сибири заметно возросла. Как следует из отчетов благовестников, на протяжении 1924–1926 гг. численность верующих баптистов увеличивалась примерно на тысячу человек. В течение 1924 г. обряд крещения совершили 1039 человек, в 1925 г. – 1207 человек, в 1926 г. 1187 человек [1]. В Томской губернии посещаемость собраний евангельских христиан увеличилась на 10%. Помимо баптистов в

этой же губернии находились общины адвентистов 7 дня, деятельность которых не была отмечена в других губерниях Сибири. Посещаемость собраний последних сократилась на 1,5%. На грани развала находилась община молокан, состоящая из 343 членов [4].

Большой резонанс вызвало обращение членов Всесоюзного совета евангельских христиан (ВСЕХ) в августе 1923 г. с посланием, в котором рассматривалась допустимость службы в красной армии [4]. В ряде губерний общинами была вынесена резолюция о непризнании ими Всероссийской коллегии как органа, имеющего власть и отдающего распоряжения, обязательные к исполнению. На собрании Омской, Куломзинской и Ленинской общин Омской губернии, проходившем при участии 150 человек, было решено к посланию не присоединяться. В Каменском уезде Ново-Николаевской губернии причиной негодования стала фраза из газеты: «Братия, помогайте Советской власти, не отказывайтесь от оружия на защиту ее...», которая была расценена как уступка коммунистам [5]. В Алтайской губернии послание Всесоюзного совета евангельских христиан вызвало раскол. В некоторых общинах допускали службу в армии, но считали ее личным делом каждого [6]. Часть верующих с посланием категорически не согласилась. В Иркутской губернии районный совет занял оппозиционную позицию по отношению к Сибирскому союзу баптистов, ходатайствуя перед Всероссийской коллегией о непосредственном переходе в ее ведение [6].

В январе 1925 г. ВЦИК СССР был издан закон «Об обязательной военной службе», согласно которому отказ от военной службы возможен только в случае глубоких религиозных убеждений. Освобождение от несения военной службы стало возможным только после соответствующего постановления суда и распространялось, как правило, на лиц, родившихся и выросших в семьях, религиозные воззрения которых запрещают нести службу с оружием в руках. При этом было исключено полное освобождение призывника от военной службы, а принятое в 1927 г. «Положение о воинских преступлениях» предусматривало уголовную ответственность «за уклонение от воинской службы под предлогом религиозных убеждений» [3].

Таким образом, в начале 1920-х гг. относительно лояльная к протестантам государственно-конфессиональная политика советской власти спровоцировала увеличение численности евангельских общин Сибири. Важно отметить, что зачастую

неофиты руководствовались не внутренними духовными убеждениями, а коростными мотивами и желанием избежать службы в армии. В следствие этого, вопрос допустимости службы в красной армии являлся злободневным на всем протяжении 20-х гг. и периодически провоцировал конфликты представителей советской власти с религиозными общинами. Закон 1925 г. «Об обязательной военной службе», допускал возможность альтернативной службы только в случае глубоких религиозных убеждений, при этом за уклонение была предусмотрена уголовная ответственность.

Литература

1. Вейс А. И. Некоторые штрихи из истории евангелизации Сибири // Сибирские Нивы. 2007. №1 (58). С. 25–28.
2. История Евангельских христиан – баптистов в СССР. Москва: Изд-во ВСЕХБ, 1989 г., 624 с.
3. Каширский Е. Протестанты готовы служить России // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2004-03-03/5_protestanty.html?id_user=Y (дата обращения: 28.12.2017).
4. КГКУ ГААК. Ф. 2. Алтайский губернский комитет РКП(б) (1917–1925 гг.). Оп. 4. Д. 24. Л. 7.
5. КГКУ ГААК. Ф. 2. Алтайский губернский комитет РКП(б) (1917–1925 гг.). Оп. 4. Д. 24. Л. 2.
6. КГКУ ГААК. Ф. 2. Алтайский губернский комитет РКП(б) (1917–1925 гг.). Оп. 4. Д. 24. Л. 5.
7. Савин А. И. К вопросу о политике сибирских властей в отношении сектантов в начале 1920-х гг. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – управления Сибири конца XVI – начала XX вв., 1999. С. 274 – 278.
8. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР Москва. 1943.
9. Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы / отв. ред. А. Г. Мельников. Новосибирск: Посох, 2004. 427 с.

ON THE COMPATIBILITY OF RELIGIOUS WORLDVIEW
AND MILITARY SERVICE IN SOVIET RUSSIA IN THE 1920S
(ON THE EXAMPLE OF PROTESTANT COMMUNITIES IN SIBERIA)

Ziebert N. P., Barnaul (Russia)

Abstract: *the article is devoted to consideration of the question of the relationship of the Protestant communities of Siberia to serve in the army in the 1920s in the early 1920s, relatively loyal to the Protestant Church-state policy of the Soviet government provoked an increase in the number of Evangelical communities in Siberia. On the basis of archival sources and analysis of legislative documents is established, the question of admissibility of service in the red army, was relevant during the 1920s and periodically provoked conflict representatives of the Soviet government with religious communities. Adoption of the law in 1925. «Compulsory military service» allowed for the possibility of alternative service, but only after the relevant court order and was extended, as a rule, to persons born and raised in families whose religious beliefs prohibit military service.*

Keywords: *protestantism, the arch, the Soviet government, Siberia.*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ХОРЕОГРАФИИ СИБИРСКИХ НАРОДОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Кряклина Т. Ф., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье проводится этносоциологический анализ особенностей взаимодействия традиционной хореографии сибирских народов и профессиональной хореографической культуры. Выявлены основные направления взаимодействия и его этапы (с указанием их хронологических рамок). Показано, что этнографическое воспроизведение народных танцев было в большей степени характерно для 20–30-х гг. XX столетия. В настоящее время традиционная танцевальная лексика народов Сибири трансформируется и специфическим образом включается в различные компоненты танца: его рисунок, направленность, композицию, средства хореографии и т.д. Включение традиционных хореографических элементов народов Сибири в современную культуру танца существенным образом ее обогащает, разнообразит и расширяет границы бытования этнических культур, возможности их существования на уровне профессионального художественного творчества.

Ключевые слова: палеохореография, национальная хореографическая культура народов Сибири, народный танец, бальный танец, взаимодействие, хореографические коллективы.

Введение. Целенаправленное изучение процессов взаимодействия традиционных и развитых форм национальной хореографии народов Сибири началось в советское время [1]. Интерес исследователей к данной проблематике объяснялся наличием здесь большого числа этнических групп, взаимовлиянием хореографических культур коренных и некоренных народов, особенностями бытования хореографии. Вопросы хореографической культуры народов Сибири в тот период рассматривались в работах Т. В. Гергесовой, М. С. Годенко, Ф. С. Иванова, М. Я. Жорницкой, С. Ф. Карабановой, А. И. Мельника, Т. Ф. Петровой-Бытовой, В. В. Ромма, Л. В. Сибиряковой, С. Д. Словиной, Э. К. Филлипова и др. В работах названных авторов содержится немало интересного материала по различным аспектам хореографической культуры. Однако их общей особенностью является узкоспециализированный характер (этнографический, искусствоведческий и т.д.), в них

отсутствуют общесоциологические аспекты анализа указанной проблемы. Искусствоведческий анализ ориентирует авторов в большей степени на исследование исторически сложившихся традиционных форм хореографической культуры, их современных театрально-сценических интерпретаций, в меньшей степени, на исследования хореографической культуры как целостной системы, с ее противоречиями и тенденциями развития.

В предлагаемой статье предпринята попытка этносоциологического анализа хореографической культуры с точки зрения системного подхода с тем, чтобы впоследствии рассмотреть ее в общем контексте проблем профессионального хореографического образования. Изучение танцевального искусства народов Сибири фактически только в последние десятилетия начинает обретать научный статус. Развитие теоретической мысли о танце сдерживает то обстоятельство, что хореография этого региона долгое время не была включена ни в музыковедческие, ни в фольклорные, ни в искусствоведческие, ни в социологические научные направления.

Методология исследования. На основе системного, процессного и конкретно-исторического подходов анализируются процессы взаимодействия традиционной хореографии народов Сибири и профессиональной хореографической культуры. Системный подход дает возможность представить художественные культуры коренных этносов Сибири как целостные системы и выделить в них различные уровни и подсистемы (фольклорный танец, современные формы хореографического творчества: классический балет, народно-сценический танец, бытовую хореографию и др.), определить основные направления и формы их взаимодействия. Процессный подход позволяет выделить основные этапы взаимодействия традиционной хореографии сибирских народов и профессиональной хореографической культуры.

Конкретно-исторический подход дает возможность наполнить эти этапы конкретным этносоциологическим содержанием в определенные хронологические периоды развития советской и постсоветской истории российского общества. Для этой цели в статье используются материалы исследований искусствоведов, хореографов, балетмейстеров, в которых содержится анализ специфических художественных образов, создаваемых хореографическими культурами народов Сибири, а также данные этносоциологических исследований [2]. Использование искусствоведческого материала методом

вторичного анализа позволяет воспроизвести вхождение отдельных элементов традиционной хореографии в профессиональное хореографическое творчество, воплощающееся в современном народном и классическом танце.

Основная часть. Проблемы взаимодействия народных и профессиональных национальных художественных культур могут быть рассмотрены на различных уровнях: на уровне межнационального и внутринационального взаимодействия, отдельных видов художественных культур в рамках межнационального и внутринационального взаимодействия, на уровне межнационального взаимодействия профессионального и непрофессионального художественного творчества и т.д. В данной статье сделана попытка исследовать предметные области межкультурного взаимодействия конкретного вида национальных художественных культур народов Сибири – хореографии.

Хореографическая культура народов Сибири может быть представлена как единство древнейших форм пластических движений народов, т.е. традиционной хореографии и форм современного национального хореографического творчества – классического балета, народно-сценической, бальной и бытовой хореографии. Хореографическая география Сибири неоднородна по уровню изученности традиционного танца и распространению его вторичных форм – танцевального искусства народных профессиональных коллективов. Говоря о распространенности вторичных форм народного танцевального искусства, необходимо учитывать такой факт, как реальность его функционирования в одних регионах и становление в других. Правомерность употребления понятия – распространение вторичных форм традиционного танцевального искусства определяется процессами его воспроизводства на уровне профессионального хореографического творчества.

Центральное место в данной статье занимают проблемы взаимодействия традиционного танцевального искусства сибирских народов с развитыми формами хореографической культуры – театрально-сценическим, балльным и бытовым танцами. Вследствие терминологической неопределенности понятий «балльный танец» и «бытовой танец» они нередко употребляются как синонимы. Под балльным танцем мы понимаем определенную формализованную систему движений, основанную преимущественно на обучении и регламентированную в исполнении. Современный бытовой танец, в отличие от балльного,

передается главным образом в процессе научения, т.е. когда передача и усвоение танца осуществляются непосредственно в процессе его исполнения.

За годы Советской власти народы Сибири достигли определенных успехов в развитии художественной культуры, в том числе и танцевального искусства. За короткий исторический период в этом регионе была создана широкая сеть учреждений культуры, позволившая целенаправленно формировать эстетическое сознание и развивать художественную деятельность этносов. Этому во многом способствовало открытие оперно-балетных театров, институтов театрального искусства и культуры, хореографических и культурно-просветительных училищ, создание профессиональных ансамблей песни и танца, а также многочисленных самодеятельных коллективов, осваивающих и пропагандирующих различные хореографические формы и жанры, а том числе и народный танец. В настоящее время в сибирском регионе созданы все условия, гарантирующие свободу творчества и возможность художественного самовыражения во всех видах как профессиональной, так и непрофессиональной хореографической культуры – театрально-сценическом, классическом, народно-сценическом, фольклорном, модерн, бальном и бытовом танцах. Названные виды и жанры хореографической культуры развиваются в соответствии с присущими им имманентными законами функционирования, особенностями художественного творчества, спецификой бытования каждого из них. Тем не менее, они требуют нового теоретического осмысления в связи с актуализацией проблем формирования и дальнейшего развития профессиональных художественных культур народов Севера. В этой связи более глубокое рассмотрение взаимодействия народно-сценического танца с традиционной хореографией сибирских народов является одной из попыток такого осмысления.

Анализ репертуара и танцев сибирских хореографических коллективов как форм существования профессиональной хореографической культуры позволяет выявить два основных аспекта во взаимодействии традиционного и профессионального танцевального искусства.

Первый: этнографическое воспроизведение реликтовых форм, т.е. сценическая адаптация народных песен, обрядов и танцев с максимальным приближением к первоисточнику. Такое воспроизведение танцевально-сценических номеров с использованием этнографических элементов, выступающих в

качестве основных национальных драматургических доминант произведения, представляет собой как бы промежуточную форму профессионального и непрофессионального хореографического творчества. Эти промежуточные, переходные формы, формируются на основе такого сочетания элементов традиционной хореографии и профессионального театрально-сценического танца, при котором танцевальные движения палеотанца берутся не в их традиционной семантике, а переосмысливаются с точки зрения пластических и ритмических фигур, лишаясь ритуально-сакрального предназначения и естественного исторического контекста.

В предметном видении социологии хореографической культуры такой народный сценический танец представляет собой как бы воспроизведенный и адекватный определенным конкретно-историческим условиям палеотанец. Технику индивидуального исполнения и выразительных средств подобного танца составляют реальные, в том числе и реликтовые, формы бытования палеотанца или искусственно воссозданные на основе сохранившихся этнографических, хореографических и исторических документальных описаний, максимально приближенных к первоисточнику. Художественно воспроизведенный средствами профессионального хореографического творчества традиционный танец в профессиональной хореографии выступает как народно-сценическая форма палеотанца. Традиционные танцы северных народов на профессиональном уровне воспроизводил корякский балетмейстер О. Кевавтегин, закончивший Хабаровское культпросветучилище. Широкую популярность получили его композиции «Быстрый мой олень», корякский бальный танец «Вывенка» [3]. Продолжая образование в области профессионального хореографического творчества, он постоянно пополнял собранную им коллекцию произведений традиционного танцевального искусства народностей Севера. Это дало ему возможность творчески осмыслить традиционные танцы, воспроизвести их на профессиональном уровне хореографического творчества. Подобные возможности использовал и бурятский фольклорный ансамбль «Лотос», исполняющий традиционные песни и танцы народов Крайнего Севера и Дальнего Востока [4].

В процессе воспроизводства народных танцев Сибири выделяются некоторые подъемы и спады. Так, до начала Великой Отечественной войны этот процесс активизировался, а в последующие после войны годы несколько ослаб в связи с ростом профессиональных и самодеятельных коллективов народно-

сценического танца и их поиском собственных форм хореографического творчества. Новый этап обращения к фольклорным источникам начался в ряде самостоятельных и профессиональных коллективов в 1970-х гг. XX столетия. Это была закономерная реакция на деятельность тех народно-сценических групп, которые значительно отошли от традиционного танцевального искусства, сильно усложнив выразительные средства. Примером этому процессу стал прошедший в 1986 г. фольклорный фестиваль в Новосибирске. Он был представлен преимущественно певческим творчеством, частично сочетающим отдельные элементы народного танцевального искусства. Воспроизведение синкретичных форм фольклора на фестивале выявило недостаточное понимание исполнителями, постановщиками традиционной танцевальной лексики народов Сибири. Это связано с тем, что в синкретичном по своей природе палеотанце отдельные танцевальные движения могли выполнять двойную функцию: обрядовую и эстетическую. Если необрядовые танцевальные движения рассматривать как средства эмоционального выражения, несущие большую нагрузку в социально-коммуникативной сфере, то обрядовые – заключали в себе определенный символ, наполненный конкретным социальным содержанием.

В палеотанце преобладала не коммуникативная, а нормативно-регулятивная функция. Таким образом, слово, напев, предметы быта, движения в палеотанце могли быть разными средствами социального воздействия, преследовавшими строго определенную цель, что не всегда получало отчетливое художественное воплощение в танцах, сопровождающих песенное творчество, представленное на фестивале. Исторически сложившиеся традиционные хореографические формы несли глубокий социальный смысл, заложенный как в композиции танца, так и в отдельных танцевальных движениях. Их недостаточная семантическая изученность, нерасшифрованность порождали недооценку роли телодвижения в хороводе, пляске, иных татрально-сценических формах палеотанца, приводили к ошибкам в трактовке традиционных танцевальных образов, воспроизводимых на уровне профессионального хореографического творчества [5].

Второй аспект взаимодействия традиционного и профессионального хореографического творчества – оригинальные постановки танцев профессиональными хореографами на народные танцевальные темы и сюжеты, создаваемые по канонам театрального танца. Это направление взаимодействия предполагает

трансформацию, критическое переосмысление традиционной танцевальной лексики в соответствии с канонами профессионального хореографического творчества, законами народно-сценического танца. Предметность своеобразия народно-сценического танца, таким образом, есть результат сложного взаимодействия развитых форм театрально-сценической хореографии (прежде всего классического балета) с фольклорным танцем, в том числе и элементами традиционной хореографии. Соотношение между взаимодействующими сторонами, диалектика взаимосвязи последних постепенно изменялась в процессе художественной деятельности. Техника индивидуального исполнения, композиционно-постановочные решения и выразительные средства в народно-сценическом танце, приобретая обобщенный характер, развивались на основе профессионально-театрального танцевального искусства.

1950-е – 1960-е гг. XX столетия – время широкого распространения в профессиональных хореографических коллективах народно-сценического танца, ведущей темой которого становится современность. Созданный в 1960 г. государственный академический Красноярский ансамбль танца Сибири довольно своеобразно аккумулировал многонациональный опыт российских народов в театрализации народного танца. Творческое кредо ансамбля было выражено в его основной целевой установке: «Все танцы посвящены Сибири и созданы на основе сибирского фольклора, но в них нет чисто этнографического воспроизведения народного танца» [5]. В такой формулировке творческого идеала ансамбля содержалось как бы противопоставление танцев, создаваемых на основе сибирского фольклора, и танцев с чисто этнографическим воспроизведением. Это обстоятельство, видимо, обусловило то, что развитие деятельности ансамбля пошло не на углубленной разработке традиционной танцевальной культуры народов Сибири, а в большей степени на использовании системы народно-сценического танца. Это подтверждает анализ репертуара хореографического коллектива, а также его танцевальная пластика, в которой трудно выделить локальные выразительные средства. Взамен им широко представлены оригинальные театральные эффекты и построения, мастерски разработанные и исполненные на высоком профессиональном уровне.

Собственно театральный танец – это развивающаяся, динамичная подсистема хореографической культуры. Однако без

достаточной опоры на фольклорно-этнографические источники он теряет отличительные национально-специфические особенности и, следовательно, утрачивает связь с традиционными формами танцевального творчества, питающего его. Более того, отход от этнографического воспроизводства хореографического искусства лишает его национальной специфики и самобытности. Тогда как механизм формирования культур как национальных объективно связан с традиционными формами художественного мышления этносов.

Становление национальных хореографических культур народов Сибири сопровождалось возникновением национальных танцевальных ансамблей, способных воспроизводить народные танцы на уровне профессиональных форм художественного творчества. В 1970-е – 1990-е гг. только в РСФСР было организовано шесть национальных ансамблей, причем, основная их часть – на территории Сибири и Дальнего Востока. Анализируя хореографическую культуру Сибири, Э. И. Шумилова отмечала: «Удалось собрать и развить музыкально-хореографические образы народного творчества тофаларов, ороков, ительменов, коряков, алеутов и других жителей Севера. Но теперь, к сожалению, в коллективах, ставших профессиональными, эта традиция утрачивается. Они все больше отрываются от народного творчества, модернизируя свое искусство, подчиняя его общепринятым формам и ритмам. А за ними идут самостоятельные ансамбли» [7]. Этот вывод подтверждает общую тенденцию, характеризующую развитие хореографической культуры: народно-сценический танец переживает застойные явления, если прерывается связь его хореографического исполнения с традиционным танцевальным творчеством этноса.

Этносоциологический аспект исследования танцевального искусства народов Сибири позволил выявить некоторые общие тенденции взаимосвязи формирования национального самосознания и развития хореографического искусства, национальной культуры в целом. Процессы формирования национального самосознания народов Сибири сопровождаются возникновением профессиональных форм хореографического творчества, функционированием в нем традиционных танцев, элементов традиционной хореографии, утрачивающих свое бытование на уровне непрофессионального (народного) творчества.

Конкретно-исторический подход к сценическому танцевальному искусству показывает, что в настоящее время оно

получило неравномерное развитие. Так, фольклорные группы, не найдя перспективных направлений в своем развитии, постепенно распадаются, уступив место профессиональным народно-сценическим коллективам. 1930-е гг. XX столетия – время интенсивного становления профессиональной хореографической культуры народов Сибири. С этого времени ее развитие характеризуется постепенным удалением от питательной среды фольклорных первоисточников. Пассивное использование традиций сибирского фольклора, ориентация в постановках танцев на унифицированные системы школ классического и народно-сценического танцевального искусства, привели, с одной стороны, к развитию виртуозной техники хореографии, а с другой, к ослаблению ее национальных особенностей. Это выразилось в стандартизации бытующих форм танцевального искусства, принципах построения танца, его рисунка и композиционных особенностей, индивидуальном творчестве исполнителей.

В хореографической культуре народов Сибири советского периода можно выделить несколько этапов взаимодействия традиционной хореографии с формами профессионального театрально-сценического хореографического искусства, характеризующихся особенностями содержания и направленности данного процесса.

Первый этап – начался в 1920-е – 1930-е гг. XX столетия. Он характеризуется развитием преимущественно фольклорного танца. Эти процессы были связаны с ростом и развитием танцевальной художественной самодеятельности, а также формированием профессиональных танцевальных коллективов на основе преимущественно традиционной хореографии и бытового танца, незначительными воздействиями классического балета на деятельность организаторов, художественных руководителей и исполнителей танцев.

Второй этап начинается с конца 1940-х гг. Он характеризуется постепенным преобладанием в хореографическом искусстве народов Сибири народно-сценического танца. Развитие народно-сценического танца было обусловлено рядом факторов. Прежде всего, ростом численности и качеством профессиональной подготовки руководителей хореографических коллективов, тем, что участники народных профессиональных коллективов в большей степени стали формироваться из выпускников хореографических училищ, где профилирующими дисциплинами являются классический и характерный танцы. Характерный танец

является вторичной, производной формой взаимодействия театрально-сценической хореографии с палеотанцем, представленным различными локальными социальными группами. Некоторый спад в развитии фольклорного танца, возникший в 1940-е гг., объясняется не только сложностями общественного развития, связанными с Великой Отечественной войной, но и отсутствием опыта поддержки национального хореографического творчества как целостной системы, ее этнографических особенностей, неразвитостью методологических и методических разработок сценической интерпретации традиционной танцевальной культуры сибирского региона.

За годы советской власти танцевальными коллективами Сибири был накоплен значительный репертуарный фонд. Он является ценностью национальной хореографической культуры, предметной сферой национально-специфических черт психологии народов в данном виде культуры. Однако до сих пор не произведен всесторонний анализ этого фонда, не сделаны его систематизация и обобщение. Подобное отношение к репертуарному фонду не способствует формированию квалифицированного суждения о достоинствах и недостатках развития сценического танца народов Сибири. Подобные суждения необходимы для перспективы использования всех его достоинств, как в локальном, так и региональном масштабах, для пропаганды социально приемлемых форм проведения досуга и удовлетворения культурных потребностей населения.

Традиционный танец как специфическая форма общения был широко распространен в дореволюционной Сибири. Сначала он включал в себя исторически сложившиеся формы традиционной хореографии. А в XIX – начале XX вв. у русских, белорусов, украинцев, проживающих в Сибири, становятся популярными бальные танцы, привнесенные из европейской части России и адаптированные в данной социокультурной среде. В советское время бальная и развитая на ее основе бытовая хореография продолжали распространяться преимущественно в городской, и, отчасти, сельской местности. Организация молодежных вечеров в помещениях клубов отразилась на характере общения молодежи, ее танцевальной культуре. Традиционный танец постепенно вытеснялся хореографическими формами танцевального искусства, возникшими в результате трансформации бального танца в бытовую. В этой связи проблемы изучения процессов адаптации локальных вариантов танца в бытовой представляются

актуальной задачей исследований социологии хореографической культуры и искусствоведения. Они являются важным условием формирования новой социальной ситуации.

С 50-х гг. начинается третий этап. С этого времени идет развитие в сфере бытового танца форм, трансформированных из бальных танцев на основе музыкально-танцевального стиля рок-н-ролл. Попытки противопоставить этой волне бальные танцы, поставленные советскими хореографами, желаемых результатов не дали. Непопулярность предложенных бытовых танцев объясняется, прежде всего, тем, что их создатели частично или полностью не учитывали специфику взаимодействия сохранившихся элементов традиционной хореографии с бальной и театрально-сценической хореографией, определяемую сложившейся системой социальных отношений. В этой связи предлагаемые танцы носили часто надуманный характер, а иногда содержали такую систему движений, которая требовала специальной исполнительской подготовки. Часто они строились на копировании уже устаревших форм танцевального искусства, сложившихся в XIX–XX вв. на недостаточном использовании исторического наследия традиционной хореографии. Это проявилось в создании танцев с композицией преимущественно зафиксированной формы, без импровизационной свободы, с невыразительными движениями.

Авторы бытовых танцев не смогли художественно освоить особенности социально-культурного развития российского общества того периода и передать их в бытовавших формах хореографической культуры. Особая актуальность исследованию современных процессов развития хореографической культуры придается тем, что бытовая хореография является важным компонентом молодежной культуры, связанной с организацией общения и досуга молодежи. Очевидно, что такие исследования могли бы стать частью проблем образования и воспитания молодежи. Организация свободного времени молодежи, ее досуга, так остро вставшая в 1980-е гг. связана, в частности, и с проблемой бытового молодежного танца [8]. Однако этот важный аспект хореографической культуры не всегда соответствует уровню потребностей молодежи в содержательном и интересном общении.

В системе хореографической культуры современный бытовой танец как сфера свободной импровизации, естественного движения и общения в достаточной степени не регулируется хореографами-профессионалами. Он развивается стихийно, подчас под влиянием иных образцов хореографического мышления. Подобный тип

художественного мышления приводит к разобщению танцующих, ориентирует на индивидуально-обособленное исполнение. Предлагаемые же отечественные групповые танцы не соответствуют современному уровню ритмического и хореографического мышления молодежи. В результате этого значительно ослаблено влияние отечественного бального танца на бытовой. Ансамбли бального танца, претендующие на статус пропагандистов бытовых форм хореографии, в основном демонстрируют конкурсные программы отечественных танцев, а также танцев европейского и латиноамериканского происхождения. Они стали близки сценическим коллективам по репертуару, композициям, технике исполнения и не восполняют социальной функции бытового танца. Превратившись в своеобразную надстройку, ансамбли бального танца подменяют пропаганду бытовой хореографии демонстрацией усложненных танцевальных композиций.

Созданный на бурятском материале танец «Туяна» (хореограф Л. Пинигина), получивший премию на Всесоюзном конкурсе, и «Сибирская полечка» (хореограф И. Харчевников) не приобрели статуса бытовых танцев в силу усложненных композиций и танцевальных приемов исполнения. Однако Всероссийское признание в 2017 г. получил бурятский национальный театр песни и танца «Байкал» (г. Улан-Удэ), занявший первое место по результатам зрительского голосования в телевизионном проекте «Танцуют все». В заключительном танце ему удалось удачно соединить различные танцевальные стили от классического бального танца до народного, виртуозно исполнив бурятский народный танец ехор. В 2017 г. театру исполнилось 85 лет.

Заключение. На всех этапах развития хореографические культуры народов Сибири остаются динамичными комплексными системами, составные части которых взаимосвязаны и взаимовлияют друг на друга. Развитие системы хореографической культуры народов Сибири представляет сферу духовного производства, ориентированную на всестороннее развитие личности. В этой связи нельзя не отметить, что обсуждавшиеся ранее в специальной литературе вопросы необходимости разработки форм бытовой хореографии, ориентированных на потребности людей разного, в том числе, и пожилого возраста, так и не получили соответствующего разрешения, в то время как социальная потребность в подобных разработках значительно возрастает. Пути развития хореографической культуры народов Сибири во многом связаны с проводимой в настоящее время

реформой профессиональных и общеобразовательных организаций. Требования углубления связи школы с жизнью в определенной степени относятся и к развитию хореографии [9].

Выводы. Особенности взаимодействия традиционной хореографии сибирских народов и профессиональной хореографической культуры обусловлены спецификой основного средства создания художественного образа в танце – телодвижения, имеющего общедоступный (общечеловеческий) характер. Его общедоступность делает понятным танец независимо от национальной (этнической) принадлежности человека.

Общедоступный художественный язык танца способствует активному взаимодействию национальных хореографических культур различных народов.

Существуют два основных направления взаимодействия традиционной хореографии сибирских народов и профессиональной хореографической культуры: этнографическое воспроизведение реликтовых форм хореографии с максимальным приближением к первоисточнику и оригинальные постановки танцев профессиональными хореографами на народные танцевальные темы и сюжеты, создаваемые по канонам театрально-сценического танца.

Оригинальная хореографическая постановка народно-сценических танцев связана со значительной трансформацией, критическим переосмыслением традиционной танцевальной лексики народов Сибири.

В самом процессе взаимодействия традиционной хореографии сибирских народов и профессиональной хореографической культуры выделяются несколько этапов. Так в 20–30-е гг. XX столетия в большей степени было характерно этнографическое воспроизведение реликтовых форм хореографии. С 60–70-х гг. начался активный процесс постановки танцев на основе использования отдельных элементов традиционной хореографии, отход от их этнографического воспроизведения. В настоящее время наблюдается возрастание интереса постановщиков танцев к этническому хореографическому материалу, его новое переосмысление и использование как, например, в танцах бурятского национального театра песни и танца «Байкал».

Традиционные хореографические культуры народов Сибири содержат огромные пласты танцевальной лексики, которая может быть использована в профессиональном музыкально-хореографическом творчестве и вызовет интерес не только у исполнителей, но и зрителей.

Рекомендации образовательным организациям и министерствам образования, государственным структурам, курирующим культуру:

В школах искусств, общеобразовательных школах и дошкольных образовательных организациях необходимо активизировать приобщение детей к традиционной хореографии народов Сибири, других регионов, прививать им навыки исполнения традиционных танцевальных движений, различных по своей сложности. Тем более, что в России накоплен интересный и разносторонний опыт занятий с детьми бальными танцами. Изданы различные методические и практические пособия по разучиванию бальных танцев, преподаванию ритмики. Используя эти традиции и накопленный опыт, целесообразно обеспечить преемственность хореографического образования детей разных возрастных групп: шире использовать опыт народов Сибири по традиционному воспитанию и формам хореографического общения.

На всех уровнях подготовки профессиональных танцоров необходимо осваивать хореографическую культуру народов Сибири, включая как теоретические знания, так и практические навыки.

Работникам сферы культуры целесообразно активизировать работу по формированию репертуара, проведению конкурсов, смотров, творческих отчетов с использованием своеобразия традиций и современной хореографии народов Сибири. Творческим коллективам активнее использовать массовые формы уличных гуляний, игр, зрелищ с вовлечением в них национальных художественных традиций народов России.

Литература

1. Жорницкая М. Я. Состояние и задачи изучения народного хореографического искусства в СССР. М.: Наука. 1973.

2. Кряклина Т. Ф. Диалог культур народов Сибири (этносоциологический аспект): Монография / Т. Ф. Кряклина. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права. 2000. 148 с.

3. Иванов А. Балетмейстер из тундры // Советская культура. 1982. 24 сент.

4. Санжиев Д. После института // Советская культура. 1982. 24 сент.

5. Соколов А. А. Проблема изучения танцевального фольклора // Методы изучения фольклора: Сб. научн. тр. / Ленингр.

гос. ин-т театра, музыки и кинематографии; Редкол.: В. Е. Гусев (отв.ред.) и др. Л.:ЛГИТМИК. Л. 1983. С.126–138.

6. Государственный Красноярский ансамбль танца Сибири / Буклет. – Внешторгиздат. Изд. №83. Без выходных данных и без нумерации страниц.

7. Шумилова Э. И. Объект изучения – фольклорный танец // Советский балет. 1983. № 2. С. 1112.

8. Современный бальный танец: Пособие для ин-тов культуры, культ-просвет, училищ и коллективов бального танца / Под ред. В. М. Стриганова и В. И. Уральской. М.: Просвещение. 1978. 431 с.

9. Кряклина Т. Ф. Образование как фактор развития культур народов Сибири / Т. Ф. Кряклина. Барнаул: Изд-во ААЭП. 2012. 164 с.

FEATURES OF INTERACTION OF TRADITIONAL CHOREOGRAPHY OF THE SIBERIAN PEOPLE AND PROFESSIONAL CHOREOGRAPHIC CULTURE

Kryaklina T. F., Barnaul (Russia)

Summary: *in article the ethnosociological analysis of features of interaction of traditional choreography of the Siberian people and professional choreographic culture is carried out. The main directions of interaction and its stages are revealed (with the indication of their chronological framework). It is shown that ethnographic reproduction of national dances was more characteristic of 20 – 30s of the XX century. Now traditional dancing lexicon of the people of Siberia is transformed and in unusual way joins in various components of dance: its drawing, orientation, composition, means of choreography, etc. Inclusion of traditional choreographic elements of the people of Siberia in the modern culture of dance essentially enriches it, diversifies and expands borders of existing of ethnic cultures, possibilities of their existence at the level of professional art creativity.*

Keywords: *paleochoreography, national choreographic culture of the people of Siberia, national dance, ball dance, interaction, choreographic collectives.*

ИННОВАЦИОННАЯ ШКОЛА КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ИДЕОЛОГИЮ ОБЩЕСТВА

Липатова Ю. П., Барнаул (Россия)

Аннотация: *рост динамики социальных нововведений, а также повышение их социально-экономической значимости в современном обществе приводит к тому, что инновации все больше становятся объектом современной науки. Например, социальные нововведения исследует социальная философия, которая изучает их сущность и природу; социология, анализирующая социальные условия возникновения и продвижения нововведений, а также их влияние на развитие современного общества.*

Ключевые слова: *инновации, общество, идеология, высшее образование.*

Активные исследования, направленные на построение теории инновационного развития в образовании, ведутся с 30-х гг. XX века, с того момента, как в недрах индустриального общества зародилась научно-технологическая революция, приведшая в конечном счете к значительным изменениям в социальной структуре общества, роли и значении социальных институтов, в том числе института профессионального образования. Разные школы социологов и футурологов придерживаются различных точек зрения по поводу того, как называть общество, черты которого уже совсем явно обозначились, прежде всего, в странах Запада во второй половине XX века.

Теория информационного общества опирается на теорию модернизации. Вместе они описывают развитие современного общества. В этом аспекте классическим считается мнение, согласно которому люди в аграрных обществах не придавали большого значения изменениям. Их жизнь была наполнена чередой похожих друг на друга дней. Ситуация стала меняться после торгово-экономической революции. Темпы промышленного развития стимулировали поиск новых общественных концепций. Благодаря интеллектуалам возникают идеи гуманизма и прогресса общества, формируются зачатки теории модернизации, тогда же зародилась идея о безграничных возможностях науки. Мысль о том, что научно-технические изобретения избавят человека от непосильного труда и дадут ему больше свободного

времени, воодушевила философов. Свобода и самореализация личности возможны – провозгласили они. Человек может прогрессировать, заявили мыслители эпохи Просвещения, а наука будет помогать ему в этом. Люди смогут подчинить себе природу и станут всемогущественными. Антуан де Кондорсе одним из первых выдвинул идею о непосредственной связи знания с нравственными качествами человека. Затем К. Маркс объявил о главенствующей роли экономики и связанных с ней средств производства в развитии человечества. В свою очередь, А. Смит положил инновации в основу капитализма. После Второй Мировой войны данные подходы активно конкурировали между собой. Как известно, вверх одержал капитализм, но это не значит, что марксизм окончательно проиграл, где-то в научных кругах он еще жив и хорошо себя чувствует. Тем не менее, он оказал очень сильное воздействие на страны бывшего СССР в экономическом, техническом и, что немаловажно, культурном планах.

В настоящее время уже создана новая форма образовательной организации – автономное учреждение, разрабатываются вопросы сетевого взаимодействия образовательных учреждений в виде распределенного обучения в вузах и профильного обучения в общеобразовательных школах, определен статус федерального университета и инновационного вуза. В этих условиях решение проблем совершенствования управления образованием становится все более необходимым.

Неотъемлемое условие модернизации общества – освоение людьми новых социальных навыков и ролей, развитие культуры социального поведения граждан с учетом открытости общества, его быстрой информатизации, роста динамики изменений. Приоритетами образования для модернизации российского общества, по нашему мнению, должны быть:

- облегчение социализации в рыночной среде через формирование ценностей: ответственности за собственное благосостояние и за состояние общества через освоение молодыми поколениями основных социальных навыков, практических умений в области экономики и социальных отношений;

- противодействие негативным социальным процессам, таким как распространение алкоголизма, наркомании и криминогенности в молодежной среде; вытеснение асоциального поведения;

- обеспечение социальной мобильности в обществе через поддержку наиболее талантливых и активных молодых людей независимо от их социального происхождения через освоение

молодым поколением возможностей быстрой смены социальных и экономических ролей, в том числе через развитие специального образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья;

- поддержка вхождения новых поколений в глобализированный мир, в открытое информационное сообщество. Для этого в содержании образования должны занять центральное место коммуникативность: информатика, иностранные языки, межкультурное обучение;

- образование должно реализовать ресурс свободы, поле выбора для каждого человека, получающего образование, инвестирующего в себя. Социальный заказ на образование не должен быть только и по преимуществу заказом со стороны государства, а представлять и сумму частных интересов семей и предприятий.

Возрастает роль образования в модернизации российской экономики. Образование в инновационной экономике, рассматриваемой в настоящее время в качестве магистрального направления развития, представляется как основной источник инноваций, первое звено инновационной цепочки «образование – исследования – венчурные проекты – массовое освоение инноваций». Следуя этому положению, можно сказать, что в основе инновационной экономики лежит развитое современное образование, которое является и источником подготовки специалистов разного уровня, разных специальностей, обеспечивающих реализацию всех стадий инновационного процесса. Университет переносит систему оппозиций доминирующей социальной группы в молодые умы. Это значит, что высшая школа воспроизводит путем незаметной идеологической работы существующий политический порядок в обществе. Она – прямое продолжение системы классовых отношений и диспозиций агентов в социальном пространстве. Более того, порядок рекрутирования в университет зависит от социального статуса абитуриента: чем он выше, тем больше шансов у человека попасть в него. П. Бурдьё пишет: «В период 1961–1962 гг. и 1965–1966 гг., когда высшее образование быстро росло по причине демократизации поступления в вузы, структура распределения шансов на получение образования по социальным классам действительно сдвинулась вверх, но почти не изменилась. Иначе говоря, рост доли получивших образование в возрастной группе 18–20 лет распределяется между разными социальными классами почти одинаково, согласно существовавшей раньше

пропорции. Чтобы объяснить и понять изменения в распределении компетенции и установок, связанных с таким смещением структуры, достаточно видеть, например, что шансы поступить в университет для сыновей промышленников в 1961–1962 гг. равнялись 52,8%, а в 1965–1966 гг. – уже 74%, а среди тех, кто обучался на подготовительных курсах для поступления в *grandes écoles*, и среди поступивших в эти престижные высшие школы, шансы сыновей промышленников вырастают до 80%» [Цит. по: 1, с. 25]

Более того, высшая школа как инновационный фактор в процессе политической модернизации может изменять или «свергать» авторитарные режимы, устанавливая и упрочивать демократические. Итак, процессы экономического развития и рост уровня критического образования дают толчок демократизации. Поэтому достижение странами среднего уровня доходов и образования, перемещение их в экономическую зону транзита ведет к изменениям в социальных структурах, культуре, ценностях, каковые благоприятствовали зарождению демократии. Чрезвычайно высокие темпы экономического роста и образования, по данным С. Хантингтона, в некоторых странах также порождали недовольство существующим авторитарным правительством.

Насколько известно, впервые проблему инновационной роли высшей школы в преобразовании ценностей человека описал Т. Ньюкомб в рамках Беннингтонского эксперимента. Считается, что изменить чью-либо политическую культуру крайне сложно. Конечно, существуют избирательные технологии, которые в рамках кратковременного лага позволяют скорректировать предпочтения человека в том или ином направлении, но о долговременных фундаментальных изменениях говорить не приходится.

Таким образом, в настоящее время высшая школа действительно оказывает существенное влияние на ценностные установки человека. Однако, как и говорили Г. Алмонд и С. Верба, существуют такие ценности, которые не испытывают на себе влияния образования и те, что испытывают, но незначительно. Конечно, ценностные ориентации людей с высшим образованием меняются от государства к государству, но в то же время они более близки друг к другу, чем те же ориентации людей без высшего образования [2, с. 118]. Например, во всем мире более образованные люди более терпимы к разным этносам. Кроме

этого, чем выше уровень образования у человека, тем выше становится шанс того, что он примет участие в противоэлитных акциях. Также с большей долей вероятности, он согласится с утверждением, что «свобода – это важно», «гражданские права – это хорошо», «подчиняться правителям не всегда правильно» или оценит религию как неважный в его жизни рудимент. Но, так или иначе, культурные отличия данного общества накладывают свои отпечатки на приведенные высказывания. Может случиться так, что к некоторым этносам образованный человек проявляет высокий уровень терпимости, тогда как к другим испытывает чрезвычайно негативные чувства. Помимо всего прочего, возможно выявить отличия в моделях и формах участия в акциях против власти от режима к режиму. Естественно, свою лепту вносят идеология, пропаганда, особенности функционирования власти и многое другое. Все это позволяет в качестве вывода построить культурную карту для людей с высшим образованием и без него на базе карты Р. Инглхарта.

Таким образом, глобализация мирового образовательного процесса вынуждает университеты разных стран вступать в чрезвычайно жесткую конкуренцию. Его основной функцией становится заработок, а не передача комплексного взгляда на мир. С учетом возрастающей академической мобильности студентов, «утечки мозгов» проблема влияния высшей школы на ценности человека серьезно недооценивается. Тем не менее, высшая школа все еще по-прежнему способна культивировать те или иные ценностные установки. Практика показывает, что вернувшийся обратно на Родину молодой человек или девушка уже являются носителями ценностей как минимум двух культур и образов мысли. Университеты влияют на молодые умы в целом. Масштабное распространение западной модели высшей школы, как его понимает Б. Ридингс, ведет не только к демократии, но и к утрате национальной идентичности, а анализ Р. Флориды показывает, что оно также приводит и к умиранию местных региональных сообществ.

Литература

1. Агеева Е. С. Образование как фактор модернизации России: социально-философский аспект // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина: Научный журнал. Сер. Философия. 2010. №2. Т.2. С. 176–184.

2. Ясин Е. Г. Модернизация и общество. Доклад на VIII Международной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие» 3–5 апреля 2007 г. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 118 с.

INNOVATIVE SCHOOL AS A FACTOR OF INFLUENCE
ON THE IDEOLOGY OF THE SOCIETY

Lipatova Y. P., Barnaul (Russia)

Abstract: *the dynamic growth of social innovations, as well as enhancing their socio-economic significance in modern society leads to the fact that innovation is increasingly becoming the object of modern science. For example, social innovation explores the social philosophy that studies the essence and nature; sociology, analyzing social conditions of the emergence and promotion of innovations and their influence on the development of modern society.*

Keywords: *innovation, society, ideology, higher education.*

РАЗВИТИЕ БОЛЬНИЧНОЙ КЛОУНАДЫ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Мазайлова Т. А., Миллер С. М., Сиротина Т. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье анализируется опыт развития больничной клоунады в Алтайском крае, представлены результаты проведенного авторами эмпирического социологического исследования методом анкетирования действующих больничных клоунов Алтайского края. В статье исследуются мотивы больничных клоунов заниматься данным видом деятельности; основные составляющие больничной клоунады; трудности, с которыми сталкиваются больничные клоуны в ходе своей работы. Полученные в ходе исследования данные сравниваются с результатами проведенного авторами исследования в 2015 г., что позволяет им выделить особенности развития больничной клоунады в Алтайском крае.

Ключевые слова: больничная клоунада, больничный клоун, Алтайский край, Алтайский государственный университет, психосоциальная работа.

Больничная клоунада – это технология психосоциальной работы в условиях больничного стационара или хосписа. Главной целью больничной клоунады является помощь детям и их родителям в преодолении постоянного стресса в больнице на любых этапах лечения [4, с. 9].

Больничный клоун в своей деятельности использует несколько ключевых элементов – юмор, игру, общение, импровизацию. Больничный клоун действует чутко и аккуратно, не навязывается, сначала распознает эмоциональное состояние ребенка, а затем уже работает с ним.

После посещения ребенка клоуном, особенно, если это посещение систематическое, все меняется. Больничный клоун лечит своим пониманием ситуации ребенка, он работает в соответствии с потребностями ребенка, создает игровое пространство, в котором ребенок чувствует себя в безопасности. Речь клоуна, с элементами юмора и нотками поддержки, раскрепощает ребенка, отвлекает от болезни и медицинских процедур. Положительным является и тот факт, что ребенок может проиграть с клоуном ситуацию, которая его тревожит, поставить клоуну уколы, сделать пункцию, провести операцию.

Во многих странах мира больничная клоунада является профессиональной деятельностью. В России пока больничная

клоунада не получила такого статуса. В то же время и в нашей стране есть немало больничных клоунов, для которых больничная клоунада из добровольческой деятельности стала профессией [3].

В Алтайском крае больничная клоунада развивается в рамках добровольческой деятельности в Алтайском государственном университете [1, с. 267].

В 2017 году нами было проведено исследование, целью которого являлось выявление особенностей развития больничной клоунады в Алтайском крае. В исследовании приняли участие 19 человек – действующих больничных клоунов. О больничной клоунаде большинство опрошенных нами респондентов (36,8%) узнали в своем вузе, около трети клоунов (31,6%) – от друзей и знакомых, 15,8% респондентов – в сети Интернет.

Больничная клоунада как направление психосоциальной работы с ребенком, находящимся на длительном лечении в медицинском стационарном учреждении, становится все более популярной в России. Можно выделить некоторые причины растущего интереса к больничной клоунаде. Так, это привлекательная область добровольческих инициатив, в рамках которой можно приобрести особый социальный, коммуникативный, личностный опыт. Далее, больничный клоун работает в определенном образе, определяет правила поведения своего клоуна, импровизирует, выбирает нестандартные игры. Именно эта импровизация, выход за рамки обычного поведения интересны и привлекательны для молодых людей. Больничная клоунада несет в себе необычный формат работы: работа в больнице, работа с клоунским реквизитом, таким как: костюм, нос, грим, позитивный образ, в котором находится клоун, и др. Больничные клоуны работают в паре, что дает возможность получить поддержку от партнера, не остаться один на один со сложной ситуацией, если она возникнет. Это также возможность быть причастным к профессиональному сообществу, развивать больничную клоунаду в регионе, быть первым в этом деле, стать уникальным профессионалом. Немаловажное значение имеет масштаб работы, результаты труда, понимание того, как много людей смогли получить поддержку, улыбнуться при виде клоуна [2, с. 19–20].

Из причин, побудивших респондентов стать больничными клоунами, около половины (47,4%) выделили желание помогать детям, приносить пользу. 26,3% респондентов отметили, что больничная клоунада дает им возможность выхода за рамки обыденного, привычного. Также респонденты выделили такие

причины как: возможность личностного, профессионального роста; возможность получить привилегии в своем вузе (повышенную стипендию, уважение сокурсников и преподавателей).

При изучении трудностей, с которыми сталкиваются больничные клоуны в своей деятельности в Алтайском крае, было выявлено, что наиболее популярным ответом среди респондентов стало эмоциональное выгорание (57,9%). 42,1% больничных клоунов отметили сложность установления контакта с ребенком; 36,8% выделили сложности импровизации. Клоуны также отметили: трудности во взаимодействии с медицинским персоналом, сложности вхождения в образ клоуна, необходимость постоянных выходов (26,3%).

Среди наиболее значимого результата в своей работе 52,6% респондентов выделили улыбки детей. Для 26,3% опрошенных больничных клоунов – это глобальный результат (творю добро, мир становится лучше, дети – счастливее); 15,8% отметили, что для них важен личностный рост.

Основные составляющие деятельности больничного клоуна, как уже было отмечено нами выше, – это игра, импровизация, юмор. Самое главное, что больничный клоун действует в зависимости от состояния и возможностей ребенка. Клоуну важно понять, что хочет ребенок в данный момент.

Опрошенные нами больничные клоуны также отметили огромную значимость импровизации (100% респондентов). Вторым по популярности ответом стали игры (68,4%), общение с ребенком (31,6%).

На вопрос о том, что позволило бы лично Вам регулярно на протяжении длительного времени выходить в больницу в качестве больничного клоуна, респонденты дали следующие ответы. Третью респондентов (31,6%) отметили значимость регулярной супервизии. Далее больничные клоуны Алтайского края выделили регулярное обучение больничной клоунаде (21,1%), оплату выходов клоунов (21,1%), а также наличие свободного времени и отсутствие основной работы (21,1%). Полученные результаты свидетельствуют о том, что больничная клоунада выходит за рамки добровольческой деятельности, ее развитие требует формирования профессиональных навыков, свободного времени, посвящения себя данной деятельности.

Личностные качества, значимые для больничных клоунов, респонденты описали следующим образом. «Больничному клоуну необходимо улыбаться, видеть, слышать и играть, и все это с

открытым для других людей сердцем, т.е. тебя как бы нет в этот момент, есть твой персонаж и люди, к которым он пришел в гости, это первое. Второе – это умение следить за собой и окружающими: осторожность, внимание и знание правил больницы. Третье – это уважение ко всем вокруг, глубокое настоящее уважение, не просто вежливость».

«Желание дарить тепло и радость – это целое мироощущение. Если нет желания, то ничего нет. Отзывчивость (в смысле чуткость) – ты должен чувствовать, когда и что нужно ребенку, родителю, медицинскому персоналу. Высокая мотивация – ты должен понимать, что кроме тебя никто не заставит тебя пойти к детям в больницу».

Больничная клоунада – это новая технология психосоциальной работы для социальных работников, психологов, актеров. Положительные отзывы детей, родителей, врачей, самих больничных клоунов свидетельствуют о том, что данная технология работает, она полезна и значима.

Полученные в ходе данного исследования результаты мы сравнили с проведенным нами исследованием больничной клоунады в 2015 г. методом глубинного интервью [5]. Результаты опроса клоунов из 6 регионов России оказались схожими с результатами данного исследования.

Основные особенности развития больничной клоунады в Алтайском крае, по нашему мнению, следующие. Основную часть больничных клоунов Алтайского края составляют студенты, для которых больничная клоунада – это волонтерская деятельность. Ребята приходят в клоунаду, будучи студентами, и прекращают выходы в больницы после окончания учебы в вузе.

Большинство больничных клоунов Алтайского края отметили, что им не хватает регулярной супервизии и обучения, так как работа больничного клоуна требует больших энергетических ресурсов, эмоциональных затрат, самомотивации, умений работать с травмой и эмоциональным выгоранием.

Так же больничные клоуны Алтайского края выделили такую значимую для себя составляющую регулярного обучения клоунаде как тренинги личностного роста.

В то же время, все больничные клоуны преследуют цели: помогать детям, творить добро, видеть улыбки детей, развиваться как личность и профессионал, мотивировать детей на принятие лекарств, скорейшее выздоровление, приносить детям радость и поддерживать их в трудной жизненной ситуации. Хотелось бы,

чтобы больничная клоунада перешла на новый уровень, став профессиональным видом деятельности.

Важно помнить, что детям очень важно, что кому-то небезразлична их история, его болезнь. Ребенку важно ощущать поддержку, важно отвлекаться на что-то веселое, доброе, яркое, искреннее и светлое, тогда ему будет легче справиться со своей болезнью или хотя бы легче переносить болевые ощущения.

Литература

1. Антонович И. В., Мазайлова Т. А. Технология «Доктор клоун»: опыт использования, оценка внедрения в практику деятельности учреждений Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 266–270.
2. Больничная клоунада: основы организации и проведения. Учебное пособие / Сост.: Т. А. Мазайлова, Т. В. Сиротина, С. М. Миллер, Т. Ю. Дурманова и др. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. 46 с.
3. Больничные клоуны [сайт]. [2017]. URL: www.medclown.ru/ (дата обращения: 10.12.2017)
4. Седов К. Больничные клоуны: от волонтерства к профессии... М.: АНО «Больничные клоуны», 2014. 51 с.
5. Сиротина Т. В., Миллер С. М. Больничная клоунада как технология адаптации и реабилитации ребенка в больничном учреждении // Baikal Research Journal. 2015. Т.6, №6. doi: 10.17150/2411-6262.2015.6(6).17

THE DEVELOPMENT OF HOSPITAL CLOWNERY IN THE ALTAY REGION

Mazailova T. A., Miller S. M., Sirotina T. V., Barnaul (Russia)

Abstract: *there is the study of the development of hospital clownery in the Altay region. In the article the results of sociological survey of hospital clowns of the Altay Region conducted by the authors in 2017. The motives of hospital clowns, the main parts and content of hospital clownery, the difficulties of working as medical clown are analyzed. The main results of this survey are compared to the other survey of medical clowns of different regions of Russia conducted by the authors in 2015. That allows to describe some main features of the development of medical clownery at the Altay Region.*

Keywords: *medical clownery, hospital clown, the Altay region, the Altay State university, psychosocial work.*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГОВ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Мамчур Ю. Ю., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье раскрыты приоритетные направления деятельности современного учреждения дополнительного профессионального образования, направленные на решение актуальных задач по повышению уровня профессионального мастерства педагогических и руководящих работников на примере опыта работы краевого государственного бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования «Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования». Показана координирующая роль института как коуч-центра, центра трансфера педагогических технологий, обеспечивающая формирование новых компетенций педагогов и информационное, методическое сопровождение. Содержание статьи позволяет рассмотреть становление системы непрерывного образования, состояние и направление развития дополнительного профессионального образования через реализацию инновационных, пилотных, внедренческих проектов КГБУ ДПО «АКИПКРО», через обмен опытом в области интегрированных международных проектов; популяризацию профессионального образования; создание общей коммуникационной инфраструктуры в сфере науки, образования.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, компетенции, профессиональные сообщества, коуч-центр, центр трансфера педагогических технологий, международное сотрудничество.

В настоящее время, отвечая новым вызовам образовательной политики, человечество постоянно решает задачи, поступление которых увеличивается с огромной скоростью. Государства, организации, объединения так или иначе связанные с образованием, разделяют понимание того, что к условиям, требованиям сегодняшнего, а лучше всего, завтрашнего дня, нужно быть готовым адаптироваться. И следующим шагом является определение ключевых компетенций, которые необходимы и востребованы в XXI веке.

Технологические процессы, происходящие в стремительном темпе, способствуют тому, что ряд профессий в скором будущем могут быть робототизированы до 50%. В «Атласе новых профессий» предположительно до 2030 года исчезнет 57 профессий, появятся 186 новых. Развитие общества зависит от компетенций, которые будут востребованы на рынке труда, современная экономика также требует непрерывного обновления знаний и навыков населения. В докладе, подготовленном центром стратегических разработок и Высшей школы экономики в рамках разработки Стратегии социально-экономического развития России до 2024 года и с перспективой до 2035 года под руководством Я. Кузьмина и И. Фрумина «Двенадцать решений для нового образования», особое внимание уделяется «качеству человеческого потенциала». Авторы отмечают, что «важную роль в росте производительности труда играют универсальные навыки и позитивные социальные установки (коммуникация, кооперация, креативность, аналитическое мышление), предприимчивость, самоорганизация» [6].

Что же такое компетенция? «Компетенция» – область знаний, круг вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен» (Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой, толковый словарь А. П. Евгеньевой). В толковом словаре Д. Н. Ушакова под компетенцией понимается «круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом» [2, 4].

В целом, под «компетенциями» подразумевается «способность и готовность человека успешно решать возникающие задачи на основе ресурсов (внешних и внутренних) в различных сферах деятельности, в том числе в нестандартных ситуациях» [5].

Существуют различные подходы в классификации компетенций. С помощью классификаций выстраиваются приоритетные ключевые компетенции. Совет Европы в 1966 году выделил пять групп компетенций, организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в качестве ключевых рассматривает «треугольник» компетенций. В российской системе образования компетенции определяются требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС). В общем образовании группы компетенций делятся на предметные, метапредметные и личностные. Перед системой образования стоит задача – создать условия для обеспечения экономического и культурного роста.

Современная школа должна помогать ученикам развивать самостоятельность в получении новых знаний, способствовать успешному взаимодействию, приобретению широкого круга компетенций. Овладение компетенциями XXI века учащимися в школе зависит от профессиональных компетенций, прежде всего, педагога. От педагога требуется организация такого образовательного процесса, при котором школьники превращаются из пассивных потребителей знаний в соавторов и партнеров. Каждый педагог ищет наиболее эффективные пути совершенствования образовательной деятельности, способы повышения мотивации к учебе и качества обучения детей. И здесь очень важна координирующая роль социальных институтов, а именно, – учреждений дополнительного профессионального образования, объединяющих ресурсы педагогов и создающих экосистему вертикального и горизонтального развития педагога [1].

Краевое государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования» (далее – АКИПКРО), являясь центром дополнительного профессионального образования Алтайского края, обеспечивает формирование новых компетенций педагогических и руководящих работников на основе компетентностного подхода. Основная идея компетентностного подхода – это не пассивное восприятие информации, а применение полученных навыков в конкретных ситуациях. Осуществляя сопровождение инновационной деятельности региональных инновационных площадок региона, а также инновационных, пилотных, внедренческих проектов АКИПКРО представляет собой центр трансфера педагогических технологий. Эффективный механизм развития образования региона представляет коуч-центр института, основные этапы организации деятельности которого представлены следующей моделью: 1 трек – апробация инновационных, пилотных форм, методов, технологий; 2 трек – коррекция и тиражирование полученного опыта; 3 трек – трансляция полученного опыта в массовую практику – масштабирование. Вся деятельность АКИПКРО осуществляется в соответствии с уровнем владения профессиональными компетенциями педагогических и руководящих работников по следующим направлениям:

1) погружение в профессию: «Педагогический дайвинг» (проекты: Молодежные профессиональные педагогические игры,

Молодежный педагогический инкубатор, Агроинтеграция, Наставничество без границ «Мобильный» педагог) [3];

2) профессиональное развитие: профессиональный дизайн (адресная работа с муниципалитетами: реализация мероприятий в рамках соглашения с муниципалитетами, День института в муниципалитете, экспертная поддержка региональных инновационных площадок);

3) профессиональное совершенствование: тесное взаимодействие региональных профессиональных сообществ (Краевые учебно-методические объединения, предметные ассоциации, школы здоровья).

Одним из способов повышения профессиональных компетенций педагогов в Алтайском крае является инициатива АКИПКРО – создание Евразийской лиги педагогов как профессионального сообщества педагогов, объединяющего образовательные организации европейской и азиатской части Российской Федерации, стран Европы и Азии, выразивших готовность к совместной деятельности, а именно к разработке и реализации совместных образовательных, научных, творческих проектов, к содействию повышения профессиональной активности педагогов, а также участию их в социально-экономическом, научном и культурном развитии регионов.

На что направлен фокус деятельности Лиги? На решение следующих задач: расширение сотрудничества и партнерских связей между образовательными организациями Евразийского пространства; разработку и реализацию совместных образовательных, научных, творческих проектов; информационную поддержку деятельности образовательных организаций в реализации государственной образовательной политики Евразийского пространства; содействие повышению профессиональной активности педагогов; обмен опытом в области интегрированных международных проектах; популяризация профессионального образования; создание общей коммуникационной инфраструктуры в сфере науки, образования.

Одним из первых шагов по объединению участников Лиги стало проведение в декабре 2017 года Евразийского образовательного саммита «Образование будущего: традиции и инновации» в формате онлайн-конференции, в которой приняли участие: три страны (Киргизия, Казахстан, Белоруссия), 23 субъекта Российской Федерации, 85 участников. Результатом проведения Евразийского образовательного саммита стало

решение о реализации совместных образовательных проектов. Стартапом реализации данной инициативы стал проект «Мобильный педагог», который, раздвигая горизонты, создавая новые возможности позволил преодолеть географические границы. В рамках деятельности Лиги стали возможны стажировки членов профессионального сообщества по вопросам овладения современными образовательными технологиями с участием экспертов из Белоруссии, Японии, тренеров из Казахстана.

Созданная многоуровневая структура комплексной работы по формированию новых компетенций педагогических и руководящих работников образовательных организаций Алтайского края предопределяет широкие возможности для масштабирования реализуемых проектов не только на уровне региона, но и федеральном и международном уровнях.

Литература

1. Васильева Т. С. ФГОС нового поколения о требованиях к результатам обучения // Теория и практика образования в современном мире: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, январь 2014 г.). СПб.: Заневская площадь, 2014. С. 74–76. URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/99/4793/> (дата обращения: 12.06.2018).

2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц: В 2 т.. М.: Рус. яз., 2000.

3. Мамчур Ю. Ю. Эффективные механизмы неформального образования педагогов: проекты «Мобильный педагог» и «Базовая кафедра» КГБУ ДПО АКИПКРО: Сборник Повышение квалификации педагогических кадров в изменяющемся образовании сборник материалов V Всероссийской интернет-конференции с международным участием. 2017. С. 164–168.

4. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Авдеева Г.С. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. №12 (86). С. 117–120.

5. Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Предисловие. Сведения для пользующихся словарем.... Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред.

А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка, 2013.

7. Двенадцать решений для нового образования доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/04/Doklad_obrazovanie_Web.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF TEACHERS AS A PREREQUISITE FOR CONTINUING EDUCATION

Mamchur Y. Y., Barnaul (Russia)

Abstract: *the article reveals the priority activities of the modern institution of additional professional education, aimed at solving urgent problems to improve the level of professional skills of teachers and managers on the example of the experience of the regional state budgetary institution of additional professional education «Altai regional Institute of advanced training of education workers». The coordinating role of the Institute as a coach center, the center of transfer of pedagogical technologies, providing the formation of new competencies of teachers and information, methodological support is shown. The content of the article allows to consider the formation of the system of continuous education, the state and direction of development of additional professional education through the implementation of innovative, pilot, implementation projects of KGBU DPO «AKIPKRO», through the exchange of experience in the field of integrated international projects; promotion of professional education; creation of general communication infrastructure in the field of science and education.*

Keywords: *additional professional education, competence, professional communities, coaching center, transfer center of pedagogical technologies, international cooperation.*

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ³

Маратканова Е. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: *знание русского языка как государственного стало социальной потребностью. В связи с тем, что Российская Федерация – страна многонациональная, встает вопрос об изучении русского языка как неродного во многих национальных республиках, поскольку Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» говорит о том, что государственным языком является русский, но субъекты Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные государственные языки. Данная статья демонстрирует то, как реализуется программа по изучению русского языка на всех ступенях образования, в том числе и в национальных республиках. Рассматриваются федеральные государственные образовательные стандарты, компетенции овладения русским языком и количество времени, отведенного времени на изучение.*

Ключевые слова: *языковая политика государства, защита, сохранение и продвижение русского языка, повышение качества владения родным языком, русский язык как государственный язык Российской Федерации, русский язык как язык межнационального общения.*

Знание русского языка как государственного для всего населения страны стало социальной потребностью и жизненной необходимостью. На первом заседании Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации В. И. Толстой отметил: «Есть огромный русский мир, говорящий на русском языке, чувствующий, понимающий. Это не обязательно русские по крови и по рождению. Это люди, для которых русская культура, русская литература и русский язык стали образом жизни и важнейшей частью их жизни. Хотелось бы не забывать об этом. Язык – основа любой нации. Он главный скрепляющий элемент, который позволяет стране чувствовать себя единой не только в ее границах, но и везде, где этот язык бытует. Мы, может быть, не

³ Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России».

всегда об этом задумываемся просто потому, что это очевидные вещи. Язык – он как воздух, как кислород вокруг нас, он в нас. Его не ощущаешь, о нем не задумываешься, пока он есть. Пока есть чем дышать, пока можешь дышать своим языком. Почти мгновенно ощущаешь его нехватку» [1].

Российская Федерация – многонациональное государство, на ее территории разговаривают более чем на 270 языках. Из них насчитывается около 100 языков коренных народов России, а остальные – некоренные этносы. Количество носителей языков колеблется от 120 миллионов, до нескольких десятков, а, в исключительных случаях, и единиц.

Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 года был установлен правовой статус государственных языков. Закон устанавливает, что государственным языком является русский, но субъекты РФ вправе устанавливать дополнительные государственные языки [2].

В настоящее время в республиках-субъектах РФ приняты законодательные акты, где закрепляется статус национального языка как государственного. Всего насчитывается 22 таких субъекта, среди которых Чеченская республика, республика Марий-Эл, Дагестанская республика, Адыгейская республика, республика Хакасия, Кабардино-Балкарская республика, республика Алтай, республика Татарстан, республика Тыва, республика Саха и другие.

Изучение русского языка – неотъемлемая часть российского образования. Рассмотрим, как на каждой ступени оценивается его роль.

Первая ступень – дошкольное образование. К данному виду относятся детские сады, сады компенсирующего типа, комбинированные детские сады и центры раннего развития детей. Многофункциональность и разноплановость учебных заведений предоставляет возможность определения приоритетного направления развития личности. Дошкольным считается возраст от двух месяцев до семи лет, именно в этот период они вступают на первую ступень российского образования.

Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования указывает на программу развития личности, которая предусмотрена учреждениями дошкольного образования. В данном документе делается акцент на развитие в этом возрасте речевой культуры, а именно «включение владения речью как средством общения и культуры; обогащение активного словаря; развитие связной, грамматически правильной

диалогической и монологической речи; развитие речевого творчества; развитие звуковой и интонационной культуры речи, фонематического слуха; знакомство с книжной культурой, детской литературой, понимание на слух текстов различных жанров детской литературы; формирование звуковой аналитико-синтетической активности как предпосылки обучения грамоте» [3]. Что говорит о том, что на первой ступени образования русский язык является важной составляющей развития личности.

Данные принципы распространяются на язык, изучаемый в дошкольном учреждении. Жители национальных республик вправе выбрать язык, на котором будут коммуницировать их дети на данной ступени образования (существуют учреждения, где ведущую роль принимают как русский, так и национальный языки).

Вторая ступень образования в России – школьное. Но оно в свою очередь делится на начальное (1–4 класс), основное общее (5–9 класс) и среднее (полное) общее 10–11 класс). Начальное и основное общее является обязательным образованием, которое можно получить в таких организациях как школа, лицей, гимназия. После их завершения предоставляется выбор продолжить обучение в старших классах (10–11 классы) и начать подготовку для поступления в вуз, либо пойти в среднее профессиональное учреждение для получения диплома квалифицированного рабочего, служащего и специалиста среднего звена.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального образования включает в себя целый блок освоения образовательной программы русского языка, а именно, в процессе обучения школьник должен:

1) сформировать первоначальные представления о единстве и многообразии языкового и культурного пространства России, о языке как основе национального самосознания;

2) понимать, что язык представляет собой явление национальной культуры и основное средство человеческого общения, осознать значение русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения;

3) сформировать позитивное отношение к правильной устной и письменной речи как показателям общей культуры и гражданской позиции человека;

4) овладеть первоначальными представлениями о нормах русского и родного литературного языка (орфоэпических, лексических, грамматических) и правилах речевого этикета; уметь ориентироваться в целях, задачах, средствах и условиях общения,

выбирать адекватные языковые средства для успешного решения коммуникативных задач;

5) овладеть учебными действиями с языковыми единицами и умение использовать знания для решения познавательных, практических и коммуникативных задач» [4]. В федеральном базисном учебном плане на изучение русского языка в начальной школе отводится 605 часов в год (20 часов в неделю) для детей, для которых русский язык является родным, и 439 часов в год (13 часов в неделю) для детей, у которых русский язык – неродной.

Для основного общего образования школьникам необходимо освоить следующие компетенции в области русского языка:

1) совершенствование видов речевой деятельности (аудирования, чтения, говорения и письма), обеспечивающих эффективное овладение разными учебными предметами и взаимодействие с окружающими людьми в ситуациях формального и неформального межличностного и межкультурного общения;

2) понимание определяющей роли языка в развитии интеллектуальных и творческих способностей личности, в процессе образования и самообразования;

3) использование коммуникативно-эстетических возможностей русского и родного языков;

4) расширение и систематизацию научных знаний о языке; осознание взаимосвязи его уровней и единиц; освоение базовых понятий лингвистики, основных единиц и грамматических категорий языка;

5) формирование навыков про ведения различных видов анализа слова (фонетического, морфемного, словообразовательного, лексического, морфологического), синтаксического анализа словосочетания и предложения, а также многоаспектного анализа текста;

6) обогащение активного и потенциального словарного запаса, расширение объема используемых в речи грамматических средств для свободного выражения мыслей и чувств адекватно ситуации и стилю общения;

7) овладение основными стилистическими ресурсами лексики и фразеологии языка, основными нормами литературного языка (орфоэпическими, лексическими, грамматическими, орфографическими, пунктуационными), нормами речевого этикета; приобретение опыта их использования в речевой практике при создании устных и письменных высказываний; стремление к речевому самосовершенствованию;

8) формирование ответственности за языковую культуру как общечеловеческую ценность [5]. Количество часов, отведенных на русский язык, – 735 для учащихся, для которых русский язык родной, и 630 часов в год для учащихся с неродным русским языком. В результате, 21 и 18 часов в неделю, соответственно. В сравнении с начальным образованием, разница в количестве часов обучения в зависимости от родного/неродного русского языка уменьшается.

Федеральный базисный учебный план среднего (полного) общего образования изучение русского языка делит на инвариантную часть, в которой на изучение отводится 70 часов за два года, и вариативную часть, в которой отводится 210 часов на профильном уровне (вне зависимости от родного/неродного языка). Федеральный государственный образовательный стандарт объединяет «русский язык» и «литературу» и также делит их на два вида изучения: профильное и базовое.

Требования к базовому курсу изучения русского языка и литературы:

1) сформированность понятий о нормах русского литературного языка и применение знаний о них в речевой практике;

2) владение навыками самоанализа и самооценки на основе наблюдений за собственной речью;

3) владение умением анализировать текст с точки зрения наличия в нем явной и скрытой, основной и второстепенной информации;

4) владение умением представлять тексты в виде тезисов, конспектов, аннотаций, рефератов, сочинений различных жанров;

5) знание содержания произведений русской и мировой классической литературы, их историко-культурного и нравственно-ценностного влияния на формирование национальной и мировой;

6) сформированность представлений об изобразительно-выразительных возможностях русского языка;

7) сформированность умений учитывать исторический, историко-культурный контекст и контекст творчества писателя в процессе анализа художественного произведения;

8) способность выявлять в художественных текстах образы, темы и проблемы и выражать свое отношение к ним в развернутых аргументированных устных и письменных высказываниях;

9) овладение навыками анализа художественных произведений с учетом их жанрово-родовой специфики; осознание художественной картины жизни, созданной в литературном произведении, в единстве

эмоционального личностного восприятия и интеллектуального понимания;

10) сформированность представлений о системе стилей языка художественной литературы;

11) для слепых, слабовидящих обучающихся: сформированность навыков письма на брайлевской печатной машинке;

12) для глухих, слабослышащих, позднооглохших обучающихся: сформированность и развитие основных видов речевой деятельности обучающихся – слухозрительного восприятия (с использованием слуховых аппаратов и (или) кохлеарных имплантов), говорения, чтения, письма;

13) для обучающихся с расстройствами аутистического спектра: овладение основными стилистическими ресурсами лексики и фразеологии языка, основными нормами литературного языка, нормами речевого этикета; приобретение опыта их использования в речевой и альтернативной коммуникативной практике при создании устных, письменных, альтернативных высказываний; стремление к возможности выразить собственные мысли и чувства, обозначить собственную позицию [5].

Требования для углубленного изучения русского языка и литературы должны отражать:

1) сформированность представлений о лингвистике как части общечеловеческого гуманитарного знания;

2) сформированность представлений о языке как многофункциональной развивающейся системе, о стилистических ресурсах языка;

3) владение знаниями о языковой норме, ее функциях и вариантах, о нормах речевого поведения в различных сферах и ситуациях общения;

4) владение умением анализировать единицы различных языковых уровней, а также языковые явления и факты, допускающие неоднозначную интерпретацию;

5) сформированность умений лингвистического анализа текстов разной функционально-стилевой и жанровой принадлежности;

6) владение различными приемами редактирования текстов;

7) сформированность умений проводить лингвистический эксперимент и использовать его результаты в процессе практической речевой деятельности;

8) понимание и осмысленное использование понятийного аппарата современного литературоведения в процессе чтения и интерпретации художественных произведений;

9) владение навыками комплексного филологического анализа художественного текста;

10) сформированность представлений о системе стилей художественной литературы разных эпох, литературных направлениях, об индивидуальном авторском стиле;

11) владение начальными навыками литературоведческого исследования историко- и теоретико-литературного характера;

12) умение оценивать художественную интерпретацию литературного произведения в произведениях других видов искусств (графика и живопись, театр, кино, музыка);

13) сформированность представлений о принципах основных направлений литературной критики [5].

Но, кроме этого, в данном стандарте отводится роль на изучение такой предметной области, как «родной язык и литература». Здесь компетенции ученика должны отражать:

1) сформированность понятий о нормах родного языка и применение знаний о них в речевой практике;

2) владение видами речевой деятельности на родном языке (аудирование, чтение, говорение и письмо), обеспечивающими эффективное взаимодействие с окружающими людьми в ситуациях формального и неформального межличностного и межкультурного общения;

3) сформированность навыков свободного использования коммуникативно-эстетических возможностей родного языка;

4) сформированность понятий и систематизацию научных знаний о родном языке; осознание взаимосвязи его уровней и единиц; освоение базовых понятий лингвистики, основных единиц и грамматических категорий родного языка;

5) сформированность навыков проведения различных видов анализа слова (фонетического, морфемного, словообразовательного, лексического, морфологического), синтаксического анализа словосочетания и предложения, а также многоаспектного анализа текста на родном языке;

6) обогащение активного и потенциального словарного запаса, расширение объема используемых в речи грамматических средств для свободного выражения мыслей и чувств на родном языке адекватно ситуации и стилю общения;

7) овладение основными стилистическими ресурсами лексики и фразеологии родного языка, основными нормами родного языка (орфоэпическими, лексическими, грамматическими, орфографическими, пунктуационными), нормами речевого этикета;

приобретение опыта их использования в речевой практике при создании устных и письменных высказываний; стремление к речевому самосовершенствованию;

8) сформированность ответственности за языковую культуру как общечеловеческую ценность; осознание значимости чтения на родном языке и изучения родной литературы для своего дальнейшего развития; формирование потребности в систематическом чтении как средстве познания мира и себя в этом мире, гармонизации отношений человека и общества, многоаспектного диалога;

9) сформированность понимания родной литературы как одной из основных национально-культурных ценностей народа, как особого способа познания жизни;

10) обеспечение культурной самоидентификации, осознание коммуникативно-эстетических возможностей родного языка на основе изучения выдающихся произведений культуры своего народа, российской и мировой культуры;

11) сформированность навыков понимания литературных художественных произведений, отражающих этнокультурные традиции [5].

Следующая ступень образования – высшее. Как и школьное образование делится на несколько частей: бакалавриат или специалитет и магистратура. Основной целью высшего образования является подготовка высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства. В отличие от предыдущих ступеней образования – количество высшего образования – не ограничено. А это значит, что есть возможность получения разнопрофильного высшего образования.

Разработка федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения сделала возможным появление новых дисциплин, включенных в государственные образовательные стандарты. Благодаря этим новшествам стало возможным осуществление комплексной лингвистической подготовки студентов нефилологических специальностей. Эта подготовка базируется на дисциплинах цикла «Речевое общение», которые раскрывают социальные функции языка как средства обучения и как средства познания. К указанным дисциплинам относятся: базовая дисциплина «Русский язык и культура речи», «Деловое общение и методы коммуникативности», «Ведение

документации и деловая переписка», «Культура речи и деловое общение», «Академическая риторика». Трудно говорить о количестве часов данных дисциплин, поскольку для каждого профиля – определенное количество. Данная особенность касается высших учреждений по всей России, в том числе и высших учебных заведений национальных республик.

После окончания высшего образования предлагается послевузовское профессиональное образование, которое можно получить в аспирантуре, докторантуре, что является следующими ступенями образования. Федеральные государственные стандарты данных ступеней образования не делают акцент на речевую культуру и владение русским языком – эти компетенции подразумеваются как сами собой разумеющиеся.

Таким образом, были рассмотрены все ступени российского образования. Несмотря на то, что национальные республики имеют свою специфику предмета «русский язык», федеральный образовательный стандарт диктует одинаковые приобретенные в процессе обучения компетенции, которые независимо от родного языка необходимо усвоить каждому гражданину Российской Федерации.

Литература

1. Горбунова А. А., Максимова С. Г., Попова А. И. Модель этнической идентичности населения приграничных регионов России // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. №2. С. 40–53.
2. Стенограмма I заседания Совета при Президенте РФ по русскому языку от 09 октября 2014 года, Москва [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения 08.12.2017).
3. О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон №53ФЗ от 01.06.2005 г. [Электрон. ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения 08.12.2017).
4. Федеральный Государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г., №1155).
5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 06 октября 2009 г. №373, в ред. приказов от 26 ноября 2010 г. №1241, от 22 сентября 2011 г. №2357).
6. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (Утвержден приказом

Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. №1897).

RUSSIAN LANGUAGE IN THE EDUCATIONAL SYSTEM
OF THE NATIONAL REPUBLIC OF THE RUSSIAN FEDERATION

Maratkanova E. A., Barnaul (Russia)

Abstract: *knowledge of the Russian language as the state language has become a social need. Due to the fact that the Russian Federation is a multinational country, there is a question about studying of Russian language as a foreign language in many national republics, because the Federal law «On state language of the Russian Federation» says that the state language is Russian, but the subjects of the Russian Federation may establish additional national languages. This article demonstrates how to implement a program to study the Russian language at all levels of education, including in the national republics. The Federal state educational standards, competence of mastering the Russian language and the amount of time allocated to the study.*

Keywords: *state language policy, Russian language protection, maintenance and promotion, quality improvement of native language proficiency, the Russian language national language of the Russian Federation, Russian as the language of inter-ethnic communication.*

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕУЧЕБНОЙ РАБОТЫ С
ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ КАК ФОРМА
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Мардасова Е. В., Козырева Ю. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: в данной статье анализируется внеучебная работа с иностранными студентами географического факультета Алтайского государственного университета как форма социально-культурной интеграции и адаптации иностранцев в образовательное пространство вуза. Рассматриваются этапы социально-культурной адаптации иностранных обучающихся в АлтГУ. Представлена деятельность администрации географического факультета по работе с иностранными студентами. Подробно проанализирована внеучебная и воспитательная работа с иностранными студентами по следующим направлениям: организационная работа; содействие адаптации иностранных студентов на бытовом уровне; развитие психолого-социально-коммуникативных навыков. Представлены качественные и количественные результаты внеучебной работы с иностранными студентами, обучающимися на географическом факультете. Выявлена роль внеучебной и воспитательной работы со студентами – гражданами иностранных государств с точки зрения интегрирования их в российское образовательное пространство.

Ключевые слова: иностранные студенты, внеучебная работа, Алтайский государственный университет, географический факультет.

В настоящее время обучение иностранных студентов является одним из обязательных элементов работы российского вуза. С каждым годом число студентов – граждан иностранных государств в российских вузах увеличивается, что требует включения их не только в процесс обучения и взаимодействия внутри академической группы, но и социально-культурную среду вуза и региона в целом.

Так, например, в 2014–2015 учебном году в России получали высшее образование 220 тысяч иностранных студентов, а в 2015 – 2016 учебном году – 270 тысяч человек в 798 вузах [3].

Алтайский государственный университет (АлтГУ) – опорный вуз России, один из наиболее крупных вузов азиатской части России, активно развивающий международное сотрудничество как в образовательной, так и научной сфере. В 2012 году АлтГУ был официально включен в состав головных (базовых) вузов Университета Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), объединяющей 73 ведущих университета России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Белоруссии [1]. В связи с этим прием иностранных студентов в АлтГУ осуществляется на все ступени образовательных программ (бакалавриат, магистратура, аспирантура) и на всех факультетах.

При этом студенты, приехавшие из других стран, должны преодолеть социально-культурный барьер, который состоит в постепенном освоении культуры нашей страны.

А. Д. Гладуш, Г. Н. Трофимова и В. М. Филиппов (2008) выделяют три этапа социально-культурной адаптации иностранных обучающихся: превентивный (до приезда в страну), начальный (первый месяц пребывания в стране) и основной (все дальнейшее время пребывания в стране) [2].

На превентивном этапе происходит знакомство иностранных абитуриентов с информацией об Алтайском государственном университете через его представителей и посредством Интернета. Важную роль на этом этапе играет сайт опорного вуза с удобным интерфейсом и возможностью просмотра на английском и китайском языках. Сотрудники управления международной деятельности профессионально представляют вуз в разнообразных поездках за рубеж.

Начальный этап продолжается примерно один-полтора месяца, в процессе которых иностранные студенты начинают погружаться в новую языковую, социокультурную и учебную среду: знакомятся с Уставом вуза, нормами и правилами, регламентирующими деятельность студента, начинают преодолевать языковой барьер, приспосабливаться к климатическим особенностям алтайского региона, условиям проживания в общежитии, отсутствию родственников и др.

На протяжении основного этапа при удовлетворенности социально-бытовыми условиями и психологическим климатом студенты-иностранцы проявляют стабильность и комфортность поведения.

На географический факультет АлтГУ ежегодно поступают студенты из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Китая, а в

2017 году на 1 курс впервые поступили 3 студента из Туркменистана (таблица).

Таблица 1

**Динамика количества иностранных студентов
географического факультета АлтГУ
(чел., на 1 сентября ежегодно)**

Страна/Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Китай	1	1	0	0	0	0	2
Казахстан	2	4	12	29	17	32	58
Таджикистан	0	0	4	8	8	7	14
Кыргызстан	0	0	0	5	1	7	10
Туркменистан	0	0	0	0	0	0	3

Деятельность администрации географического факультета (ГФ) по работе с иностранными студентами включает следующие основные моменты: назначение ответственного лица за работу с иностранными студентами из числа преподавателей; разъяснение порядка обучения на факультете, правил проживания в общежитии Студенческого городка АлтГУ; подготовка приказов о зачислении, оформление документов о заселении в общежитие; контроль за текущей успеваемостью; содействие ознакомлению с культурой и традициями народов России; организация совместно с соответствующими подразделениями АлтГУ диспансеризации и медицинского обслуживания иностранцев; учет всего контингента иностранных обучающихся; вовлечение в деятельность студенческого самоуправления, проведение различных внеучебных мероприятий и др. Обучение иностранных студентов на географическом факультете проводится в межнациональных учебных группах, что облегчает вхождение студента в образовательный процесс.

Внеучебная и воспитательная работа с иностранными студентами является важной формой социально-культурной интеграции в образовательное пространство АлтГУ. Данная работа на географическом факультете проводится по следующим направлениям.

Организационная работа. Заключается в создании необходимых условий со стороны администрации географического факультета, способствующих повышению эффективности работы с иностранными студентами. Заместитель декана по внеучебной и

воспитательной работе (ВиВР) проводит встречи с ответственным лицом за работу с иностранцами на ГФ из числа профессорско-преподавательского состава, кураторами и тьюторами академических групп, где обучаются данные студенты, представителями студенческой администрации ГФ и Ассоциации иностранных студентов (АИСТ) на ГФ с целью информирования об особенностях работы и уточнения плана тематических мероприятий. В первую неделю обучения организуются собрания с иностранными студентами с целью информирования их о возможности получения помощи при возникновении затруднительных ситуаций. Такие собрания проводятся несколько раз в семестр. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с заселением иностранных студентов в общежитие и медицинским обслуживанием, так как при оформлении соответствующих приказов студентам необходимо предоставить дополнительные документы.

Содействие адаптации иностранных студентов на бытовом уровне. В процессе заселения в общежитие Студенческого городка АлтГУ иностранных студентов селят с русскими, что позволяет иностранцам активнее использовать русский язык вне аудитории и ускоряет их адаптацию и овладение коммуникативной компетенцией. При проведении собраний в общежитии заместитель декана по ВиВР, председатель студенческого совета всегда обращают внимание на социально-бытовые условия, в которых впервые оказались иностранные студенты, и оказывают помощь в различных ситуациях на основе индивидуального подхода.

В первый месяц обучения для иностранных студентов в АлтГУ и на ГФ организуются специальные мероприятия, участие в которых позволяет ознакомиться с расположением корпусов университета и в целом его инфраструктурой, территорией города Барнаула, маршрутами следования от общежития до вуза. При этом русские студенты выступают в качестве экскурсоводов и гидов.

В академических группах кураторы обеспечивают консультативную помощь иностранным студентам, тьюторы посредством социально-психологической технологии «равный – равному» также оказывают помощь обучающимся в различных вопросах.

Развитие психолого-социально-коммуникативных навыков. Активное вовлечение иностранных студентов в культурно-массовую деятельность обеспечивает решение задач в рамках

данного направления. Согласно Плана ВиВР географического факультета, утверждаемого на каждый календарный год, для иностранных студентов организуются тематические мероприятия: кулинарный конкурс «Кухня народов мира» в общежитии Студенческого городка АлтГУ, мастер-классы «Дружим народами на ГФ», шахматно-шашечные турниры, состязание по ориентированию в г. Барнауле «ГеоКвест», межфакультетский национальный конкурс «ТурИст». Привлечение иностранных студентов не только к участию, но и организации внеучебных мероприятий позволяет им проявить индивидуальные возможности, творчески самореализоваться, закрепить навыки межличностного общения и в целом усвоить элементы русской культуры посредством социокультурной деятельности.

Кроме этого, активную внеучебную деятельность помогают осуществлять кураторы и тьюторы посредством организации экскурсий в музеи АлтГУ и Барнаула, посещения выставок, театральных спектаклей. Таким образом происходит знакомство иностранных студентов с духовным и культурным достоянием, историческим наследием России и Алтайского региона, что способствует пониманию ими традиционных ценностей русской культуры.

Помимо специальных тематических мероприятий, иностранные студенты вовлекаются и во все остальные, предусмотренные Планом ВиВР. В этом значимую поддержку оказывают русские студенты, обеспечивая чувство «дружеского плеча» и работу в одной команде.

Качественными результатами проведения внеучебной работы с иностранными студентами можно назвать улучшение коммуникативных навыков, повышение уровня знания русского языка, участие в организации и проведении различных внеучебных мероприятий (культурно-творческих, спортивных, экологических, научных и др.), участие в качестве членов в студенческих объединениях географического факультета и Алтайского государственного университета и др. К количественным показателям эффективной внеучебной работы можно отнести следующие. В волонтерском центре ГФ «Экватор» около 40 % участников составляют иностранные студенты, главным образом, из Казахстана и Таджикистана. На географическом факультете создана футбольная команда «Азия», участниками которой являются студенты из Таджикистана, Казахстана и России. Спортсмены представляют не только факультет, но и университет уже на городском уровне

соревнований. Иностранные студенты ГФ выступают на соревнованиях по боксу и самбо на городском, краевом и региональном уровнях. Более 30 студентов из Казахстана, Киргизии и Таджикистана принимают систематическое участие в деятельности университетского объединения «АИСТ» – Ассоциации иностранных студентов АлтГУ.

Таким образом, важным условием успешной социально-культурной интеграции студентов – граждан иностранных государств в образовательное пространство Алтайского государственного университета является усвоение ими знаний о других культурах, уяснение общего и различного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов. На географическом факультете АлтГУ включение иностранных студентов в межкультурную коммуникативную деятельность происходит за счет реализации комплекса мероприятий, позволяющих интегрировать иностранцев в образовательное пространство и российское общество в целом.

Литература

1. Алтайский государственный университет Университет Шанхайской организации сотрудничества: [сайт]. [2009–2018]. URL: http://uni-sco.ru/univer/71/univer_71.html (дата обращения: 05.05.2018).
2. Гладуш А. Д., Трофимова Г. Н., Филиппов В. М. Социально-культурная адаптация иностранных граждан к условиям обучения и проживания в России: Учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 146 с.
3. Комраков А. Количество иностранных студентов в России за год выросло на четверть [Электронный ресурс] // Независимая газета: [сайт]. [1997 – 2018]. URL: http://www.ng.ru/economics/2016-07-12/4_students.html (дата обращения: 05.05.2018).

PRACTICE OF REALIZATION OF NONLEARNING WORK
WITH FOREIGN STUDENTS AS FORM OF WELFARE INTEGRATION
IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL SPACE
(ON THE EXAMPLE OF GEOGRAPHICAL FACULTY OF THE
ALTAI STATE UNIVERSITY)

Mardasova E. V., Kozyreva Yu. V., Barnaul (Russia)

Abstract: in this article nonlearning work with foreign students of geographical faculty of the Altai state university as a form of welfare

integration and adaptation of foreigners into educational space of higher education institution is analyzed. Stages of welfare adaptation of foreign students in ALTGU are considered. Activities of administration of geographical faculty for work with foreign students are presented. Nonlearning and educational work with foreign students on the directions is in detail analysed: organizational work; assistance of adaptation of foreign students at the household level; development ncuxo1o2o – social and communicative skills. Qualitative and quantitative results of nonlearning work with the foreign students studying at geographical faculty are presented. The role of nonlearning and educational work with students – citizens of the foreign states from the point of view of their integration in the Russian educational space is revealed.

Keywords: *foreign students, nonlearning work, Altai State University, geographical faculty.*

САКРАЛИЗАЦИЯ СЕМЬИ КАК ФАКТОР
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ:
НА ПРИМЕРЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ В. М. ШУКШИНА

Московкина Е. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: *шукшинский текст представляет собой некий семиотический концентрат ценностных кодов культуры, закрепленных в наборе инвариантных социально-значимых коммуникативно-поведенческих доминант. Социальный символизм народа сквозь призму творчества писателя проявляется в парадигме типовых моделей коммуникативного поведения, устоявшихся в ментальной аксиологии. Культуроспецифичное понятийное пространство, отраженное в наиболее релевантных коммуникативных паттернах прозы Шукшина, формирует семиотический фон, поддерживающий культурно значимые универсалии. Проза Шукшина воссоздает комплекс эндемических черт национальной культуры. Семиотика и психология брака в творческой концепции Шукшина соотносится с витально-летальными категориями, то есть оказывается детерминированной архетипической дихотомией «Эрос/Танатос». В художественном мире Шукшина супружеская жизнь героев крайне редко приближается к горизонту безмятежного счастья, однако мыслится как непререкаемая инициативная категория в системе сакральных эпистем ментальной аксиологии.*

Ключевые слова: *коммуникативное поведение, концепт, текст, языковая картина мира, коммуникативная модель, дискурс.*

Проза В. М. Шукшина представляет особый интерес с точки зрения лингвокультурологии: художественное творчество писателя дает богатейший материал для изучения и описания «основных особенностей русского коммуникативного поведения как отражения русского менталитета, национального характера и стереотипов русского поведения» [2, с. 14], а также описания «типичных особенностей коммуникативного поведения русского человека, проявляющихся в его повседневной коммуникативной практике в стандартных коммуникативных ситуациях и коммуникативных сферах» [там же].

Одним из коммуникативных концентратов эндемических черт национальной культуры в творчестве Шукшина является категория семьи. Психология брака в художественном мире

писателя раскрывается через набор ментально обусловленных ситуативных доминант, подключающих литературный дискурс к архетипической логике инициации. Шукшинские «чудики», «психопаты» и прочие герои маргинального типа, как правило, переживают комплекс непреодоленной инициации, связанный с нереализованными возможностями вступления в брак, невозможностью или ущербностью последнего. Стремление же создать семью оказывается для героев Шукшина непреодолимым как потребность в приобщении к сакральному смыслу полноценного бытия.

Ментальная концепция брака в творчестве Шукшина отмечена особенностями «русского эроса», ставшего одним из центральных вопросов русской религиозной философии.

Согласно суждениям Вл. Соловьева, в любви и браке восстанавливается андрогинная целостность личности, преодолевается половая «незавершенность»⁴ [5, с. 513].

Не случайно шукшинские герои, обретая «свою половину», не женятся, «сажаются намертво» [6, с. 320], и какой бы, говоря словами одного из них, «злой и неумной» «курвой» ни была жена, не «сдюжить» мужику одному, и готов он принять и простить ее даже после измены. Ищет примирения с женой Павел Попов («Страдания молодого Ваганова»): «...Сможешь с ней жить после этого – живи, не сможешь... – Смогу, – твердо сказал Попов. – Черт с ней, что она хвостом раз-другой вильнула. Только пусть это больше не повторяется. Я сам виноватый...» [6, с. 382]; ждет своего «праздника» Серега Безменов («Беспалый»): «– Серега, – поинтересовались, – а вот ты же это... любил ее. А если б сейчас приехала, простил бы? Серега промолчал на это. Ничего не сказал <...> Он думал: что ж, видно, и это надо было испытать в жизни. Но если б еще раз налетела такая буря, он бы опять растопырил ей руки, пошел бы навстречу...» [6, с. 375]; Иван Петин – «шофер первого класса», пытается через литературный опыт («раскас») достучаться до совести жены Людмилы, которая ему

⁴ «...истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих, – пишет Соловьев. – Осуществить это единство или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, – это и есть собственная ближайшая задача любви» [5, с. 513].

«надстраивает такие прямые рога!», – «Может она вернется» [7, с. 426–428] («Раскас»); не в силах разорвать семейные узы, оттолкнуть «чужую» и «неверную» ему Валию Кольку Паратов: «Спали, однако, вместе. – Ну как заказчики? – интересовался ночью Колька и похлопывал жену по мягкому телу, и смеялся, не притворялся, действительно смех брал, правда, нервный какой-то смех» [6, с. 322] («Жена мужа в Париж провожала»); снисходителен к женщинам умудренный богатым житейским опытом старик Никитич: «Бабы, они... конечно. Но без них тоже...» [1; 306] («Охота жить»). Иными словами, несовершенства женщин не в состоянии разрушить убеждение шукшинских героев в том, что «Семья человеку нужна, это уж как не крутись. Без семьи ты – пустой нуль» [6, с. 394] («Страдания молодого Ваганова»).

В философии Розанова смыслом брака является ребенок. Смерть побеждается деторождением⁵ [4, с. 78–79; 5, с. 186–187]. «Обделенные» женской любовью шукшинские герои преодолевают разочарование в браке через любовь к детям.

Спирьке Расторгуеву «вдруг вспомнилась маленькая девочка, племянница Спирьки» [6; с. 57] («Сураз») именно тогда, когда герой твердо решил свести счеты с жизнью. Девочка – не только бессознательная ассоциация с вытесненным образом «маленькой», «голенькой» Ирины Ивановны – чужой жены – в которую безнадежно влюблен Спирька, но и более масштабный символ. Тезис «ребенок – преодоление смерти» реализуется здесь почти буквально: Спирька намерен стреляться на кладбище, вступает в мистический контакт с потусторонним миром, но спасительный фантом ребенка на время «выдерживает» Спирьку из состояния предсмертной апатии.

Дочь Нина – единственная и последняя любовь Кольки Паратова, единственная женщина, которая нуждается в нем (нелюбимом женой), единственный близкий человек, которому

⁵ «“Таинством” назван “брак”, т.е. самое прохождение жизни брачной, что открывается назавтра после венчания и оканчивается могилой: “таинственны”, нерациональны, “мистичны” расчленения человека в семью, вчерашнего юноши – в завтрашнего “отца” и “дитя”, вчерашней девушки – в “дитя” и “мать”. Вот – тайна, вот – непостижимое, и вот – религия» [5, с. 186–187]; «В сиянии младенца есть ноуменальная потусветная святость, как бы влага потустороннего света, еще не сбежавшая с ресниц его. Дом без детей – темен (морально), с детьми – светел <...> младенец, плод полового акта, есть отелесненное целомудрие» [4, с. 78–79].

адресована посмертная записка: *«Доченька, папа уехал в командировку»* [6, с. 324] (*«Жена мужа в Париж провожала»*). Для нее Колька как будто жив, следовательно, через семейные узы с дочерью герой преодолевает смерть.

Трое «неоперившихся» еще ребяташек «компенсируют» в сердце Павла Попова нелюбовь и неверность жены (*«Страдания молодого Ваганова»*): *«Меньшому только семь, я люблю его до смерти», «мне на стороне не сдюжить»* [6, с. 384–385].

Мечтая о будущем детей, внуков, Алеша Бесконвойный незаметно для себя приходит к истине: *«Нет, жить, конечно, имеет смысл»* [6, с. 488] (*«Алеша Бесконвойный»*). Убежденность в «неуязвимости» ребенка перед смертью закрепились в сознании Алеши настолько прочно, что он *«никогда всерьез не переживал болезнь своих детей, даже когда они тяжело болели, – не думал о плохом. Просто как-то не приходила эта мысль. И ни один, слава богу, не помер»* [6, с. 488].

Герой рассказа *«Как зайка летал на воздушных шариках»* Федор Кузьмич, напротив, переносит болезнь дочери очень тяжело. Вероятно потому, что сам он *«мужчина в годах»* и *«это был его поздний ребенок, последний теперь»*, то есть все, ради чего он жил, квинтэссенция жизни: *«он без памяти любил девочку»* [6, с. 412].

Интересно, что дети в художественном мире Шукшина, как правило, – девочки. Здесь, безусловно, сыграл роль автобиографический фактор, но помимо того, есть основания предполагать, что в «женском» облике ребенка заложена мифологема любви-жизни.

Дисгармоничность отношений мужчины и женщины в браке поражает «клеимом» ущербности плоды такого союза. Оскорбленная женщина жестоко мстит за вероломство мужчин, производя ребенка-калеку⁶: *«Я свою молоду поучил вожжами –*

⁶ По мысли М. Ямпольского, в средние века и Новое время «...считалось, что “анаморфоза”, производящая монстра, связана с силой воображения. Согласно представлениям, имевшим широкое хождение в XVIII веке, воображение было способно изменить “природную” форму ребенка и произвести на свет урод. Материнское воображение представлялось основным формообразующим фактором, а мать оказывалась похожей на художника <...> Сходные взгляды питали и гипотезу о травматическом генезисе монстров <...> Широкое распространение имело убеждение, что урод появлялся на свет в результате пережитого беременной женщиной момента ужаса или увиденного страшного сна» [8, с. 247–248].

она мне со зла немую девку принесла» [7, с. 277], – сетует Ермолай Воеводин («Степка»); *«Одного ребенка не могла родить как следует... с двумя ногами!»* [7, с. 298], – сокрушается Андрей Воронцов («Нечаянный выстрел»).

Таким образом, очевидно наличие у Шукшина этического пафоса в художественном осмыслении брака. Нарушение «табу брака» (со стороны мужчины), как правило, наказуемо. Беспрепятственное вмешательство в чужую семейную жизнь возможно лишь в фантазиях шукшинских «мечтателей». Так, Митька Ермаков – *«ходячий анекдот»* – конструирует иллюзорную реальность, в которой он, владеющий уникальным даром целителя, *«живет с женщинами, вылеченными (им – Е. М.) от рака»* [6, с. 234]. Роль спасителя, легитимизирующая связи с благодарными женщинами, нивелирует эдипов конфликт с мужьями Митькиных «пациенток»: *«Митька жесток: наставит мужу рога, не задумается. И живет он с женщинами, вылеченными от рака, не таясь, открыто. И пусть только мужья заикнутся, что...»* [6, с. 234].

Одна из причин семейной несостоятельности героев Шукшина – их непреодоленный инфантилизм. Мужские персонажи в творчестве писателя подчеркнута немужественны (*«сухой маленький»* Антип Калачиков [7, с. 238–239] («Одни»), *«невысок ростом», «с льяным чубариком-чубчиком»* [6, с. 318] Колька Паратов («Жена мужа в Париж провожала»), порой подетски чувствительны и плаксивы: *«Сашку опять затрясло. Он, как этот... и трясся все утро, и трясся. Нервное желе, елки зеленые»* [6, с. 267] («Обида»); *«Черт знает, что за нервы у него! То и дело плакал»* [6, с. 372] («Беспалый»). Примечательно, что многие из них имеют физические недостатки: *«кривоносик»* Андрей Ерин, «беспалые» Серега Безменов и Бронька Пупков, *«слепарь»* Ганя Козлов, одноногие Ефим Валиков и Колька Воронцов, хромой Вениа Зяблицкий, шепелявый Петька Краснов. «Сильная» половина человечества в художественном мире Шукшина не мыслит своего существования в одиночестве, без женской (материнской) опеки и потому вынуждена мириться со всеми женскими «выходками»: *«Мне на стороне не сдюжить – вовсе сопьюсь»* [6, с. 385].

Женские персонажи у Шукшина, напротив, как правило, поражают физической «крепостью»: *«крепкая здоровьем, крепкая нравом, взглядом на жизнь, вообще вся очень крепкая»* [6, с. 332] теща Вениа Зяблицкого («Мой зять украл машину дров»); *«могучая половина»* Антипа Калачикова – *«грозная, большая»* Марфа

[7, с. 238–239] («Одни»); Глашка – «горластая», «быстроногая», «телка» [7, с. 293] («Нечаянный выстрел»).

Современная женщина, цитируя Г. Гачева, «в наш железный век, стиснув челюсти, лезет, торопится ожелезнить, стать механической» [1, с. 289]. Образ Клары – героини рассказа «Беспалый» – наиболее яркое воплощение такой «металлической леди»: *«Клара была в сиреновом платье с пышными рукавами, на груди медальон – часы на золотой цепочке, волосы отливают дорогой медью, очки блестят... Как любил ее Серега за эти очки! <...> Клара, сверкая стеклом, медью и золотом, сказала на это так...»* [6, с. 371] (выделено нами – Е. М.).

Примечательно, что инициатором семейных разрывов в творчестве Шукшина обычно является более свободная, более самостоятельная в сравнении с бессильным перед обстоятельствами, растерянным, инфантильным мужчиной женщина.

В художественном мире Шукшина супружеская жизнь героев крайне редко приближается к горизонту безмятежного счастья («Светлые души», «Сапожки», «Печки-лавочки» – скорее исключение из правил, нежели программная установка). Гораздо чаще любовь и семья становятся мучительным испытанием для героев Шукшина. Парадокс смыкания в браке рубежей жизни и смерти иллюстрируется гибелью шукшинских героев, не умеющих освободиться от «добровольной каторги». К суициду приводит семейная жизнь Кольку Паратова и брата Алеши Бесконвойного Ивана, которого «довела тоже жена родная» [6, с. 484]. Любовь – виновница «нечаянного выстрела» Кольки Воронцова и самоубийства Спирьки Расторгуева.

Итак, Шукшин далек от идеализации брака. Функциональные знаки маскулинного и феминного в социальной психологии человека XX века нередко взаимоотрицаются, ориентируются на собственную противоположность. Однако социально-коммуникативная потребность в священном союзе между мужчиной и женщиной как «ядерной ценности» культуры и убежденность в провиденциальной целесообразности семейных уз, невзирая на фатальную танатологичность последних, придает категории семьи сакральный смысл, закрепленный в архетипическом претексте шукшинского дискурса.

Литература

1. Гачев Г. Русский эрос // Жизнь художественного сознания. М.: Искусство, 1972. 202 с.

2. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
3. Розанов В. В. Женщина перед великою задачею // Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1992. 399 с.
4. Розанов В. В. Семья как религия // Розанов В. В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. М.: Республика, 1995. 462 с.
5. Соловьев Вл. Смысл любви // Соловьев Вл. Сочинения в 2-х т. Т.2. М.: Мысль, 1990. 822 с.
6. Шукшин В. М. Собрание сочинений в 6-и кн. Кн. вторая. Верую! М.: Изд-во «Надежда-І», 1998. 512 с.
7. Шукшин В. М. Собрание сочинений в 6-и кн. Кн. первая. Охота жить. Рассказы. М.: Изд-во «Надежда-І», 1998. 512 с.
8. Ямпольский М. Демон и Лабиринт. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 350 с.

SACRALIZATION OF A FAMILY AS A FACTOR
OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR:
ON THE EXAMPLE OF SHORT STORIES BY V. M. SHUKSHIN

Moskovkina E. A., Barnaul (Russia)

Abstract: *shukshin's text is a semiotic concentrate of cultural values that are enshrined in the set of invariant social-communicative behavioral dominants. The social symbolism of people through the prism of the writer is manifested in the paradigm of standard models of communicative behavior established in the ethnopsychology. The conceptual space specific to the national culture is reflected in the most relevant communication patterns of Shukshin's prose, creates a semiotic background, that supports important cultural universals. Shukshin's prose recreates the complex of endemic features of the national culture. Semiotics and psychology of marriage in the creative concept of Shukshin correlates with the vital-lethal categories, that is, it turns out to be deterministic of archetypal dichotomy «Eros/Tanatos». In the artistic world of Shukshin the married life of heroes rarely approaches the horizon of serene happiness but is thought of as an indispensable initiative category in the system of sacred epistemes of mental axiology.*

Keywords: *communicative behavior, concept, text, language picture of the world, communicative model, discourse.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКОНФЛИКТОЛОГИИ

Пустовалова Е. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: одной из основных характеристик большинства современных государств является их полиэтничность. Это предполагает необходимость согласования различных этнокультурных особенностей народов для их оптимального взаимодействия. Имеется целый комплекс проблем, связанных с возникновением этнических противоречий, требующих своевременного урегулирования. В данной статье обозначены проблемы, связанные с исторически сложившимися особенностями общественной динамики. Отмечены те их аспекты, которые не потеряли свою актуальность и сегодня требуют внимания конфликтологов. Также заявлен ряд проблем, основанных на специфике современных особенностей развития социума. Отмечена противоречивость внедрения в общество идеи толерантности как одной из общегуманитарных ценностей; неоднозначность использования мультикультурализма в обеспечении межэтнического согласия; значимость для современного общества возможности сохранения этнической идентичности и сепаратистские тенденции, с нею связанные.

Ключевые слова: этноконфликтология; этнические противоречия; этнический конфликт; этническая идентичность; этнокультурное пространство.

Современный социум представляет собой комплекс этнонациональных образований, объединяющихся по разным основаниям. Многообразие этносов предполагает и многообразие их культурных особенностей, традиций, обычаев, способов организации быта и т.д. Интеграционные процессы, характерные для современных обществ, вместе с положительными тенденциями, способствуют и актуализации целого ряда противоречий.

Несомненно, различие этносов всегда было достаточным основанием для возникновения конфликтов. История человечества предоставляет для осмысления и изучения значительное количество такого рода конфликтов. Конфликтология как научное знание берет свое начало в эмпирических исследованиях, направленных на изучение этнонациональных противоречий и управление этническими конфликтами. По сути, этноконфликтология стоит у истоков научного подхода к осмыслению сущности конфликта и разработки технологий по его оптимальному регулированию.

Этнические противоречия, по оценкам большинства конфликтологов, являются одними из самых сложных в разрешении. Причин тому несколько. Прежде всего, наличие социокультурных маркеров, характеризующих тот или иной этнос, символически закреплённых в менталитете народа. Поскольку они представляют собой способ этнической самоидентификации, отказаться от них или снизить степень значимости при урегулировании противоречий с другим этносом, не представляется возможным.

Еще одной причиной, осложняющей разрешение этнических конфликтов, является религиозная принадлежность. Как правило, в этническую самобытность включена и сакральная составляющая, которая возникала и развивалась в рамках этноса в соответствии с этнокультурными особенностями его формирования. Веротерпимость никогда не была характерной чертой большинства этносов и различия в верованиях часто являются непреодолимым препятствием для достижения согласия между народами.

Немаловажной причиной, также представляющей сложность в разрешении этноконфликтов, является хозяйственный уклад жизни этноса. Это, прежде всего, географическая специфика формирования этноса, которая оказывает влияние на основной род занятий населения, образ жизни и ведения хозяйства. Кроме того, особенности социально-политических отношений с этносами, населяющими сопредельные территории, также имеют важное значение при регулировании межэтнических противоречий. Здесь, очевидно, есть больше возможностей для достижения согласия, но при отсутствии неблагоприятной истории развития взаимоотношений.

Обращаясь к проблемам современной этноконфликтологии, прежде всего следует отметить, сохраняют ли свою актуальность отмеченные сложности, ранее препятствовавшие разрешению этноконфликтов. Так, мультикультурализм как тенденция социокультурного и этнополитического развития современного общества призвана устранить причины напряженности, связанные с этно-религиозными и культурными различиями современных многонациональных государств. Попытки ассимиляции и интеграции, предпринимаемые в XVII – первой половине XX вв. не привели к устранению этно-национальных противоречий. Вместе с тем, активное формирование многонациональных государств требовало поиска новых решений по снижению напряженности между этносами.

Мультикультурализм призван устранить этно-национальные противоречия, прежде всего, сохранив этническую идентичность и религиозную принадлежность, а также языковую культуру и т.д. В большинстве современных многонациональных государств политическими решениями уравниены в правах граждане всех национальностей. Провозглашается веротерпимость и свобода совести. В ряде стран узаконено равенство нескольких языков. Таким образом, можно отметить стремление общества к снижению межэтнической напряженности и устранению противоречий, которые накапливались веками.

Вместе с тем, нельзя сказать, что этноконфликтология утратила проблемное поле для своих исследований. Большинство отмеченных проблем все еще актуально. Не все очаги этнической напряженности устранены, возникают и новые противоречия. Так, можно выделить следующие современные проблемы этноконфликтологии.

1. Проблема адаптации опыта управления этническими конфликтами к современной специфике осмысления этно-национальных противоречий. Ключевой специфический момент основан на повсеместном внедрении в массовое сознание принципа толерантности, в том числе и этнической для оптимизации межнациональных отношений. В. А. Артюхина отмечает, что такой подход «... нарушает представления современной науки об основах управления конфликтами. Создание рамок, препятствующих выражению негативного отношения к представителям другой национальности, не разрешает, а, напротив, способствует созданию условий для роста напряженности в этой сфере» [1, с. 159–160].

2. Проблема сохранения этнической идентичности при разрешении этноконфликтов. Актуальность данной проблемы продиктована, прежде всего, использованием мультикультуралистского подхода к снижению этнической напряженности. Призванный обеспечить общественную солидарность разных этносов и их культур, сохранить самобытность народов, данный подход вместе с тем порождает новые противоречия. Е. А. Попов, характеризую особенности мультикультурализма, отмечает, что формируемые им поведенческие стереотипы не всегда могут согласовываться с традиционными для отдельных культур ценностями и нормами. Кроме того, мультикультурализм не способствует межпоколенной преемственности социокультурного опыта [2, с. 58].

3. Проблема дезинтеграции этнокультурного пространства как результата распада многонациональных государств в процессе разрешения межэтнических противоречий в конце XX – начале XXI вв. Сепаратистские движения этого времени основаны, прежде всего, на желании отдельных народов сохранить свою этническую идентичность. Это сегодня одна из самых актуальных тенденций социально-политического развития мира. Она показывает насколько значима для современного общества этнокультурная самоидентификация, и как важно ее обеспечение для сохранения мира.

Весь комплекс этих проблем позволяет отметить, что задачи, которые были поставлены перед этноконфликтологией еще на этапе ее формирования в качестве научного направления, по-прежнему актуальны. Их сложность и многоаспектность заявляют о необходимости регулярного мониторинга как со стороны общества, так и в рамках государственных программ. Современные тенденции этносоциального и этнополитического развития мира требуют новых конфликтологических решений в обеспечении межкультурного диалога для оптимизации процесса формирования нового этнокультурного пространства.

Литература

1. Артюхина В. А. Конфликтный потенциал этнической толерантности // Социальная интергация и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции. Вып. 5. Ч. 1. Барнаул: Новый формат, 2017. С 157–160.
2. Попов Е. А. Мультикультурализм или диалог культур: соотношение категориальных систем в условиях междисциплинарного развития наук и знаний // Социальная интергация и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции. Вып. 4. Ч. 1. Барнаул: Новый формат, 2016. С 56–60.

ACTUAL PROBLEMS OF ETHNIC CONFLICTOLOGY

Pustovalova E. V., Barnaul (Russia)

Abstract: the polyethnicity of most present states is one of the main characteristics. This implies the need to harmonize the different ethnic and cultural characteristics of the peoples for their optimal interaction.

There is the whole complex of problems associated with the occurrence of ethnic contradictions that require timely resolution. In this article the problems connected with historically developed features of social dynamics are designated. Those aspects that have not lost their relevance and today require the attention of conflict experts are noted. Also a number of problems based on specifics of present features of development of society are declared. The contradiction of the introduction into society of the idea of tolerance as one of the common humanitarian values; the ambiguity of the use of multiculturalism in ensuring interethnic harmony; the importance for modern society of the possibility of preserving ethnic identity and separatist tendencies associated with it.

Keywords: *ethnic conflictology; ethnic contradictions; ethnic conflict; ethnic identity; ethno-cultural space.*

ПСИХОДИДАКТИКА ИСКУССТВА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Серегин Н. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье анализируется психолого-педагогическая сущность искусства в художественно-просветительном процессе развития евразийского пространства, обусловленного взаимопроникновением педагогики, психологии, искусства и формированием быстропрогрессирующих тенденций востребованности компетентности психодидактики профессиональной деятельности в области искусства. Выявлены инновационные технологии, построенные на полидисциплинарной основе, имеющие личностно-ценностную направленность проектирования нового типа развивающих музыкально-образовательных сред, требующие усовершенствованных средств, методов обучения и учебных пособий нового поколения. Психодидактическая система музыкальной деятельности углубляет развитие конкретных областей психики в образовательном процессе и закрепляет их чувственной сферой. Рассматриваются современные подходы к построению образовательно-воспитательного процесса, ориентирующиеся на необходимость интеллектуального и нравственного развития подрастающего поколения, целенаправленное формирование критического и творческого мышления. Обосновываются развивающиеся образовательные технологии, соотносящиеся с теорией и практикой музыкальной психологии и педагогики.

Ключевые слова: психодидактика искусства, евразийское пространство, образование, воспитание, профессиональная деятельность, компетентностный подход.

Сущность формирования евразийского пространства во многом основывается на художественно-просветительном процессе. Его содержание представлено исполнительским искусством, которое обеспечивает передачу культуры от поколения к поколению, от одного этноса к другому и т.д. Уровень профессионализма исполнительского искусства обусловлен психолого-педагогическим наполнением образования и воспитания широких слоев населения. Он обеспечивается объективным научно-исследовательским процессом и внедрением его достижений в методику и практику профессионального искусства, быта, реальной жизнедеятельности [1]. При этом

духовную основу евразийского пространства нельзя путать с тенденциями глобализации, а по сути – американизации, основу которой составляет свойственная американскому обществу религиозная система ценностей. Речь идет о развитии евразийской цивилизации, понимаемой как совокупность народов, существующих в Евразии и объединенных общим местоположением, историей, культурными тенденциями, хотя и разных по происхождению, языкам, религиям. Православие, согласно евразийской доктрине, является средоточием не только русского мироощущения, но и всей евразийской культуры, представляющей собой сложную мозаику, состоящую из языческих верований, а также крупных анклавов мусульманской и буддистской культуры.

Определяя проблемы, допущенные сегодня в исполнительское искусство, психологию и педагогику, большинство исследователей констатирует их связь с известной Асафьевской триадой «композитор, исполнитель, слушатель», а также с вопросами запоминания, сценического волнения, воплощения и т.п., имеющими прикладное значение для развития исполнительской культуры в целом и профессиональной исполнительской деятельности, в частности. Между тем особенности пространства диктуют специфику содержания процесса взаимопроникновения педагогики, психологии, искусства и формируют быстропрогрессирующие тенденции психодидактики «фрагмента ноосферы» [2].

Нельзя допустить упрощения и нивелирования магии звука, пластики, слова, интонации чувств и образов в евразийском пространстве современного мира. Такая тенденция приведет к уничтожению человека как творца, к штампу в искусстве и жизнедеятельности. И если деятели искусства могут позволить себе такую тенденцию, то, по крайней мере, интерес к изучению искусства со стороны педагогики и психологии, который имеет такую же историю, которую имеет каждая из этих наук, не позволит допустить снижения профессионального уровня искусства.

К проблемам искусства неоднократно обращались в своих исследованиях классики зарубежной (В. Вундт, Г. Фехнер, Т. Рибо, К. Штумпф, Г. Мюнстерберг), отечественной психологии и психиатрии (В. М. Бехтерев, И. А. Догель, И. А. Тарханов, С. С. Корсаков, Г. И. Россолимо). К сожалению, интерес крупнейших советских ученых (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, Н. А. Гарбузов,

А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов и другие) к психолого-педагогическим проблемам искусства, различным формам художественной проблематики не вылился в строго научную программу изучения психодидактики искусства. Работы отдельных авторов, появившиеся в печати за последние годы, не смогли преодолеть этот барьер. Не случилось серьезного качественного прорыва в сущности и содержании процесса подготовки профессиональных кадров. С другой стороны, включение в новые государственные стандарты компетенций и соответствующих им предметов, связанных с педагогикой и психологией в области профессионального искусства, говорит о том, что профессиональная педагогическая практика требует осмысления теоретических установок психодидактики искусства [3].

Речь идет не только о востребованности компетенций педагогики и психологии искусства. Анализ современных федеральных государственных стандартов показывает, что целеполагание соответствующих дисциплин должно определять формирование целостного представления о психолого-педагогических особенностях построения искусства и учебно-воспитательного процесса в области исполнительского искусства. Именно об этом свидетельствует представление в федеральных государственных образовательных стандартах в качестве базовых таких дисциплин как история исполнительского искусства, музыкальная педагогика и психология, музыкально-педагогические системы, история и теория искусств, возрастная и педагогическая психология, педагогика художественного образования, основы менеджмента исполнительских искусств, основы научных исследований и т.д.

В задачи этих дисциплин включено оснащение исполнителей и педагогов специальными профессионально ориентированными психолого-педагогическими знаниями; изучение сущности процессов исполнительского творчества, функционирования психологических систем исполнительской деятельности; овладение понятийным аппаратом, описывающим познавательную, эмоционально-волевую, мотивационную и регуляторную сферы психического развития; изучение проблемы личности, мышления, общения и деятельности, образования и саморазвития; приобретение опыта анализа профессиональных и учебных проблемных ситуаций, приобретение опыта учета индивидуально-психологических и личностных особенностей

людей, стилей их познавательной и профессиональной деятельности, усвоение теоретических основ проектирования, организации и осуществления современного образовательного процесса, диагностики его хода и результатов. Освоив соответствующие дисциплины, студент должен: знать понятийный аппарат психологической и педагогической наук, основные функции психики, механизмы функционирования психики в разных видах исполнительской деятельности, приемы психической регуляции поведения и деятельности в процессе обучения искусству, основные методики в области педагогики искусства – как отечественные, так и зарубежные; уметь реализовывать образовательный процесс в различных типах образовательных учреждений, проводить с учениками разного возраста групповые и индивидуальные занятия по профильным предметам, способствовать личностному росту учеников и самих себя, создавать педагогически целесообразную и психологически безопасную образовательную среду, пользоваться справочной и методической литературой, вести диалог со специалистами в области психологии и педагогики, с учениками и их родителями, планировать учебный процесс, составлять учебные программы, корректировать их, создавать наиболее комфортные условия для обучения, использовать наиболее продуктивные способы работы; владеть знаниями о системе образования, сущности образовательных процессов, способах построения продуктивных форм взаимодействия педагога с учениками. Таким образом, мы можем говорить сегодня о констатации федеральными государственными образовательными стандартами необходимости формирования компетентности художественно-просветительной деятельности, включающей компетенции психодидактики, искусства и исполнительства.

В случае овладения выпускниками компетентностью психодидактики профессиональной деятельности в области искусства преодолевается клиповое мышление, ограничивающее восприятие окружающего мира, способность к анализу информации, системе морально-этических ценностей. В полной мере это возможно при учете в компетентностном подходе знаниевых, методических, практических содержательных компонентов евразийского пространства.

Социально-экономические, политические и социально-культурные события XX столетия создали условия для необратимости формирования евразийского пространства.

Европейские художники искали возможность для расширения выразительных средств своего искусства в богатых, самобытных традициях Азии. Одним из путей в этих поисках явилось обращение к синтетическим видам восточного искусства, к древним жанрам восточного театра. Примером может служить театр Брехта, возродивший на европейской почве традиции древней дальневосточной оперы. Подобные тенденции неудивительны потому, что в Китае, например, опера появилась на четыре века раньше чем в Европе. Условность сценической драматургии, особые формы «общения» актера с аудиторией, роль пластического начала и музыки, место символов-масок – все это в различных модификациях присутствует в современном европейском театре благодаря взаимодействию с восточной культурой.

Подключение звеньев смежных искусств происходит и в классическом европейском балете. Новые элементы «вторгаются» в оркестровую партитуру. Речь идет прежде всего о введении хора, нередко трактуемого в плане греческой трагедии. Тот же принцип отличал, как известно, мистерии Древнего Египта, а также культовые обряды Индии, Китая и других дальневосточных цивилизаций. Великий русский композитор А. Н. Скрябин в конце жизненного пути сделал попытку синтезировать все мифологические картины мира, смоделировать реальность в «Мистерии», причудливо совместив буддистскую множественность мира с христианским антропоцентризмом, что привело его к идее сравнения структурных закономерностей музыкальной системы со строением Вселенной.

В колористической ладовой палитре восточной музыки, специфике нетемперированного строя с необычными дробными интонациями внутри лада европейские композиторы ищут новые выразительные возможности. Ломка европейской мажорно-минорной системы, использование специфических обертоновых звучаний восточных инструментов представляются им как путь к открытию огромных, не выявленных еще потенциалов; сложные, составные ладовые образования ближневосточного искусства, охватывающие 10, 12, 13, 24-тиступенные ряды, привлекают пристальное внимание авангардистов.

В свою очередь, европейскими традициями, олицетворяющими собой мировое искусство, в XX веке было предложено три тенденции, перед которыми не устоял Восток. Эти тенденции ярко представлены в докладе Секретариата Союза

композиторов России X съезду творческой организации в декабре 2010 года. Первая тенденция – огромный слой массовой культуры – самый активный, неотвратимо проникающий своими стереотипами в сознание представителей всех континентов, наций и рас. Вторая – европейская традиция высокого искусства, выраженная и в совокупности творческого опыта, и в принципах организации, и в системе профессионального обучения. Наконец, третья – внеевропейская традиция, искусство восточных регионов, поражающее многообразием вариаций и в то же время единством канона конкретных форм и определенного содержания, переработанная европейскими мастерами искусства.

Однако евразийское пространство необходимо не только изучать различными направлениями искусства. Для психодидактики важен развиваемый искусствоведением процесс познания сущности художественно-творческого процесса и того, что привлекает к художественной деятельности человека, как строить процесс приобщения к этой деятельности. Сущностные черты взаимообогащения и сохранения традиций должны быть проанализированы современными концепциями психологии и педагогики. Психодидактика, призванная выстраивать современные тенденции обучения и воспитания, способна изучить и представить перспективные модели развития искусства в евразийском пространстве. Психодидактика искусства в евразийском пространстве – уникальное явление культурного диалога Востока и Запада, формирующего целостный художественно-просветительный процесс.

Литература

1. Серегин Н. В. Исполнительское и педагогическое мастерство музыканта без национальных границ // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. №23. С. 91–94.
2. Евразийское пространство. Звук, слово, образ / Рос. акад. наук. Научный совет «История мировой культуры»; Ин-т мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова; Евразийская ассоциация университетов; Отв. Ред. Вяч. Вс. Иванов; Сост. Л. О. Зайонц, Т. В. Цивьян. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 584 с.
3. Серегин Н. В. Психодидактика музыкальной деятельности. Барнаул: Алтайский государственный институт культуры, 2014. 180 с.

ART PSYCHODIDACTICS IN THE EUROASIAN SPACE

Seregin N. V., Barnaul (Russia)

Abstract: *the article considers the psychology and pedagogical essence of art in art-educational development of the Euroasian space caused by interpenetration of pedagogics, psychology, art and formation of the fast-progressing tendencies of a demand of competence of psychodidactics of professional activity in the field of art. Innovative technologies based on a polydisciplinary basis have been identified, having a personality-value orientation of designing a new type of developing musical and educational environments that require improved means, methods of teaching and teaching aids of the new generation. The psychodactical system of musical activity deepens the development of specific areas of the psyche in the educational process and fixes them with the sensory sphere. The article concerns the modern approaches to building an educational and upbringing process, focusing on the need for intellectual and moral development of the younger generation, purposeful formation of critical and creative thinking. The author demonstrates the developing educational technologies which correlated with the theory and practice of musical psychology and pedagogy.*

Keywords: *psychodidactics of art, the Euroasian space, education, professional activity, competence-based approach.*

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Сытых О. Л., Синцова Л. К., Барнаул (Россия)

Аннотация: полиэтническое общество, а именно такое мы имеем в России, и ее части – Алтайском крае, чревато конфликтностью, в основе которой часто лежат незнание и непонимание культур и обычаев народов. Нередко конфликтность доходит до открытого противостояния и противопоставления экономических и политических интересов национальных групп и их лидеров, а также систем ценностей, закрепленных в обычаях и традициях. Избежать этого, снизить напряженность в сфере межнациональных отношений можно, опираясь на потенциал социогуманитарных наук, которые дают знания других культур, учат ведению диалога, поискам компромисса и открывают возможности понимания «другого» (представителя иной конфессии, народности, страны), т.е. тому, что важно для формирования толерантности. Она необходима сегодня для гармоничного существования человека в полиэтническом пространстве. Новые формы работы, прежде всего использование информационных средств учителем (преподавателем), дают дополнительные возможности для решения этой задачи.

Ключевые слова: этническое общество, культура, многонациональное государство, социогуманитарные науки, экстремизм, диалог, образование.

В многонациональном государстве проблема формирования толерантности всегда актуальна. В России проживают представители более 180 национальностей [1]. В приграничных территориях, к которым относится Алтайский край, проживает население, сложное по этническому составу. В Алтайском крае наиболее многочисленные этносы: русские (92,0%), немцы (3,0%), украинцы (2,0%), казахи (0,4%), белорусы (0,3%), армяне (0,3%), татары (0,3%), мордва (0,2%), азербайджанцы (0,2%). Как отмечается на официальном сайте Алтайского края, в результате обработки данных переписи населения 2010 года «получено более 200 различных вариантов написаний национальной принадлежности, которые систематизированы в 142 национальности» [6].

И, хотя в целом, Алтайский край относится к благополучным регионам в плане межнационального взаимодействия, отдельные симптомы в межэтнических отношениях свидетельствуют о потенциальной конфликтности населения. Так, по данным социологического опроса, проведенного среди жителей Алтайского края «Тревожным является существование у населения региона неприязни к представителям отдельных национальностей. Среди таких национальностей народы Средней Азии: таджики, узбеки (20,6% случаев), народы Кавказа и Закавказья: чеченцы (24,1% случаев), азербайджанцы (17,7% случаев), грузины (19,9% случаев), армяне (21,3% случаев) [2]. Реже испытывают неприязнь к китайцам, казахам, евреям. Проведенное на Алтае исследование показало, что причиной негативного отношения к представителям пречисленных национальностей является «нежелание данных народов соблюдать обычаи и нормы поведения и, принятые в России (41,5%), опасение терроризма, угроза которого ассоциируется с определенным народом (24,8%), а также антипатия к внешности и манерам поведения другого народа (12,3%)» [2]. Авторы проведенного исследования (Горбунова А. А., Максимова С. Г.) делают вывод о необходимости реализации мер, направленных на формирование в обществе идей толерантности.

Значительное число конфликтов, как на бытовом, так и на политическом уровне в полиэтническом обществе, в своей глубинной основе имеют отсутствие важных для взаимодействия знаний и различие мировоззрений, в которых большое место занимают стереотипы. Например, стереотип, связавший в сознании терроризм с людьми кавказской национальности. Сегодня – это, конечно, отголоски чеченской войны и тех взрывов и террористических актов, через которые нашей стране пришлось пройти в недавнем прошлом (1990-е, 2000-е гг.).

С конфликтом культур сталкиваются практически все страны и народы. Приведем пример конфликта культур на государственном уровне (июль 2005 г.). из работы С. Г. Тер-Минасовой. «В Бельгию приехала правительственная делегация Ирана. Ее визит закончился полным фиаско из-за конфликтов культур. Глава иранской делегации отказался пожать руку мадам Лизен, члену бельгийского парламента, и она отменила встречу. А когда иранцы потребовали, чтобы на официальном обеде не было никакого алкоголя, бельгийцы отменили обед. Глава делегации Ирана выразил сожаление по поводу того, что бельгийцы «живут в

такой стране, где не знают о разнице культур» На это бельгийцы возразили: «наши гости должны уважать и наши традиции, как мы уважали бы их традиции, если бы приехали в Иран» (Телевизионная передача «Новости» 1 июля 2005 г.). Обе стороны остались очень недовольны друг другом» [7].

Говоря о национальных, этнических конфликтах в современном мире, нельзя не сказать об этноцентризме. В философской литературе этноцентризм определяют как «свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающей в качестве собственного эталона или оптимума [9, с. 812]. В этом случае для таких людей родная культура рассматривается как нормальная единственно правильная, а все другие культуры как «вредные» и опасные.

С этой точки зрения стоит посмотреть и на скинхедов, проявляющих акты агрессии к кавказцам, китайцам, узбекам и другим представителям народов среднеазиатского региона и выходцам из стран Азии и Африки.

«Согласно официальным данным Министерства внутренних дел, в 2014–2015 годах в России насчитывалось от 15 до 20 тысяч скинхедов. При этом многие исследователи полагают, что их реальная численность намного выше и, возможно, достигает 100 тысяч» [5].

Многие из скинхедов готовы возложить большинство возникших в их жизни проблем на приехавших, живущих и работающих в России иностранцев из вышеперечисленных групп.

В результате анализа этого явления, проведенного психологом из Казани Риммой Федяевой, были выделены ряд причин, по которым эти явления не исчезают, а, возникнув, продолжают не только сохраняться, но и распространяться. «Во-первых, основные проблемы, породившие его, включая «массовую бедность», не решаются. Во-вторых, в стране не существует «четкой идеологии», которую можно было бы использовать, чтобы отвлечь молодых людей от этой субкультуры. Третьей причиной является отсутствие профилактической работы в школах и молодежных учреждениях. И, в-четвертых, имеет место «катастрофа в системе образования, особенно в гуманитарных дисциплинах». В результате многие молодые россияне не видят причин, почему они должны отказываться от ксенофобии или насилия» [5].

Таким образом, одной из значимых причин распространения ксенофобии, нетерпимости к «иным» культурам и народам

является, как считает исследовательница, и с ней в этом вопросе можно согласиться, «катастрофа» в гуманитарных дисциплинах. Упор в современном образовании на профессиональную подготовку, которая все более сужается до преподавания сугубо прикладных предметов, ведет не только к потере подготовки высококлассных специалистов, способных легко пройти переквалификацию (на основе хорошей теоретической базы), но и к потере толерантности.

«Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения, и способов проявлений человеческой индивидуальности...» [4].

Одно из главных предназначений культуры – духовное обогащение личности. Человек, впитав собственную культуру, осознав свою национальную принадлежность, легче воспринимает иной национальный дух, другое мироощущение и иное видение мира. Понимание другой культуры весьма ценно. В связи с этим можно привести цитату из широко известного произведения Освальда Шпенглера «Закат Европы»: «...Трудно себе даже представить себе, сколько великих концепций чуждых культур погибло по нашей вине, так как мы исходя из нашего способа мышления и заключенные в его границы, не могли их усвоить ассимилировать или, что то же, считали их ложными, ненужными и бессмысленными» [11, с. 125].

Именно социогуманитарные дисциплины открывают широкое поле для диалога и позволяют школьникам и студентам приобрести навыки свободного общения в контексте «Я» – «другой». Особенно важен период становления личности в период получения высшего образования. В это время происходит интенсивное включение человека в культуру. С одной стороны, происходит инкультурация, то есть усвоение человеком традиций и норм поведения родной культуры, с другой стороны процесс аккультурации, то есть интенсивный процесс восприятия ценностей и норм и других культур, с которыми взаимодействует индивид или в целом та культура, представителем которой он является.

Отметим и раскроем несколько важных моментов, которые делают гуманитарные дисциплины особенно значимыми в плане формирования толерантности.

Первый момент связан со «знанием» компонентом». Именно гуманитарные дисциплины расширяют и углубляют знания школьников и студентов о социальном мире, о культуре народов.

Изучение философии, религии, культуры различных стран и народов, способствует формированию у молодежи представления о многообразии культур и убеждение в необходимости знания специфики обычаев и традиций «других» людей, с которыми «приходится» общаться. Само изучение должно порождать и поддерживать познавательный интерес, который станет основой последующего обращения к информации о различных культурах. И тогда возможно удастся избежать ситуации описанной Н. Шаховой: «... Казалось бы, – пишет она, – как может привести к скандалу поздравление с Новым годом? Однако на моих глазах именно это и произошло. Дело в том, что согласно иудейской религии Новый год празднуется в сентябре. Соответственно, один израильтянин поздравил всех с Новым годом именно в сентябре. Немец откликнулся шутливой репликой: «Тогда уж и с Рождеством заодно!» – подразумевая, что христианский Новый год еще не скоро. В результате завязалась обширная переписка, в которую втянулось множество участников, обвинявших друг друга в сионизме, антисемитизме, фашизме и прочих грехах. Вот какие последствия может вызвать совершенно безобидное поздравление» [10].

Второй момент, касающийся значимость изучения социогуманитарных дисциплин для формирования толерантности связан с формами и методами их преподавания. Наиболее приемлемой, необходимой и часто используемой в процессе обучения формой является «диалог». Определение своей позиции по тому или иному вопросу, уяснение и понимание представлений «другого», осознание возможности, допустимости и приемлемости иной точки зрения в самых сложных экзистенциальных и культурно-нравственных проблемах (например, если речь идет о философии – в вопросе о смысле жизни, если об истории религий – о канонах и нравственных запретах и т.п.) – это то важное для формирования терпимого отношения друг к другу, что дают «гуманитарные диалоги». Причем, эти диалоги могут проходить в форме сопоставления двух точек зрения по одному вопросу, высказанных студентами, вовлекшими в это обсуждение остальных членов группы, в форме работы «малыми группами», деловых игр, решение кейс-задач и др. И это, в аспекте формирования толерантной личности, трудно заменить какими-либо обсуждениями по техническим и естественнонаучным проблемам, но дополнить, конечно, можно, и даже необходимо.

Можно выделить и третий момент, который связан с использованием электронных учебно-методических комплексов

по социогуманитарным дисциплинам в вузах. Этот метод работы со студентами имеет свои специфические особенности, которые можно рассматривать и как определенные преимущества по сравнению с работой в группе. Учитывая, что социогуманитарные дисциплины изучаются, преимущественно, на первом курсе, когда только начинают формироваться новые студенческие коллективы, всегда и в каждой группе есть студенты, которым легче высказать свою точку зрения в письменной форме и «отдельно преподавателю», чем раскрывать свою позицию перед всей группой. Среди этих ответов, как показывает опыт работы, есть очень глубокие и хорошо аргументированные. Причем, у студентов, которые преимущественно на занятиях «молчат». Но это одна сторона использования электронных ресурсов. Вторая же сторона – это подготовка заданий для студентов, направленных на выявление их отношения к представителям других национальностей, культур, конфессий и, в случае необходимости, – корректировка позиций (через анализ работ и собеседования) с целью формирования толерантности. В преподавании социогуманитарных дисциплин весьма значимыми являются «скрытые учебные программы», через которые в значительной степени формируется личность школьника, студента. «Скрытая учебная программа передается через отбор учебного материала, особенности коммуникации преподавателей и студентов, систему поощрения и оценивания, а также через особенности организации физического пространства учебного заведения» [3, с. 83–84].

Следует отметить, что существует ряд проблем при использовании электронного ресурса в дистанционном обучении. Главный момент, это то, что сегодня – это большая (по времени) дополнительная нагрузка на преподавателя, которая реально не входит в учебную нагрузку. Например, подготовив для 100 студентов творческие задания по 10 темам курса, преподавателю необходимо проверить 1000 заданий. А ко многим ответам студентов надо еще написать комментарии. Это, если стремиться к эффективному использованию подготовленных (опять же самим преподавателем) ресурсов. И это уже «скрытые нагрузки на преподавателя» в рамках оптимизации и интенсификации труда.

Подводя итог рассмотрению значимости социогуманитарных дисциплин для формирования толерантности, выделим еще одну важную проблему – проблему задач образования, в связи с уже внедренным компетентностным подходом. Перед гуманитарными дисциплинами чаще всего стоит задача в рамках общекультурных

компетенций (ОК-1) сформировать у студентов – «способность к абстрактному мышлению, анализу, синтезу» или в рамках общепрофессиональных компетенций (ОПК-2) *сформировать* «способность использовать в познавательной и профессиональной деятельности базовые и профессионально профилированные знания основ философии и социально-гуманитарных наук» [8]. Это из стандарта по подготовке социологов. Но подобное звучание задач социогуманитарных дисциплин в некоторых слегка измененных «вариациях» (особенно в разделе общекультурных компетенций) можно найти фактически во всех предложенных Министерством образования стандартах. Представляется, что задача формирования толерантности – должна быть введена в состав компетенций. В стремлении достичь максимально профессиональной подготовки следует всегда помнить, что «Одна необходимость для жизни определяет степень ценности учения» [11, с. 82]. И частью этой необходимости является умение жить в мире, понимании и согласии с представителями разных этносов.

Литература

1. ВПН-2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 11.05.2018).
2. Горбунова А. А., Максимова С. Г. Регулирование межэтнических отношений (по материалам исследований в Алтайском крае // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №1–3 (87). С. 163–166.
3. Горбухова М. Ю., Сытых О. Л. Научно-образовательная среда университета как фактор формирования гуманитарной культуры студентов и «скрытые учебные программы» // Философия образования. 2012. №1. (40). С. 79–86.
4. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией №5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vherzen.ru/images/den_uchitelay_2013/publikacii/DEKLARACIYA_PRINCIPOV_TOLERANTNOSTI.pdf (дата обращения: 11.05.2018).
5. Общая численность расистов-скинхедов в России, возможно, достигла 100 тысяч человек // INOSMI.info//<http://www.inosmi.info/obschaya-chislennost-rasistov-skinkhedov-v-rossii-vozmozhno-dostigla-100-tysyach-chelovek.html> (дата обращения: 11.05.2018).

6. Официальный сайт Алтайского края. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altairregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/narodi-altaiskogo-kraia/narodi-altaiskogo-kraia.php> (дата обращения: 11.05.2018).

7. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. – 334 с. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regionalstudies.ru/publication/monograph/war/54--3.html> (дата обращения: 11.05.2018).

8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования – Магистратура. Направление. 39.04.01 Социология // [Электронный ресурс]. URL: https://msse.ru/sveden/document/39.04.01_Sociologiya.pdf

9. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1983. 840 с

10. Шахова Н. Кому дано предугадать. Русский журнал / Вне рубрик // [Электронный ресурс]. URL: www.russ_sovr/20000328_shahova.html.

11. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.

THE POTENTIAL OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES FOR THE FORMATION OF TOLERANCE IN MULTIETHNIC SOCIETY

Sytykh O. L., Sintsova L. K. Barnaul, (Russia)

Abstract: *a multi-ethnic society, which is what we have in Russia and its parts – the Altai region, is fraught with conflict, which is often based on ignorance and misunderstanding of cultures and customs of peoples. Often, conflict reaches an open confrontation and opposition to the economic and political interests of national groups and their leaders, as well as value systems enshrined in customs and traditions. To avoid this, reduce tensions in the sphere of interethnic relations can be based on the potential of social and humanitarian sciences, which give knowledge of other cultures, teach dialogue, search for compromise and open the possibility of understanding «the other» (a representative of a different denomination, nationality, country), what is important for the formation of tolerance. It is necessary today for the harmonious existence of man in a polyethnic space. New forms of work, especially the use of information tools by the teacher provide additional opportunities to solve this problem.*

Keywords: *ethnic society, culture, multi-ethnic state, social and humanitarian sciences, extremism, dialogue, education.*

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ПРОЦЕССОВ СУВЕРЕНИЗАЦИИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ЮНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЭТНОСА)

Трофимова Ю. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: в данной статье представлены результаты пилотажного исследования субъективной оценки суверенизации в период поздней юности. Показано, что участники исследования, характеризующиеся высокими и низкими показателями суверенности, по-разному оценивают процессы суверенизации. Оценки процессов суверенизации юношами и девушками с высокой суверенностью отражают больший позитивный модус переживаний взросления; акцентированы на расширении личностного потенциала и сферах проявления самостоятельности. В группе высоко суверенных респондентов поддерживающая среда характеризуется более продуктивной поддержкой и ее более широкими границами.

Ключевые слова: суверенность, суверенизация, взросление, субъективная оценка.

В современной науке не вызывает сомнения, что становление человека идет по линии от «мы», как социально-психологической общности растущего, взрослеющего человека со взрослыми (родителем, педагогом и т.д.), к «я», как возможности самостоятельно устанавливать контакты с окружающим миром и управлять ими. Этот процесс в современной психологии все чаще называют суверенизацией. Суверенизация совпадает с возрастным развитием, но не подменяет его содержания. Введение в научный оборот понятия суверенизации направлено на поиск возможностей сделать доступным наблюдение, анализ и самоанализ процесса становления человека в его способности и возможности самостоятельно и устойчиво развиваться в неустойчивых обстоятельствах жизни.

Суверенизация внешне проявляется как растущая самостоятельность и независимость от взрослого (родителя, учителя, педагога), Другого, а содержательно может быть рассмотрена как процесс постепенного освобождения от развивающих отношений со взрослым сначала через процессы персонализации, а позже и индивидуализации, где и происходит укрепление, отстаивание и освоение своего права на самоосуществление [1; 2; 3].

Растущая суверенизация обеспечивает, с одной стороны, усвоение форм культуры, мерностей социального бытия, а с другой – овладение собой как субъектом жизни, и управлением своей жизнью и своим развитием. Операционализация понятия «суверенизация» позволяет понять становление человека как процесс постепенного обретения способности к самостоятельной взаимодействию с культурой, предметным и социальным миром, посредством чего и обеспечивается системное усложнение его жизненного мира, и, как следствие, возможность «устойчивость протяженного во времени процесса изменений» [1, с. 19].

Понимая, что суверенизация как процесс имеет свои закономерности, но отражает индивидуальный опыт взросления, нами была предпринята попытка субъективной оценки суверенизации юношами и девушками в период поздней юности, который нормативно рассматривается как опыт обретения самостоятельности.

В исследовании приняли участие 37 студентов вуза, возраст участников 19–20 лет. В результате сбора данных нами были отмечены некоторые характеристики, присущие разным этносам, так, например, бытовые практики опеки, связаны с такими характеристиками этнокультур как выраженность иерархии в детско-родительских отношениях, индивидуализм-коллективизм и т.д. В этой связи возникла необходимость проанализировать особенности суверенности в рамках одной этнической группы. Самой большой этнической группой по количеству участников были студенты, идентифицирующие себя как русские. Именно их данные и были отобраны для дальнейшего анализа.

Для исследования были использованы опросник «Суверенность психологического пространства» (С. К. Нартова-Бочавер), проективный прием дополнения «незаконченные предложения», содержание которых было направлено на выявление отношения к процессам суверенизации как постепенного обособления от опеки взрослого и обретения самостоятельности.

Данные, полученные по опроснику «Суверенность психологического пространства», были подвергнуты кластерному анализу. В результате были выявлены четыре кластера. Значения группы участников исследования (10,8%), объединенных в первый кластер, характеризуются низкими значениями по всем шкалам опросника, т.е. депривированной суверенностью. Группа респондентов (24,3%), вошедших во второй кластер, характеризуется высокими значениями по всем шкалам

опросника. Группа участников исследования (35,2%), сгруппированных третьим кластером, характеризуется средними значениями по всем шкалам опросника. Участники (29,7%), объединенные четвертым кластером, характеризуются средними значениями по большинству шкал, однако имеют место низкие значения по одной-двум шкалам опросника.

На следующем этапе исследования были проанализированы результаты диагностического приема «незаконченные предложения» в разрезе двух групп, полученных на основе кластерного анализа. Это группы: с депривированной суверенностью и с высокими значениями суверенности личного пространства. Выбор для дальнейшего анализа именно этих групп обусловлен тем, что суверенность может быть представлена двумя полюсами: «суверенная личность» (способная к самостоятельному взаимодействию с миром) и «депривированная суверенность» (низкий уровень самостоятельности или, точнее сказать, высокий уровень зависимости от других и обстоятельств) и разнообразием промежуточных форм.

Рассматривая суверенность как результат двух одновременно протекающих процессов освобождения от опеки взрослого, с одной стороны, и формирование готовности и способности к саморазвитию, к самостоятельному выстраиванию отношений с окружающими миром (социальным, культурным и природным), можем отметить, что осознание данных процессов и их субъективная оценка в группах молодых людей, характеризующихся разными уровнями суверенности, происходит по разному.

Так, в группе с низким уровнем суверенности, оценивая свое взросление («мое взросление для меня...»), 50% респондентов указывают на негативный модус переживаний, продолжая предложения «ужас», «ограничено возможностями», тогда как другая часть респондентов данной группы оценивают этот процесс с точки зрения его важности: «неизбежный процесс», «важный жизненный этап». В группе с высокими значениями суверенности также можно наблюдать некоторую, но менее выраженную, поляризацию ответов. Оценивая свое взросление («мое взросление для меня...»), доминирующее большинство ответов акцентирует высокую значимость происходящих с ними изменений: «очень важно, потому что я сама выстраиваю свою личность, и хотела бы сделать ее достойной», «познание новых чувств, жизненный опыт», «это новый этап в жизни, вмещающий

новые эмоции, чувства и стремления», «путь самопознания, самоопределения, обретения опыта, удовольствие», «моя самостоятельность». Однако встречаются единичные оценки и другого содержания: «произошло быстро», «дается сложно», «проходит без существенных проблем». Данные различия можно связать с тем, что высокие значения могут отражать как высокий уровень суверенности, так и компенсаторное проявление недостаточной суверенности, когда молодые люди за счет вычурного, демонстративного поведения стремятся доказать свою самостоятельность.

Оценка поддерживающей среды («одобряет и поддерживает мои решения...») в анализируемых группах также существенно различаются. Так в группе с депривированной суверенностью имеют два полюса «никто» (25% респондентов), «друзья: моя подруга, мой друг, мои друзья» – 75%. В группе высоко суверенных респондентов ответы носят другой характер, указывающий не только на более широкую поддержку, но и на более продуктивную, так как в группе поддержке мы видим не только сверстников, но и родителей, имеющих богатый жизненный опыт. Преобладающие ответы для респондентов данной группы «семья, любимые люди (друзья, молодой человек)», «моя семья, друзья, одноклассники», «моя мама, моя подруга», «мои близкие и друзья».

Завершая предложение «Я испытываю потребность отделяться от родителей, потому что», наблюдаются существенные различия в оценке мотивационных факторов. Так, в группе респондентов с депривированной суверенностью оценка скорее носит протестный характер, например «не люблю родительский контроль», «чувствую себя там не уютно и плохо», «хочу прожить свою жизнь, а не их».

В группе высокосуверенных респондентов типичными высказываниями являются: «важно самому пройти свои «грабли» и стать человеком самостоятельным», «я взрослою и чувствую ответственность за себя, самостоятельность», «должна продвигаться в своей деятельности, создавать свой личный быт», «нужно расширять круг своих обязанностей для дальнейшей жизни» и т.д. Однако, есть и высказывания такого типа: «я не испытываю такой потребности», «так нужно», «хочу своей самостоятельной жизни, не зависеть от них». Таким образом, мы можем говорить о том, суверенные респонденты, оценивая процессы суверенизации, скорее отмечают прогресс и усложнение как имеющихся личностных качеств, так и тех жизненных задач,

которые они решают, отражая тем самым растущий личностный потенциал.

Различия наблюдаются и в оценке преимуществ суверенизации («Самое радостное (приятное) в моем взрослении...»). Так в группе с низкими значениями суверенности преобладают высказывания «ничего», «съехать от родителей», «возможность самостоятельности (но не всегда)». Мы видим, что оценка делается либо на отсутствии эффекта либо на физическом отделении от родителей, либо выделяется незначительный эффект. В группе респондентов с высокими значениями суверенности преобладают такие высказывания, как: «то, что можно в принятии самостоятельных решений, проживании одной понять себя», «возможность обеспечивать себя самой», «познание новых чувств», «нести ответственность самому за свои поступки», «то, что я могла заниматься делом по душе без ограничений». В отличие от описываемой выше группы, акцентируется наращивание личного потенциала, обретение опыта самостоятельности, что и является основным атрибутом суверенности.

Тогда как оценки сложностей в процессах суверенизации («самым сложным в моем взрослении...») схожи в анализируемых группах респондентов. Так в обеих группах выделяются проблемы «осознание ответственности», «обособление от родительской опеки», «принятие себя», «разногласия с родителями» и др.

Важным моментом в анализе суверенизации становится понимание того, что она обеспечивает человеку овладение собой как субъектом жизни, управление своей жизнью и своим развитием. Подводя итог пилотажного исследования, можно отметить, что оценки процессов суверенизации юношами и девушками с высокой суверенностью отражают больший позитивный модус переживаний взросления в сравнении с респондентами с депривированной суверенностью. Оценки суверенных юношей акцентированы на расширении личностного потенциала и сферах проявления самостоятельности. В группе высоко суверенных респондентов поддерживающая среда характеризуется более продуктивной поддержкой и ее более широкими границами.

Литература

1. Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск: ТГУ, 2009. 240 с.

2. Краснорядцева О. М. Психологическое содержание экспертизы образовательных инноваций // Вестник ТГУ. 2008. №306. С. 139–141.

3. Трофимова Ю. В. Проявления суверенности в юношеском возрасте: различия субъектных характеристик личности // Мир науки, культуры, образования. 2012. №6 (37). С. 336–339.

SUBJECTIVE ESTIMATION OF THE SOVEREIGNIZATION
PROCESSES IN THE LATE ADOLESCENCE
(IN THE CONTEXT OF RUSSIAN ETHNOS)

Trofimova, Y. V., Barnaul (Russia)

Abstract: *this article presents the results of a pilot study of the subjective estimation of sovereignty in the period of late adolescence. The study shows that the participants, characterized by high and low indices of sovereignty, estimate the processes of sovereignization differently. Estimations of the processes of sovereignization by young men and women with high sovereignty reflect a greater positive mode of adolescence experience; emphasize the expansion of personal potential and spheres of independence manifestation. In the group of highly sovereign respondents, the supporting environment is characterized by more productive support and its broader boundaries.*

Keywords: *sovereignty, sovereignization, maturation, subjective estimation.*

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМА УРАЛО-АЛТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Харитонов А. М., Владивосток (Россия)

Аннотация: современная лингвистика тесно связана с историей (историко-филологическое отделение) и подобно последней склонна не считаться с исторической географией в своих построениях. Автор обращает внимание на географические противоречия в некоторых современных историко-филологических теориях происхождения языков мира и пытается найти более приемлемые пути их разрешения в географической практике. Предлагается также альтернатива современной теории моногенеза в форме языковых союзов с сохранением ведущей роли компаративистики в лингвистических исследованиях. Автор высказывает сильные сомнения в методике подсчета историками расстояний в днях пути между историко-географическими объектами, упоминаемыми в исторических источниках, считая их сильно преувеличенными в густонаселенной местности. Он также предлагает, наконец, вывести историческую географию из числа вспомогательных исторических дисциплин в целях улучшения ситуации.

Ключевые слова: Урал, Алтай, Древняя Русь, Орда, историческая география.

В современной лингвистической науке считается общепринятым, что языки уральской и алтайской языковых семей сформировались, соответственно, на Алтае и вблизи Урала. Но при этом как-то забывается, что Алтай в данном случае должен быть не современный Горный Алтай, но Алтай Монгольский и Гобийский.

Современный же Алтай становится известен географам не ранее времен Чингисхана. По этой причине попытки историков отправить с современного Алтая отдельные тюркские племена в средние века на Кавказ через совсем неизвестный в раннее средневековье Казахстан выглядят для географа весьма проблематичными.

Также весьма спорными остаются все предположения лингвистов о языковой принадлежности большинства древних народов, в т. ч. и в Центральной Азии, т.к. они чаще всего основаны

на анализе нескольких сохранившихся фраз или слов, которые еще и порой передаются средствами чужих языков.

Еще более усиливается недоумение, когда всю раннюю евразийскую степь академическая наука заполонила «доителями кобылиц» ираноязычными скифами. Где же тогда развиваться не менее многочисленным туранцам, под которыми мифы и легенды Ирана явно подразумевают и тюркские племена и народы? Куда делись эти самые скифы, если на Кавказе от них остались только осетины, а в других местах не осталось даже заметных топонимических следов?

И как возникла особая близость алтайских и уральских языков, когда их носителей разделяли порой тысячи километров (предполагаемые прародины – Центральная Азия и Западная Сибирь)? Предлагаемая лингвистами теория моногенеза, предполагающая возникновение всех современных языков от одного языка-основы, в этом случае плохой помощник – слишком далеко во времени и пространстве от предлагаемой ближневосточной ностратической прародины располагаются прародины других языковых семей, чтобы эта теория оказалась правдой [9].

Можно, однако, попытаться расположить все предполагаемые прародины в пределах знаний античной географии. Тогда наиболее вероятной областью взаимодействия различных языков является территория к югу, а, возможно, что частично и к северу от Большого Кавказа. Именно здесь арабская география средневековья фиксирует этнические названия, характерные сегодня для тюркских и финно-угорских народов.

Теория Гамкрелидзе-Иванова [1] здесь же предполагает центр возникновения индоевропейцев. Действительно, расположенная здесь историческая область Арран сильно напоминает Ариану – легендарную прародину иранцев. Добавив сюда же картвельскую семью и лежащие к югу территории семитических племен, возможно предположить взаимодействие здесь языков по типу языкового союза и даже обойтись без распада гипотетической ностратической семьи языков. Законы компаративистики при этом остаются неизбывными, но будут отражать не распад, а взаимопроникновение слов разных языков в лексику соседних народов.

Как раз проникновение лексики соседей в другие языки не раз фиксировалось в истории. Известно, что греческий язык перенял латинскую юридическую терминологию, а латынь –

греческую философскую почти без изменений и т.п. Да и сам древнегреческий язык формировался, в некоторых случаях, полностью перенимая лексику в отдельных областях культуры у вошедших в состав эллинов отдельных племен.

Вот если бы еще где-то рядом располагались центры образования алтайских и уральских языков... Впрочем, ряд соображений по поводу ближневосточного, а не центральноазиатского происхождения тюркских языков автор данной работы высказал более 15 лет назад [6], а в последние годы стал разрабатывать в этом направлении и географическую теорию уральской прародины [7 и др.]. Нет ли связи между современным топонимом Уралтау и государством Урарту?

Видимо отсюда отдельные племена и целые народы устремились на север, восток и даже запад и юг. Вроде бы данные генетической антропологии, оперирующей митохондриальной ДНК, этому предположению не препятствуют. Вместе с носителями языка на новые места передвигалась и топонимика [см. 2], что создает немалые трудности в идентификации легендарных и мифологических объектов в исторической географии. Да и окружающие незнакомые прежде народы на новой территории порой называли точно так же, как и раньше на прежней, невзирая на то, что их язык сильно отличался от знакомого ранее. Не исключено, что с представителями новых народов пытались говорить на языке прежних соседей (других языков ведь не знали), а те перенимали, в конце концов, слова этого языка и закрепляли их в своей лексике.

Главным географическим маркером проникновения в ряд современных языков ближневосточных мотивов может служить слово «зима». На Ближнем Востоке своеобразный средиземноморский тип климата с осенне-зимними осадками в виде дождя. Нужно подчеркнуть, что впервые фактическая связь прародины индоевропейцев с районами средиземноморского типа климата была получена в 1957 г. О. Н. Трубачевым в исследовании происхождения русского слова «зима». Еще тогда будущий академик РАН заметил связь индоевропейского *gheim- «зима» и *gheu-, *ghei- «лить», имеющие аналоги в хеттском понятии «дождь» и греческом «лью». Нельзя сказать, что это исследование осталось незамеченным, наоборот, М. Фасмер включил его в свой «Этимологический словарь» [4], хотя и в качестве «сомнительного».

В реконструируемом древнетюркском языке понятие «зима» связано только с холодным временем года. Однако мы нашли, что в родственных тунгусо-маньчжурских языках этимологически сходные с «зимой» слова сопровождаются пометкой «холодный (о жидкости)». Скорее всего в предлагаемой праалтайской основе *gil'o «холод, холодное время года» зима предполагалась не только холодным, но и дождливым сезоном! Показательно, что фонетически данное слово напоминает русское «жилье»!

Да и у древних тюрков прослеживается связь осень – дожди в праалтайской основе слова «осень». Что это как не свидетельство о холодных осадках осени – зимы, характерных для бассейна Средиземного моря [см. 6]?

Если лингвисты попробуют внимательнее проследить этимологию «зимы» в иных языковых семьях, то смогут получить весьма интересные результаты (впрочем, и отрицательный результат тоже будет весьма и весьма интересным моментом в исследованиях).

Любопытно, что древнегреческую реку Танаис по имени вполне можно сопоставить с Дениз – Тенгиз в тюркских языках и даже названием озера Тана в Эфиопии. Вряд ли это случайное совпадение, т.к. эфиопская раса является смешанной, а некоторые народы этого региона до сих пор носят названия считающихся исчезнувшими народов, в т.ч. скифского корня [см. 8].

Постоянно забывают исследователи, что многие территории степи (в частности Казахстана и Украины) были непригодны для круглогодичного выпаса скота в античности и средневековье из-за значительного зимой снежного покрова. Так что размещение в Казахстане территории Западно-Тюркского каганата выглядит очень проблематично с географической точки зрения. Да и завоевание Северо-Восточной Руси Ордой во главе с выходцем из Азии Батыем в зимний период (!?) должно выглядеть полным абсурдом [см. 3].

Даже если в период монгольского завоевания зимние температуры на Руси резко повысились в связи с потеплением климата в северном полушарии, то одно это должно было увеличить количество выпадающих на данной территории осадков со всеми вытекающими неприятными последствиями для кавалерии. Не важно даже, что это мог быть дождь, а не снег. Ведь подмерзшая корочка льда несет гибель степным животным похуже выпавшего снега из-за невозможности пробить ее копытами, чтобы достать еду.

Но, похоже, что и сами представления о ранней Руси, занимавшей просторы почти половины современной Европы, сильно преувеличены. Как тогда объяснить, что эти территории плохо известны даже норманнам (ср. северяне, которые обитали как раз в тех местах, где и легендарные предки норманнов)? Ведь они даже толком не знали названий ряда древнерусских городов, являющихся столицами княжеств! Кстати, самих летописных северян тоже считают народом не очень ясного происхождения, хотя и близким руссам.

Вероятно, русские княжества в раннем средневековье размещались где-то в Причерноморье, которое одно и было известно географии средних веков, в т.ч. арабской. Уж не эту ли Русь и завоевал и почти полностью уничтожил Батый зимой? Не в этом ли причины противоречий построений Л. Н. Гумилева с данными оппозиционных ему историков?

Наши выводы, похоже, подкрепляют данные хроники Литовской и Жмойтской под 1272 годом про «... русских княжат, которых панство было от мора Каспийского або Перского, котрого зовут Фалимским, ажъ до мора Черного, Турецкого...». Странно, что никто до сих пор не обратил на это свидетельство никакого внимания.

А если Русь раннего средневековья располагалась там же, где жили тюркские и уральские народы, то появление среди царей Урарту имени Руса (скорее, этнонима, чем имени) выглядит очень даже привычным для тамошней истории. Более того, подобное соседство заставляет задуматься и о языковой принадлежности древних русов. Ведь принятый славянский характер их языка исходит из современной принадлежности русского языка к восточным славянам. А ведь еще арабские летописцы отмечали, что русы и славяне были разными народами, которые лишь впоследствии слились. Складывается даже впечатление, что русы и возможно древние булгары могли составлять какую-то особую языковую группу на границе тюркских и уральских народов.

Не связан ли принятый тюркский характер древнебулгарского языка с соседством с хазарами и другими тюркскими народами и значительными заимствованиями из их лексики? А вот самодийские языки в свете наших размышлений вероятно даже более самостоятельны в составе уральской языковой семьи, чем считалось ранее и сильнее привязаны к северным регионам.

В этом свете тогда уж намного реалистичнее является легенда о происхождении современных казахов от касогов Кавказа, чем все другие подобные этнонимические предания. Тем более, что имя хана Эдиге, как предка казахов, сопоставляется с этнонимом адыгов, обычно упоминаемых вместе с касогами. Вероятно, молодой хан был передан адыгам в качестве заложника хороших отношений, что сохранила нам история в качестве его прозвища (вряд ли это подлинное имя). Передвижение же народа гузов (ср. Жуз) на территорию Казахстана могло быть вызвано захватом северокавказских степей ордой монгольских захватчиков. В условиях климатического оптимума средних веков передвижение на прежде непригодные места для кочевания выглядит намного более оправданным событием.

Вызывает также ряд сомнений принятая специалистами-историками методика подсчета расстояний в древности и средние века в днях пути. Она позволяет в «нужных» случаях порой сильно растянуть расстояние между смежными объектами топонимики. При этом практически не учитывается, что пройденное расстояние может сильно зависеть от густоты населенных пунктов данной местности.

Действительно, торопиться пройти пустыню торговому каравану по 30–40 км в день (средняя скорость движения воинского соединения на лошадях) есть за чем, тогда как ради торговли и прибыли от нее в густонаселенной местности можно в несколько раз и снизить пройденное за день расстояние. Ведь скорость верблюда при обычной ходьбе – 5 км/ч (за день грузеный верблюд обычно проходит 40 км), хотя при движении с грузом он может иногда развивать и 10–12 км в час.

Одно это обстоятельство позволит отказаться от преувеличенной историками территории ойкумены (обитаемой суши) в античности и средние века, резко сократив при этом площади некоторых исторических государств Восточной Европы и Центральной Азии, раздутых в угоду амбиций современных геополитиков. Особенно это относится к территории «хорошо известной историкам» Средней Азии. Вот только почему тогда очертания Каспийского моря стали окончательно похожи на современные только после экспедиций Петра I?

Но даже при этом современная география населения плюс топонимика иногда может дать дополнительный шанс в изучении данных этнических и языковых проблем [5], если учитывать их в географическом комплексе, а не по отдельности, как принято в

исторической науке. Но, чтобы этот шанс был реализован, необходимо отказаться от отношения к исторической географии как к вспомогательной исторической дисциплине и вернуть ее на законное место между историей и географией, откуда она была вытеснена геополитикой.

Итак, современная историческая наука и сравнительно-историческое языкознание, основанное на данных той же истории, не могут ответить на ряд возникающих в этой связи у пытливого исследователя географических вопросов, связанных с алтае-уральской тематикой. Внесение небольших переделок в имеющиеся теории не спасает положения. Необходима коренная перестройка исторической географии, вывод ее из-под геополитического диктата историков, которая невозможна без такой же ломки сопутствующих наук. Только тогда можно будет создать непротиворечивую теорию развития мировой истории с участием не только индоевропейских народов.

Литература

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2х кн. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. 1328 с.
2. Курбатов В. А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.). М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. 382 с.
3. Пензев К. А. Русский царь Батый. М.: Алгоритм, 2012. 320 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т.1. 576 с.
5. Харитонов А. М. Вопросы этногенеза в современной географии населения // Актуальные проблемы современной экономической, социальной и политической географии. М.: МГПУ, 2011. С.215–219.
6. Харитонов А. М. Древняя Передняя Азия и проблема древнетюркской прародины // География и региональные исследования. Чебоксары, 2002. С.43–46.
7. Харитонов А. М. Проблемы лингвистической географии финно-угорского региона // Проблемы регионального развития. Финно-угорское пространство в географических исследованиях. Саранск, 2012. С. 302–304.
8. Харитонов А. М. Современные этнонимы Северо-Восточной Африки в зеркале истории Древнего мира // География: проблемы

науки и образования. LXIV Герценовские чтения. Спб.: Астерион, 2011. С. 224–226.

9. Харитонов А. М. Географические проблемы в освещении этнической истории Центральной Азии // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Материалы междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г./ отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. С. 447–450.

THE MODERN HISTORICAL GEOGRAPHY AND THE PROBLEM
OF THE URAL-ALTAIC COOPERATION IN THE CONTEXT
OF WORLD CIVILIZATION

Kharitonov A. M., Vladivostok (Russia)

Abstract: modern linguistics is closely connected with history (the historical-philological department) and like the latter tends to ignore historical geography in their constructions. The author pays his attention to the geographical contradictions in some modern historical-philological theories of the origin of the world's languages and tries to find more acceptable ways of their solutions in geographical practice. The alternative of the modern theory of monogenesis in the form of the language alliances with preservation of the leading role of comparative literature in linguistic research is also proposed. The author strongly doubts historians' methodology of calculation of the distances in the days of the way between the historical-geographical objects, mentioned in the historical sources. He considers them to be greatly exaggerated in a densely populated area. Finally, he offers not to consider historical geography in the number of the auxiliary historical disciplines in order to improve the situation.

Key words: the Urals, the Altai, the Ancient Russia, The Horde, historical geography.

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР СЕЛА КАМЫШЕНКА
ПЕТРОПАВЛОВСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ
И ИСТОРИЯ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Щербакова О. С., Барнаул (Россия)

Аннотация: статья посвящена одной из важных тем региональной фольклористики – бытованию фольклорно-песенной традиции в отдельном локусе – в селе Камышенка Петропавловского района Алтайского края, жители которого являются потомками переселенцев второй половины XIX века преимущественно, из Уфимской и Воронежской губерний, к тому же воронежские переселенцы на Алтае первоначально самоидентифицировали себя как «талагаи». Певческая традиция села Камышенка, в основе которой лежит южнорусская традиция переселенцев современного Воронежско-Белгородского пограничья, отличается своеобразием диалектного произношения песенных текстов, манерой исполнения песен и построения песенной партитуры. В статье автор стремится проследить процесс собирания и изучения песенного фольклора села фольклористами Алтайского края и приводит их наблюдения о носителях фольклора и бытовании местных песен, а также дает обобщенную музыкально-стилевую характеристику песенных жанров.

Ключевые слова: региональные традиции, фольклор, село Камышенка Петропавловского района, воронежские переселенцы, субэтническая группа русских однодворцев «талагаи», фольклорная экспедиция, песенные жанры.

Изучение региональных традиций для этнографов, фольклористов и исполнителей народной песни – важная задача современности, обеспечивающая жизнеспособность фольклорно-песенных форм, как в бытовом, так и в сценическом исполнительстве.

Песенный фольклор села Камышенка Петропавловского района Алтайского края представляет особый интерес. Это не только богатый в песенном отношении локус, но и исключительно сложный. Жители Камышенки – потомки переселенцев второй половины XIX века преимущественно, из Уфимской и Воронежской губерний (официальный год основания села – 1870). Некоторые помнят даже «места выхода» предков из России. Так, по словам Жукова Василия Ионовича, родители его матери, Жуковой Евдокии Сергеевны (1902 г.р.), приехали в Камышенку из Воронежской

губернии, Быковского уезда. Сеем предположить, что это нынешнее село Большебыково Красногвардейского района Белгородской области (волостное село Быково Землянского уезда было основано в 1650 г. и до 1954 г. входило в зону административного управления Воронежа (губернии, области), в 1928 г. оно было переименовано, т.к. при очередном районировании оказалось два села Быково в одном Буденовском районе, в 1954 г. район передан во вновь образованную Белгородскую область [3].

Большая часть камышенцев являются потомками «талагаев». Данное название, вероятно, привезли сами переселенцы, которые первое время именно так себя идентифицировали. Поэтому жители Петропавловского района камышенцев, как и других воронежских переселенцев в районе, называли «талагаи».

Талагаи (также талаги, талагайщина) – это субэтническая группа русских однодворцев, населявшая ряд сел Нижнедевицкого и Коротоякского уездов Воронежской губернии и сформировавшаяся в результате переселения служилых людей в XVI–XVII веках в южнорусские губернии для защиты степных границ. На новых землях однодворцы получали небольшие земельные участки. По мере перемещения государственной границы России к югу, однодворцы оказывались внутри страны, так утрачивалось их назначение как защитников границы. Как свободные крестьяне однодворцы сформировались в особое сословие, занявшее промежуточное положение между помещиками и крепостными, поскольку жили однодворцы обособленно от владельческих крестьян и не смешивались с ними. Кроме сословных, между ними имелись бытовые, хозяйственные, диалектные и другие отличия, иногда настолько сильные, что однодворцы из разных групп старались держаться друг от друга обособленно и не вступали между собой в родственные связи. Название «талагаи», по одной из версий, связано с характером представителей данного субэтнуса и происходит от диалектного слова, означающего «лентяй», «шатун», «тунеядец», «болван», «неуч», «невежа» и прочее. По другой версии, название талагаев связано со словом талакать «картаво говорить»: талала – «картавый, дурно говорящий», гаять «говорить» [6].

Яркую локальную народно-песенную культуру села Камышенка его жители традиционно сохраняли и сохраняют в бытовом семейном исполнении, а с 60-х годов XX века, целенаправленно поддерживают и в рамках организованной клубной формы в деятельности аутентичного фольклорного ансамбля «Весняночка»,

первый состав которого был собран в 1959 году, и основной костяк которого не менялся долгие годы. В репертуарном багаже населения большое количество песен разных жанров – лирические, хороводно-плясовые, воинские, свадебные. Все они являются частью музыкального наследия не только алтайского региона, но и всей народной культуры русского народа.

Первые записи песенного фольклора в селе Камышенка были осуществлены в 1978 году фольклорной экспедицией, организованной краевым Домом народного творчества совместно с Алтайским государственным институтом культуры под руководством преподавателя АГИК, композитора Владимира Григорьевича Пешняка. Нотации одиннадцати камышенских песен вошли в сборник «Русские народные песни Алтайского края», подготовленный В. Г. Пешняком и изданный в 1980 году. В песнях приведены нотации двух строф «с тем, чтобы показать богатство и разнообразие техники импровизационно-вариационного развития народного пения». В предисловии к сборнику автор пишет: «Основная цель экспедиции заключалась в отыскании различных форм народного песенного творчества, наиболее типичных для данной местности. Особое внимание уделялось выявлению многоголосия, поиску песен наиболее самобытных в отношении мелодики и манеры исполнения» [4, с. 3]. Действительно, от качества записанного фольклорного образца, спетости народных исполнителей, их умения подстраивать свои голоса, наличия импровизационности в развитии песен зависит будущее каждого фольклорного произведения. И именно такие талантливые мастера как Перцева Анна Петровна (1914 г.р.), Чемрова Наталья Ивановна (1915 г.р.), Дошкина Татьяна Макаровна (1916 г.р.), Шипилина Мария Глебовна (1918 г.р.), Дедова Евдокия Дмитриевна (1917 г.р.), Шипилова Анна Александровна (1922 г.р.), Ефанова Александра Ивановна (1914 г.р.), Бахтина Прасковья Федотовна (1915 г.р.), крепко знающие местные песни, поскольку все родились в Камышенке, участвовали в записях 1975–1978 годов [4].

В 1989 году в Камышенке побывала фольклорная экспедиция студентов отделения народного хора Барнаульского музыкального училища под руководством преподавателя Валерия Елистаровича Дятлова. Экспедицией записано 11 свадебных, лирических, хороводно-игровых и плясовых песен, музыкально-песенный материал которых отличается яркостью исполнительской манеры с крепкой основой грудного резонирования, ансамблевой спетостью

информаторов, сочностью и импровизационностью распева песенных партитур. К сожалению, в целях вынужденной экономии 90-х гг. XX в., когда фольклорсты экономили место на аудионосителях (магнитофонных кассетах), экспедицией В. Е. Дятлова были зафиксированы лишь по 3–5 строф каждой песни. На аудиозаписи также не были озвучены все информаторы (вероятно, все имена носителей были зафиксированы в полевых тетрадях), лишь фамилии запева. Это Перцева Анна Петровна (1914 г.р.), Дедова (Мальцева) Евдокия Дмитриевна (1917 г.р.), Михалева (Мальцева) Дарья Дмитриевна (1916 г. р.). Поскольку экспедицией В. Е. Дятлова запись фольклорно-песенного материала проводилась с учебной целью, расшифровки песен и экспедиционные дневники были утеряны.

В селе Камышенка дважды побывала преподаватель Барнаульского музыкального училища О. А. Абрамова (1983, 1999 гг.) с группой студентов. В книге «Истоки» [1], изданной ею в 2003 году, представлено 60 песен, записанных, в том числе, и от семейного ансамбля сестер Мальцевых, у которых, по словам камышенских сельчан, имеется свой распев песен – «мальцевский»). О. А. Абрамова отмечала, что младшая из сестер, Дедова (Мальцева) Евдокия Дмитриевна (1917 г. р.), научилась петь от «бати» и являлась негласным руководителем, средняя сестра Михалева (Мальцева) Дарья Дмитриевна (1916 г. р.) – приверженцем «правильности» пения «мальцевских песен»), а старшая – Соломина (Мальцева) Анна Дмитриевна (1914 г. р.) «держит все в своих руках: и хозяйство дома, и заветы «бати и маменьки», и сестрам «спуску не дает» [1, с. 17].

Свадебные песни села Камышенка, записанные в 2012 году преподавателем Алтайского краевого колледжа культуры М. Н. Сигаревой, представлены в учебно-методическом пособии «Традиционная свадьба», изданном в 2012 году. В пособии, как отмечается в аннотации издания, представлен опыт изучения и практического воссоздания традиционного свадебного обряда на примере конкретной локальной традиции – традиционной свадьбы воронежских переселенцев села Камышенка Петропавловского района Алтайского края. Издание включает в себя четыре раздела: методические рекомендации по изучению и практическому воссозданию традиционной свадьбы, традиционная свадьба села Камышенка Петропавловского района, сценарий свадебного обряда, задания для самостоятельной работы студентов. В приложении приводятся основные эпизоды и ритуально-обрядовые действия традиционной свадьбы села

Камышенка, обрядовые и приуроченные к обряду свадебные песни и голошения, свадебные чины и должности. Приложение также содержит словарь диалектных слов и выражений, встречающихся в свадебных песнях, приговорах, голошениях; расшифровки текстов двенадцати свадебных песен (без нотаций), образцы традиционной одежды, фотографии, схемы кроя, расшифровки орнаментов вышивки [5]. Указаны также информаторы и исполнители свадебных песен: Дедова Евдокия Дмитриевна (в девичестве Мальцева, 1917 г.р.); Латышова Пелагея Михайловна (1919 г.р.), Дошкина Татьяна Макаровна (1916 г.р.), Михалева Дарья Дмитриевна (в девичестве Мальцева, 1916 г.р.), Жуков Василий Ионович (1939 г.р.), Перцева Анна Петровна (1914 г.р.). Особо ценным в пособии является аудиодиск аутентичных записей свадебных песен.

В ноябре 2017 года в с. Камышенка побывала студенческая экспедиция Алтайского государственного института культуры (Рябкина Е., Шаронова А., Мингалёв А.) под руководством О. С. Щербаковой, которая целенаправленно ехала к ценному информатору – Жукову Василию Ионовичу. В. И. Жуков (1939 г.р.), уроженец с. Камышенка и солист местного ансамбля «Весняночка». С раннего возраста, слушая народные песни в исполнении мамы, Василий Ионович научился петь. Он хорошо знает традиции своего села и своеобразную манеру исполнения песен, перенятую от матери. Он обладает красивым и сильным голосом, а пение отличается особой энергетикой и мастерством импровизации. За бережное отношение и сохранение традиционной народной культуры Алтайского края В. И. Жуков награжден дипломами, почетными грамотами краевых фестивалей и праздников. В данной экспедиции от В. И. Жукова было записано 12 песен, а также восстановлены многие песенные тексты, не зафиксированные экспедицией В. Е. Дятлова.

Песенная традиция с. Камышенка интересна не только для региональных, но и для московских фольклористов. Здесь побывала этномузыколог, сотрудник кабинета народной музыки Московской государственной консерватории им. Чайковского, заместитель главного редактора журнала «Музыка и время» Людмила Петровна Махова с группой исследователей. К сожалению, материалы ее экспедиции не опубликованы, но некоторые песни, записанные на фестивале «Древо» от жителей с. Камышенка, исполняющих песни «Калинка с малинкою наклонилась» и «Там в Таганроге», находятся в сети Интернет.

Анализируя песенный стиль с. Камышенка, отметим, что в селе сложилась особая местная традиция, сформировавшаяся на основе южнорусской песенной традиции из нескольких локальных традиций переселенцев Воронежской губернии (или современного Воронежско-Белгородского пограничья). Поэтому песенные тексты камышенцев сохраняют черты южнорусского акающего произношения с фрикативным согласным «Г» и другими диалектизмами [1, с. 88–89].

В репертуаре исполнителей ведущее положение занимают свадебные песни, как обрядовые, так и плясового характера, исполняющиеся на свадебном пиру. В местной системе фольклорных жанров активно представлены также ранняя и поздняя песенная лирика любовной, семейной и воинской тематики, а также плясовые песни. Единичны образцы календарных, хороводных и игровых песен.

Фактура камышенских песен многоголосная, она представляет собой функциональное двух-трехголосие, в котором мелодия находится в нижней голосовой партии и представлена гетерофонным пучком всех исполнительских голосов, кроме верхнего, который располагается выше основной партии, образуя терцово-квинтовые интервалы между голосами. В ансамблевой фактуре часто звучат короткие острые созвучия, возникающие вследствие задержаний, предъёмов голосов. Такое своеобразное пение с замысловатыми переходами, переливами в селе получило название «кучерявить песню», к этому добавим, что песни в селе не поют, а «играют» [2]. Камышенцы поют открытым плотным звуком, насыщенным грудными обертонами с экспрессивной манерой звукоизвлечения, тембрально насыщенной вибрацией в голосе. В лирических, свадебных песнях и песнях воинской тематики после словообрывов и спадов, народными певцами часто используется прием паузирования голосов с последующим их активным включением после паузы. Особую характерность звучания камышенских песен придают броские, яркие запевы в исполнении В. И. Жукова, поющего эмоционально увлеченно и с большой степенью импровизационности.

Особый интерес вызывают исполнительские версии смешанного состава – пение женщин с мужским голосом, В. И. Жуковым. В. И. Жуков поет в верхнем регистре своего диапазона, а женщины – в низком и среднем регистрах, поэтому женские голоса и голос В. И. Жукова взаимозаменяемы, довольно часто наблюдается их перекрещивание. Разница для слушателей

закljučается только в тембровой окраске и силе голосов: мужской голос в высоком регистре звучит более напряженно (т.к. его исполнение требует большей энергии и опоры дыхания), в целом получается более плотная и насыщенная звуком партитура.

Таким образом, певческая традиция села Камышенка, в основе которой лежит южнорусская традиция переселенцев Воронежско-Белгородского пограничья, отличается ярким своеобразием. Исполнительская красота и музыкально-поэтическая ценность песен вот уже более 40 лет интересует собирателей фольклора. Экспедициями под руководством В. Г. Пешняка (1978 г.), В. Е. Дятлова (1989 г.), О. А. Абрамовой (1983, 1999 гг.), М. Н. Сигаревой (2012 г.), О. С. Щербаковой (ноябрь 2017 г.) записано свыше 60 фольклорных произведений (в разных вариативных версиях) от местных жителей – участников аутентичного фольклорного ансамбля «Весняночка». «Весняночка» пела и поет свои песни на сценах многих сел и городов Алтайского края. В 1998 году коллективу было присвоено звание «Народный фольклорный этнографический ансамбль» [2]. Нынешний состав коллектива представляет собой поколение детей и внуков первого состава фольклорного ансамбля. Здесь бережно хранят свою локальную народно-песенную культуру; обрядовые традиции предков, песенный репертуар и особую камышенскую манеру исполнения. Причем наблюдается различие песен по семейной принадлежности. Так, В. И. Жуков в беседах всегда отмечал, которые песни «мамины», а которые «мальцевские» (так как он их слабо знает).

Но, все же, несмотря на ценность фольклорной традиции села Камышенка Петропавловского района, песни, бытовавшие в данном локусе Алтайского края, довольно редко включаются в репертуар народно-певческих коллективов России и региона. Главной проблемой здесь является отсутствие нотаций и репертуарно-методического сборника камышенских песен, адаптированных для современных самодеятельных и учебных народно-певческих коллективов.

Литература

1. Абрамова О. А. Истоки: Материалы фольклорных экспедиций (выпуск 9). Барнаул: ЦЭВД «Песнохорки», НГПУ, 2003. 216 с.
2. Бебекина В. Там, где поют соловьи. // Ударник. 2011. 15 апр.
3. Возникновение села Большебыково [Электронный ресурс]. URL: <http://bykowo.ru/fakty.html> (дата обращения: 10.05.2018).

4. Пешняк В. Г. Русские народные песни Алтайского края: сб. песен. Барнаул: Алт. кн. изд., 1980.

5. Сигарева М. Н. Традиционная свадьба: учебно-методическое пособие с аудиоприложением / сост. М. Н. Сигарева. Барнаул: ARTIKA, 2012. 84с.

6. Талагаи. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=30a9f869-06c9-48d8-bc88-93a254c40466> (дата обращения: 10.05.2018).

SINGING FOLKLORE OF THE KAMYSHENKA VILLAGE
OF PETROPAVLOVSKY DISTRICT OF ALTAI TERRITORY
AND THE HISTORY OF ITS STUDY

Shcherbakova O.S., Barnaul (Russia)

Annotation: *the article is devoted to one of the important themes of regional folklore – the existence of folklore and song tradition in a separate locus – in the village of Kamyshenka of Petropavlovsky district of the Altai territory, whose inhabitants are the descendants of immigrants of the second half of the XIX century, mainly from the Ufa and Voronezh provinces, besides Voronezh settlers in the Altai originally self-identified as «talagai». The singing tradition of Kamyshenka village, which is based on the South Russian tradition of settlers of the modern Voronezh-Belgorod borderland, is distinguished by the unique dialect pronunciation of song texts, the manner of singing songs and the construction of a song score. In the article the author seeks to trace the process of collecting and studying of the folklore of the village by the folklorists of the Altai territory and leads their observations about folklore carriers and the existence of local songs, and also gives a generalized musical and style characteristic of song genres.*

Keywords: *regional traditions, folklore, village of Kamyshenka of the Petropavlovsk district, Voronezh settlers, sub-ethnic group of Russian «Tagalai» homesteads, folklore expedition, song genres.*

РАЗДЕЛ 2. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Артюхина В. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье представлена характеристика общих принципов урегулирования межнациональных конфликтов. Рассмотрены основные факторы, влияющие на эффективность урегулирования межнациональных конфликтов. Охарактеризованы основные технологии вмешательства третьей стороны в разрешение межнациональных противоречий.

Ключевые слова: межнациональные конфликты, урегулирование межнациональных конфликтов, принципы урегулирования межнациональных конфликтов, технологии урегулирования межнациональных конфликтов.

Изучение различных межнациональных конфликтов является областью интереса многих исследователей социально-гуманитарного знания [3]. Одним из ключевых элементов в теории межнациональных конфликтов выступают технологии их эффективного урегулирования. Разрешение конфликтов с участием третьей стороны занимает важное место в структуре управления конфликтами во всех сферах общественной жизни. Возникновение и развитие разнообразных межэтнических конфликтов в обществе стимулируют представителей социального знания к разработке и совершенствованию различных технологий урегулирования конфликтов.

Урегулирование конфликтов заключено во вмешательстве третьей стороны в процессы развития межнационального конфликта с целью ограничения негативных последствий для социальной системы, его породившей. Эффективность и результативность урегулирования конфликтов определяется уместностью применения определенной технологии к разрешению конкретного конфликта и профессионализмом третьей стороны, осуществляющей вмешательство в конфликт [1].

Урегулирование межнационального конфликта предполагает использование третьей стороной определенного набора средств и

методов для повышения эффективности своей работы. Совокупность таких методов и инструментов составляет технологии урегулирования конфликтов. Итак, технологии урегулирования межэтнических конфликтов можно определить как специальные приемы, методы, инструменты, используемые третьей стороной (посредником), направленные на разрешение противоречия и завершение конфликта.

Вмешательство третьей стороны в межнациональные конфликты имеет различную эффективность. Это означает, что существует ряд факторов, которые влияют на эффективность деятельности третьей стороны в таком конфликте.

Основным фактором является мотивированность обеих сторон на совместную работу, готовность учесть мнение посредника, принять предлагаемое им решение, достичь конструктивного разрешения конфликтной ситуации.

Эффективность участия третьей стороны в конфликте также определяется особенностями и характером деятельности третьей стороны, среди которых выделяют: заинтересованность третьей стороны в урегулировании конфликта; наличие знаний и профессиональных качеств, обеспечивающих успешное проведение процесса регулирования конфликта, а также способности убеждать; наличие достаточного опыта успешного регулирования конфликтов в прошлом; знание ситуации, обстановки, особенностей конкретного конфликта [2].

Другим фактором выступает степень напряженности конфликта. Данные по этому вопросу противоречивы. С одной стороны, выявлено, что разрешение межэтнического конфликта с помощью посредника более успешно тогда, когда он перешел в стадию открытого противостояния. С другой стороны, установлено, что излишний накал страстей в ходе переговоров негативно влияет на успешность деятельности посредника.

Следующий фактор – длительность конфликта. Эффективность деятельности третьей стороны в урегулировании затяжного межэтнического конфликта оказывается более низкой, чем это имеет место в случае конфликта скоротечного.

И, последний фактор, – характер отношений сторон. Чем сложнее и напряженнее взаимоотношения оппонентов в конфликтной ситуации, тем менее эффективно посредничество. Избираемые тактики и техники урегулирования межнациональных конфликтов определяются ситуацией, в которой оказывается третья сторона, а не особенностями посредника.

Среди основных форм или способов урегулирования межэтнического конфликта обычно выделяют:

1. Арбитраж – способ урегулирования и разрешения конфликтов третьими лицами, избираемыми сторонами конфликта или назначаемыми по их соглашению либо в порядке, установленном законом, выносящими обязательные для выполнения рекомендации.

2. Конфликтологическое консультирование – вид социального взаимодействия, в ходе которого происходит трансляция опыта и приобретение навыков эффективного взаимодействия в конфликтных ситуациях.

3. Переговоры – совместное обсуждение конфликтующими сторонами (с возможным привлечением наблюдателя) спорных вопросов с целью достижения согласия.

4. Посредничество (медиация) – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Какой бы ни была форма оказания помощи конфликтующим третьим лицом, принципиальное значение имеют этические принципы, в соответствии с которыми организуется посредническая деятельность. К ним можно отнести следующие пункты:

- во-первых, нейтральность по отношению к оппонентам. Посредник не стремится любыми способами обозначить виновных и невиновных. Его отношение к ситуации должно быть максимально объективно, он ни при каких условиях не должен зависеть от конфликтующих сторон;

- во-вторых, безоценочность позиции. Третья сторона конфликта не может каким-либо образом оценивать действия или мнения оппонентов. Он побуждает их к самоанализу действий, помогает принимать решения;

- в-третьих, конфиденциальность. Любая информация личного характера, полученная от участника конфликта, не может быть использована в ущерб ему или передана другим лицам без его согласия;

- в-четвертых, процедурный характер деятельности. Задача посредника заключается в профессиональном сопровождении процедуры обсуждения. Обычно третья сторона призывает и всячески мотивирует оппонентов на сотрудничество. Успех или неудача урегулирования конкретного межнационального конфликта во многом определяются содержанием процесса, и его результат зависит от самих участников;

- в-пятых, стимулирование сотрудничества. Посредник поощряет шаги оппонентов, направленные на нормализацию взаимоотношений, побуждает их к этому, обеспечивая постепенный переход от конфронтации к сотрудничеству;

- в-шестых, работа с процессом, а не с решением. Посредник несет ответственность не за характер принимаемых решений, а за организацию движения к этим решениям.

Межнациональные конфликты объективны и закономерны на любой стадии развития общества и при любой форме общественного устройства. Принятие их закономерного характера, однако, не предполагает полного отказа от попыток разрешения противоречий, лежащих в их основе. Грамотная деятельность по урегулированию межнациональных конфликтов может способствовать снижению напряженности и остроты таких конфликтов. А соблюдение общих принципов урегулирования межнациональных конфликтов способно обеспечить преобладание конструктивных последствий межэтнических конфликтов над деструктивными.

Литература

1. Кириллова М. К. Технологии урегулирования конфликтов: Учебно-наглядное пособие. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. 56 с.

2. Маврин О. В. Технологии урегулирования конфликтов (медиация как эффективный метод разрешения конфликтов): учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 96 с.

3. Пустовалова Е. В. Толерантность как угроза социальной безопасности в современном полиэтничном пространстве: к постановке проблемы // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. Вып. 5. Ч. 1. Барнаул: «Новый формат», 2017 С. 207–210.

GENERAL PRINCIPLES FOR RESOLVING ETHNIC CONFLICTS

Artjukhina V. A., Barnaul (Russia)

Abstract: *the article presents the characteristics of the general principles of the resolving ethnic conflicts. The most important factors affecting the effectiveness of the resolving ethnic conflicts are considered. The main technologies of third-party interference in the resolution of interethnic contradictions are characterized.*

Keywords: *ethnic conflicts, the resolving ethnic conflicts, the principle of resolving ethnic conflicts, technology for resolving ethnic conflicts.*

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)⁷

Борисова О. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: анализ миграционных настроений молодежи в современном российском регионе представляет особый интерес для исследования. Миграционные настроения молодежи необходимо своевременно выявлять и направлять в нужное русло для повышения эффективности использования рабочей силы и экономики в целом. Автор статьи анализирует особенности и основные причины миграционных настроений молодежи Алтайского края. Результаты проведенного исследования подтвердили высокую мобильность молодежи и выраженные миграционные настроения. Также было выявлено, то основные причины миграции молодежи – желание улучшить свое материальное благосостояние, возможность получить лучшее образование, а также путешествия.

Ключевые слова: миграция, молодежь, причины миграции, миграционное поведение.

В современном мире человеческий капитал является основным условием общественного развития государства, и конкуренция за обладание этим капиталом усиливается. Россия уже не одно десятилетие теряет свой человеческий капитал, в другие страны уезжают высокообразованные специалисты, а к нам приезжают миллионы людей с низким уровнем образования. «В рыночной борьбе за умы Россия проигрывает из-за менее соблазнительных предложений материального благополучия и свободы. Мы можем говорить о круговороте умов, а не только об утечке, но проблема сегодня в том, что уходит больше, чем остается» [3, с. 4].

Миграция населения – это характерная черта современного развития общества. Миграции охватывают практически все слои общества. В них включены активные индивиды из различных

⁷ Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России (2018–2019 гг.).

гендерных, возрастных, профессиональных, конфессиональных, политических, национально-этнических, социальных, демографических групп [8, с. 445].

Миграция молодежи – одна из самых актуальных проблем в современном мире. Это связано с тем, что именно сейчас созданы наиболее благоприятные условия для путешествий, перемещений в любую точку мира или смены места жительства. Только за последние 50 лет масштабы миграции выросли более чем в 2,5 раза; число мигрантов в мире достигло 200 млн. человек, при этом основным участником миграционных перемещений является молодежь в возрасте от 16 до 35 лет.

В России миграция носит центростремительный характер. Население в основном стремится в крупнейшие города – Москва, Санкт-Петербург и т.д. Если рассматривать регионы, то здесь отмечается отток населения в региональные столицы, где сконцентрированы многие виды ресурсов [6, с. 226]. Глубинка, к которой относятся малые, средние города и сельская местность, теряет население, прежде всего – молодежь (наиболее активно мигрируют люди в возрасте 17–19 лет по окончании средней школы).

Сотрудниками Алтайского государственного университета в 2015 году в рамках социологического исследования патриотизма и патриотического воспитания населения Алтайского края (n = 400) был проведен анализ миграционных настроений молодежи региона. Полученные данные свидетельствуют о том, что молодежь в целом имеет выраженные миграционные намерения, что, по нашему мнению, можно связать с менее устоявшимися социальными связями, психологической тягой к новому, поиском своего жизненного пути и т. д.

Более трети опрошенных хотели бы уехать за границу временно. Желание работать за границей есть у 16% молодежи региона. Чуть более 10% респондентов хотели бы, чтобы их дети жили, работали и учились в другой стране. При этом 43% молодых людей все же не хотели бы родиться и жить в другой стране.

Полученные результаты исследования также подтвердили большую мобильность и выраженные миграционные настроения молодежи. Так, доля молодежи, готовой покинуть Россию навсегда, составляет 12,7%. Велико число среди молодежи и тех, кто хотел бы уехать из страны на время (60%). Почти четверть молодых людей не хотят уезжать из России и готовы здесь жить даже при неблагоприятном развитии событий.

Направления миграционных установок молодежи региона также разнообразны. Значительная доля респондентов (36,7%) никуда не хотят уезжать из России. Одновременно почти треть молодых людей хотят сменить место жительства, но еще не определились, куда именно хотят уехать. Также примерно равное количество респондентов (около 8%) хотят уехать в другой город или район края, другой регион России или в другую страну.

В рейтинге причин потенциальной миграции преобладают экономические (74,5%). Значительная доля опрошенных переездом хотят повысить свой уровень образования (68,5%) и обеспечить будущее своим детям (64,7%). Не менее важной целью переезда молодежь считает путешествия (68,6). Более половины молодежи региона хотят переехать, чтобы найти работу или добиться карьерного роста.

Таким образом, данные опроса зафиксировали типичную картину большей миграционной активности молодого населения в целях обеспечения своего будущего, поиска новых перспектив и большей пассивности старших групп населения в контексте каких-либо пространственных перемещений. По нашему мнению, важнейшая задача региональной политики – выяснять, какие доминанты способны закрепить молодежь в регионах, выявлять неиспользованные ресурсы региона (расширение зоны «социальных лифтов», поддержка проектов, инициатив молодежи и т. д.). Важнейшую роль в решении проблемы миграции молодежи играют такие факторы, как улучшение материального благосостояния молодого населения, поддержка молодых семей, создание привлекательных рабочих мест и т. д.

Литература

1. Алешковский И. А. Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика М., ТЕИС, 2007, С. 87–96.
2. Карташов Г. Масштабы миграции российских студентов // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 128–132.
3. Кириченко Э. В. От утечки умов к глобальному «круговороту умов» // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 10. С. 3–11.
4. Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Максимов М. Б. Миграционные процессы и социально-экономическая безопасность приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. №11(109). С. 123–127.

5. Максимова С.Г. Социально-экономические и социально-политические угрозы безопасности в оценках населения приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. №12 (98). С. 132-137.

6. Мирзабалаева Ф. И. Миграционные настроения молодежи периферийного региона // Современные проблемы науки и образования. 2013. №4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9910> (дата обращения 24.06.2018).

7. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242.

8. Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Международная миграция и безопасность российских регионов: статистический анализ и опыт построения типологии // Society & Security insights. 2018. №1. Т.1. С.13–32.

9. Фатихова Л. Э., Сарварова Р. Р. К вопросу о проблеме миграции молодежи // Молодой ученый. 2014. №21. С. 445–447. URL <https://moluch.ru/archive/80/14304/> (дата обращения: 24.06.2018).

MIGRATION MOODS OF THE YOUTH OF THE ALTAI TERRITORY (ON MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCHES)

Borisova O. V., Barnaul (Russia)

Abstract: *the analysis of migration moods of the youth in the modern Russian region is of special interest for a research. Migration moods of the youth need to be revealed and sent in due time to the necessary course for increase in efficiency of use of labor and economy in general. The author of article analyzes features and the main reasons for migration moods of the youth of the Altai territory. Results of the conducted research have confirmed high mobility of youth and the expressed migration moods. In addition, it has been revealed, the main reasons for migration of the youth – desire to improve the material well-being, an opportunity to get the best education and travel.*

Key words: *migration, the youth, migration reasons, migration behavior.*

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРСКОГО РЕГИОНА

Виницкая Н. В., Шабалина Е. П., Бийск (Россия)

Аннотация: статья посвящена проблеме взаимодействия таких явлений общественной жизни и культуры как религия, миф и искусство. Своеобразие и сложность их соотношения на территории Сибири связаны с существованием полиэтнической и поликонфессиональной картины. Результатом 250-летней традиции совместного проживания тюркской и славянской группы населения становится, с одной стороны, стремление к сохранению собственной самобытности. С другой стороны, взаимопроникновение и подверженность процессам глобализации.

Ключевые слова: культура, религия, миф и искусство, этническая самобытность, художественный образ.

Территория Сибири и входящего в нее «большого» Алтая, включающего Алтайский край и Республику Алтай, весьма интересна исследователям этнокультур. Интерес этот может касаться как способа сохранения самобытности тюркских и славяноязычных культур в процессе проживания на общей территории, так и способа их сближения в быту и искусстве.

Алтай – уникальный регион, на территории которого встретились западные и восточные традиции, верования. Интерес к региональным особенностям национальной культуры определяет ее актуальность.

Общероссийские эстетические эталоны нашли свое отражение в сибирском регионе. Для их решения были найдены оригинальные смелые решения, и плодотворный опыт музыкантов, художников и писателей края может привлечь немало исследователей и ценителей прекрасного. На примере этих произведений необходимо объяснять такие сложные понятия как жанр и стиль [6, с. 89].

В начале XX века в рамках сибирского искусства стали использовать термин «сибирский стиль». Причина возникновения такого термина понятна и оправдана. Она объясняется как огромной географической протяженностью сибирского края, так и его полиэтническим характером.

Проблема соотношения профессионального и народного, а подчас народных культур в творчестве сибирских мастеров проявлялась особенно ярко.

От алтайской народной культуры профессионалы перенимают не только сюжеты и образы, но и изысканный орнаментальный стиль, плоскостной характер изображения, своеобразный колорит. Эти черты особенно ярко проявляют себя в наивном искусстве.

Термин «наивное искусство» широко вошел в употребление в 60-х – начале 70-х годов. Однако примитив как историко-этнографическая категория и тенденция к слиянию профессионального и народного искусства имеет очень глубокие корни.

Истоки самобытности ряда современных художников объясняются их глубоким интересом к искусству древности.

Не случайно считают, что все новое построено на обращении к уже ранее существовавшему. Интерес к культуре ушедших эпох может проявлять себя по-разному. У одних мастеров он выражается в обращении к теме «седой старины», исполненной вполне натуралистично и «понятно», как любят поклонники реализма. У других он проявится во внимании к глубинным слоям древней культуры, архетипичным образам и стремлении воссоздать сам дух давно исчезнувшего времени, народа, искусства. В этом случае, как правило, важное место будет занимать символический характер изображаемого.

В условиях глобализации возрастает интерес к проблеме этнической самобытности, сохранения национальной идентичности и региональной культуре во всех ее проявлениях. В связи с этим философско-культурологическое исследование сибирской культуры, выявление ее особенностей предстает как научная потребность.

Обращение к теме интерпретации религиозно-мифологических образов имеет и этнографическую ценность как возможность углубить знание о самобытной культуре алтайского региона, определить культурную преемственность поколений.

Второй аспект – возможность оценить значение современного профессионального изобразительного искусства художников Алтая через анализ способов интерпретации ими в художественных произведениях традиционных для алтайцев религиозно-мифологических образов. Включая древние религиозно-мифологические образы в контекст европейских

жанров (пейзаж, портрет, бытовая или жанровая сцена), они сумели внести в них глубокий смысловой план.

Посредством своих картин алтайские художники передали глубину мифологического мышления с его дуализмом, символикой, сюжетами. Они пошли дальше этнографических зарисовок и этностиля европейского модерна. Они зрительно воплотили первобытные ценности алтайских народов, дух и жизнеощущение их первобытных предков.

Сами по себе религиозно-мифологические образы в рамках традиционной культуры не нуждаются в интерпретации, так как они статичны, незыблемы, раз и навсегда закреплены традицией. Обращение к ним художников предполагает авторскую интерпретацию. При этом древние религиозные и мифологические образы как универсальные символы могут по-разному интерпретироваться современными художниками, либо сохраняя свое первоначальное, религиозно-мифологическое значение, либо становясь образом-памятником, позволяющим художнику воссоздать, реконструировать сюжеты исчезнувшей культуры, приближаясь к национальным истокам культурных ценностей, либо полностью утрачивая свое первоначально религиозно-мифологическое значение, превратившись в фон, элемент стилизации декора. Исследуя особенности интерпретации этих образов в творчестве художников Алтая, необходимо выяснить какие религиозно-мифологические образы берутся ими в качестве главного предмета, центрального образа их произведений, как воплощены эти образы, чем становятся они для современного художника, какие художественные средства были привлечены художниками, и насколько они соответствуют образному первоисточнику.

Искусство основано на образно-символическом выражении переживаний, эмоций, явлений окружающей действительности. Оно создает для человека «вторую реальность» – мир жизненных переживаний, выраженных в образно-символической форме [2, с. 3686]. Чем дальше от первоисточника, в том числе и хронологически, находится толкование, тем больше возникает вариантов понимания текста. С развитием искусства как самостоятельной сферы творчества, изображение мифа постепенно заменяется иллюстрацией к мифу.

По мнению К. Леонтьева, изображение, пережитое изнутри участниками события, натуралистично воссозданное в «первичной простоте» заменяется «цветущей сложностью»

внешних описаний, иллюстрацией, а иногда и домыслов к событийному ряду. Согласно исследованию А. В. Денисова, миф начинает выступать, как объект эстетической рефлексии и может быть рассмотрен следующим образом: резкое повышение интереса к мифологии народов, в которой видят средство декодирования соответствующих национальных культур, сопровождается ростом популярности мифологического жанра в изобразительном искусстве. Усиливается идущее от романтизма использование мифологических образов и сюжетов. Создаются многочисленные стилизации и вариации на темы, задаваемые мифом, обрядом или архаическим искусством [7, с. 251].

Обращение к древней мифологии для современных художников – это бегство в область интуиции, средство спасения от современной цивилизации с ее техницизмом и индивидуализмом. В некоторых произведениях «неомифологического» искусства функцию мифов выполняют художественные тексты. Часто изображенное декодируется сложной системой отсылок и к мифам, и к авторским произведениям.

Мифологизирование становится способом организации материала для авторов, обращающихся к национальному фольклору и мифу во имя сохранения и возрождения национальных форм культуры. При этом может использоваться разная манера подачи мифологических образов вopus-произведениях: как реалистическая трактовка образов, так и обращение к этнопримитиву.

Этнопримитив – это возвращение к истокам, к той форме организации изобразительного пространства, которая была характерна для древних культур. «Двухмерная» мозаика или живопись – формы приглушенной визуальности, благодаря чему становится возможным максимальное взаимодействие между всеми чувствами. Художники начинают показывать вещи так, словно их держишь в руках. Человек периода «дописьменной культуры» еще не умел «видеть» изображение целиком. Визуальный ряд должен был разворачиваться в пространстве поэтапно, так же, как речь во времени. Человек современный научился видеть и наблюдать сразу в нескольких плоскостях, но временами пытается уйти от этой возможности в искусстве сознательно.

Иногда современные изображения создаются как полифония (термин музыкальный, связанный с одновременным звучанием нескольких тем). Происходит «смещение» плоскостей. Одно изображение появляется на фоне другого, но не фонового, а

равнозначного ему. Подобные приемы можно обнаружить в творчестве Н. Острицова, В. Тебекова и Н. Чепокова, С. Дыкова и А. Укачина. Приемы наложения текстов, многозначности трактовки символов и мифологических образов при анализе текста уведут реципиента от однозначного понимания текста в сторону вариантов его прочтения и толкования.

Обращение к национальным мифологиям в современном изобразительном искусстве – это интерпретация сохраненных образов и символов с точки зрения нашего современника. Это стилизация собственных работ под миф. Интерпретация проявляет себя как средство достижения понимания.

Содержание и форма, являясь двусторонним единством в изображенном объекте, становятся двусторонним основанием их интерпретаций. Анализ содержания – это интерпретация семантической, смысловой стороны произведения, сюжета, идеи. Соотношение формальной и содержательной (семантики, сюжета, идеи) сторон в изобразительном искусстве представляет собой двойственную реальность, которая позволяет выделить в нем два плана, соответствующих содержательной и формальной стороне:

- план изображаемого, говорящий о том, что изображено;
- план изображения, определяющий как, каким образом это изображено.

В качестве наиболее часто встречающихся образов в картинах художников Алтая XX века можно обнаружить горы, деревья, священных птиц и животных. Среди антропоморфных образов выделяются женские образы, семантическое значение которых связано с материнским началом, образы старцев и духов-покровителей, шаманов и сказителей.

Обращаясь к традиционным образам, художники достигают гармоничного сочетания правдивости этнографических деталей, чуткого и верного использования символики [3, с. 49].

Восприятие внешнего плана изображений служит отправной точкой для понимания авторских интерпретаций на пути постижения внутреннего содержания образов. Стилизованные и использованные как «цитата» образы мифологии в авторских работах сочетаются с высоким уровнем постижения и отражения мифопоэтического народного восприятия. Среди них изображение мира как единого многоуровневого разумного начала, существующего и развивающегося в единстве противоположностей.

В мифологическом «искусстве» автора нет, как не может быть и свободы интерпретации. Даже при наличии явных различий в

форме и цвете должна сохраняться семантическая основа, сохраняющая основной смысл.

Художники Алтая, являясь носителями и серьезными исследователями мифопоэтических образов, используют не только внешнюю символическую их природу. Они отражают сам принцип духовного освоения окружающей действительности, принятой в этом сибирском крае. Так, в их творчестве проявляются:

- принцип организации образов, принятых в мифе (отдельные ярусы изображения соответствуют разным уровням вселенной);
- четкое выделение «сакрального» центра композиции в виде священного дерева, горы или камня;
- трактовка символов животного и растительного мира согласно их принадлежности к определенным стихиям;
- антропоморфизация образов природы;
- дуализм как принцип существования жизни;
- сочетание элементов как первичного первобытного религиозного синкретизма (анимизм, тотемизм), так и вторичного (шаманизм и обожествление природы в сочетании с элементами мировых религий).

Созданные образы перестают быть религиозными, но и не являются чисто эстетическими. Они обретают свойство посредника между прошлым и настоящим, своеобразного проводника в историю и мифологическую картину мира Алтая. Картины мастеров Алтая напоминают нам о стремлении древних к единству, гармонии, целостности бытия человека и космоса как высшего смысла жизни.

Не случайно появление на Алтае такого количества замечательных пейзажистов [4, с. 27]. Любовь как русского человека, так и алтайца, к природе, безгранична. Природа была соседкой и кормилицей. Река служила водной и ледовой дорогой, воспитывала в народе «чувство порядка» и общности, приучала прибрежных обитателей к общению с «чужими людьми», в том числе и с соседними народами, она воспитывала дух предприимчивости, сближала разбросанные части населения, приучала меняться товаром и опытом. Лес и степь воспринимались двояко: они были и защитой, и угрозой. Но именно эти мотивы – бескрайней степи, могучего леса и окруженных народной поэтикой алтайских рек – стали основой для создания песен, картин, поэтических произведений [5, с. 164].

Н. А. Бердяев утверждал, что «пейзаж русской души» соответствует пейзажу русской земли, подчеркивая

безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широту национально-русского сознания [1, с. 364].

Констатируя вышеизложенное, следует отметить, что сохранение и возрождение национальных культурных традиций может быть осуществлено лишь на основе их взаимообогащения и обращения к истокам традиционных народных культур [8, с. 28].

Рассматриваемая проблема предполагает содействие раскрытию ценностей, которые осваиваются при изучении культурного наследия мировых религий, способствующих осознанному выбору мировоззрения на основе ценностных систем и этических практик ведущих мировых и национальных религий. Современные реалии приветствуют возможность и способность межнационального общения в культуре, образовании, торговле, но без знаний культурных традиций, этических норм других народов трудно разобраться в мировых политических процессах, причинах современных конфликтов.

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. М.: «Аст», 2007. 701 с.
2. Веницкая Н.В, Шабалина Е. П. Влияние традиционной картины мира на формирование культурной идентичности // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 3685–3688.
3. Веницкая Н.В, Шабалина Е. П. Формирование общекультурных компетенций студентов на основе историко-культурного наследия Алтайского региона // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2015. №5. С. 48–50.
4. Веницкая Н.В, Шабалина Е. П. Этнокультурные ценности как воспитательный потенциал молодежи // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2013. №2 (39). С. 27–29.
5. Веницкая Н. В., Шабалина Е. П. Духовно-нравственное воспитание в системе этико-эстетического наследия религий / Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 янв. 2015 г.) / ред. О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 163–165.
6. Веницкая Н. В., Шабалина Е. П. Эстетическое воспитание студентов средствами искусства // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2013. №1 (38). С. 88–91.

7. Денисов А. В. Античные мифологические оперные сюжеты в контексте культуры первой половины XX века: автореф. на соиск. степ. доктора искусствоведения: 24.00.01 / А. В. Денисов; Российский гос. пед. ун-т имени А. И. Герцена Санкт-Петербург, 2008. 342 с.

8. Shabalina E. P., Boagi N. M. PECULIARITIES OF EDUCATION IN FOLK PEDAGOGY // European Journal of Natural History. №4 2013. P. 27–30.

PECULIARITIES OF THE ETHNIC CULTURE OF THE SIBERIAN REGION

Vinitzkaya N. V., Shabalina E. P., Biysk (Russia)

Abstract: the article is devoted to the problem of interaction of such phenomena of social life and culture as religion, myth and art. The originality and complexity of their correlation in the territory of Siberia are connected with the existence of a polyethnic and polyconfessional picture. As a result of the 250-year tradition of coexistence of the Turkic and the Slavic groups of the population, on the one hand, there is a desire to preserve one's own identity. On the other hand, interpenetration and exposure to the processes of globalization.

Key words: culture, religion, myth and art, ethnic identity, artistic image.

РЕАЛИЗАЦИЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ОСОБЕННОСТИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Гоношилова Т. О., Максимова С. Г., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье рассматривается один из важных вопросов национальной безопасности – высокий уровень потребления и распространения наркотиков в современном обществе, подтверждающий необходимость дальнейшего совершенствования антинаркотической политики в регионе и подходов, которые направлены на противодействие незаконному обороту наркотиков на территории Алтайского края. Обострение ситуации с употреблением наркотических средств среди населения обуславливает необходимость комплексных мер по созданию эффективных профилактических программ и разработки концептуальных оснований для построения новой модели антинаркотической службы на территории региона.

Ключевые слова: антинаркотическая среда, антинаркотическая политика, наркомания, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, противодействие наркотизации.

В современном российском обществе наблюдается целый спектр дисфункциональных явлений, которые оказывают отрицательное влияние на различные сферы жизни. Особое место среди них занимает наркотизм, определяющийся как незаконное потребление наркотических веществ и сопряженные с ним негативные эффекты. В России масштабы наркотизации населения продолжают расти. Одной из наиболее значимых проблем современной России является возрастающая наркотизация населения, которая ежеминутно разрушает здоровье и жизни миллионов граждан страны, подрывает жизнеспособность российского общества и государства. По данным Организации Объединенных Наций, процент российского населения, вовлеченного в злоупотребление опиатами, в 5–8 раз превышает соответствующие показатели в странах Европы, и в 20 раз – показатели отдельных стран [1]. За последние годы количество лиц, потребляющих наркотики, увеличилось почти на 60% и, по отдельным сведениям, составляет около 8 млн. человек [3].

Наркопроцессы в современном мире предопределили необходимость поиска новых оптимальных моделей

функционирования антинаркотической политики, направлением которой будет являться улучшение наркоситуации и снижение высокого уровня наркотизации населения и наркопреступности. На наркоситуацию в Алтайском крае влияет геополитическое положение. Алтайский край граничит с Республикой Казахстан, что приводит к более активному распространению наркотиков на территории региона. Удобные пути позволяют транспортировать наркотики в Алтайский край, а затем перенаправлять в остальные регионы страны [4].

Согласно государственной статистики РФ за период 2003–2015 гг. показатель находящихся под диспансерным наблюдением больных наркоманией оставался на уровне 228,0–196,5 чел. на 100 тысяч населения. Максимальный прирост показателя зарегистрированных больных наркоманией был выявлен в 2009 г. и составил 238,2 чел. на 100 тыс. населения. Но уже в 2010 г. данный показатель снизился на 2,8 % и составил 231,6 чел. на 100 тыс. населения. Самый низкий показатель был зарегистрирован в 2015 г. и составил 196,5 чел. на 100 тыс. населения, убыль составила 17,5% по сравнению с 2009 г. В то же время необходимо учитывать тот факт, что данные наркологических служб отражают лишь ситуацию с теми категориями лиц, которые обращаются к ним за помощью.

Рост показателя взятых под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом достигает максимума в 2007 г. – 20,7 на 100 тыс. населения (20 тысяч человек). В дальнейшем до 2013 г. данный показатель снижается и составляет 12,7 на 100 тыс. населения (18,1 тыс. человек). К 2015 г. первичная обращаемость возросла и составляет 14,1 чел. на 100 тыс. населения.

Обратимся к показателям числа зарегистрированных преступлений за период 1990, 2000–2016 гг. Согласно государственной статистики РФ максимальный прирост преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков за данный период, был раскрыт в 2014 г. и составил 254,7 тысяч (всего в этот период было зарегистрировано 2190,6 тыс. преступлений). Однако уже в 2015 г. отмечается снижение темпов роста этого показателя в 1,07 раза (235,9 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков), которое продолжалось в дальнейшем и составило в 2016 г. – 201,2 тыс.

Рост значения показателя преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, начинается с 2000 г.,

достигая максимума к 2015 г. (с 18,9 до 33,2 тысяч). В 2005 г. был зарегистрирован самый низкий показатель преступности 8,1 тыс. В дальнейшие годы показатель числа преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, увеличивается. В 2005 г. данный показатель вырос в 4,1 раза к уровню 2015 г. В дальнейшем в 2016 г. отмечается снижение показателя, который составил 28,2 тыс.

В 2016 году показатель зарегистрированных больных наркоманией в крае снизился к уровню 2015 года на 9,5%, однако остался выше показателя по РФ на 16,4%. В 2016 году в наркологических диспансерах и 64 кабинетах медицинских организаций края зарегистрировано 5900 больных наркоманией. За последние пять лет (2012–2016 гг.) в крае отмечается устойчивая тенденция к снижению смертности от острых отравлений наркотическими веществами. Показатель смертности от данной причины в регионе снизился на 71,4% в 2016 году по сравнению с 2012 годом и стал ниже показателя по РФ на 42,9%.

Согласно данным Министерства Здравоохранения РФ в период с 1992–2016 гг. происходит рост распространенности синдрома зависимости от наркотических веществ. С 1992 г. по 2007 г. данный показатель с каждым годом увеличивается, прирост составляет 34 253–356 188 от абсолютного числа человек. Максимальный прирост был зарегистрирован в 2008 г. – 358 120 человек. В дальнейшем отмечается снижение показателя, и к 2016 г. данный показатель составил 292 407 человек [5].

Анализ тенденций развития наркоситуации в РФ и в Алтайском крае в 2016 году позволяет сделать вывод, что для достижения главной цели, а именно – существенного сокращения незаконного распространения и потребления наркотиков, а также масштабов последствий их незаконного оборота для безопасности и здоровья личности усилия правоохранительных органов должны быть сконцентрированы на решении задач:

- по выявлению и пресечению преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами;
- дальнейшему повышению результативности мероприятий, направленных на выявление и пресечение каналов наркобизнеса;

Следует существенно повысить эффективность межведомственного взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в реализации антинаркотической политики. С этой целью необходимо реализовать комплекс мер, обеспечивающих

совершенствование системы раннего выявления потребителей наркотиков и учитывать мероприятия государственных антинаркотических программ в связи с реально складывающейся наркотической ситуацией, выработать перспективные направления антинаркотической политики в регионе.

Литература

1. Всемирный доклад о наркотиках Управления Организации Объединенных наций по наркотикам и преступности за 2015 г. // [Электронный ресурс], URL: https://www.unodc.org/documents/wdr2015/WDR15_ExSum_R (дата обращения: 1.05.2018).
2. Государственная статистика РФ// [Электронный ресурс], URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 1.05.2018).
3. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2015 г.
4. Наркотизация в приграничном регионе России: вызовы, риски, угрозы: монография / под общ. ред. С. Г. Максимовой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 365 с.
5. Статистика Минздрава// [Электронный ресурс], URL: <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskaya-informatsiya-minzdrava-rossii> (дата обращения: 1.05.2018).

IMPLEMENTATION OF THE ANTI-DRUG POLICY IN THE ALTAI REGION: PECULIARITIES OF INTERDEPARTMENTAL UNITS

Gonoshilova T. O., Maksimova S. G., Barnaul (Russia)

Abstract: *the article discusses one of the important issues of national security – a high level of consumption and distribution of drugs in contemporary society, confirming the need to further improvement of anti-drug policies in the region and approaches aimed at combating illicit drug trafficking on the territory of Altai region. The worsening situation with the use of drugs among the population necessitates complex measures on creation of effective prevention programs and the development of a conceptual basis for building a new model for anti-drug services in the region.*

Keywords: *anti-drug environment, anti-drug policy, drug abuse, illegal traffic in narcotic drugs and psychotropic substances, combating drug addiction.*

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К МИГРАНТАМ И ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ДРУГИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ⁸

Горбунова А. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: статья посвящена анализу отношения населения современной России к мигрантам и представителям других этнических групп на основе социологических исследований в девяти регионах России: Алтайский край, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Кемеровская область, Омская область, Оренбургская область, Республика Алтай, Республика Карелия, Амурская область. Результаты исследования свидетельствуют о том, что для населения современных регионов России характерно сохранение установок по ограничению притока приезжих и наличие негативных стереотипов в отношении представителей некоторых народов.

Ключевые слова: миграция, нация, национальность, межэтнические отношения, межэтническая напряженность.

Активные миграционные процессы являются одной из наиболее отличительных черт современной российской действительности. В условиях актуализации международной напряженности и конфликтности все чаще проблемы миграции обсуждаются с точки зрения обеспечения национальной безопасности государств. Несмотря на то, что большинство исследователей признают ключевую роль миграционного притока в восполнении естественной убыли населения и обеспечении трудовых ресурсов, определенную тревогу вызывают негативные аспекты данного процесса. В качестве угроз безопасности для регионов России А. Н. Николаев отмечает такие негативные последствия миграции как конкуренция на рынке труда, создаваемая за счет искусственного занижения заработной платы и использования дешевой рабочей силы мигрантов; этническая профессиональная специализация; развитие различных форм

⁸ Публикация выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ на выполнение проектной части государственного задания №28.2757.2017/4.6 «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция» (2017–2019).

теневой экономики; криминализация социально-экономических отношений за счет нелегальной миграции [4]. Признается, что нерегулируемая миграция связана с рисками роста преступности, проникновением терроризма, распространением наркотиков, ростом напряженности в принимающем обществе и возникновением межэтнических конфликтов [7]. Так, Л. Гудков отмечает, что ксенофобия является естественной реакцией на интенсивные процессы социальной мобильности, усиление социальной и культурной дифференциации, ослабление привычных территориально-этнических, социальных и конфессиональных границ, социальных дистанций, которая выступает следствием реальных или воображаемых угроз в ситуации ограниченных ресурсов или невозможности сохранения собственных позиций и интересов [2, с. 60].

В ряде современных исследований отмечается сохранение настороженности и недоверия населения к трудовым мигрантам, а также распространенность негативных стереотипов по отношению к представителям некоторых народов [1, 3]. Более того, по данным общероссийских исследований Левада-центра в период 2002–2015 гг. наблюдается устойчивая тенденция распространения мнения о необходимости использования политики ограничения притока мигрантов в Россию, в 2015 году такого мнения придерживались 68% респондентов [5, с. 197].

Анализ отношения населения России к мигрантам и представителям других национальностей был проведен на основе данных социологических исследований в 9 регионах Российской Федерации: Алтайский край, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Кемеровская область, Омская область, Оренбургская область, Республика Алтай, Республика Карелия, Амурская область (объем выборочной совокупности составил 4437 респондентов в возрасте от 15 до 75 лет).

Результаты исследования показывают, что общероссийские тенденции характерны и для жителей опрошенных регионов. Так только треть респондентов выступают за отсутствие административных барьеров на пути притока приезжих и использование его в интересах России, в то время как 45,5 % респондентов, принявших участие в опросе, считают, что правительство России должно пытаться ограничить приток приезжих, 24,5% – затруднились ответить на данный вопрос. Еще более жесткой позиции опрошенное население придерживается в отношении нелегальных иммигрантов из стран «ближнего

зарубежья»: 52,5% считают, что их необходимо выдворять за пределы страны и только 21,5% – допускают возможность их легализации, помощь в трудоустройстве и ассимиляции в России, 26,0% – затруднились с ответом.

Наиболее жесткую позицию по ограничению притока приезжих занимают жители Кемеровской и Омской областей (59,4% и 52,4% респондентов соответственно в данных регионах выбирают данный вариант). В то время как более лояльно по отношению к миграции настроены жители Алтайского края, Оренбургской области и Еврейской автономной области (именно в данных регионах меньший процент тех, кто считает, что миграция должна быть ограничена и наибольший тех, кто выступает за снятие каких-либо ограничений). При анализе ответов о действиях в отношении нелегальных мигрантов также наблюдается примерно похожая картина – за ассимиляцию и легализацию мигрантов чаще выступают жители Алтайского края и Оренбургской области, в то время как более 60 % населения Кемеровской, Омской и Амурской областей считают, что необходимо выдворять нелегальных мигрантов за пределы страны.

Что касается отношения населения к представителям других национальностей в целом, то половина респондентов, принявших участие в опросе, характеризуют свои чувства как нейтральные, 38,9% – относятся к представителям других наций определенно и скорее положительно, в то время как только 7,5% – испытывают негативные чувства. Наиболее доброжелательно к другим этносам относится население Республики Алтай и Еврейской автономной области: в данных регионах минимальное число респондентов характеризуют свои чувства как «скорее негативные» и «определенно негативные» (в общей сумме 2,4% и 2,5% соответственно), тогда как большинство определяет их как «определенно положительные» и «скорее положительные» (в общей сумме 56,5% и 45,3% соответственно). Негативное отношение к лицам другим национальностей чаще всего демонстрирует население Омской области, в этом регионе максимальное количество людей предпочли негативные оценки (16,0%) при минимальном количестве положительных оценок среди всех регионов (27,3%).

Несмотря на достаточно толерантное отношение к представителям других национальностей, часть опрошенных выступают за ограничение проживания на территории страны представителей отдельных народов. В большинстве случаев это проявляется в отношении выходцев с Кавказа (32,2%

наблюдений), китайцев (26,8% наблюдений) и цыган (21,8% наблюдений). Значительно реже респонденты считают, что нужно ограничить приток выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР (15,2%) и вьетнамцев (11,7%). Крайняя позиция, согласно которой необходимо ограничить представителей всех наций, кроме русской, встречается в 11,2% процентах случаев.

При анализе данного показателя достаточно ярко проявляются определенные межрегиональные различия. Так, более негативно к выходцам с Кавказа относится население Забайкальского края, именно в данном регионе максимальное количество выбора данной альтернативы. За ограничение проживания на территории России китайцев чаще выступают жители регионов, входящих в состав Дальневосточного федерального округа (Амурская область, Еврейская автономная область) и Забайкальского края. К выходцам из бывших среднеазиатских республик СССР в свою очередь, негативнее настроены жители Кемеровской и Омской областей. Что касается позиции, согласно которой необходимо ограничить проживание на территории России всех наций, кроме русской, то наибольший процент выбора данного варианта наблюдается в Омской и Амурской областях.

В качестве основных причин неприязни к другим национальностям указываются угроза терроризма (22,8 %) и нежелание представителей других народов считаться с обычаями и нормами поведения, принятыми в России (23,6 %). В остальных случаях отмечаются такие причины, как отсутствие элементарной культуры поведения, конкуренция за рабочие места с коренным населением (8,7% и 5,2% соответственно). Реже респонденты отмечают, что им не нравятся внешность, манера поведения, черты характера представителей других народов, то, что они контролируют определенные сферы бизнеса (4,6% и 4,9% соответственно), а также нежелание учить русский язык (1,3%). Таким образом, для населения современных регионов характерно сохранение устойчивых стереотипов в отношении представителей определенных народов. Подобные устойчивые комплексы представлений зачастую объясняются не наличием реальных угроз или проблем, а средством этнической самозащиты и поддержания баланса образов «себя» и «других» в структурах самоидентификации [2]. Отмечается также, что отношение принимающего населения к этническим «другим» – во многом продукт информационной среды и социального окружения [6, с. 82].

В этой связи необходимо отметить, что, по результатам исследования, отношения между людьми различных национальностей в местах своего проживания как конфликтные или напряженные определяют лишь 9,3% принявших участие в опросе, 12,7% – напротив, считают их доброжелательными, а более половины населения регионов (67,1%) характеризуют их как нормальные и бесконфликтные. Доброжелательными, способствующими общественному согласию межэтнические отношения чаще считают жители Оренбургской области (24,3%) и Республики Алтай (19,0%), реже всего – население Республики Карелия (6,7%) и Амурской области (7,3%). В остальных регионах этот процент составляет от 10,5% до 15,4%. Напряженными и конфликтными межэтнические отношения в большей степени считают жители Забайкальского края (22,2%) и Республики Карелия (14,5%), в других регионах этот показатель не превышает 7%.

Основная часть населения также не ощущают каких-либо проявлений межэтнической напряженности в местах своего проживания (82,1%), скорее ощущают напряженность в отношениях 8,1% респондентов, определенно ощущают только 1,0% опрошенных. Наличие межнациональной напряженности в местах проживания, согласно данным опроса, фиксирует наибольшее число респондентов в Забайкальском крае (16,9%). Достаточно высокие показатели по этому индикатору наблюдаются в Республике Алтай – 13,2% и Республике Карелия – 12,8%, в остальных регионах они составляют менее 10%.

Таким образом, согласно результатам исследования, практически половина опрошенного населения современных регионов России выступает за ограничение миграционных потоков, особенно по отношению к представителям отдельных народов.

Литература

1. Березутский Ю. В. Отношение дальневосточной молодежи к трудовым мигрантам // Власть и управление на Востоке России. 2015. №4(73). С. 45–52.
2. Гудков Л. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2005. №6 (80). С. 60–77.
3. Денисова Г. С., Розин М. Д., Суций С. Я., Тумакова Ж. А., Андросова С. В. Отношение к трудовым мигрантам на Юге России: перспектива интеграции в условиях внешних вызовов

[Электронный ресурс] // Инженерный вестник Дона. 2014. №4. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2014/2682.

4. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. Особенности восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности // Известия Алтайского государственного университета. 2012. №2–1 (74). С. 211–215.

5. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Черепанова М.И., Кайзер Н.Ю. Анализ риск-аспектов социального поведения населения Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. 2011. №2–2 (70). С. 231–235.

6. Николаев А. Н. Влияние этнических миграций на социально-экономическую безопасность региона // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. №3. С. 108–111.

7. Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2016. 308 с.

8. Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте: монография / под ред. Л. М. Дробижевой, С. В. Рыжовой. СПб.: Нестор-История, 2016. 152 с.

9. Солодилов А. В. Национальная безопасность и проблемы миграции для современной России // Власть. 2016. №5. С. 118–122.

ATTITUDE OF POPULATION TO MIGRANTS AND REPRESENTATIVES OF ETHNIC OTHERS NATIONALITIES IN MODERN RUSSIA

Gorbunova A. A., Barnaul (Russia)

Abstract: the article is devoted to the analysis of the attitude of the population of modern Russia to migrants and representatives of ethnic others on the basis of sociological research in nine regions of Russia: the Altai Territory, the Jewish Autonomous Region, the Trans-Baikal Territory, the Kemerovo Region, the Omsk Region, the Orenburg Region, the Republic of Altai, the Republic of Karelia, the Amur Region. The results of the survey indicate that for the population of modern regions of Russia, the preservation of facilities for limiting the influx of visitors and the presence of negative stereotypes against representatives of certain ethnos are characteristic.

Keywords: migration, nation, nationality, interethnic relations, interethnic tension.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
В 1970–1980-хх. гг.⁹

Дворянчикова Н. С., Шершнева Е. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: статья посвящена исследованию особенностей положения протестантских общин Алтайского края в 1970-1980-х гг. В рассматриваемый период происходит модернизация государственно-конфессиональных отношений, как в СССР в целом, так и в Алтайском крае в частности. Происходит активный процесс регистрации организаций евангельских-христиан баптистов (приверженцы всесоюзного совета), менонитских, лютеранских общин. Кроме того, власти старались подчинить контролю те религиозные организации (совет церквей евангельских-христиан баптистов, пятидесятники), которые не согласны были легализовать свою деятельность, разрешая проводить богослужения в одном и том же месте и одинаковое время.

Ключевые слова: протестантские общины, Алтайский край, государственно-конфессиональная политика.

С выходом новой Конституции СССР в стране произошло некое смягчение отношений к религиозным организациям. Статья 52 Конституции 1977 г. закрепляла права верующих на свободу вероисповедания [8, с. 333]. Именно с 1977 г. в Алтайском крае начали переводить на легальное положение не только организации ВСЕХБ, но и общины русской православной церкви, ранее лишенные регистрации, общества адвентистов седьмого дня, старообрядцев.

По данным на 1975 г. в регионе было зарегистрировано четыре общины и два филиала ВСЕХБ. К моменту выхода новой Конституции в 1977 г. на Алтае действовало уже семь зарегистрированных общин ВСЕХБ и два филиала [1, с. 147]. Тем самым, органы государственной власти шли навстречу к легализации деятельности ВСЕХБ [7, с. 36].

⁹ Работа выполнена при поддержке Фонда Президента РФ по проекту «Положение религиозных общин Западной Сибири в системе государственно-конфессиональных отношений во второй половине XIX–XX вв.» (№МК-701.2018.6) и в рамках госзадания Минобрнауки РФ по проекту №33.2177.2017/4.6.

В Алтайском крае на 1977 г. насчитывалось приверженцев ВСЕХБ 775 человек. Необходимо отметить, что действовали на легальном положении 664 верующих, 111 действовали без регистрации. Данные общины были расположены в г. Барнауле (самая многочисленная – 274 человека), в г. Бийске, г. Рубцовске, 129 верующих находились в р.п. Благовещенка, с. Глядень 94 человека и т.д. Зарегистрировано было 7 обществ, 6 действовали без регистрации. Несмотря на желание некоторых обществ действовать легально, власти все же находили причины их не регистрировать [5, с. 7].

Стоит отметить, что организации ВСЕХБ в исследуемый период отправляли пышно религиозные праздники, свадьбы, собирая вместе верующих из разных уголков СССР. В 1975 г. был проведен праздник молодежи, на котором присутствовало 200 человек юношей и девушек, были приезжие из Караганды, Павлодара, Барнаула [6, с. 6].

Более многочисленным по количеству верующих были общины СЦЕХБ, однако официально данные общины не функционировали. На 1977 г. в Алтайском крае насчитывалось около 26 общин. Самыми крупными были общины г. Барнаула – 179 человек, с. Некрасово Славгородского района – 108 человек, с. Полевое Хабаровского района – 169 верующих, с. Орлово Хабаровского района – 201 человек. Всего в крае насчитывалось около 1242 верующих. Необходимо отметить, что верующие Совета церквей не шли на контакт с местными властями, очень часто нарушали законодательство о культах и препятствовали регистрации. К концу 1980-х гг. в общинах СЦЕХБ произошло увеличение до 2094 человек [4, с. 31].

На 1977 г. в Алтайском крае действовали 3 небольших общества адвентистов седьмого дня. В г. Барнауле численностью 26 человек, в г. Бийске, с. Глядень Благовещенского района 34 верующих. На 1977 г. ни одна из общин не действовала легально. Длительное время последователи АСД противостояли регистрации, однако в ряде общин не было единого мнения. По этому вопросу 7 ноября 1975 г. предполагалось провести межобластное совещание адвентистов в г. Новосибирске, на котором планировалось обсудить рекомендации Венского конгресса. К середине 1980-х гг. в Алтайском крае легально действовали 3 общины АСД общей численностью 127 человек [2, с. 11–12].

Христиан веры евангельской (или пятидесятников) на 1977 г. насчитывалось 111 человек. В основном общины располагались в г. Барнауле, г. Славгороде, г. Рубцовске, с. Завьялово. Характерным для общин являлось то, что в ответ на принятые меры по прекращению со стороны властей их деятельности, они распадались на маленькие группки, тем самым обеспечивая большую мобильность, а, значит, и конспиративность. Так в 1981 г. решительные меры властей по отношению к пятидесятникам привели к распаду общества как единого целого, но ХВЕ продолжали действовать группками до 10 человек, постоянно меняя места проведения собраний. Таким образом, контроль за ними был утрачен [2, с. 21].

На 1977 г. в Алтайском крае всего насчитывалось около 216 верующих меннонитов. Братские меннониты действовали в Благовещенском и в Кулундинском районах, общей численностью 174 человека. Общества церковных меннонитов располагались в Славгородском и Хабаровском районах. Братские меннониты были близки с позициями СЦ ЕХБ по отношению к законодательству о религиозных культах. Некоторые общины меннонитов по рекомендации Совета по делам религий ранее были учтены как последователи СЦЕХБ [4, с. 50]. К концу 1980-х гг. официально были зарегистрированы общества братских меннонитов в с. Николаевка, общество церковных меннонитов в с. Протасово и с. Гришковка.

В Алтайском крае в исследуемый период действовали 16 лютеранских общины. По количеству верующих они были небольшие, всего лютеран насчитывалось 360 человек. Все общины действовали на нелегальном положении. По национальности верующие были преимущественно немцы [3, с. 8–10]. В 1983 г. начался процесс регистрации лютеранских общин. Так, первыми легально действующими общинами лютеранского направления стали верующие с. Самарка Локтевского района и р.п. Малиновое Озеро Михайловского района [2, с. 1].

Подводя итоги, можно сказать, что в рассматриваемый период происходит изменение государственно-конфессиональной политики. С 1969 г. начинается активная легализация деятельности общин ВСЕХБ. Так, на 1977 г. в крае действовало 7 зарегистрированных организаций и 2 филиала ВСЕХБ. С середины 1980-х гг. в СССР начинается процесс коренных изменений в отношениях между государством и религиозными организациями. Постепенно снимаются ограничения на деятельность

конфессиональных объединений, действовавших на протяжении многих лет нелегально. В начале 1980-х гг. в Алтайском крае легально начинают функционировать несколько лютеранских общин, адвентисты седьмого дня, несколько менонитских общин.

Литература

1. ГААК. Ф. Р. 1692. Оп.1. Д.132
2. ГААК. Ф. Р. 1692. Оп.1. Д.162
3. ГААК. Ф. Р. 1692. Оп.1. Д.210
4. ГААК. Ф. Р. 1692. Оп.1. Д.217
5. ГААК. Ф. Р. 1692. Оп.1. Д.218
6. ГААК. Ф. Р. 1692. Оп.1. Д.229
7. Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Деятельность уполномоченных по делам религий при Совете Министров СССР в середине 1960-х – начале 1980-х гг. (на примере Алтайского края) // Народы и религии Евразии / под ред. П. К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып.3–4 (12–13). С. 99–110.
8. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977г.). М., 1978. 356 с.

SOME ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF PROTESTANT COMMUNITIES ON THE TERRITORY OF THE ALTAI REGION IN 1970–1980-X.

Dvoryanchikova N. S., Shershneva E. A., Barnaul (Russia)

Abstract: *the article is devoted to the study of the features of the situation of Protestant communities of the Altai territory in the 1970s and 1980s. in the period under consideration, the modernization of state and religious relations, both in the USSR as a whole and in the Altai region in particular. There is an active process of registration of the organizations of Evangelical Christians of Baptists (adherents of all-Union Council), menonite, Lutheran communities. In addition, the authorities tried to control those religious organizations (the Council of Evangelical churches-Christian Baptists, Pentecostals), which did not agree to legalize their activities, allowing to hold services in the same place and at the same time.*

Keywords: *protestant communities, Altai territory, state-confessional policy.*

ПРОЕКТЫ СОЮЗНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ ЕВРАЗИИ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Должиков В. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: *цель исследования – анализ объективных предпосылок и авторских конституционных проектов союзной интеграции этнических сообществ Евразии с привлечением обширного документального материала и на основе современной методологии. Рассматриваются и сопоставляются между собой проекты В. И. Ленина, А. Д. Сахарова, О. О. Сулейменова и Н. А. Назарбаева. По мнению автора, наиболее реалистичной являлась разработанная в 1989 г. академиком А. Д. Сахаровым в сотрудничестве с ведущими специалистами-правоведами конвергентная эволюционная модель возобновления союзной государственности, которая учитывала реальные преимущества двух конфликтующих мировых политических систем: капиталистической и социалистической. Делается вывод о том, что интеграционный процесс на территории Евразии обусловлен целым рядом исторических обстоятельств и факторов, имеет органичную природу. Следовательно, современный процесс реинтеграции этнических сообществ субконтинента так или иначе имеет перспективу.*

Ключевые слова: *Российская империя, Советский Союз, Евразия, автономии, этнические сообщества, интеграция, федерализм, централизм.*

В этнологическом и в геополитическом отношении рассматриваемая ниже проблема, несомненно, сохраняет свою научную актуальность до настоящего времени.

Действительно, в XVIII и XIX веках Россия как евразийская империя формировалась в ходе поэтапной интеграции вошедших в ее состав разнородных территориально-этнических образований. Вопреки распространенному мнению, она вовсе не была «тюрьмой народов». Многие из подвластных имперскому режиму этнических сообществ смогли позднее стать самостоятельными нациями (Армения, Азербайджан, Грузия, Польша, Финляндия, Эстония и др.). Трудно признать адекватным и определение России периода империи как унитарного государства. Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства, Урянхайский край и другие анклавы имели автономные органы власти,

собственное законодательство, вооруженные силы и полицию, местное самоуправление. При этом большинство нерусских народов могли пользоваться административной автономией и самоуправлением на уровне локальных этнических общин («инородческие волости», «курултай», «Степная дума» и др.) [2, с. 28–36].

Кроме признаков государственности унитарного типа в системе внутреннего управления Российской империи выявляются и черты союзного прототипа. Их наличие свидетельствует о том, что Россия могла при благоприятных условиях трансформироваться в добровольное содружество равноправных народов. Косвенным доказательством органичности данной тенденции, бесспорно усиливавшейся к началу XX в., служит драматический опыт истории Советского Союза (1922–1991 гг.). Едва ли правящая коммунистическая партия смогла бы в течение десятилетий эксплуатировать доктринально чуждую ей идею, если для ее осуществления в реальности отсутствовали фундаментальные предпосылки.

Данный факт явно учитывался В. И. Лениным в его проекте союзной интеграции территорий распавшейся Империи (1922 г.). По сравнению со своим преемником, который предлагал включать их в состав Российской Федерации (РСФСР) на правах локальных автономий, вождь РКП(б) требовал строить союзное государство иначе. «Одну уступку Сталин, – замечает он в письме Л. Б. Каменеву, – уже согласился сделать. [...] Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских республик Европы и Азии» [1, с. 211–213]. Так что в этот период Ленин придерживался именно федералистской точки зрения на проблему интеграции этнических сообществ Евразии.

Впрочем, его проект союзного переустройства страны в начале 1920-х гг. практически был неосуществим, поскольку этому противодействовали несколько факторов. Первый из них – это устойчивый архетип бюрократического имперского централизма, преодолеть который очень трудно. Второй, доктринальный, фактор связан с инерционным этатизмом, составлявшим системное ядро господствовавшей в умах большевиков идеологии «научного коммунизма». Третий по счету фактор обусловлен катастрофическими последствиями мировой и гражданской войн. Они способствовали закреплению в политике режима

тоталитарных методов решения внутренних проблем, что неизбежно вело к ликвидации социальных основ рыночной экономики.

По сути же, В. И. Ленин, действовавший как ревизионист по отношению к марксистской ортодоксии, попал в «диалектический капкан истории». Следует иметь в виду, что большевистский октябрьский переворот 1917 г. отрицал предыдущую (февральско-мартовскую) демократическую народную революцию, которая была в свою очередь радикальным отрицанием Империи. «Вождь победившего пролетариата» оказался в парадоксальной ситуации «отрицания отрицания».

Хотя большевики маскировались под «левых» революционеров, на самом же деле они выступали в исторической роли контрреволюционеров и «воленс-ноленс» призваны были реставрировать Империю. А если учесть, что В. И. Ленин являлся бескомпромиссным врагом имперского государства, то для него лично подобная ситуация означала неизбежную политическую смерть. В отличие от него И. В. Сталин, будучи прагматиком, стал последовательно восстанавливать государство традиционного типа. Пригодился ему и марксистский «государственный коммунизм».

Под камуфляжем федералистской аббревиатуры «СССР» в действительности скрывалось имперское государство с безграничными экспансионистскими устремлениями. Что же касается личности верховного правителя Красной Империи эпохи ее триумфа, то парадный портрет генералиссимуса – наглядная тому иллюстрация. Военная форма уже напоминает о его демонстративной преемственности с российскими императорами.

Грандиозный эксперимент впоследствии завершился крахом. Да, но если блоки рассыпавшейся коммунистической империи ещегодились для новых национальных государств, то судьба цементировавшего ее русского народа оказалась, по меньшей мере, проблематичной. В течение столетия, пережив трагедию распада созданных при его же участии двух империй, он пострадал больше других соседних этносов.

Среди проектов союзно-интеграционного характера видное место занимают разработки А. Н. Сахарова (1989 г.). Они предусматривали эволюционное переформатирование «красной империи» в Союз Советских республик Европы и Азии (см.: 5, с. 26–28). Характерно, что сахаровский проект сохранял также формальную преемственность с федералистским планом Ленина

1922 г. Но идейный смысл его совсем другой. «Союз Советских Республик Европы и Азии (сокращенно Европейско-Азиатский Союз, Советский Союз)», утверждал А. Д. Сахаров, может быть возобновлен лишь как «добровольное объединение суверенных республик Европы и Азии», основой которого является результат органичного синтеза «нравственных и культурных традиций Европы и Азии» (статья 3) [5, с. 26]. А в статье 12-й конституционного проекта подчеркивается, что «Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессианизма» [6, с. 26–27].

А. Д. Сахаров был, как и Сталин, прагматиком, а не идеалистом. Однако на этом сходство их взглядов заканчивается. Сталинский принцип разделения этнических и территориальных образований СССР на четыре группы обеспечивался жестким подчинением верховной власти. Сахаровский же подход к интеграции противоположен: все субъекты равны в правах независимо от размера территории, количества жителей, наличия внешней границы с сопредельными государствами и т.п. Объединение в союз предполагается на строго добровольных началах. Не «центр» дарует суверенную власть республикам, а они делегируют «снизу» полномочия центральному правительству по Союзному договору. По мнению А. Д. Сахарова, его политику должны определять «принципы рынка и конкуренции». Однако следует сохранить и развивать ценный исторический опыт прежнего Союза. «Государственное регулирование экономики, – отмечает автор проекта, – необходимость сохранения позитивных аспектов данного опыта, осуществляется через экономическую деятельность государственных предприятий и посредством законодательной поддержки принципов рынка, плюралистической конкуренции и социальной справедливости» [5, с. 28]. К сожалению, конвергентные идеи этого социал-демократического проекта были не поняты даже реформаторской группировкой номенклатуры, хотя они являлись вполне своевременными.

В постсоветский период (1992 г.) с инициативой создания Евразийской конфедерации первым выступил видный казахстанский политик, общественный деятель и поэт Олжас Сулейменов. «Это одна из моих давних идей, – вспоминает он в своем интервью радиостанции Азатдыг, – Евразийский союз. Я её высказывал даже раньше Назарбаева. Я думаю, что Россия, Казахстан, Беларусь и другие республики, безусловно, будут в будущем союзе, который объединится с Европейским союзом, и

создадут громадный, глобальный Евразийский союз от Атлантики до Тихого океана». Эта идея была сформулирована в программных документах возглавлявшейся Сулейменовым политической партии «Народный конгресс Казахстана» [см.: 6; 7, с. 156–166]. В 1994-м году проект Сулейменова получил безусловную поддержку со стороны казахстанского президента Н. А. Назарбаева [3]. С некоторым опозданием (2000 г.) идея была воспринята и российским руководством. «К примеру, два крупнейших объединения нашего континента – Евросоюз и формирующийся Евразийский союз, – отмечал президент Российской Федерации в опубликованной до украинского кризиса (2011 г.) программной статье, – основывая свое взаимодействие на правилах свободной торговли и совместимости систем регулирования, объективно, в том числе и через отношения с третьими странами и региональными структурами, способны распространить эти принципы на все пространство – от Атлантики до Тихого океана» [4]. В трактовке В. В. Путина стратегическая цель современного интеграционного процесса не должна ограничиваться территорией, которую в прошлом объединял Советский Союз, а еще ранее Российская империя, а подразумевает всю Большую Европу – «от Лиссабона до Владивостока». С 1 января 2015 года уже действует подписанный лидерами трех стран – Белоруссии, Казахстана и России – договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Итак, будем же надеяться на то, что имперская «колея», всегда мешавшая союзно-федералистской интеграции пространства Евразии, на этот раз будет преодолена бесповоротно.

Литература

1. Ленин В. И. Письмо Л. Б. Каменеву от 26 сентября 1922 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. С. 211–213.
2. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб.: «Дмитрий Булавин», 1999. Т. 1. 548 с.
3. Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. 480 с.
4. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 сентября.

Электронный ресурс: URL: <http://izvestia.ru/news/502761#ixzz35w> (дата обращения: 30.04.2015).

5. Сахаров А. Н. Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии // Новое время. 1989. №52. С. 26–28.

6. Сулейменов О. О. Но людям я не лгал. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 146 с.

7. Сулейменов О. О. Глубина прошлого, широта настоящего и высота будущего // Дружба народов. 2009. №11. С. 156–166.

PROJECTS OF THE UNION INTEGRATION OF THE ETHNIC COMMUNITIES OF EURASIA IN THE HISTORY OF RUSSIAN POLITICS

Dolzhirov V. A., Barnaul (Russia)

Abstract: the purpose of this research is to analyze the objective prerequisites and authorial constitutional projects of the union integration of the ethnic communities of Eurasia on the basis of extensive documentary material. The author considers and compares the projects developed by V. I. Lenin, A. D. Sakharov, O. O. Suleimenov, and N. A. Nazarbayev. In the author's opinion, the convergent evolutionary model of the renewal of the union statehood, developed in 1989 by Academician A. D. Sakharov in cooperation with leading legal experts, was the most realistic. This project took into account the real advantages of the two conflicting world political systems: capitalist and socialist. The author concludes that the integration process on the territory of Eurasia is due to a number of historical circumstances and factors and is of an organic nature. Consequently, the modern process of reintegration of the ethnic communities of the subcontinent in one way or another has a perspective.

Keywords: Russian Empire, the Soviet Union, Eurasia, autonomies, ethnic communities, integration, federalism, centralism.

ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ДО 2035 ГОДА¹⁰

Еремин А. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: в предлагаемом материале автором анализируется официальный среднесрочный демографический прогноз для Алтайского края, рассчитанный специалистами Федеральной службы государственной статистики России до 2035 года. Исследуются перспективные изменения показателей общей численности населения и компонентов демографической динамики. В работе делаются выводы о наиболее проблемных сторонах демографического воспроизводства населения региона, оцениваются риски будущего демографического развития территории.

Ключевые слова: демографический прогноз, Алтайский край, численность населения, естественная убыль, миграционная убыль, демографическая политика.

Демографическая ситуация в Алтайском крае находится в фокусе внимания региональных органов власти. С 2015 г. утверждена и реализуется Концепция демографического развития Алтайского края на период до 2025 года [2], а также действует Координационный совет по реализации демографической политики в регионе [3]. Значимой составной частью комплекса осуществляемых мероприятий выступает проведение «научно-исследовательских разработок для анализа и прогноза демографического развития, мониторинга и оценки эффективности реализации демографической политики» [2].

Оценка перспектив демографического развития российских регионов осуществляется на основе официальных прогнозов Федеральной службы государственной статистики России. Ее территориальные органы в субъектах РФ регулярно публикуют на своих официальных сайтах результаты данных прогнозных расчетов. Однако, к сожалению, это происходит по достаточно ограниченному набору показателей и лишь в одном варианте (средний сценарий прогноза). В целом же, несмотря на указанные ограничения, подобная прогнозная информация может дать

¹⁰ Материалы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-03-00350 «Методика оценки результативности демографической политики».

исследователю разносторонние сведения о перспективах и возможных проблемах демографической динамики региона страны в будущем.

В данной работе представлен анализ последнего пересмотра демографического прогноза для Алтайского края, опубликованного на сайте Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай в мае 2017 года [1], с целью оценки среднесрочных перспектив демографического развития региона. Раздел «Демографический прогноз» на странице «Население» содержит сведения о наиболее вероятных тенденциях изменения численности населения региона и компонентах его демографической динамики, возрастной и половой структуры его населения, параметров демографической нагрузки, некоторых показателей рождаемости и смертности. Прогнозные расчеты сделаны на период до 2035 года (для интервальных показателей; для моментных показателей прогнозный горизонт простирается до 1 января 2036 года).

Численность населения региона представляет собой его главную демографическую характеристику. Число жителей Алтайского края достигло максимума к началу 1995 г., составив 2694 тыс. чел. С тех пор и до настоящего времени население региона сокращается. К началу 2017 г. оно составило 2366 тыс. чел., т.е. снизилось на 328 тыс. чел. или на 12%. В перспективе специалистами ожидается сохранение данного тренда: в период 2018–2035 гг. снижение количества жителей края может составить 246 тыс. чел. (более 10%) Таким образом, численность населения Алтайского края к началу 2036 года, по среднему варианту прогноза, предполагается на уровне 2118 тыс. чел.

Стоит отметить, что сокращение населения, по данным прогноза, будет происходить все с большей скоростью. Так, в 2018 году убыль составит 6,5 тыс. чел., в 2020 г. – 9,3 тыс., в 2025 г. – 13,3 тыс., в 2030 г. – 16,3, в 2035 г. – 17,6 тыс. чел. Иными словами, в абсолютном выражении падение численности населения будет нарастать в течение всего прогнозного горизонта. Темпы убыли населения тоже будут устойчиво расти: с 0,3% в 2018 г. до 0,8% в 2035 г.

Снижение числа жителей региона может происходить под воздействием лишь двух факторов (если исключить теоретически возможные административно-территориальные преобразования в виде пересмотра границ региона) в результате естественной

и/или миграционной убыли. Они представляют собой компоненты демографической динамики.

С 1992 г., когда смертность в регионе превысила рождаемость, Алтайский край живет в условиях естественной убыли населения. В 2001 г. число выбывших за пределы региона превысило число прибывших на его территорию, что ознаменовало появление в крае миграционной убыли населения, и с тех пор Алтайский край непрерывно находится под двойным давлением названных факторов снижения численности населения. В отдельные годы естественная убыль по своим масштабам превышала отрицательное сальдо миграции, в другие годы (по мере уменьшения естественной убыли) основной вклад в сокращение населения вносила миграционная убыль.

В перспективе, по имеющимся оценкам, подобная картина сохранится. В начале прогнозного периода (до 2022 года) миграционная убыль будет превышать естественную, однако по мере быстрого нарастания последней главным фактором отрицательной демографической динамики станет именно естественная убыль, которая к 2035 г. будет превышать отрицательное сальдо миграции в два раза. Таким образом, чистая миграция в течение прогнозного периода (2018–2035 гг.) сильно не изменится: снизится с –4,7 тыс. до –6,0 тыс. чел., в то же время естественная убыль будет становиться все больше и больше: естественный прирост снизится с –1,8 тыс. чел. до –11,7 тыс. чел.). В относительных показателях это будет означать снижение коэффициента естественного прироста с –0,8‰ до –5,5‰, а коэффициента сальдо миграции с –2,0‰ до –2,8‰.

Таким образом, по среднему сценарию официального прогноза Росстата специалисты ожидают продолжения долгосрочного снижения численности населения Алтайского края, причем скорость убыли в ближайшие пару десятилетий, вероятно, будет увеличиваться. Сокращение числа жителей региона будет происходить под воздействием как естественной, так и миграционной убыли. Естественная убыль будет результатом существенного снижения количества родившихся (с 30 тыс. новорожденных в начале прогнозного периода до 20 тыс. в конце) на фоне более-менее устойчивого числа умерших (около 32 тыс. чел.). Отрицательное сальдо миграции, по всей видимости, сохранится на уровне, характерном для региона в последние полтора десятилетия (около -5,5 тыс. чел.).

Описанная картина демографического будущего, безусловно, не может быть признана благополучной. Это, конечно же, осознается и региональной властью Алтайского края. Упомянутая ранее Концепция демографического развития региона, конкретизированная планами мероприятий [4–5], призвана вмешаться в ситуацию и скорректировать траекторию развития воспроизводства населения в желаемое – более позитивное – русло. Однако, учитывая масштабы, глубину и динамику ключевых демографических проблем региона, сделать это будет очень непросто, ведь управление региональным демографическим развитием – один из самых сложных видов социальной политики любого государства.

Литература

1. Демографический прогноз [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай: [сайт]. [2017]. URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/statistics/altayRegionStat/population/ (дата обращения: 10.12.2017).
2. Концепция демографического развития Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Алтайского края: [сайт]. [2017]. URL: http://www.aksp.ru/work/sd/demograf/dem_docs/reg_konc.pdf (дата обращения: 10.12.2017).
3. Координационный совет по реализации демографической политики Алтайского края [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Алтайского края: [сайт]. [2017]. URL: http://www.aksp.ru/work/sd/demograf/koord_dem/ (дата обращения: 10.12.2017).
4. План мероприятий по повышению рождаемости в Алтайском крае на 2015 – 2018 годы [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Алтайского края: [сайт]. [2017]. URL: http://www.aksp.ru/work/sd/demograf/dem_docs/plan_rogd.pdf (дата обращения: 10.12.2017).
5. План мероприятий по реализации в 2016–2020 годах Концепции демографического развития Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Алтайского края: [сайт]. [2017]. URL: http://www.aksp.ru/work/sd/demograf/dem_docs/plan_reg_konc.pdf (дата обращения: 10.12.2017).

PROBLEMS OF THE FUTURE DEMOGRAPHIC DYNAMICS
OF THE ALTAI KRAI UP TO 2035

Eremin A. A., Barnaul (Russia)

Abstract: *in the proposed material, the author analyzes the official mid-term demographic forecast for the Altai Krai, produced by the specialists of the Federal State Statistics Service of Russian Federation up to 2035. Prospective changes in indicators of the total population and components of demographic dynamics are investigated. The paper draws conclusions about the most problematic aspects of the demographic reproduction of the region's population, assesses the risks of future demographic development of the territory.*

Keywords: *demographic forecast, Altai Krai, population size, natural decline, migration loss, demographic policy.*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РКИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Злобина Ю. И., Барнаул (Россия)

Аннотация: статья посвящена теоретическому осмыслению понятия «интеграция» и его социокультурной стороне, а также социальным аспектам интеграции иностранных студентов в трансграничном регионе. Выделяются социокультурные черты интеграции иностранного студента в регионе Большого Алтая. Выявляется роль русского языка в парадигме современного образовательного процесса в условиях спецификации региона обучения. Определяется, что интерактивные технологии обучения русскому языку как иностранному способствуют благоприятной интеграции иностранного студента через получаемые практические навыки общения в процессе социального и профессионального взаимодействия.

Ключевые слова: интеграция, социокультурный аспект, инфокоммуникационные технологии, русский язык как иностранный, современный образовательный процесс.

Глобализация, формирующая пространство современного мирового сообщества, дала возможности для вхождения в образовательное пространство государства иностранных граждан. По данным ЮНЕСКО, уровень международной мобильности студентов вырос за последние 25 лет на 300%. По мнению международных экспертов, к 2025 г. число студентов, обучающихся за рубежом, составит 4,9 млн. [10]. В этом пространстве должны существовать все современные образовательные организации, предоставляющие платформу для взаимовыгодного сотрудничества университетов и государств, их представляющих. Алтайский государственный университет как опорный вуз России также формирует интернационализацию образовательного потока.

Своеобразие международного сотрудничества каждого университета создается географическим положением вуза, его специализацией и предыдущим опытом работы с иностранными студентами. Совершенно очевидно, что университеты центральной части Европы ориентируются на европейские вузы, а университеты Дальнего Востока сотрудничают с вузами стран АТР

(Азиатско-Тихоокеанского региона). Алтайский государственный университет расположен в так называемом регионе Большого Алтая: «это уникальное место в России, где сходятся границы четырех стран: России (Алтайский край и Республика Алтай), Казахстана (Восточный Казахстан), Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район) и Монголии (Баян-Ульгирский и Ховдский аймаки)» [11]. АлтГУ в мае 2013 г. организовал создание Ассоциации азиатских университетов. Меморандум подписали делегации 27 вузов из 8 стран мира. В сентябре 2016 г. в Синьцзянском университете (Урумчи, СУАР) был организован Первый форум университетов Китая и стран Центральной Азии. Педагогические университеты участвуют в работе Ассоциации педагогических вузов России и Казахстана [3, с. 1130]. В этих условиях трансграничного существования иностранные студенты должны не только интегрироваться в научное сообщество университета, но и приспособиться к новой для них культуре, жизни и обществу.

В этом региональном аспекте интеграцию можно понимать как сходство позиций и понимания в небольшом социуме иностранных студентов по отношению к ориентации Алтайского государственного университета. «Если интеграция понимается как эмоциональная идентификация человека с группой и ее членами, то при ее исследовании как аспекта групповой жизнедеятельности выявляется структура взаимодействия между членами группы» [4, с. 67]. Л. М. Шипицина под интеграцией понимает как социальное, так и педагогическое явление, уточняя, что «социальная интеграция предполагает социальную адаптацию личности в общую систему социальных отношений и взаимодействий, прежде всего в рамках той образовательной среды, в которую она интегрируется. Педагогическая интеграция – формирование способности к усвоению учебного материала, определяемого общеобразовательной программой, то есть общим учебным планом» [5]. Так, на наш взгляд, происходит процесс, направленный в обе стороны – иностранный студент встраивает свою систему ценностей и социальных отношений в систему иностранных ценностей, но и общество приспосабливается к нему.

Социокультурная интеграция – это взаимный процесс объединения учащихся, существенно отличающихся по этнокультурным признакам, и преподавателей в целостное сообщество, основанное на общих целях и ценностях [8, с. 77]. При этом полагаем, что необходимо выделить некоторые черты

социокультурной интеграции иностранных студентов в условиях трансграничного положения вуза:

- положительное отношение местного населения к иностранцам;
- равноправие русских и иностранцев как студентов университета (одинаковые требования к усвоению образовательной программы; условия проживания в общежитии; система оценки качества полученных знаний);
- минимизация или отсутствие межнациональных конфликтов;
- благоприятное восприятие культуры и быта иностранцев;
- совместная работа иностранных студентов и администрации университета с включением их в общий образовательный процесс (например, проведение международных форумов, конференций с участием иностранных студентов).

Это далеко не полный перечень черт социокультурной коммуникации иностранцев, успешная совместная работа предполагает, конечно, и толерантное отношение сотрудников и педагогов университета, и интересно и педагогически грамотно построенный процесс обучения, который невозможен без обучения русскому языку.

Устная, а, в особенности, письменная речь на русском языке представляются очень сложным процессом освоения знаний, в Алтайском государственном университете иностранные студенты не только изучают русский язык, но и обучаются совместно с русскими студентами на различных факультетах. Так, предметом обучения, по мнению Марковой И. Н., должен быть не русский язык вообще, а речь на русском языке, процессы порождения речи [6, с. 2]. Образованного человека определяют и по тому, что он сказал, и потому, как он это сказал. Через язык мы транслируем свои национальные культурные особенности и способ мышления, культура и ее понимание также являются трудными для иностранцев, поэтому из-за недопонимания часто могут возникать межнациональные конфликты и противоречия. Реалии одной культуры могут плохо или искаженно усваиваться иностранными студентами в силу их недостаточных знаний русского языка.

Культурный потенциал языка и речь на занятиях по русскому языку как иностранному – это необходимая форма существования современных образовательных технологий; без знания культуры невозможна социальная интеграция, невозможен процесс обучения русскому языку. Это дает обучающемуся возможность изучать язык как определенный эстетический феномен в

совокупности с его познавательной лингвистической сущностью [7, с.187–188]. Взаимодействие культуры с личностью (язык – культура – личность) предполагает учет духовных ценностей национально-культурной общности и раскрывает взаимоотношения между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, а также выявляет национальные черты и языковые особенности сознания национальной личности [2, с. 14]. В этом отношении возникает вопрос о современных технологиях обучения русскому языку как иностранному для формирования предпосылок социокультурной интеграции личности иностранного студента в образовательный процесс и общество, принадлежащие к иному для него пространству.

Современные подходы в обучении русскому как иностранному предполагают внедрение современных информационных и коммуникационных технологий, которые моделируют структуру занятий по РКИ в трансграничном регионе. Для решения задач обеспечения результативности обучения в условиях информатизации образовательной сферы существующая практика использования информационных и коммуникационных технологий в методике преподавания РКИ сегодня должна осмысливаться в едином концептуальном ключе с должным вниманием к рассмотрению текущих процессов интеграции на всех системных уровнях обучения, которые определяются в методической литературе [9, с. 10].

Принципы и приемы обучения русскому языку как иностранному с использованием технологий в глобальном пространстве Интернета достаточно практически реализованы. А. Н. Шукиным были разработаны три основных блока использования информационных технологий в обучении русскому языку как иностранному и языку вообще:

- 1) теоретические основания использования компьютерных средств обучения;
- 2) экспериментальная работа по созданию и использованию в учебном процессе компьютерных материалов для обучения языку;
- 3) способы интеграции компьютерного обучения в общий процесс обучения языку [14].

А. Н. Богомолов замечает, что в сетевом обучении «виртуальная языковая среда обучения – это структурированное сетевое окружение участников лингводидактического процесса, которое включает комплекс электронных обучающих и прикладных ресурсов, а также инструментальные и коммуникационные средства» [1].

Интеграция инфокоммуникационных технологий в РКИ предполагает и социокультурную интеграцию иностранного студента, однако, полагаем, что это сложный процесс встраивания культур различных стран в единое современное глобальное образовательное пространство. Личность, общество и Интернет становятся структурирующими точками образования XXI века.

По мнению А. В. Тряпельникова, «новизна в сетевом обучении проявляется переходом к обучению информационному, которое основывается на применении новых информационных (цифровых) и коммуникационных средств обучения, предоставляемых электронными веб-технологиями, на всех уровнях (во всех аспектах) своей организации: разработка содержания (контента) обучения, доставка и предоставление содержательного контента обучаемому, управление и контроль за обучением, обязательно с созданием действенной образовательной среды» [13, с. 54]. Но и эффективные технологии в обучении РКИ в трансграничном регионе должны совокупно транслировать индивидуальную образовательную парадигму каждого иностранного студента в рамках реализации педагогической технологии «обучение в сотрудничестве» и развития умений самостоятельной учебной деятельности [12].

Таким образом, социокультурная интеграция иностранного студента в современном образовательном пространстве трансграничного региона должна происходить в двух плоскостях. С одной стороны, иностранный студент постигает научные азы выбранных им наук и вписывается в научную жизнь Алтайского государственного университета. С другой – основой для реализации своего научного потенциала следует признать русскую речь (и язык) как транслятор культуры с помощью новейших инфокоммуникационных технологий, совершенствование которых – неоспоримый факт современной научной и образовательной парадигмы.

Литература

1. Богомолов А. Н. Виртуальная среда дистанционного обучения русскому языку как иностранному (РКИ): структура, содержание, опыт работы. URL: <http://do2.gendocs.ru/docs/index-441149.html> (дата обращения: 29.02.2017).
2. Воробьев В. В., Поляков Г. М. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // Вестник

РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2012. №2. С. 13–18.

3. Коршунов Л. А., Никонов Н. М. Сетевые взаимодействия в регионе Большого Алтая / Л. А. Коршунов // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1123–1137.

4. Ложечкина А. Д. Сопровождение и интеграция в полиэтническую общность учащихся // Психология XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых «Психология XXI века» 21–23 апреля 2011 года. Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2011. С. 66–68.

5. Малофеев Н. Н. Почему интеграция в образование закономерна и неизбежна [Электронный ресурс] // Альманах ИКП РАО. 2007. №11. URL: <http://almanah.ikprao.ru/articles/almanah-11/pochemu-integracija-v-obrazovanie-zakonomerna> (дата обращения: 29.04.2018).

6. Маркова И. Н. Интерактивные методы в обучении русскому языку иностранных студентов // Новые технологии. №1. 2006. С. 2.

7. Митрофанова О. Д. Традиционное и новое в методике преподавания русского языка как иностранного // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания: сб. науч. тр. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина; Филоматис, 2006. С. 187–188.

8. Полянкина С. Ю. Понятие интеграции в категориальном аппарате философии образования // Интеграция Образования. 2013. №2. С. 76–82.

9. Роберт И. В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования. М., 2010.

10. Сагинова О. В. Проблемы и перспективы интернационализации высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3S1466.html> (дата обращения: 15.05.2018).

11. Ситников А. А., Никонов Н. М. Развитие интеграционных процессов межвузовского взаимодействия на территории Большого Алтая, // Grand Altai Rearch & Education / Nauka i obrazovanie Bol'shogo Altaâ. Сетевое издание. 2014. Вып. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/Education/articles/01.pdf> (дата обращения: 30.05.2018).

12. Сысоев П. В. Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом образовании. М., 2013.

13. Тряпельников А. В. Интеграция информационных и педагогических технологий в обучении РКИ (методологический аспект). М., 2014.

14. Щукин А. Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. М., 2008.

SOCIOCULTURAL INTEGRATION OF INFORMATION
AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE FIELD
OF THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (RFL)
(REGIONAL ASPECT)

Zlobina Y. I., Barnaul (Russia)

Abstract: the article gives the theoretical interpretation of the concept of integration and its socio-cultural side, as well as the social aspects of the integration of foreign students in a transboundary region. Sociocultural features of the integration of a foreign student in the Greater Altai region are singled out. The role of the Russian language in the paradigm of the modern educational process in the context of the specification of the training region is revealed. It is determined that interactive technologies of teaching Russian as a foreign language facilitate the favorable integration of a foreign student through the resulting practical communication skills in the process of social and professional interaction.

Key words: integration, socio-cultural aspect, infocommunication technologies, Russian as a foreign language, modern educational process.

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ, МИГРАЦИЯ И УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЗАИМОВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ¹¹

Колесникова О. Н., Барнаул (Россия)

Аннотация: социальное благополучие населения взаимосвязано с уровнем образования, полученного человеком. В последние годы растет число людей, имеющих высокий образовательный статус, о чем свидетельствуют данные переписи населения. Однако растет миграционный поток молодых людей из сельской местности, получающих образование и не стремящихся вернуться на малую родину.

Ключевые слова: социология региона, социальное благополучие населения, миграция.

Социальное благополучие – это высшая ценность, социальный идеал, область социальной оптимальности, с которой связаны жизненно важные интересы человечества. Стремление к достижению социального благополучия все времена являлось устойчивой мотивацией активности социальных субъектов. Словосочетание «социальное благополучие» стало активно использоваться в научных теориях и концепциях, нормативно-правовых актах, социальных программах и других документах как термин для обозначения оптимального состояния человека, социальных групп, общностей, общества в целом. В настоящее время социальное благополучие называют интегральным показателем эффективности функционирования социальной сферы, отражением социального самочувствия, уровня благосостояния, качества жизни населения, индикатором социальной безопасности общественной системы. Социальное благополучие – это объективное общественное явление, детерминированное повседневными условиями жизнедеятельности людей, в которых они удовлетворяют свои потребности, реализуют жизненные планы и социальные ожидания. Благополучие следует рассматривать как объективное

¹¹ Грант РФФИ а/р 17-13 22007 «Миграция сельской молодежи в Алтайском крае: анализ динамики и механизмов сокращения на основе комплексного измерения социального положения и активности» (исполнитель), 2017–2018 гг.

социальное явление, включающее в себя уровень и качество жизни. Одним из аспектов, тесно взаимоувязанных с социальным благополучием, является миграция населения.

Миграция в разных странах имеет отличительные черты в этих процессах. Необходимо учитывать эти тенденции, поскольку они влияют на все сферы жизнедеятельности населения.

Внутренняя миграция в России имеет стойкие показатели. Для государства такие тенденции важны для определения первоочередных направлений в деятельности. Внутренние процессы миграции – это переезды граждан в пределах страны. Такие процессы связаны с различными причинами, которые возможны в области жизнедеятельности человека. Мигрантами в данном случае становятся граждане страны. Для России актуальным является переселение людей в те регионы, в которых высокий уровень жизни и большое количество рабочих мест. Показатели численности населения в разных субъектах РФ, населенных пунктах не однородны. Массовое скопление населения формируется в больших городах. Доли сельской местности сокращаются. Для государства такие тенденции не являются положительными. Изучая миграционные процессы, важно правильно и вовремя регулировать все подобные явления. Если не проводить мониторинг таких процессов, то возможны не положительные последствия миграции, а отрицательные явления в обществе, экономике и других сферах.

При рассмотрении данного вопроса следует понимать, что есть определенные факторы, которые определяют миграцию внутри государства. Российская тенденция переселения касается выезда в более крупные города. Это связано с тем, что там сконцентрированы высокая заработная плата; большое количество рабочих мест; улучшенные условия труда и проживания; культурная жизнь более высокого уровня.

В региональном плане увеличение числа мигрантов наблюдается в крупных городских поселениях. Люди из сел стараются переехать в городскую местность. Причинами таких явлений становятся развитие технологий, глобализация, повышение уровня образования в обществе и др.

Государственные программы пытаются уравновесить сальдо миграции, поскольку из сельской местности уезжает больше людей, чем приезжает туда. В России существуют программы типа «Земского доктора», которые привлекают к работе в селе молодых специалистов. Для них предусматривают материальную

поддержку и социально обеспечивают. Однако продолжает расти миграционный поток молодых людей из сельской местности, получающих образование и не стремящихся вернуться на малую родину.

Социальное благополучие населения напрямую связано с получением образования. От уровня образования напрямую зависит качество трудовых ресурсов и, в связи с этим, состояние экономики в целом. Образование выгодно не только для отдельного человека, но и для всего общества. Благодаря системе образования страна получает высококвалифицированных работников, а это – рост производительности труда, внедрение новых технологий, выход на передовые рубежи в социальном развитии. Мировое сообщество пришло к выводу, что образование должно иметь абсолютный приоритет в бюджетах всех государств. За счет образования развитые страны получают до 40 % прироста ВВП.

Анализируя данные Всероссийской переписи населения 2010 года, мы видим, что в Алтайском крае из числа указавших уровень образования лиц в возрасте от 15 лет и более (2 017 797 чел.) имели профессиональное образование 1 199 150 человек, что составляет 59,4%, т.е. более половины занятых в экономике региона – это люди с высшим и средним специальным образованием.

Из них:

- послевузовское и высшее профессиональное образование имели 353 850 чел. (17,5%). В том числе: бакалавры – 11 069 чел., специалисты – 327 059 чел., магистры – 6 225 чел.;
- неполное высшее – 67 300 чел.;
- среднее профессиональное – 628 000 чел.;
- начальное профессиональное – 150 000 чел.

Кроме того, 15,7% – имели среднее образование 11% – основное общее образование и 6 % – начальное общее; 20 600 человек не имели начального общего образования, из них неграмотных – 10 849 чел.

По сравнению с данными переписи 2002 г., уровень образования в Алтайском крае вырос. Так количество людей с высшим образованием составило 353 900 чел. в 2010 г. против 268 200 чел. в 2002 г. Количество людей с высшим образованием на 1 тыс. составило 173 чел. (2010 г.), а в 2002 г. – 123 чел. Выросло и количество людей, имеющих среднее профессиональное образование. В 2010 году таковых было 307 чел. на 1 тыс., в то

время как в 2002 г. было 263 человек. Доля лиц с профессиональным образованием в возрасте 15 лет и более в Алтайском крае ниже, чем по Сибирскому федеральному округу (61,6%) и в целом по России (64,8%) [1].

В процессе образования человек получает своеобразное удостоверение о своих способностях, и более высокий уровень образования свидетельствует только о более высоких способностях их обладателя. Образование делает интересы человека более разносторонними, развивает его социокультурный потенциал и влияет на его благополучие.

Литература

1. Итоги Всероссийской переписи населения-2010: [Электронный ресурс] // РИА Новости URL: <https://ria.ru/infografika/20111220/521538199.html> (Дата обращения: 30.05.2018).

2. Колесникова О. Н. Инновации в образовании как составляющие социального благополучия населения //Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып.2. Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 11–16.

SOCIAL WELL-BEING, MIGRATION AND EDUCATION: INTERDEPENDENCE AT REGIONAL LEVEL

Kolesnikova O. N., Barnaul (Russia)

Abstract: the social well-being of the population is interrelated with the level of education received by a person. In recent years, the number of people with high educational status is growing, as evidenced by the population census data. However, the migration flow of young people from rural areas is increasing, receiving education and not seeking to return to their small homeland.

Key words: sociology of the region, social well-being of the population, migration.

МЕДИАТИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЛОВОГО ИЗДАНИЯ «ВЕДОМОСТИ»)

Лукашевич Е. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье определяются параметры медиатизации проблемной сферы миграции в деловом издании «Ведомости» и выявляются составляющие медиаобраза мигранта, формируемого данным деловым изданием, в аспекте социальной интеграции. В процессе анализа проблемы рассматриваются понятие медиатизации и результаты процесса медиатизации, транслируемые в медиадискурсе сферы миграции; особенности создания медиаобраза в анализируемых медиатекстах. Автор определяет основные проблемы миграции, освещаемые деловым изданием «Ведомости», и приходит к выводу, что в 2012–2016 гг. «Ведомости» освещают сферу миграции через призму российской политики, экономики, бизнеса и общественных отношений; повседневная жизнь мигранта уходит на второй план, проблемы социальной интеграции мигрантов чаще оцениваются с позиций неудачного опыта.

Ключевые слова: медиатизация, медиадискурс, медиаобраз, мигрант, лингвокогнитивный анализ.

Современное медиапространство может быть охарактеризовано не только с позиций *территории* (здесь и далее курсив мой – Е. Л.) размещения информации, но и с позиций *отношений между субъектами*, производящими, распространяющими, перерабатывающими, потребляющими информацию. Для нашего исследования очень важно акцентировать, что «самый главный признак медиапространства заключается в том, что действия всех названных выше субъектов определяются *нормами и правилами, присущими социальному институту, именуемому медиа*» [4, с. 27].

В качестве рабочих мы будем использовать определения коммуникации и дискурса, данные И. М. Дзялошинским:

- «коммуникация – это довольно жесткая система правил, норм, общественных ожиданий», которая может определять «статус людей, обеспечивающих функционирование системы коммуникаций», а также роли, «исполнение которых возлагается (а иногда навязывается) на людей», участвующих в коммуникации;

- «дискурс предстает как отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, следовательно, не только отражающий мир, но и проектирующий и сотворяющий его» [4, с. 15–16].

Специфика массмедийного дискурса, по мнению А. Полонского, позволяет *«вписывать текущую многообразную социальную практику человека <...> в тексты культуры»*, а реконструкция медиадискурса дает возможность выявлять *оперативные технологии «социального познания, социально-когнитивного управления и моделирования»*, а также *«избирательную направленность на социально резонансные факты и на события культуры»*, как правило, имеющую *«социальную или идеологическую мотивацию»* и характеризующуюся *«определенной степенью (мерой) устойчивости и интенсивности»* [7, с. 45–50].

Таким образом, анализ основных характеристик современного медиадискурса позволяет фиксировать не только расширение влияния СМИ на все области жизни социума, но и обратный процесс вовлечения в информационно-коммуникационную деятельность различных сфер общественной деятельности, т.е. «создание зон пересечения медиа и социальных феноменов» и придание им публичности [5, с. 69].

Цель данной статьи – определить параметры медиатизации проблемной сферы миграции в деловом издании «Ведомости» и охарактеризовать медиаобраз мигранта, формируемый данным деловым изданием, в аспекте социальной интеграции.

Для лингвокогнитивного анализа мы отобрали медиатексты, которые в той или иной мере касаются проблемы социальной интеграции мигрантов в российское общество: получение разрешительных документов, условия трудовой деятельности, демографические показатели, социализацию, нормативно-правовые нормы нахождения на территории страны, условия пересечения границы, состояние миграционной политики и др.

«Ведомости» – бизнес-издание, «оперативно предоставляющее бизнес-сообществу объективную, качественную и полезную информацию, необходимую для принятия решений» [1].

По данным компании «Медиаалогия», в январе 2018 года «Ведомости» занимали третье место по цитируемости в других СМИ [6]. Соответственно, анализ дискурсивных практик проблемной сферы миграции позволит выявить характерные для

данного делового издания ценностные ориентации, мотивы, правила, нормы, модели поведения, статусы и роли субъектов коммуникации, связанные с проблемой миграции и транслируемые изданием не только своей целевой аудитории, но и российскому обществу в целом.

По определению демографического понятийного словаря, «мигрант – это лицо, совершающее миграцию, т.е. пересекающее границы тех или иных территорий со сменой постоянного места жительства навсегда или на более или менее длительное время» [3, с. 169]. Характерной чертой российских СМИ первого десятилетия XXI века, по мнению Т. Г. Скребцовой, является представление мигрантов как потенциально опасного инородного явления, деперсонифицированной социальной группы, часто репрезентируемой в качестве неодушевленной массы (*«приток мигрантов, рабочая сила, инструмент для вытеснения коренного населения, антропологическое оружие в необъявленной демографической войне»*); «происходит существенный сдвиг от объективной оценки, опирающейся на дескриптивные признаки, к субъективной – эмоциональной, утилитарной, телеологической и даже этической» [8, с. 116–117]. Исследователь прогнозирует последствия формирования подобного негативного стереотипа мигранта: обострение социальной напряженности, формирование расистских настроений, возникновение межнациональных конфликтов [8, с. 118].

Е. М. Шерман, опираясь на данные Т. Г. Скребцовой, выявила особенности концептуализации, связанной со стереотипным восприятием мигрантов: «чужие», «грязь», «дикость», «опасность». По ее мнению, «"страхи" перед мигрантами как перед чужой и враждебной силой, находящие воплощение в отрицательном стереотипе, никогда не возникают спонтанно: это всегда результат целеустремленной деятельности конкретных политических сил» [9].

Чтобы проследить процесс медиатизации проблемной сферы миграции во втором десятилетии XXI века, мы проанализировали медиатексты делового издания «Ведомости» за 2012–2016 гг. [1] и выделили составляющие медиаобраза мигранта как объекта медиатизации данной проблемной сферы.

Основные проблемы миграции, освещаемые «Ведомостями»:

- законодательные инициативы В. В. Путина и российского правительства по урегулированию миграционной политики;
- повышение «качества мигрантов»: введение обязательной сдачи экзамена на знание русского языка, истории Отечества и

правовых основ РФ. Рентабельность законопроекта обсуждается на протяжении трех лет, о первых результатах экзамена пишут лишь в 2015 году, после официального принятия закона;

- темы ужесточения мер и «новых правил» для приезжих стали ключевыми в 2013 году. Данный период отличается большим количеством нововведений в законодательстве, ужесточающих правила пребывания мигрантов на территории России;

- борьба с нелегальной миграцией по инициативе мэра Москвы С. С. Собянина, спецоперации по «зачистке» города и рынков от нелегальных мигрантов, организации добровольных дружин для борьбы с нелегалами; его выступление против адаптации и постоянного проживания иностранных рабочих в Москве («сезонные рабочие»); нежелательность создания «национальных гетто»;

- темы повышения уровня ксенофобии со стороны российских граждан, представление мигрантов как захватчиков, отбирающих рабочие места у коренных жителей, характерны для 2013–2014 годов в период экономического кризиса в России;

- спор о преступных наклонностях мигрантов и попытки доказать, что рост преступности в российских городах зависит от количества прибывающих мигрантов;

- «нелегальная миграция как питательная среда для проникновения в Россию иностранных шпионов и террористов» (директор ФСБ А. Рошупкин);

- одним из аспектов многих «миграционных» статей становится противопоставление высококвалифицированных специалистов и низкоквалифицированных / неквалифицированных мигрантов;

- новый поворотный момент – политический кризис на Украине и в Европе, появление нового типа мигранта – беженец;

- вопрос влияния ужесточающих мер: в первые три года «новые правила» оценивались как необходимые меры, в последний год появляются призывы к смягчению законов и процедуры переселения, так как наблюдается снижение миграционного потока.

Исследовав параметры медиатизации на основе публикаций делового издания, мы выявили составляющие медиаобраза мигранта:

- большей частью выходцы из Средней Азии и стран СНГ (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Молдова, Туркменистан, и др.);

- не имеют образования и профессиональной квалификации, используются в качестве чернорабочих: дворник, строитель, подсобный рабочий (*«неквалифицированная нелегальная рабочая сила»*);

- неграмотные и некультурные, плохо знающие / не знающие русский язык и не заинтересованные в его изучении;

- с готовностью берутся за самую тяжелую и грязную работу, которую не хотят выполнять коренные жители, трудятся за невероятно низкую плату, и потому их охотно используют в качестве дешевой рабочей силы (*«они заполняют непрестижные ниши рынка труда», «мигранты удобны дешевизной»*);

- получают деньги, не платят налоги, не имеют страховки и трудовых льгот, соглашаются на сверхэксплуатацию (*«бесправны с точки зрения социального страхования», «они не имеют права голоса»*);

- безусловный вред для интересов нашей страны и серьезная угроза ее безопасности: из-за них растет уровень преступности (*«искажают рынок занятости (своей дешевизной), торгуют наркотиками, обманывают и грабят мирных обывателей, приводят к развитию черного рынка труда и аренды жилья, уходу от налогов»*);

- отбирают рабочие места у коренного населения, захватывают страну (*«приезжие оккупируют, вытесняют, уничтожают коренное население, несут смерть и разрушение России»*);

- основная и единственная причина десоциализации россиян (*«нелегальная работа за низкую плату увеличивает безработицу в стране и подрывает конкуренцию, влияет на десоциализацию россиян»*);

- причина формирования *«рабского»* сегмента рынка рабочей силы»; мигранты – рабы, работодатели – рабовладельцы;

- поток, причем трудно контролируемый – исчислять мигрантов в миллионах, обильное количество цифр в публикациях;

- виновные в чем-либо; объект, за которым необходим пристальный контроль со стороны госслужб (демонстрация процессов задержания мигрантов полицией, проверка документов приезжих сотрудником ФМС, процесс контроля за деятельностью рабочих сотрудниками МВД).

Поскольку процесс миграции представляется как неизбежный, обсуждаются способы улучшения миграционной политики, как-то: наведение порядка в пограничном контроле, введение миграционных квот, выявление вакантных ниш занятости,

социально-культурная адаптация национальных меньшинств, их интеграция в российское общество, предотвращение межэтнических и межконфессиональных конфликтов и т. д.

«Ведомости» в целом стремятся объективно освещать миграционные проблемы, но все же в общем контексте их публикации чаще посвящены типам мигрантов, которые по преимуществу обладают негативными чертами.

Наше исследование показало, что образ мигрантов, как правило, представлен характеристиками приезжих из стран Средней Азии. Они выделяются среди коренного населения российских городов своей внешностью, языком, одеждой, манерой поведения. Корреспонденты «Ведомостей» фиксируют эти признаки в своих публикациях, тем самым способствуя формированию и закреплению определенного (чаще негативного) образа мигранта: *«неквалифицированная нелегальная рабочая сила»* (нанизывание ряда прилагательных + деперсонификация), *«не знающие языка мигранты и не заинтересованные в его изучении»*, *«плохо воспринимающие русскую речь на слух»*, *«человек, который говорит с акцентом, имеет другой разрез глаз, цвет кожи или форму костей лица»*, *«люди с «неправильной» наружностью»*, *«лицо среднеазиатской / азиатской внешности»*, *«они неграмотны и некультурны»*, *«понаехавшие»* и т. п.

Кроме того, в СМИ практически не встречается нейтрального по тональности оценки образа мигранта. Образ формируется с помощью компонентов, которые вызывают исключительно отрицательные эмоции: страх, отчуждение, неприятие. Это проявляется в контекстах упоминания мигрантов, в описании их национальности, внешности, рода деятельности, в оценке влияния миграции и мигрантов на политику, экономику, рынок труда нашей страны, и межэтнические отношения. Издание идентифицирует и персонифицирует представителей данной социальной группы как «чужих», врагов или рабов.

Большее внимание СМИ уделяют трудовой миграции. Анализ типов мигрантов подтверждает гипотезу о том, что СМИ формирует образ мигранта как субъекта, который едет в Россию лишь ради временного заработка, а не для постоянного проживания на ее территории. Данный субъект, как правило, занимается нелегальной трудовой деятельностью и не имеет высокой квалификации. Для СМИ трудовой мигрант – это, условно, мужчина в возрасте от 30 лет, азиатской внешности, не говорящий / плохо говорящий на русском языке или не понимающий русский

язык, направляющийся в Россию исключительно на заработки в сфере тяжелого труда (чернорабочие, подсобные рабочие и т.д.). Фотоиллюстрации, сопровождающие публикации по проблеме миграции, почти всегда показывают мигранта в роли строителя, дворника, грузчика или продавца. Кроме того, на фотографиях всегда изображен человек неевропейской внешности.

Проблемы мигрантов показаны через призму общественно-политических и нормативно-правовых вопросов. Тема миграции в «Ведомостях» – это освещение деятельности властей по урегулированию миграционной политики и принятию законопроектов в данной области, политико-управленческие решения, освещение нормативно-правовой базы мигрантов, освещение проблем рынка труда и взаимодействия работодателей с мигрантами. Важно отметить, что в большинстве материалов мигрант не является действующим лицом публикации. Для «Ведомостей» сфера миграции освещается через призму российской политики, экономики, бизнеса и общественных отношений; повседневная жизнь мигранта уходит на второй план, проблемы социальной интеграции оцениваются с позиций неудачного опыта. Единичны публикации об успешной трудовой деятельности квалифицированных мигрантов, которые занимаются предпринимательской деятельностью или работают в банках (например, Горелова Е. «Как трудовые мигранты из Средней Азии делают карьеру в России» 30.05.2015).

В целом, можно сделать вывод, что качественное издание «Ведомости» создает положительный образ миграции и отрицательный образ мигранта (ср., например, идею законопроекта, предлагающего *«проведение информационных кампаний, направленных на формирование позитивного образа мигранта и укрепление межнационального согласия в обществе»* [2]).

Литература

1. Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 24.04.2018).
2. Власти решили создать в России образ «позитивного мигранта» // «РИА Новости». [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20140311/999040907.html/> (дата обращения: 20.04.2018).
3. Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. [Электронный ресурс]. М.: ЦСП, 2003.

URL: <http://rybakovsky.ru/uchebnik1.html/> (дата обращения: 23.05.2018).

4. Дзялошинский И. М. Современное медиапространство России. М.: ЗАО Изд-во «Аспект-Пресс», 2015. 318 с.

5. Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1. С. 66–73.

6. Медиалогия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5830/> (дата обращения: 20.04.2018).

7. Полонский А. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ: Электронный журнал. 2012. Вып. 6. С. 42–56. URL: <http://discourseanalysis.org/ada6.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

8. Скребцова Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. № 3 (23). С. 115–118.

9. Шерман Е. М. Образ «чужого»: портрет мигрантов в СМИ и архетипы коллективного бессознательного [Электронный ресурс] // Алтайская школа политических исследований. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2756> (дата обращения: 22.04.2018).

MEDIATIZATION OF THE PROBLEM OF SOCIAL INTEGRATION
OF MIGRANTS IN THE RUSSIAN MEDIA
(BASED ON THE BUSINESS NEWSPAPER “VEDOMOSTI”)

Lukashevich E. V., Barnaul (Russia)

Abstract: *the article defines the parameters of the problem sphere of migration mediatization in the business edition of Vedomosti and identifies the components of the media image of the migrant formed by this business edition in the aspect of social integration. In the process of analyzing the problem, the concept of mediatization and the results of the process of mediatization, broadcast in the media discourse of migration, the features of creating a media image in the analyzed media texts are considered. The author defines the main problems of migration covered by the business edition of Vedomosti and concludes that in 2012–2016. Vedomosti reports on the sphere of migration through the prism of Russian politics, economy, business and social relations; the daily life of a migrant takes a back seat, the problems of social integration of migrants are often assessed from the standpoint of bad experience.*

Keywords: *mediatization, media discourse, media image, migrant, linguocognitive analysis.*

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЕВРАЗИЙСТВО КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ РОССИИ

Мелехин В. А., Кротов А. В., Праздникова Н. Н., Барнаул (Россия)

Аннотация: несколько неожиданно для российского научного и экспертного сообщества возникла проблема отсутствия общественно приемлемых идеологических конструкций, способных сплотить соотечественников перед лицом экономических санкций и мощного информационного влияния извне соперничающих держав. Идеологический фактор на сегодняшний день оказывается мощным стимулом для сохранения реальной независимости России, и евразийство здесь выступает как важнейший ориентир в самоопределении дальнейшего развития нашего народа и других дружественных соседних наций-государств. Евразийский феномен интересен для политологического анализа своей относительной новизной и широтой охвата общественно-экономической проблематики. В защиту евразийской идеологии выступает современная дилемма соперничества традиционализма-либерализма. В свете возникших перед современной Россией внешнеполитических проблем, страна нуждается в надежных партнерах в области экономического, технологического и социокультурного партнерства. Евразийский проект, вероятно, сможет стать тем стержнем, на котором будет возможно надстроена новая система взаимоотношений между странами мира, прообраз «третьего мира».

Ключевые слова: Россия, безопасность, идеология, евразийство, Запад.

Общественная ситуация в мире, особенно в сфере геополитической стратегии и геоэкономической расстановки сил Запада, складывающаяся вокруг России, требует обратить особое внимание на вопросы безопасности экзистенциального существования нашей страны на фоне усиливающейся санкционной и провокационной политики, проводимой США и ее союзниками в отношении Российской Федерации.

Все попытки российского руководства и общественности вписаться в глобализационный проект, предложенный либеральным постиндустриальным миром, привели лишь к тому, что России была уготована роль сырьевого придатка Запада с последующим расчленением страны на 9–10 «независимых»

государств и исчезновением РФ как самостоятельного субъекта не только политической, но и исторической жизни.

На повестку дня встал вопрос социальной безопасности как «кумулятивный итог реализации системы мероприятий центрально-управленческого, экономического, политического, правового, демографического, психологического, экологического, конфликтологического, технико-технологического, военно-оборонного, духовно-нравственного, идеологического и иного характера, нацеленных на достижение стабильности общественной жизни, на обеспечение нормального функционирования социальных институтов, на сохранение и умножение жизненных сил населения. [5, с. 12]

Не претендуя на широту охвата и анализа всех вышеперечисленных факторов характеристики социальной безопасности, остановимся на понимании значимости духовно-нравственного, идеологического критериев изучения общественной безопасности, что не означает исключения из анализа других характеристик исследуемого феномена. Можно бесконечно ссылаться на монографии по рассматриваемому вопросу, где в разном контексте обеспечения суверенитета, национальной культуры и, шире, социума исследуется явление евразийства [2, 4]. Но для авторов было принципиально подчеркнуть важность формирования новых идеологических конструкций или скреп для нашего общества. Казалось еще недавно на заре перестройки, что идеология уйдет, а останется что-то иное. В работах четверть вековой давности практически не затрагиваются столь сложные и многозначные для национального строительства аспекты. Поэтому сейчас, с приходом более полного понимания мировой действительности, актуальным становится запрос на определение места России не только на планетарной политической карте, но и в некоем метафизическом смысле.

Проблемная ситуация в объективно имеющемся противостоянии России и Запада видится в том, что провозглашенные в Конституции РФ деидеологические принципы формирования общества, по сути, выбивают фундаментальность и историчность существования России как отдельной самостоятельной цивилизации. В этой связи предложена идея евразийства как философско-политическое движение, которое возникло в 20-е годы 20-го века в среде русских эмигрантов. Евразийцы (П. Н. Савицкий, Х. С. Трубецкой, Г. В. Фроловский и др.) считают, что погрязшая в либерализме, воинствующем эгоизме и

жажде наживы Европа несет гибель и деградацию всему миру. Историческую миссию России они видели в том, чтобы сохранить духовные основы человечества и возглавить всемирное антиевропейское движение. Как капиталистический путь развития, так и социалистический, по которому после 1917 года устремилась РСФСР, а затем и Советский Союз, евразийцы считали неприемлемым, а потому ставили вопрос о необходимости для России поисков особого «третьего пути».

Ситуация, сложившаяся в мире вокруг России в настоящее время, до боли напоминает время становления РСФСР и СССР, находившихся практически в полной политической изоляции. Руководству нашей страны в тот период было даже легче, поскольку был провозглашен путь на строительство социализма в одной стране с последующим переходом к коммунизму и отрицание существующего капиталистического, буржуазного общества.

Развитие, а в некоторых существенных моментах и деградация многих сфер жизни нашего государства, особенно в 90-е годы прошлого века, показали, что Россия, несмотря на многие уступки Западу, на провозглашение факта того, что «мы Ваши, мы тоже буржуинские» не сподвигли коалицию западных стран на политику, отвечающую национальным интересам России, а не только интересам развитого сообщества. И в этом идеологическом смысле России трудно в диалоге, а, чаще, истерике Запада противостоять мифической «русской угрозе» кроме как создавать идеологию, отражающую интерес большего числа граждан России вне зависимости от социального и этнического состава.

Идеология евразийства, учитывающая особенности культур Евразии, близких по ментальности и их жизненному пространству, стала мощным средством реализации мировых и национальных, а также региональных процессов прогрессивного общественного и личностного развития. Сохраняя народы и государства Евразии, их культуру и жизненный потенциал, евразийская идеология стимулирует прогрессивное международное, глобальное развитие, обеспечивает его безопасность, что, по сути, выполнила в отношении Сирии Россия.

Евразийство рассматривается некоторой частью политических элит современной России как основа компромисса западников и патриотов, как стратегия подавления последних, а также как способ их цивилизованного возрождения и конструктивного, плодотворного развития. Все это создает

основы его противоречивого осмысления не только экспертами, но и широкими слоями населения.

В этой связи особого внимания заслуживает вопрос о том, какие проблемы евразийства чаще других обсуждаются сегодня в России общественностью. Распределения оценок экспертов, их ответы на этот вопрос (информация на период на 2014 г.) выглядят так.

1. Проблема сохранения европейской ориентации общественного развития России – 21%.

2. Проблема противостояния США и России с их союзниками в Азии – Евразии – 19%.

3. Проблема сохранения и развития дружеских отношений с Китаем – 17%.

4. Проблема интеграции и сохранения культур Запада и Востока, Европы и Азии – 15%.

5. Проблема революционаризма, радикализма и органичного социально-исторического развития народов и государств Евразии – 14%.

6. Проблема сотрудничества стран БРИКС – 10%.

7. Проблемы развития таможенного союза России, Казахстана, Белоруссии и Украины – 8%.

8. Проблемы конструктивного влияния евразийства на формирование ноосферной цивилизации, управляемой социоприродной эволюции – 7%.

9. Проблемы глобализма и регионального, национально-государственного развития, их соотношения с евразийством – 6%.

10. Проблематика поиска и обеспечения «третьего пути» развития современной России, пережившей в 20 веке радикализм левого социалистического и правополиберального, рыночно-демократического реформизма – 5%.

11. Другое – 3%.

12. Трудно сказать – 2%. [1, с. 29]

Ранжирование первых трех лидирующих позиций, в связи со стремительно меняющимся социально-политическим временем, несомненно, изменилось. Совершенно очевидно, что вторая позиция поменялась с первой в связи с резко изменившимися в сторону конфронтации взаимоотношениями между Россией и США с союзниками в Азии – Евразии.

Укрепились позиции России в сторону политической комплиментарности в отношениях с Китаем, обретая черты союзнических отношений.

Поколебалось, очевидно, мнение экспертов в отношении проблематики сохранения европейской ориентации общественного развития России, дискредитировавшего себя либерализма.

В отношениях России с Западом и союзниками наглядно видим противоречие идеологий и политических практик, формирующих противостояние однополярного и многополярного миров, когда актуальным и интегрирующим фактором отражения многополярности становится евразийство, представляющее формирование стратегии настоящего и будущего общественного развития России и русского мира.

Евразийский проект является ответом на обозначенное выше противостояние России и ее союзников с сателлитами США. Он представляет собой попытку организации равноправного и взаимовыгодного диалога между пятью основными цивилизациями: русско-православной, китайской, исламской, индийской и западной. В процессе такого диалога возникает возможность дать новые ответы на ключевые вопросы в области экономики, экологии, демографии, культуры, обозначить адекватные пути решения глобальных проблем, стоящих не только перед Россией, но и сообществами практически всех государств планеты.

Евразийство представляет собой поиск оптимального национально-государственного пути развития в 21 веке, обозначая стратегию «третьего пути» развития, который не является ни капитализмом, ни социализмом, ни западным, ни восточным вектором социально-экономического прогресса.

Евразийской идеологии противодействуют с разной степенью активности на различных уровнях функционирования общества либерально ориентированные, прозападные субъекты социально-политической деятельности. Сохраняются левосоциалистические группировки интернационалистической ориентации, которые выступают против евразийства и соответствующей идеологии и стратегии развития российского общества. Препятствуют евразийству представители национальных меньшинств, которые имеют за ее пределами свои национально-государственные образования. «Затаившиеся» монархисты и традиционалисты не приемлют евразийство как фактор покушения на «русскость» и православие.

Между тем состоявшиеся выборы президента показали, что политическая индифферентность народа, в условиях реального санкционно-политического и даже военного давления со стороны

США и ее союзников на Россию во многом преодолена, о чем свидетельствует его 75 %-тная поддержка. Наметила тенденция на создание идеологии в форме евразийства.

Протоидеологической компонентой евразийства стали принятые на уровне государства «Основы государственной культурной политики» [3].

В этом документе отражен приоритет русской культуры и традиционных духовно-нравственных ценностей, препятствующих антигуманным, безнравственным, а в художественном плане бездарным проявлениям отдельных личностей и групп (фильмы, спектакли, выставки и т.д.), отстаивающих некие постмодернистские ценности, суть которых они разъяснить на человеческом языке не в состоянии, и сводящие свои положения к лозунгу: «Мы за все хорошее и против всего плохого».

В заключение авторам хотелось отметить основные угрозы и вызовы общественной безопасности в России в контексте ее современного положения в мире: значительное падение ВВП России за последние четыре года, вооруженные конфликты в приграничных зонах, относительно низкие медианные доходы населения страны, сквозные маршруты наркотрафика через территорию, снижение конкурентоспособности отраслей экономики, территориальная близость очагов терроризма, миграционное давление южных и восточных соседей, неразрешенная демографическая проблема, территориальные претензии отдельных соседних государств, явная технологическая зависимость от развитого мира.

В то же время есть четкие предпосылки противостоянию данным явлениям и процессам посредством реализации евразийских идей.

Литература

1. Евразийская идеология и «третий путь» развития России: контекст современного славянского социокультурного пространства (материалы всероссийского экспертного опроса по программе международного проекта)/ под ред. С. И. Григорьева. – М: МФСПиК, 2014.

2. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Варава В.В., Дубова Т.Г. Современные реалии социальной безопасности регионального социума // Известия

Алтайского государственного университета. 2010. №2–1 (66). С. 187–190.

3. Общественность Сибири и Дальнего Востока о третьем пути развития современного общества: контекст Евразии/ под ред. С. И. Григорьева. Москва; Новосибирск; Барнаул: Изд-во ВЦУЖ, 2014. 48с.

4. Основы государственной и культурной политики [Электронный ресурс] – URL: <http://kremlin.ru/events/administration/21027> – Загл. с экрана (дата обращения: 1.06.2018).

5. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. 368с.

6. Тезаурус социологической концепции жизненных сил человека/ под ред. С. И. Григорьева, Ю. Е. Ростова. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005.

PUBLIC SECURITY AND EURASIANISM AS FACTORS FOR RUSSIAN IDEOLOGY FORMATION

Melekhin V. A., Krotov A. V., Prazdnikova N. N., Barnaul (Russia)

Abstract: *it has been surprisingly found by Russian scientists and experts that there's lack of socially acceptable ideological structures capable to unify the countrymen in view of economic sanctions and the influence of competing superpower nations' messaging. Nowadays, the ideological factor is a powerful incentive for Russia to support its real independence, whereas the Eurasianism is considered to be a benchmark in the self-determination of further development of our people and other friendly neighboring nation-states.*

The Eurasian phenomenon is of great interest to political science analysis due to its relative novelty and global reach of socio-economic problems. The contemporary dilemma of the rivalry between traditionalism and liberalism stands up for the Eurasian ideology. In the light of the foreign policy problems being faced by Russia today, the country needs reliable partners in economic, technological and socio-cultural spheres. The Eurasian project is likely to become the capstone on which a new system of relations among the countries like the «third world» prototype will be built on.

Keywords: *Russia, safety, ideology, the Eurasianism, the West.*

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В КАЗАХСТАНЕ:
СТАТУС И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ГОРОДЕ УСТЬ-КАМЕНОГОРСК)

Молдагазинова Ж. М., Семей (Казахстан)

Аннотация: рассматриваются проблемы, связанные с функционированием русского языка в Казахстане. Поскольку республика является многонациональной, проблема межъязыковой и межкультурной коммуникации всегда остается актуальной, и возникает необходимость ее рассмотрения с учетом развития государственной языковой политики. Отмечается, что в развитии языковой политики на территории Казахстана выделяются четыре этапа. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что русский язык в Казахстане занимал разное положение в зависимости от геополитических, социально-экономических, миграционно-демографических условий, сложившихся в стране. В работе использованы материалы проведенных автором в 2016–2017 гг. полевых исследований, на основе которых выявлено отношение населения г. Усть-Каменогорска к русскому языку и показана высокая значимость языка в социолингвистическом пространстве региона.

Ключевые слова: языковая политика, статус русского языка, родной язык, язык повседневного общения, сфера применения языков.

Казахстан – полиэтническое государство, в котором проживают представители более 130 национальностей. Именно поэтому проблема межъязыковой и межкультурной коммуникации сохраняет здесь свою актуальность, и необходимость ее рассмотрения с учетом развития государственной языковой политики очевидна. Языковая политика в многонациональном государстве отличается особой сложностью, т.к. должна учитывать такие факторы, как многоязычие, своеобразие национального состава и межнациональных отношений, роль отдельных языков и их носителей в общественной жизни.

Языковая политика – совокупность мер, принимаемых государством для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и

соответствующих их целям [10, с.258]. Реализация языковой политики происходит посредством определенных программ, концепций, стратегий, которые составляются для определенного национального образования с учетом этапов развития структуры социально-коммуникативной системы и социально-экономической ситуации в регионе.

В основе языковой политики любого государства должно лежать четкое понимание как этноязыковой характеристики общества (языковой ситуации), существующей на момент принятия законодательных актов, регулирующих языковую сферу, так и целей и задач, предстоящих законодательно решить, определяя использование языка или языков в административной сфере, системе образования и средствах массовой информации.

В развитии языковой политики на территории Республики Казахстан (далее – РК) выделяются четыре этапа. Первый (1920–1938) характеризуется паритетным казахско-русским двуязычием; второй (1938–1987) отмечен доминированием русского языка и периферизацией казахского; третий (1987–1995) отличается форсированным повышением статуса казахского языка за счет административных мер; четвертый (с 1995 г. по настоящее время) характеризуется сбалансированной языковой политикой, основанной на государственном статусе казахского языка и фактическом признании доминирующей роли русского языка в социальной и общественной жизни.

В августе 1995 г. была принята новая Конституция Республики Казахстан, которая максимально сблизила статусы двух языков, провозгласив казахский язык государственным, русский – официальным. Казахстан – страна, которая после распада Советского союза, разрешила проблемы языковой политики без острых коллизий и конфликтов. Одним из факторов, повлиявшим на сохранение сбалансированных языковых взаимоотношений, является демография. К тому же, именно демография является одним из главных факторов формирования языковой политики в постсоветских государствах в целом и в Казахстане в частности, особенно в отношении статуса языков. Также в сохранении высоких позиций русского языка в Республике Казахстан решающую роль сыграло советское наследие, а именно, проводимые языковая и культурная русификации.

Закрепленный в основных документах официальный статус русского языка объективно отражает его высокую востребованность в Казахстане как носителя значительного объема научной и

культурной информации. Русскому языку, представляющему собой наиболее распространенный язык в социокультурном пространстве мультикультурного общества, отводится роль консолидирующего фактора, способного объединить все этносы.

Президент страны Н. А. Назарбаев отмечает, что «...Владение русским языком – это историческое преимущество нашей нации... Нельзя игнорировать тот факт, что именно посредством русского языка уже на протяжении не одного столетия казахстанцы обретают дополнительные знания, расширяют свой кругозор и круг общения как внутри страны, так и за ее пределами» [9]. Следует отметить, что несмотря на попытки ярых националистов искоренить русский язык из социокультурного пространства Казахстана, Президент и правительство всегда отмечают высокую роль русского языка, называя владение им великим достоянием казахстанского народа.

Русский язык в Казахстане является обязательной частью единого государственного образовательного стандарта. Функционирование русского языка осуществляется в двух различных по целям, масштабам и структуре секторах: русский язык в образовательных учреждениях всех типов и уровней как язык обучения: в школах с русским языком обучения, на «русских» отделениях средних специальных и высших учебных заведений, в магистратуре, докторантуре; русский язык в образовательных учреждениях всех типов как предмет изучения: второй (неродной) язык для школ с нерусским языком обучения; для казахских отделений средних специальных, высших учебных заведений; как иностранный для казахов оралманов, живших длительное время в Монголии, Китае и прибывших на историческую родину, а также для граждан зарубежных стран.

Востребованность русского языка в Казахстане разнится по региональному, возрастному признаку. Особую актуальность в последнее десятилетие приобретает востребованность языков по этническому признаку. Так например, на севере и востоке Казахстана процент русскоговорящего населения на порядок выше (более 90%), чем на юге и западе страны (21%) [2, с. 55]. Поколение, рожденное в советское время и получившее тогда образование, преимущественно думает и разговаривает на русском языке, несмотря на национальную принадлежность. В то время, как казахская молодежь в большинстве своем казахоязычна.

В Восточно-Казахстанской области 86,1% казахов владеют двумя языками, тогда как всего 11,8% русских являются

двуязычными. Государственным языком владели около 55,4% всего населения области [2, с. 82]. Данные переписи населения 2009 года свидетельствуют о том, что устную русскую речь понимают 92,1% казахов, свободно пишут и читают на русском 79,1% [4, с. 77]. Для казахского населения Восточно-Казахстанского региона характерна заинтересованность в изучении русского языка. В основном, городские казахи владеют русским языком, сельские казахи разговаривают преимущественно на казахском языке **«Ж. М.: Каков Ваш уровень владения казахским языком? А. С.: Владею я казахским языком на бытовом уровне. Думаю на русском языке. Может быть, если бы жила всю жизнь в какой-нибудь деревне, вроде Аксуата (казахоязычная деревня в 410 км. от г. Семей), то свободно говорила бы на казахском. Но так как я всю жизнь прожила в городе, то мой уровень знаний государственного языка не велик. Знаете, раньше, часто говорили: «Тебя надо в деревню отправить, сразу казахский выучишь», да и сейчас тоже так говорят»** [5].

В настоящее время часть казахской молодежи, думающая и говорящая на русском языке, родным называет казахский язык, хотя, вероятнее, родным в данном случае выступает русский язык. В среде казахской молодежи более четко прослеживается связь (этническая принадлежность + родной язык): **«Ж. М.: По Вашему мнению, насколько сильна связь между национальной идентичностью и родным языком? А. Н.: Молодые люди, не владеющие казахским языком, идентифицируют себя как казахи, они очень часто, когда идет перепись автоматом пишут, я казах, значит я мусульманин, я знаю казахский язык. Это как Ленин, Маркс и Энгельс. Потому что как-то не удобно получается, мусульманин, хотя в мечети никогда и не был, родной язык казахский, а на самом деле, если посмотреть, он никакой и не мусульманин и казахского не знает, это чисто антропологические показатели»** [6].

В одном интервью американского социолингвиста У. Фиермана прозвучали интересные мысли относительно данного вопроса: «Казахи часто говорят мне: «Я не знаю свой родной язык». Обычно это означает, что они не знают казахский. В тех случаях русский – почти всегда их родной язык». Примечательным является и то, что многие казахи в возрасте старше 35 лет, называют родным языком русский: **«Ж. М.: Какой язык Вы считаете свои родным? А. С.: Как ни странно, родным я считаю русский язык, потому что я думаю на русском языке и, если нужно**

что-то сказать на казахском, я сначала сформулирую на русском языке, а потом переведу» [7].

Некоторые казахи Усть-Каменогорска (Восточно-Казахстанская область) признают, что русскоязычная среда для них более комфортна, нежели казахская **«Ж. М.: Какой язык Вы чаще всего употребляете в повседневной жизни? А. С.: Мне, например, комфортнее находиться там, где говорят на русском языке. Я лучше знаю русский язык. В казахской среде я большей частью сижу и молчу, потому что мне нечего сказать» [8].**

Таким образом, мы можем смело сказать, что в Казахстане практически все, независимо от национальной принадлежности, говорят и пишут на русском языке, тогда как на казахском языке говорят, по существу, только казахи, да и то не все [2, с. 82]. В 2010-х годах сфера применения русского языка стала сужаться в связи с ускорением процесса внедрения государственного языка. Однако русский язык продолжает функционировать во всех сферах общественной и государственной жизни. Народы бывшего СССР еще долго будут овладевать мировой гуманитарной и технической культурой через русский язык, и русский язык по-прежнему будет осуществлять связь между странами и народами [1, с. 27].

Концепция языковой политики РК определяет русский язык как источник информации в разных областях науки и техники, как средство коммуникации с ближним и дальним зарубежьем. В условиях глобализации, биполярности современного мира усиливается роль русского языка, коммуникативный рейтинг которого определен его статусом одного из мировых языков.

Литература

1. Дубинская В. К. Кому нужен этот русский? Русский язык в казахстанской школе. 2010. №5. С. 26–28.
2. Итоги переписи населения 1999 года по Восточно-Казахстанской области. Алматы.: Агентство по статистике Восточно-Казахстанской области, 2000. 102 с.
3. Кадыржанов Р. К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. Алматы.: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. 168 с.
4. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник. Астана: Агентство по статистике Республики Казахстан, 2010. 225 с.
5. Полевые материалы автора. А. С. – фармацевт, г. Семей, 36 лет. 03.04.2016.

6. Полевые материалы автора. А. Н. – профессор кафедры истории и права ВКГТУ им.Серикбаева, г.Усть-Каменогорск, 60 лет. 11.07.2016.

7. Полевые материалы автора. А. С. – профессор, заведующая кафедрой истории Казахстана ВКГУ им.Аманжолова, г.Усть-Каменогорск, 53 года. 10.10.2016.

8. Полевые материалы автора Адильбекова А. С. – преподаватель в вузе, г. Усть-Каменогорск, 37 лет. 17.06.2016.

9. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н. А. Назарбаева Народу Казахстана [Электронный ресурс] «Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства». – Астана, 14 декабря 2012. [сайт]. URL: <http://online.zakon.kz/Document/?doc> (дата обращения: 18.01.2017).

10. Словарь социолингвистических терминов. М, 2006. С.265.

11. Maximova S. Noyanzina, O. Interethnic Generalizations and Stereotypes in Mental Representations of Image of 'The Other' in Social Representations of Russian Population [Text] / O. Noyanzina, S. Maximova, N. Goncharova, D. Omelchenko, G. Avdeeva // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Т. 185. – С. 179–184.

THE DEMAND FOR THE RUSSIAN LANGUAGE IN KAZAKHSTAN:
STATUS AND PUBLIC MOOD (ON THE MATERIALS OF FIELD
RESEARCH IN UST-KAMENOGORSK)

Moldagazinova Zh. M. Semey (Kazakhstan)

Abstract: *the article addresses problems of the Russian language functioning in Kazakhstan. Given that the Republic is multinational, the problem of inter-language and inter-cultural communication is always among most relevant, there is a need for the analysis of the State language policy. It is noted that there are four phases in the development of the language policy and their analysis allows to reveal that Russian in Kazakhstan took different places depending on geopolitical, socio-economic and migration-demographic conditions in the country. Empirical base consisted of materials of field research, upon which the attitude of population living in Ust-Kamenogorsk towards the Russian language were based. The high importance of Russian in sociolinguistic space of the region is shown.*

Keywords: *language policy, the status of the Russian language, native language, everyday language, the sphere of language application.*

НЕЛИНЕЙНЫЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТРАНЗИТА¹²

**Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А.,
Барнаул (Россия)**

Аннотация: авторы делают попытку дать определение понятию «транзит», которое не вписывается в традиционное линейное видение процесса миграции как четко структурированного процесса, характеризуемого независимыми фазами убытия, поездки, прибытия и интеграции. Сама по себе миграция как процесс мобильности более чем широко рассмотрена в современной науке, однако такие аспекты, как динамика перемещений из страны исхода в страны назначения, транзит в промежуточные страны, мобильность и циркуляция между разными странами исхода и назначения, возвращение и повторное расселение слабо представлены в современных трудах ученых, очень скудно задокументированы и практически не исследованы в научных работах.

Ключевые слова: транзит, транзитная миграция, миграция, миграционные процессы, мигранты, траектории миграции.

Понятие транзитной миграции обращает нас к определенным формам предположительно временной миграции и к мигрантам, которые находятся в состоянии перемещения из страны в страну как намеренно, так и будучи вынужденными в силу обстоятельств, из-за изменившихся условий жизни, появления новых стимулов или угроз. В более широком смысле транзитная миграция предполагает реальные и воображаемые переезды и путешествия на большие расстояния и длительные периоды времени, которые могут постоянно менять направление и даже могут быть опасными для переезжающего.

С одной стороны, транзитная миграция – это обобщающее понятие, охватывающее различные категории, такие как беженцы и трудовые мигранты и применимое вообще к разным потокам перемещений, как легальной и нелегальной, так и временной

¹² Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России».

миграции. Этот термин описывает не одноразовые перемещения, а те, которые имеют несколько стадий, от вынужденного прерывания путешествий, вынужденной миграции до даже отдельных ее траекторий. Некоторые авторы включают в содержание этого понятия и амбиции, и всего лишь мечты «чужих» в принимающих странах, которые надеются выехать за их пределы.

С другой стороны, понятие транзитной миграции стало неким политическим кодом для нежелательной и часто незаконной иммиграции, что произошло, например, в странах Европейского Союза. Особенно в тех, которые стали транзитными странами и несут ответственность за нежелательную миграцию из бедных отдаленных стран.

В контексте вышесказанного мы можем выделить четыре основных характеристики рассматриваемого типа миграции: длительность, намерение (или установка), законность и идентичность. То есть транзитная миграция может быть как добровольной, так и вынужденной (отметим, что в социологии граница между вынужденной и добровольной миграцией довольно размыта); посещения других стран также могут быть спланированными или вынужденными; время, проведенное в стране между страной исхода и пунктом назначения, может длиться от нескольких дней или месяцев до нескольких лет. Именно это делает сложной задачу проведения четкой границы между временной и постоянной миграцией. Заметим также и то, что транзитная миграция как концепция, обобщающая категории транзита, миграции, временной миграции, вынужденного перемещения, миграционных траекторий, установок, а также сопутствующих психологических тревог, отражает состояние неопределенности, нестабильности и продолжительной мобильности.

В результате меняющихся политических условий, усиления контроля и прочих административных мер, миграционные стратегии также постоянно меняются: в промежуточных пунктах, где усиливается полицейский режим, уменьшаются и сходят на нет миграционные потоки; возникают новые возможности и новые маршруты; на этих маршрутах возникают новые порты назначения и выбытия.

Сама по себе транзитная миграция может быть рассмотрена в качестве разновидности незаконной миграции, своим названием объясняющая суть перемещения, однако, как политики, так и

ученые сохраняют дискуссию в определении данного феномена и управлении им. Первой сложностью управления процессами транзитной миграции является то, что большинство национальных иммиграционных политик происходят в ответ на паттерны традиционной миграции, предполагающие перемещение из одной страны (исходу) в другую (назначения). В терминах традиционного понимания миграции транзит обычно касается транзитных виз или транзитных пассажиров, которые, согласно Глоссарию Международной организации по вопросам миграции [10]: «являются лицами, которые прибывают в государство из другой страны в ходе транзита в другую (транзитную) страну назначения, во время всего периода пребывания (до 24 часов) в государстве они остаются на борту транспорта, на котором они прибыли или в зоне безопасности порта или аэропорта, или содержатся в полицейском учреждении». Транзитная виза: «виза, обычно действующая в течение трех дней или менее, выдается для пересечения границы страны, выдавшей ее, и следования в третью страну».

На сегодняшний день это определение не является общепринятым, но показывает, что в традиционном понимании миграции транзит – это краткосрочное явление, обычно предопределяющее маршрут мигранта или путешественника, не имеющего намерений остаться в стране транзита. В процессе глобальной миграционной динамики транзитная миграция стала более разнообразной и комплексной, она стала предполагать такие явления как экономические и вынужденные мигранты, въезжающие и остающиеся (по желанию или нет, легальные и нелегальные) в стране на разное количество времени и имеющие намерение получить доступ в третью страну. Комплексность этой проблемы послужила причиной изменений в традициях национального и международного миграционного права, возникновения новых правовых документов, таких как закон о беженцах. Как отмечает Legomsky [13], современные беженцы редко способны перемещаться напрямую из страны исхода в желаемую страну, и более вероятно оказываются в состоянии транзита через одну или более стран на разные периоды времени. Поскольку подавляющее большинство беженцев – из стран третьего мира, и недостаток ресурсов является основным препятствием к обеспечению международно приемлемого уровня их защиты. Также, многие страны понимают, что расширение защиты для ищущих убежища в транзите может послужить

существенным выталкивающим фактором для настоящих беженцев, а также экономических мигрантов, пытающихся въехать в страну в качестве беженцев, особенно в коридорах смешанной миграции.

Вместе с тем не существует единого и общепринятого определения транзитной миграции. В работах Papadopolou транзитная миграция описывается как «стадия между эмиграцией и поселением» [15], в отличие, в докладе ассамблеи Межпарламентского союза в Женеве (2005) говорится, что «транзитные мигранты – это... чужие, которые остаются в стране на некоторый период времени и постоянно пытаются переехать в другую страну» [9], а Экономическая комиссия Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) (1993) называет транзитную миграцию «миграцией из одной страны с намерением искать возможности эмиграции в другую страну как страну финального назначения» [19]. В работе Roman предполагается, что мигранты, которые после двенадцатилетнего проживания в стране, переехали на жительство в другую, являются транзитными [17].

Обобщая ряд научных публикаций, можно выделить группы предположений том, что мигранты в состоянии транзита: это мигранты из стран с низкими доходами населения в страны со средними доходами, стремящиеся в высокодоходные страны; это не только мигранты в страны ЕС, которые называются в качестве транзитных, но также и в другие страны, посещаемые мигрантами, для достижения пункта назначения.

В частности, Düvell [6] назвал Россию, как и ряд других нефтедобывающих стран, в качестве резервной транзитной страны или страны возвратной миграции, которая обычно исключается как из списка стран односторонних миграций, так из стран, пресыщенных ей. Далее, в упомянутой ранее работе им была предложена типология транзитной миграции, исходя из того, что в упрощенном виде она предполагает миграцию не прямо из пункта А в пункт Б, но перемещению из страны А через страну В в страну Б.

Однако представленная выше схема транзитной миграции не дает ответов на вопросы о длительности пребывания в транзитной стране В, которую можно трактовать как транзит; а также, после какого времени транзит становится временной иммиграцией; и, что, если иммигранты, не имевшие дальнейших миграционных намерений, передумали и вышли на иные миграционные проекты; что, если мигранты остаются в стране на

значительный период времени, на год или два, и только затем решили переехать в другую страну, – это все еще транзит или просто отдельная траектория?

Другим измерением миграции являются установки мигрантов. Иногда намерение транзита в определенную страну существует изначально, вначале пути, но иногда оно возникает в ответ на неблагоприятные условия в стране пребывания; а попытки транзита присутствуют, но претерпевают неудачу, а, в некоторых случаях, мигранты просто мечтают переехать в другую страну, но ничего для этого не предпринимают. Еще большую неопределённость в понимание транзитной миграции привносит то, что транзитные мигранты могут быть беженцами или экономическими мигрантами, желающими воссоединиться с семьей или получить хорошее образование. Следует учитывать и то, что в транзитной миграции часто наблюдает нелегальный аспект, касающийся как входа в транзитную страну, пребывания в ней, или того и другого. Таким образом, транзитная миграция представляет собой пример смешанной миграции, и ее анализ требует выяснения ее законности (вход, пребывание в стране транзита, выход из страны транзита, вход в следующую страну, и так далее).

İçduygu [8], проводивший исследования в Турции, определял транзит как «мигрантов, которые попали в страну назначения с намерением дальнейшего движения и пребывания в другой стране» и анализировал его в контексте глобализации и взаимоотношений между центром и периферией. Схожим образом описывает транзитную миграцию и Совет Европы по транзитной миграции (2004: «транзитный мигрант, это иностранец в легальной или нелегальной ситуации, который намерен покинуть страну пребывания» [14]. Sorensen [18] объясняет транзитную миграцию как следствие географии и близости региона процветающему Европейскому Союзу. Ивахнюк [11] обращает внимание на такие аспекты транзитной миграции, как недостаток защищенности и неопределенность – например, в результате продления транзита из-за невозможности дальнейшего перемещений или дальнейшего перемещения после неудачного пребывания в стране назначения. В качестве показателей Ивахнюк выделила следующие индивидуальные характеристики транзитных мигрантов: экономические (нелегальный труд), безопасности (усложнения миграции и ее криминализация) и социальные.

Вместе с тем, как подчеркивает Papadopoulou-Kourkoula, в науке на сегодняшний день отсутствует интегративный подход, увязывающий фазу транзита с более широким миграционным процессом. Сама же автор понимает транзитную миграцию как «ситуацию между эмиграцией и расселением, которая характеризует пребывание неопределенного мигранта, легальное или нелегальное, и может развиваться или не развиваться в дальнейшую миграцию в зависимости от ряда структурных и индивидуальных факторов» [16].

Помимо миграционных намерений, выделяется ряд факторов, определяющих индивидуальные миграционные стратегии, среди которых макро-уровневые структуры, такие как политика, социальные сети, и факторы микроуровня. Более того, установки никогда не формируются вне контекста, в котором возникают, они включают и адаптируют реальность, с которой мигранты сталкиваются на своем пути. Установки более расплывчаты, мигрант часто не имеет четкой стратегии или идеи по поводу того, куда он хотел бы переехать.

Отметим, что А. Паподопулу-Куркула вводит в понятие транзитной миграции термин «расселение», который также отличается большой долей неопределенности, поскольку не предполагает определения длительности пребывания, да и сами мигранты сами не знают, сколько они могут пребывать в транзите. Реальность развивается отлично от планов мигрантов, и краткая остановка в конкретной стране может легко превратиться в пятилетнее пребывание на ее территории, также место, которое планировалось в качестве конечной точки маршрута, может стать лишь ступенькой к более длительному перемещению. Схожим образом, пункт необходимой остановки при переезде может стать местом постоянного жительства. В связи с этим не известна не только длительность остановки, но и то, какая стадия миграции происходит в конкретный данный момент, и станет она временной или нет. В этом смысле ранее приводившееся определение транзитной миграции как ситуации, которая «может развиться, а может и не развиться в дальнейшую миграцию», позволяет рассматривать ее не как простой туризм, а как воплощение амбивалентной природы транзитной миграции. В итоге, исследователь (или сам мигрант) может знать, что пребывание было временным только после того, как произошло дальнейшее перемещение.

Понятие транзита не вписывается в традиционное линейное видение процесса миграции как четко структурированного процесса, характеризуемого независимыми фазами убытия, поездки, прибытия и интеграции. Маршрут и длительность перемещения в лучшем случае могут быть спланированными: вне зависимости от фазы миграции, точки маршрута или точки прибытия факт транзита остается неподтвержденным вплоть до его завершения. Заметим, что в данном контексте вопросы интеграции транзитного мигрантов постоянно и неизбежно возникают на каждом этапе его маршрута.

Транзитная миграция – это не категория миграции и не новая область политической деятельности – это одновременно и процесс, и непредвиденные обстоятельства. Фаза транзита затрагивает мигрантов практически всех категорий: ищущих убежища, нелегальных мигрантов, беженцев, получивших убежище, законных мигрантов, студентов, жертв торговли людьми, и так далее. В работах современных авторов рассматриваемый термин используется как в отношении экономических мигрантов, так и беженцев в смешанных потоках, так называемой парадигмы «убежище – миграция».

Итак, резюмируем. Теории миграции в основном опираются на статичную дихотомию категорий и, вследствие, большинство исследований опираются на предположение о том, что миграция прежде всего: одновекторное движение из страны А в страну прибытия Б; направлена в европейские страны (или имеет сильное евроцентричное смещение) [4]; влечет за собой постоянное размещение; с небольшой вероятностью спонтанного возвращения в страну исхода. Согласно этой логике, большинство исследований в сфере миграции сконцентрированы на рассмотрении отдельных фаз миграционного процесса (расселение и интеграция в стране назначения, временные возвращения и циркуляция между страной исхода и назначения, возвратная миграция) или же на влиянии миграции на страны исхода и принимающие страны.

В частности, миграция как процесс мобильности более чем широко рассмотрена в современной науке [18], однако такие аспекты, как динамика перемещений из страны исхода в страны назначения, транзит в промежуточные страны, мобильность и циркуляция между разными странами исхода и назначения, возвращение и повторное расселение слабо представлены в

современных трудах ученых, очень скудно задокументированы и практически не исследованы в научных работах [12, 20].

Более того, доступные данные в отношении миграции недостаточны, плохо сопоставимы и не дают возможности оценки лонгитюдного характера миграции. В частности, одно из самых сильных ограничений исследования мобильности (и ее влияния на развитие соответствующей политики) заключается в том, что статистика позволит изучать исключительно отдельные сегменты миграционных путей индивидов. В этом контексте «методологический национализм» доминирует в качестве «идеологической ориентации в подходах к изучению социальных и исторических процессов, как если бы они происходили исключительно внутри границ отдельных государств-наций» [4]. Такой подход неприемлем в социальной сфере, которая «космополитична» [3] особенно в международной миграции, однако принцип «парадигмы миграции с перманентным расселением» [2] (Agunias, 2006) до сих пор определяет принципы сбора данных, не учитывая множественную, изменяющуюся природу миграции [5]. В результате очевиден недостаток данных о географии мобильности и комплексной взаимозависимости между различными стадиями миграционных траекторий. Необходима разработка интегрирующего всеобъемлющего подхода к пониманию миграционных маршрутов: из домашней страны, через разные стадии, включая транзитные миграции.

Литература

1. Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Суртаева О. В., Горбунова А. А., Морковкина А. Г., Авдеева Г. С. Гражданская и этническая идентичность населения приграничных регионов России: монография. – Барнаул: Изд-во ООО «Типография Триада», 2016. 250 с.
2. Agunias D. From a zero-sum to a win-win scenario? Literature Review on Circular Migration, Migration Policy Institute, 2006.
3. Beck U. La società cosmopolita. Prospettive dell'epoca postnazionale, Il Mulino, Bologna, 2003.
4. Castagnone E. Transit migration: a piece of the complex mobility puzzle. The case of Senegalese migration, Cahiers de l'Urmis [Электронный ресурс], 13 October 2011. URL: <http://urmis.revues.org/927>.
5. De Haas H. International Migration and National Development: Viewpoints and Policy Initiatives in the Countries of Origin; The Case of

Nigeria. In Migration and Development Working Papers Series. 2006. Report No. 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.nl/socgeo/content/migration.html> (Accessed 1 May 2018).

6. Düvell F. *Illegal Immigration in Europe: Beyond Control?* Palgrave Mac Millan, 2006.

7. Farny E.M. The Concept of Transit Migration. Contemporary migratory processes in the Saharan transition zone. An essay submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree Bachelor of Arts in Social and Cultural Anthropology. March 2014. Department of Social and Cultural Anthropology. University of Vienna.

8. İçduygu. Migration, Remittances and their Impact on Economic Development in Turkey, in OECD, Migration, Remittances and Development, OECD Publishing, 2005.

9. Inter-Parliamentary Union. Migration and development. Geneva: IPU.

10. IOM Migration Glossary. IOM: Geneva, 2004.

11. Ivakhniouk I. Analysis of Economic, Social, demographic and Political basis of Transit Migration in Russia – Moscow case // Migration in Transit Countries: Sharing responsibility for management and protection. Istanbul; Strasbourg, 2005.

12. King R. Southern Europe in the changing global map of migration. /In King R. et. al. (editors) *Eldorado or Fortress? Migration in Southern Europe*. Macmillan, 2000. Pp: 3-26.

13. Legomsky S. Secondary Refugee Movements and the Return of Asylum Seekers to Third Countries: The Meaning of Effective Protection, February 2003, PPLA/2003/01. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f4de85d4.htm> (Accessed 1 May 2018).

14. Maximova S. and et al. Civic and ethnic identities in subjective experiences of national integration in the borderland of Russia *Identidades cívicas y étnicas en experiencias subjetivas de integración nacional en la frontera de Rusia* / Svetlana G. Maximova, Oksana Ye. Noyanzina, Daria A. Omelchenko, Anastasiia Morkovkina // *Espacios*, Vol. 38 (Nº49). 2017. P. 27 (<http://www.revistaespacios.com/a17v38n49/17384927.html>)

15. Organized Illegal Immigration into the European Union // *EUROPOL*. 2004. P. 3.

16. Papadopoulou A. Exploring the asylum-migration nexus: a case study of transit migrants in Europe. *Global Migration Perspectives* No. 23. Geneva: Global Commission on International Migration, 2005.

17. Papadopoulou-Kourkoula A. Migration. The Missing Link between Emigration and Settlement Palgrave Macmillan, New York, 2008.
18. Roman H. Transit Migration in Egypt. CARIM research report. Florence: European University Institute, 2006.
19. Schapendonk J. African Migrants Heading North. /In Engel U., Nugent P. (eds.), Respacing Africa, Leiden: Brill, 2010.
20. UN/ECE (1993). International Migration Bulletin, 2005. No 3.
21. Zanfrini L. Sociologia delle migrazioni, Laterza, Roma-Bari, 2004.

NON-LINEAR MIGRATIONS OF POPULATION:
GENERAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF A 'TRANSIT'

Noyanzina O.E., Maximova S.G., Omelchenko D.A., Barnaul (Russia)

Abstract: *authors present definitions of the 'transit', not corresponding to the traditional linear understanding of a migration process as a clearly structured process, characterized by independent phases of the exit, travel, entry, and integration. Migration itself, as a process of mobility is widely studied in contemporary science. However, such aspects as dynamic of movements between entry and exit countries, transit to intermediate countries, mobility and circulation between exit and entry countries, return and re-settlement are weakly presented in contemporary works, poor reflected in documents and almost not studied in science.*

Keywords: *transit, transit migration, migration, migration processes, migrants, trajectories of migration.*

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ МОДЕЛИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Реттих С. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: в XXI веке большинство государств хотя бы в некоторой степени сталкиваются с феноменом культурного многообразия на собственной территории. Торговля, туризм, международный диалог ученых и деятелей искусства, мобильность квалифицированных специалистов и миграционные потоки приводят к тому, что в большинстве стран проживает значительное число людей, принадлежащих к другим культурам. Практически везде можно встретить представителей хотя бы одного культурного меньшинства – временно въехавших в страну иностранцев, например, туристов и/или бизнесменов. В предлагаемой статье представлен опыт реализации мультикультурной интеграционной модели в Алтайском крае.

Ключевые слова: общество, модели интеграции, мультикультурная модель, учреждения культуры, социологический мониторинг состояния межнациональных отношений.

В данной статье представлены ключевые аспекты формирования межкультурной компетентности и толерантности – качеств личности, необходимых для жизни в мультикультурном социуме, проанализирована роль учреждений культуры и институтов образования. Сбор данных проведен в период с октября 2016 по январь 2018 года.

Президент России В. В. Путин, выступая на открытии Санкт-Петербургского международного культурного форума в конце 2017 г., отметил, что культура, искусство, просвещение, межкультурная коммуникация – это ответ на вызовы варварства, нетерпимости, агрессивного радикализма, которые угрожают всей нашей цивилизации. Важным аспектом межкультурной коммуникации является международная и межрегиональная миграция.

Международная и межрегиональная миграция является социальным явлением и развивается под влиянием различных факторов, среди которых можно выделить политические, экономические, демографические, культурные. В XXI рост миграций расширяет этнокультурную мозаику общества, а также повышенное социальное напряжение. Поэтому очень важен накопленный международный опыт продуктивных миграционных

практик социальной адаптации и интеграции мигрантов, в первую очередь для привлечения трудовых мигрантов в Сибирский регион, как источника улучшения социально-демографической ситуации и оптимизации рынка труда.

Приток мигрантов в регионы и крупные города Сибири – характерная черта настоящего времени. В период 2013–2016 гг. ежегодный поток мигрантов в Алтайский край составляет 100–120 тысяч человек. Одна из ключевых задач – это социальная и структурная адаптация в социуме, а для безвозвратных мигрантов – интеграция в принимающий социум. Социологические исследования свидетельствуют о том, что, около 20 % мигрантов приезжают в Россию на срок, не превышающий шесть месяцев, как сезонные трудовые мигранты. В Алтайском крае по официальным данным и отчетам УФМС, около 66% иностранных мигрантов приезжают для того, чтобы найти работу [2]. Более половины мигрантов, согласно российской статистике, рассчитывают на долгосрочное пребывание в стране, и треть из них рассматривает перспективу постоянного местожительства и натурализации (социокультурную интеграцию). В литературе выделяются две модели социокультурной интеграции: ассимиляционную интеграционную модель, мультикультурную интеграционную модель [1].

Цели данных моделей едины – создание интегрированного общества, в котором конфликты на почве иноэтничности и инокультурности отсутствуют или минимальны. Способы достижения целей и принципы конструирования взаимодействия различны, а во многом и противоположны (таблица 1).

Таблица 1

Сравнительные характеристики мультикультурной и ассимиляционных моделей социокультурной интеграции

Мультикультурализм	Ассимиляция
1	2
Интеграция культур на основе плюрализма без их ассимиляции	Исключение плюрализма культур для формирования интегрированного общества
Признание равенства культур, признание их прав на полноценное существование	Признание доминирующего положения одной культуры
Допущение / разрешение множественных этнокультурных идентичностей	Доминирующая культура выступает основой формирования этнически индифферентной гражданской нации

Окончание таблицы 1

<i>1</i>	<i>2</i>
Допущение изменений принимающего общества под воздействием культуры прибывших	Запрет на изменения в обществе под влиянием иммигрантской культуры

Сопоставление этих двух моделей, выявление позитивных или негативных следствий – довольно популярная тема в современной российской литературе начала XXI века [2]. Причем критикуются обе концепции: ассимиляционную модель – за дискриминационное отношение к этническим меньшинствам, мультикультурную – за содействие размыванию национальной идентичности. С другой стороны, мультикультурализм обвиняется в попытках завуалировать социально-политическую дискриминацию и свести проблему к существованию культурных различий. Дефиниции «культура» и «мультикультурализм» предполагают обсуждение иммиграции, не покушаясь на идейные основы национального государства. Мультикультурализм может быть завуалированным средством исключения меньшинств, которые искусственно выделяются из общей дискуссии и допускаются к обсуждению только тех вопросов, которые можно интерпретировать в терминах этнокультурных проблем [3].

В этой связи формирование и развитие таких личностных черт, как открытость по отношению к межкультурным различиям, умение жить среди людей других культур, языков и религий, готовность к диалогу становятся особенно актуальными. В рамках разрабатываемого Федеральным агентством по делам национальностей проекта государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Российской Федерации» одной из приоритетных задач является повышение эффективности вовлечения институтов гражданского общества в сферу реализации государственной национальной политики, развитие и совершенствование системы государственно-общественного партнерства [1].

Формирование межкультурной компетентности и толерантности – качеств личности, необходимых для жизни в мультикультурном социуме, является важной задачей институтов образования. Ведущая роль отводится не только федеральным университетам – как крупным научно-образовательным учреждениям России, но и в целом ступеням непрерывной

системы образования: дошкольного, начального, среднего, профессионального, высшего, дополнительного. В системе высшего образования (на всех его ступенях: бакалавриат, магистратура, аспирантура) применяются различные подходы к развитию толерантности, среди которых включение студентов в практические действия и пробы, организация поликультурных событий, расширение теоретических знаний и горизонтов практического действия по широкому кругу межкультурных аспектов, разработка и внедрение электронных образовательных платформ.

Значительные успехи достигнуты в деле продвижения образовательных и просветительских проектов, так, в ноябре 2017 г. состоялась сессия Генеральной конференции, на которой было принято решение о создании под эгидой ЮНЕСКО Международного центра компетенций в горнотехническом образовании на базе Санкт-Петербургского горного университета. В 2018 г. ведется работа по открытию кафедры ЮНЕСКО «Инновационное образование трансграничного региона» на базе Алтайского государственного университета.

По данным Правительства Алтайского края, численность населения региона составляет 2376,8 тыс. человек (по состоянию на 26.04.2016), представлено более чем 140 народностями, 20 религиозными направлениями. Большинство народов на протяжении многих веков жили в мире и согласии, внося вклад в развитие экономики, культуры, науки, спорта и общественно-политических процессов. В Алтайском крае есть места компактного проживания немцев, украинцев, кумандинцев, мордвы, казахов, татар.

Население региона характеризуется тесным этнокультурным взаимовлиянием, оно поликультурно. Внутри каждого этноса формируются группы с отличительными от общей модели локальными вариантами этнической культуры. При этом этническая традиционная культура представлена не только памятниками народного искусства, но и маркируется в повседневных практиках жизнедеятельности каждого этноса. Ведущую роль в этом процессе играют представители русского народа, составляющие большинство по отношению к представителям всех остальных народов, проживающих на территории Алтайского края.

Опираясь на данные Всероссийской переписи населения 2010 года, можно выделить 17 национальностей, численность

которых в крае превышает 1 тыс. человек, численность первых трех национальностей (русские, немцы, украинцы), превышает 10 тыс. человек. При этом русское население составляет 93,93% населения края, немцы – 2,13%, украинцы – 1,35%. Также к наиболее многочисленным национальностям относятся казахи (0,34%), армяне (0,32%), татары (0,29%), азербайджанцы (0,21%), белорусы (0,19%), цыгане (0,13%) и мордва (0,13%).

Кроме того, в Алтайском крае проживают кумандинцы, относящиеся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (в 2010 году 1401 человек), местами компактного проживания, которых являются Красногорский, Солтонский районы и г. Бийск.

Удельный вес жителей Алтайского края, дающих негативную оценку межнациональным отношениям в своем регионе.

Данные свидетельствуют, что 8 % населения Алтайского края оценивает негативно межнациональные отношения в 2017 году (в 2015 г. – 8,1%). В СФО несколько другие показатели: в 2015 году в Красноярском крае данный показатель составил 25,3%, Кемеровской области – 20,8%, Иркутской и Томской областях – 15,0%, Новосибирской области – 13,8%, Омской области – 7,8%.

Более 9% населения Алтайского края в 2015 году и 7,2% в 2016 году считали, что в населенном пункте, где они проживают, возможны столкновения на национальной почве. В других регионах Сибирского федерального округа этот показатель выше: 28,8% в Красноярском крае, Омской области – 9,3%, Новосибирской области – 13,1%, Кемеровской и Иркутской областях – 22,4%.

Вместе с тем данные социологического мониторинга состояния межнациональных отношений в Алтайском крае свидетельствуют об увеличении доли граждан, указывающих на негативную динамику состояния межнациональных отношений (с 26,9% в 2015 году до 32,9% в 2016 году).

Данные тенденции являются следствием общероссийских проблем, связанных с обострением межэтнических противоречий:

- ослаблением роли традиционных институтов и механизмов социализации;
- повышением внимания средств массовой информации к национальному аспекту деструктивных общественных явлений и процессов; ростом мигрантофобии;
- быстрым изменением устоявшейся на протяжении столетий этнической тесситур;

- усилением роли религиозного фактора миграционных процессов; попытками политизации национального вопроса.

Многообразие национального состава населения Алтайского края, многовековой опыт межкультурного взаимодействия, традиции учета культурного потенциала и интересов всех проживающих на его территории народов, высокий уровень самосознания этнических общностей составляют интеграционный ресурс края, определяют состояние и вектор дальнейшего развития межнациональных отношений. Именно развитие национально-культурных общественных объединений является одним из существенных факторов, позволяющих судить о состоянии и развитии общества, готовности этих объединений стать инструментом реализации национальной политики государства.

По состоянию на 01.08.2016 в регионе функционировала 51 национально-культурная общественная организация. Наиболее представлены в численном выражении общественные объединения немцев (10), кумандинцев (7), казахов (6), татар (4). Зарегистрировано 3 организации, представляющие этнокультурные интересы азербайджанцев, по 2 организации имеют армяне, поляки, белорусы и украинцы. Представлены в общественной сфере Алтайского края и чечено-ингуши, литовцы, евреи, алтайцы, мордва, таджики и киргизы, деятельность 6 объединений имеет межнациональный характер. В крае активно работает три региональных национально-культурных автономии (немцев, казахов и татар) и 14 местных национально-культурных автономий, активно проводятся культурно-массовые мероприятия, объединяющих большое количество участников.

Особенности демографического развития Алтайского края, в частности, структура миграционных потоков определяют ситуацию в сфере межнациональных отношений. По данным управления по вопросам миграции Главного управления МВД РФ по Алтайскому краю, на протяжении последних лет в области международной миграции фиксируется миграционный прирост, большинство которого составили граждане стран СНГ (Казахстан, Украина, Армения, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия). При этом демографическая и миграционная ситуация, сложившаяся в Алтайском крае, как и в России в целом, по-прежнему остается сложной: наблюдается устойчивая тенденция ежегодного сокращения населения, что не может не оказывать деструктивного влияния на состояние межнациональных отношений. Мигранты,

замещающие коренное население, с низким уровнем образования, знания русского языка, общероссийских социально-культурных ценностей и правил общественного поведения порождают мигрантофобию, приводящую к обострению этнического экстремизма, негативным тенденциям в социально-культурной сфере, росту националистических настроений в обществе.

Реализация государственной национальной политики в Российской Федерации требует от органов исполнительной власти соответствия принимаемых решений происходящим процессам в этнокультурной сфере с учетом региональных особенностей. В последнее десятилетие на федеральном уровне ведется работа по созданию новых подходов в данной сфере. Для более тесной координации взаимодействия органов государственной власти и этнокультурных объединений с 2010 года работает Совет по этнокультурному развитию Алтайского края, в составе которого представлены лидеры национальных общественных организаций. В 2015 году данный совещательный орган трансформирован в Совет по вопросам реализации государственной национальной политики Алтайского края, конкретизированы его задачи.

Перечисленные выше аспекты предполагают трансформацию в сфере государственной национальной политики, обуславливают необходимость систематизации работы, усиления коммуникационных связей между общественными институтами, в частности национально-культурными, религиозными и иными общественными объединениями.

Эффективность применяемых механизмов реализации государственной национальной политики представляется недостаточной и требует принятия конкретных системных мер, соответствующих целевым индикаторов и показателей, что возможно на основе применения программно-целевого метода. Отсутствие подобного программного документа влечет усиление таких угроз, как:

- несогласованность действий органов исполнительной власти края в сфере государственной национальной политики, в области образования, культурной политики, миграционной и молодежной политики, в сфере патриотического воспитания и других;

- слабая координация действий органов исполнительной власти края и институтов гражданского общества по достижению гармоничных межнациональных отношений, укреплению гражданского единства;

- усиление негативного влияния общемировых и общероссийских процессов на состояние межнациональных отношений в крае;

- сохранение неудовлетворенности отдельных этнических групп населения обеспечением их потребностей в изучении национального языка и культуры, традиционного образа жизни;

- принижение защитных мер в отношении достижений поликультурного уклада жизни в регионе и сформированных ценностей общероссийской гражданской идентичности;

- усиление тенденций политизации религиозного и этнического факторов;

- рост проявлений интолерантного поведения и усиление соответствующих межгрупповых установок среди населения Алтайского края.

Сегодня Россия, на территории которой насчитываются 29 культурных и природных объектов всемирного наследия, входит в первую десятку государств мира по этому показателю. На повестке дня – обеспечение их сохранности при самой тесной координации между всеми профильными ведомствами и регионами.

Необходимо задействовать потенциал ЮНЕСКО для продвижения гуманитарного сотрудничества на обширном евразийском пространстве, поддержки Евразийского культурного центра в Москве, Международного центра эпоса народов Евразии в Якутске, Археологического центра в Хакасии, Евразийского гуманитарного форума, посвященный вопросам профессионального образования.

Реализация государственной программы позволит сформировать комплексную систему мониторинга состояния межнациональных отношений в Алтайском крае, эффективные механизмы взаимодействия органов исполнительной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества, научных, образовательных и иных организаций в области реализации государственной национальной политики, систему межведомственного и межсекторного взаимодействия в решении вопросов государственной национальной политики. Кроме того, содействовать формированию в общественном сознании значимости культуры межнационального общения и в конечном итоге повышению ценности единства российской нации и укреплению общероссийской гражданской идентичности.

Литература

1. Ляушева С. А., Хот З. З. К вопросу о социокультурной интеграции мигрантов. Майкоп, 2017.

2. Реттих С. В. Показатели оценки качества инновационной деятельности профессионального образовательного учреждения // В сборнике: Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования Сборник научных статей международной конференции. Ответственный редактор Е. Д. Родионов. 2017. С. 1901–1906.

3. Реттих С. В. Направления совершенствования разработки инновационных комбинированных туров в Алтайском крае // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования Сборник научных статей международной конференции. Ответственный редактор Е. Д. Родионов. 2017. С. 2403–2406.

4. Реттих С. В. Инновационные формы образовательных объединений Евразийского пространства // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2017. №5–2. С. 113–121.

5. Реттих С. В. Перспективы развития MASSIVE OPEN ONLINE COURSES – массовых открытых онлайн-курсов в Алтайском крае // Алтай – Азия 2016: Евразийское образовательное пространство - новые вызовы и лучшие практики. Сборник материалов III международного образовательного форума. 2016. С. 223–226.

EXPERIENCE OF IMPLEMENTATION OF THE MULTICULTURAL INTEGRATION MODEL IN THE ALTAI TERRITORY

Rettich S. V., Barnaul (Russia)

Abstract: *in the 21st century, most states are at least somewhat confronted with the phenomenon of cultural diversity in their own territory. Trade, tourism, the international dialogue of scientists and artists, the mobility of skilled professionals and migration flows lead to the fact that most countries have a large number of people belonging to other cultures. Almost everywhere you can meet representatives of at least one cultural minority – foreigners temporarily entering the country, for example, tourists and / or businessmen. The proposed article presents the experience of implementing a multicultural integration model in the Altai Territory.*

Keywords: *society, integration models, a multicultural model, cultural institutions, sociological monitoring of interethnic relations.*

**Черепанова М. И., Горбунова А. А., Глухверова Д. А.,
Сарыглар С. А., Барнаул (Россия)**

Аннотация: транзитная миграция является сегодня неотъемлемым явлением социальной реальности. Сопровождается многочисленными тенденциями, которые в целом обуславливают национальную безопасность регионов и стран во всем мире. Социологическое осмысление данного феномена требует разработки эффективных теоретических моделей его анализа. Модель транзитной миграции включает, помимо глобальных, объективных тенденций и факторов, действующих повсеместно в мире, также субъективные механизмы, такие как изменяющиеся потребности социальных акторов, трансформацию их интересов и стремлений и пр. Современные социологические подходы позволяют рассмотреть миграцию в новом фокусе, ориентируясь не только на локальные компоненты передвижений мигрантов, но так же на динамику трансформации их статусов, ценностей, и других важных компонентов, определяющих в целом ее последствия. Анализ миграции в контексте представленных в статье микрофакторов, позволяет адекватно отразить объективные и субъективные составляющие прогнозов стратегии социальной безопасности в целом.

Ключевые слова: транзитная миграция, этническая миграция, социальная безопасность, территориальная мобильность.

Модель транзитной миграции включает помимо глобальных, объективных тенденций и факторов, действующих повсеместно в мире, также субъективные механизмы, такие как изменяющиеся потребности социальных акторов, трансформация их интересов и стремлений и пр. Система формирования миграционных установок, таким образом, связана не только с внешними обстоятельствами, но и определяется поведенческими и эмоциональными особенностями самого индивида [1].

¹³ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проектная часть государственного задания «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция» №28.2757.2017/4.6 (2017–2019).

Например, решающими для транзитной миграции являются такие микрофакторы, как готовность к территориальной мобильности, адаптация к условиям существования в принимающей стране, изменение социального статуса и пр.

Немаловажным компонентом миграционного поведения, являются социальные и коммуникативные практики отдающего и принимающего населения. По мнению Н. Лумана, воспроизводственным механизмом любой социальной системы, являются коммуникации. «Социальные системы воспроизводят аутопойетические отношения коммуникации, которые отделяются от внешней среды», – пишет он [4].

В контексте миграционных процессов, система данного явления – это воспроизводство законных коммуникативных актов [3]. При этом уровень эффективности данной системы может развивать или тормозить целостную инфраструктуру, определяя вектор функционирования социального института миграции.

Этнокультурная специфика мигрирующего населения, в частности, определяет базовые установки использования сетевого или группового ресурса. Все это влияет на готовность к территориальным перемещениям, определение потенциальных возможностей адаптации к новым социокультурным условиям жизни и пр.

Этническая принадлежность – один из мощных микрофакторов транзитной миграции, так как она определяет выбор поведенческих стратегий (коллективные или личные), формирует специфические этнокультурные барьеры мигрантов и транзитного сообщества [2].

Этнический аспект миграции включает анализ этнической самоидентификации, этнического самосознания, национальных отношений, особенностей взаимодействия народов. Указанный концепт системно проанализирован в работах С. М. Арутюняна.

Транзитная миграция в российском обществе всегда тождественна этнической миграции, следовательно, этничность определяет качественные и количественные характеристики межнациональных дистанций транзитного и принимающего социума. Особые характеристики мигрирующего этноса определяют, кроме того, его экономическое поведение, трудовую адаптацию, актуализируют определенные социальные риски и требуют соответствующих управленческих решений по укреплению социальной безопасности.

Этнические сети воспроизводят способы жизнедеятельности в принимающем сообществе, формируют позитивное или негативное миграционное поведение. Таким образом, уникальное сочетание объективных макрофакторов миграции в совокупности с микрофакторами миграционного поведения, формирует в широком смысле два типа поведения: адаптация или дезадаптация, правовая, социальная, экономическая маргинализация. Таким образом актуализируются конфронтационные стратегии поведения.

Вместе с тем, среди позитивных последствий миграционных перемещений можно отметить получение новых, недоступных ранее для населения благ, рост личной безопасности, взаимное социокультурное обогащение от интеграции с местным населением и пр. Вероятность каждого из этих сценариев определяется характером взаимообусловленности объективных характеристик, а также субъективных ценностей и мотивацией выбора определенной адаптационной стратегии в новых социокультурных условиях.

Представим базовые характеристики пространственной мобильности населения, которые определяют специфику миграционных процессов в целом.

Пространственная мобильность населения может быть дифференцирована по таким переменным как цель миграции, профессиональный статус, специфика социальных акторов, участвующих в миграции, их численность, отношения между ними, политический характер, правовой статус мигрантов, культурная дистанция и исторический характер. Например, категория «цель миграции» будет связана с мотивами, характером вынужденности или добровольности, будет определять тип занятости и экономического поведения мигрантов. Таким образом, выделяется рекреационная, деловая, трудовая, образовательная или вынужденная (бегство из страны) миграция.

Среди значимых характеристик социальных акторов миграции выделяются пол, возраст и этническая принадлежность.

Профессиональный статус мигрантов включает уровень образования, специфику профессиональной деятельности, уровень квалификации, характеризую в целом перемещения неквалифицированных, низко-, средне- и высококвалифицированных мигрантов.

Миграционные тенденции определяются не только характером состава мигрантов, но также и особенностями их взаимодействия.

Например, специфична теснота взаимоотношений приезжего населения, слабость или сила их связей, структура взаимоотношений, формирующая в целом социальный капитал мигрантов. В частности, выделяют «первопроходцев», а также «строителей мостов», которые стимулируют значимость миграционных сетей.

Такой индикатор пространственной мобильности населения как численность характеризует структурную вовлеченность в миграционный процесс: одиночная, семейная, групповая или массовая миграция.

Заканчивая обзор микрофакторов транзитной миграции, необходимо заметить, что в контексте разнообразных целей исследований анализ данных показателей может выступать в роли своеобразных когнитивных «линз». То есть, феномен транзитной миграции может быть исследован как специфическая социальная система, включающая подсистемы объективных и субъективных когнитивных составляющих. Следовательно, модель транзитной миграции может быть отнесена к социокогнитивным системам.

Литература

1. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Многообразие этнической идентичности в современном обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. вып. 7/под ред. Е. А. Попова. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 118–124.
2. Черепанова М. И. Этнокультурные процессы и этническая политика в омской области// Инновационное развитие: ключевые проблемы и решения Сборник статей Международной научно-практической конференции. М., 2015. С. 208–212.
3. Черепанова М. И. Иммиграция в приграничные районы России: между вероятностью преодоления демографического вызова и сохранением социальной безопасности //Nova infa №41–2. 2016. [Электронный ресурс]. Загл. с экрана. – URL: <http://novainfo.ru/article/4462> (дата обращения: 09.12.17).
4. Luhmann N. Soziologie des Risk. Berlin: New York: Walter de Gruyter, 1991. 252 p.
5. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D. and Morkovkina A. Civic and Ethnic Identity of Citizens of Russian Border Regions // Global Media Journal, том 14, № 27:53

6. Ноянзина О.Е., Максимова С.Г. Транзит в структуре миграционных обменов регионов России со странами СНГ (опыт статистического анализа) // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. №2. С. 169-186.

MICRO FACTORS OF TRANSIT MIGRATION

**Cherepanova M.I., Gorbunova A.A., Nevaeva D. A., Sariglar S. A.,
Barnaul (Russia)**

Abstract: *transit migration is the integral phenomenon of social reality today. Is followed by numerous tendencies which in general cause national security of regions and countries around the world. Sociological understanding of this phenomenon requires the development of effective theoretical models for its analysis. The model of transit migration includes, in addition to global, objective trends and factors that are prevalent throughout the world, also subjective mechanisms, such as the changing needs of social actors, the transformation of their interests and aspirations, etc. Modern sociological approaches allow us to consider migration in a new focus, focusing not only on the local components of migrants' movements, but also on the dynamics of the transformation of their statuses, values, and other important components that determine its consequences as a whole. The analysis of migration in the context of the micro factors presented in the article makes it possible to adequately reflect the objective and subjective components of the forecasts of the social security strategy as a whole.*

Keywords: *transit migration, ethnic migration, social security, territorial mobility.*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ КАК СПОСОБ ИХ ИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕСТВО

Чуканова Т. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: *социокультурная реабилитация детей с ограниченными возможностями представляет собой сложный, многоаспектный процесс, имеющий особенности в условиях учреждения интернатного типа. Наряду с использованием традиционных методов в работе с такими детьми, актуально изучение возможностей использования компьютерных технологий. Применение инновационных технологий в воспитательно-образовательном процессе способствует достижению максимально возможного уровня самостоятельного участия в социокультурной жизни.*

Ключевые слова: *социокультурная реабилитация, дети с ограниченными возможностями, учреждения интернатного типа, компьютерные технологии, дети с нарушением функций опорно-двигательного аппарата.*

Большую роль в становлении личности и успешной интеграции в социум ребенка с ограниченными возможностями играет его ближайшее окружение, семья. Дети, лишенные заботы близких людей, получают ее, находясь в учреждениях интернатного типа. До недавнего времени наибольшую помощь оказывали тем детям с ограниченными возможностями, которые оказались в домах-интернатах. Эта традиционная форма медико-социальной помощи детям с ограниченными возможностями, помимо положительных, имеет и отрицательные стороны, например монотонный образ жизни, дефицит общения и другие. Эти обстоятельства делают учреждения интернатного типа малопривлекательными.

В этой связи возрастает роль социального работника в реабилитации детей с ограниченными возможностями. Его деятельность носит многоаспектный характер, который предлагает не только разносторонне образование, осведомленность в законодательстве, но и наличие соответствующих личностных особенностей, позволяющих ребенку с ограниченными возможностями доверительно относиться к этой категории работников.

Деятельность социального работника определяется характером патологии у ребенка с ограниченными

возможностями и соотносится с его реабилитационным потенциалом. Прежде всего, степень социально-психологической реабилитации детей с ограниченными возможностями в значительной мере определяется отношением к своей болезни, ребенок может нейтрально к ней относиться, или отрицать ее, либо просто «уйти от болезни». Последний вариант выражается в появлении отгороженности, подавленности, отсутствии каких-либо интересов. В этом случае важна роль социального работника как психотерапевта, который использует различные методы отвлечения ребенка от пессимистического отношения к болезни [1, с. 156].

Ориентация на социокультурную реабилитацию включает меры, направленные на выработку у ребенка с ограниченными возможностями навыков самообслуживания, самостоятельной – насколько позволяет дефект – организации собственной жизненной среды. А понятие «социокультурная реабилитация» следует определять как комплекс мероприятий и процесс, которые имеют цель помочь ребенку с ограниченными возможностями достигать и поддерживать оптимальную степень участия в социальных взаимосвязях, необходимый уровень культурной компетенции и реализации культурных интересов и запросов, что обеспечивает ему средства для позитивных изменений в образе жизни и наиболее полную интеграцию в общество за счет расширения рамок его независимости [5, с. 34].

В реабилитационной работе необходимо выделить две сферы влияния: на первичный дефект и вторичные отклонения. Последние требуют в свою очередь сложного подхода в зависимости от индивидуального проявления их в психике ребенка с ограниченными возможностями [4, с. 233]. Организуются группы предназначенные для слабо адаптированных детей с ограниченными возможностями и ориентированные на то, чтобы в привлекательной форме побуждать их к активному использованию, развитию тех навыков, которые были приобретены в ходе реабилитации. Для этого используются игровые методы, арттерапия с обязательной ориентацией на максимально возможную приближенность к реальным условиям.

Об окончании этой стадии можно судить по той степени свободы, с которой дети с ограниченными возможностями используют полученные знания и навыки в узких пределах игр и художественной самостоятельности. В случае адекватного владения ими, следует переходить к следующей стадии – обучающей. На этой стадии происходит целенаправленное

распространение приобретенного практического опыта на другие области образа жизни [3, с. 154].

Большое значение для приобретения детьми с ограниченными возможностями независимости имеют их взаимоотношения с социальными работниками, которые осуществляют трудную реабилитацию. Осмысленное, личностью ориентированное, взаимодействие определяет особую роль реабилитации, создающей условия для активного приобретения знаний и навыков, раскрывающих способности и возможности реабилитанта, активизации и стимуляции участия в личностно полезной социокультурной деятельности [3, с. 158].

Одним из важнейших положений социокультурной реабилитации ребенка с ограниченными возможностями является ориентация на независимый образ жизни. Основным системообразующим фактором при этом становится понятие социальной независимости, которое подразумевает достижение им максимально возможного уровня самостоятельного участия в социокультурной жизни [5, с. 23].

Все усилия родителей и социальных работников, направленные на интеграцию детей с ограниченными возможностями, могут оказаться малоперспективными или вовсе безуспешными в случае обособления таких детей, ограничения круга их общения, достигая такой значимой цели посредством примитивных методов. Сама жизнь в современном обществе побуждает к внедрению в процесс воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями инновационных технологий. В первую очередь речь идет о компьютеризации воспитательно-образовательного процесса.

Социальная работа с детьми с ограниченными возможностями возможна с использованием компьютерных технологий, поскольку они учат детей грамотно пользоваться новыми орудиями деятельности, выполняют роль многофункционального тренажера. Применение компьютерных технологий в системе специального образования, осуществляется с целью формирования, воспитания личности ребенка и облегчает интеграцию детей с ограниченными возможностями в общество.

На сегодняшний день исследователи приходят к заключению, что применение компьютерных технологий в социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями способствует формированию их самостоятельной инициативы, дает им возможность интегрироваться в общество и достигнуть

социальной полноценности [2, с. 47]. Кроме того, некоторая обезличенность в общении ребенка с ограниченными возможностями с компьютером способствует формированию доверия собеседнику, а компьютерные упражнения позволяют ему моделировать различные ситуации общения, осуществить которые в реальной жизни для ребенка с ограниченными возможностями является довольно затруднительным.

Для изучения особенностей личности детей с ограниченными возможностями, студентка 4 курса, группы 1022 Лопухова А. В. приняла участие в разработке программы освоения элементарных навыков работы с персональным компьютером для детей с нарушением функций опорно-двигательного аппарата. В исследовании приняли участие 10 детей в возрасте от 8 до 11 лет с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Исследование проводилось в ходе занятий с детьми КГБОУ «Завьяловская общеобразовательной школа-интернат».

Основные задачи исследования заключались в определении уровня тревожности детей с ДЦП; изучении развития коммуникативных склонностей детей с ДЦП; анализе уровня самооценки детей с ДЦП. Для определения уровня тревожности детей с ограниченными возможностями была использована методика Спилбергера, в русскоязычном варианте адаптированная Ю. Л. Ханиным. Для изучения самооценки детей с ДЦП использовали тест «Самооценка». Для исследования сформированности коммуникативных навыков детей с ДЦП была использована методика КОС (коммуникативные и организаторские способности) Синявского В. В. и Федоришина Б. А.

Исследовав уровень тревожности детей с ДЦП, получили, что у 20% детей с ограниченными возможностями низкий уровень тревожности, у 30% – средний уровень тревожности, у 50% – высокий уровень тревожности.

Изучив уровень самооценки у детей с ограниченными возможностями, получили, что у 30% детей с ДЦП неадекватно низкая самооценка, у 20% – уровень самооценки ниже среднего, у 10% – уровень самооценки выше среднего, у 30% – высокий уровень самооценки, у 10% – неадекватно высокий уровень самооценки.

Диагностика уровня коммуникативных способностей детей с ограниченными возможностями показала, что у 60% – низкий уровень коммуникативных способностей, у 30% – уровень развития коммуникативных способностей ниже среднего, у 10% – средний уровень развития коммуникативных способностей. Таким образом,

результаты диагностики подтвердили наличие особенностей личности детей с ограниченными возможностями (повышенная тревожность, неадекватная самооценка, неразвитые коммуникативные способности), которые осложняют процесс адаптации и социализации детей в обществе и актуализируют разработку программы с использованием компьютерных технологий, реализация которой способствует созданию благоприятных условий для интеграции детей с ограниченными возможностями в общество.

Программа включала в себя следующие разделы: принципы построения; задачи; кадровое обеспечение; задачи специалистов (социального работника, психолога); содержание программы; ожидаемые результаты.

В группе занимались 10 детей в возрасте от 8 до 11 лет с нарушением опорно-двигательного аппарата, занятия проводились с апреля по май, 4 раза в неделю, занятие длилось от 1 часа до 2 часов. На заключительном этапе реабилитационной деятельности была проведена повторная диагностика с использованием тех же методик, что и в начале исследования.

Анализ результатов повторной диагностики показал положительные изменения в личности детей с ДЦП: уровень тревожности снизился: у 50% – низкий уровень тревожности, у 50% – средняя тревожность. Детей с высоким уровнем тревожности не выявлено. Повторная диагностика уровня самооценки показала, что у 10% детей с ДЦП уровень самооценки ниже среднего, у 40% – средний уровень самооценки, у 20% – выше среднего, у 30% – высокий уровень самооценки. Детей с неадекватным уровнем самооценки не выявлено. Диагностика уровня коммуникативных способностей показала, что у 60% – средний уровень развития коммуникативных способностей, у 40% – уровень развития коммуникативных способностей выше среднего. Полученные результаты позволяют сделать вывод об эффективности программы освоения элементарных навыков работы с персональным компьютером для детей с нарушением функций опорно-двигательного аппарата.

Социокультурная реабилитация детей с ограниченными возможностями в условиях интернатного типа – ответственная задача и самый сложный процесс. Такие дети находятся в особом положении и нуждаются в специальных услугах, включая медицинские, психологические, социальные, образовательные. Сама жизнь поставила специалистов перед проблемой внедрения компьютерной техники в систему образования здоровых детей и

работу с детьми с ограниченными возможностями, что становится катализатором развития ребенка в целом и становления личности детей с ограниченными возможностями, в частности, способствуя процессу социализации и интеграции в общество на уровне максимально возможном с учетом особенностей проявления заболевания. Такой подход гарантирует адекватную социальную реабилитацию детей с ограниченными возможностями, их интеграцию в обычную социокультурную жизнь, расширение области самостоятельности в отношениях с окружением.

Литература

1. Зиневич-Евстигнеева, Т. Д., Нискевич Л. А. Как помочь особому ребенку. СПб.: Питер, 2001. 322 с.
2. Кукушкина О. И. Организация использования компьютерной техники в специальной школе // Дефектология. 1994. №6. С.59–62.
3. Маллер А. Р. Социальное воспитание детей с отклонениями в развитии. М.: Владос, 2000. 216 с.
4. Психология детей с нарушениями и отклонениями психического развития. СПб.: Питер, 2001. 446 с.
5. Социокультурная реабилитация инвалидов: метод. Рекомендации / М-во труда и социального развития РФ; Рос. Ин-т культурологи М-ва культуры РФ; под общ. ред. В. И. Ломакина и др. М., 2002. 144 с.

SOCIO-CULTURAL REHABILITATION OF CHILDREN WITH LIMITED OPPORTUNITIES AS THE METHOD OF THEIR INTEGRATION INTO SOCIETY

Chukanova T. V., Barnaul (Russia)

Abstract: *sociocultural rehabilitation of children with disabilities is a complex, multifaceted process that has features in the setting of a residential type. Along with the use of traditional methods in working with such children, it is important to study the possibilities of using computer technology. The use of innovative technologies in the educational and educational process contributes to the achievement of the highest possible level of independent participation in sociocultural life.*

Keywords: *socio-cultural rehabilitation, children with disabilities, residential institutions, computer technologies, children with impaired functions of the musculoskeletal system.*

ОЦЕНКА ЖИТЕЛЯМИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СВОЕЙ ГРАМОТНОСТИ В ОБЛАСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹⁴

Шахова Е. В., г. Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье говорится об актуальности изучения русского языка – государственного языка Российской Федерации, о внимании со стороны нашего многонационального государства к проблемам его сохранения и развития, проводимых проектах, программах, мероприятиях, акциях, направленных на его поддержку. Приводятся результаты социологического исследования на тему развития и продвижения русского языка в Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу ответов на вопросы, связанные с грамотностью населения, со способностью замечать и видеть ошибки и нарушения в письме и речи других. Проводится сравнительный анализ ответов по регионам, а также в зависимости от возраста респондентов. Названы основные нарушения правил русского языка, которые раздражают его носителей. Выделяются характеристики и особенности русского языка.

Ключевые слова: русский язык, государственный язык, многонациональное государство, грамотность.

Российская Федерация – многонациональное государство. При условии многонациональности нашей страны, залог ее успешного развития заключается в межкультурном и межэтническом взаимодействии всех этносов. Немаловажную роль при этом играет язык. Согласно федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» государственный язык РФ является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве [1].

Согласно Конституции, государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык [2].

¹⁴ Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России» (2018–2019 гг.).

Сохранению и развитию русского языка в нашей стране уделяется большое внимание. Так, указом Президента РФ от 09.06.2014 № 409 был создан Совет при Президенте Российской Федерации по русскому языку, образованный в целях совершенствования государственной политики в области развития, защиты и поддержки русского языка, обеспечения прав граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации.

В нашей стране реализуются различные программы, проекты, проходят интересные мероприятия в рамках укрепления позиций русского языка, среди которых можно назвать «День русского языка», «День славянской письменности и культуры», международный конкурс «Магистры русского языка» и др. Особое внимание хочется уделить ежегодной образовательной акции «Тотальный диктант». Цель акции – показать, что быть грамотным – важно для каждого человека; убедить, что заниматься русским языком нелегко, но увлекательно и полезно; объединить всех, кто умеет или хочет писать и говорить по-русски [3]. Сегодня тотальный диктант превратился в масштабное всемирное событие. В 2018 году в нем приняли участие 76 стран, 1021 город, 3243 площадки, 227325 участников. Кроме того, во многих регионах проходят ежегодные традиционные занятия по подготовке к диктанту, что положительно сказывается на уровне грамотности их участников.

Таким образом, изучение позиций русского языка в нашей стране сегодня достаточно актуально. В связи с этим нами было проведено анкетирование на тему развития и продвижения русского языка в Российской Федерации. Респондентами выступали жители 31 региона нашей страны.

Особое внимание в данном исследовании уделяется вопросам, связанным с грамотностью носителей языка. Так, большинство респондентов считают, что они пишут по-русски грамотно, почти без ошибок (74,3%). Согласно таблицам сопряженности и статистическим критериям проверки значимости различий (хи-квадрат Пирсона) результаты ответов на данный вопрос в зависимости от региона имеют значимые различия ($p < 0,001$). Так, почти все жители Карачаево-Черкесской республики (94,5%) считают, что пишут грамотно, почти без ошибок. Высокий этот показатель и в Ростовской области (89,0%), республике Крым (88,0%) и Алтайском крае (87,0%). Наименьшее количество считающих себя грамотными выявлено в Еврейской автономной

области (55,8%), Кемеровской области (54,4%) и Кабардино-Балкарской республике (51,0%) (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Вы можете сказать о себе, что пишете по-русски грамотно, почти без ошибок?» в зависимости от региона, %

Регион	Могу	Не могу	Другое
По всем регионам	74,3	25,5	0,2
<i>Карачаево-Черкесская Республика</i>	94,5	5,5	0,0
<i>Ростовская область</i>	89,0	11,0	0,0
<i>Республика Крым</i>	88,0	12,0	0,0
<i>Алтайский край</i>	87,0	11,8	1,2
Новосибирская область	84,5	15,5	0,0
Ставропольский край	84,2	15,8	0,0
Республика Дагестан	83,1	16,9	0,0
Краснодарский край	81,3	18,7	0,0
Республика Алтай	79,6	20,4	0,0
Волгоградская область	79,0	21,0	0,0
Республика Мордовия	78,0	22,0	0,0
Забайкальский край	77,0	23,0	0,0
Республика Бурятия	75,5	24,5	0,0
Томская область	75,5	24,5	0,0
Республика Северная Осетия	75,1	24,9	0,0
Омская область	73,9	25,7	0,5
Ярославская область	73,6	26,4	0,0
Нижегородская область	72,7	27,3	0,0
Мурманская область	71,9	28,1	0,0
Чеченская Республика	71,5	28,5	0,0
Чувашская Республика	69,7	30,3	0,0
Амурская область	69,1	30,9	0,0
Курганская область	65,8	34,2	0,0
Оренбургская область	61,0	39,0	0,0
Республика Адыгея	59,7	40,3	0,0
Республика Тыва (Тува)	56,5	43,5	0,0
<i>Еврейская автономная область</i>	55,8	44,2	0,0
<i>Кемеровская область</i>	54,4	45,6	0,0
<i>Кабардино-Балкарская Республика</i>	51,0	49,0	0,0

Существуют различия в ответах на данный вопрос в зависимости от возраста респондентов. Таблицы сопряженности и статистические критерии проверки значимости различий (хи-квадрат Пирсона) указывают на значимые различия ($p < 0,001$). Согласно полученным данным, чем старше возраст респондентов, тем реже они считают, что пишут по-русски грамотно, почти без ошибок (до 15 лет – 91,7%, 16–29 лет – 77,6%, 30–49 лет – 72,9%, 50 лет и старше – 70,4%). Небольшая часть респондентов выбрали вариант ответа «другое» (таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Вы можете сказать о себе, что пишете по-русски грамотно, почти без ошибок?» в зависимости от возраста респондента, %

Возраст	до 15 лет	16–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
Могу	91,7	77,6	72,9	70,4
Не могу	8,3	22,3	26,8	29,5
Другое	0,0	0,1	0,3	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечательно, что большая часть опрошенных (55,8%) часто замечают нарушения, ошибки в речи, письме окружающих, 7,4% замечают их, но достаточно редко, 36,8 % никогда не обращают на это внимание. Также как и в предыдущем вопросе, мы использовали таблицы сопряженности и статистические критерии проверки значимости различий (хи-квадрат Пирсона), которые указывают на значимость в ответах на данный вопрос по регионам ($p < 0,001$). Таблицы сопряженности показали, что наибольшее количество жителей часто замечают нарушения и ошибки в письме и речи окружающих в таких регионах как Алтайский край (80,9%), республика Крым (78,0%) и Новосибирская область (71,8%). Никогда не замечают ошибок большинство жителей Ростовской области (61,7%), Еврейской автономной области (53,0%) и Кемеровской области (49,5%) (таблица 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Бывает ли так, что вы замечаете нарушения, ошибки в речи, письме окружающих? Если да, то как часто?» в зависимости от региона, %

Регион	Часто	Никогда	Редко
По всем регионам	55,8	36,8	7,4
<i>Алтайский край</i>	<i>80,9</i>	13,9	5,2
<i>Республика Крым</i>	<i>78,0</i>	22,0	0,0
<i>Новосибирская область</i>	<i>71,8</i>	25,4	2,8
Республика Бурятия	66,3	30,9	2,8
Карачаево-Черкесская Республика	65,5	34,5	0,0
Краснодарский край	65,0	31,0	4,0
Томская область	63,7	31,9	4,4
Республика Дагестан	63,2	35,8	1,0
Республика Северная Осетия	61,0	31,4	7,6
Волгоградская область	60,5	33,7	5,9
Ставропольский край	60,4	35,1	4,5
Мурманская область	60,3	32,7	7,0
Омская область	59,4	34,6	6,0
Нижегородская область	59,2	36,4	4,4
Республика Тыва (Тува)	58,2	39,3	2,5
Чувашская Республика	56,6	41,9	1,5
Забайкальский край	54,8	37,7	7,5
Республика Мордовия	54,0	40,5	5,5
Республика Алтай	51,2	42,8	6,0
Чеченская Республика	50,3	36,7	13,1
Кабардино-Балкарская Республика	47,5	49,0	3,5
Курганская область	43,6	49,0	7,4
Республика Адыгея	43,0	47,0	10,0
Ярославская область	42,3	46,3	11,4
Амурская область	41,2	44,1	14,7
<i>Кемеровская область</i>	40,7	<i>49,5</i>	9,8
<i>Еврейская автономная область</i>	29,0	<i>53,0</i>	18,0
<i>Ростовская область</i>	26,4	<i>61,7</i>	11,9
Оренбургская область	24,5	44,5	31,0

Больше всего носителей русского языка раздражают следующие нарушения правил:

- матерные слова, выражения, жаргонные слова, сленг (14,9%);
- орфографические ошибки, неправильное правописание (13,9%);

- неправильная постановка ударения (12,8%);
- бедный словарный запас, неумение излагать свои мысли (11,7%);
- злоупотребление иностранными словами, замена русских слов иностранными (9,6%);
- просторечные формы, искаженные, исковерканные слова, слова-паразиты (9,6%);
- акцент, говор, неправильное произношение (8,7%);
- неправильное словоупотребление (8,6%);
- пунктуационные ошибки, неправильный синтаксис (6,0%);
- ничего не раздражает (4,1%).

Так или иначе, русский язык обладает своими характеристиками и особенностями. Респонденты называют такие, как:

- русский язык – государственный язык (24,5%);
- русский язык – это, прежде всего, язык мировой художественной культуры – литературы, живописи, театра, балета и т.д. (20,2%);
- русский язык – один из важных факторов, объединяющий многонациональный российский народ (20,0%);
- русский язык – один из наиболее востребованных языков, объединяющих русскоговорящих людей во всем мире (17,4%);
- русский язык – один из ведущих мировых языков, официальный язык международных организаций, встреч на высоком уровне (8,7%);
- русский язык занимает лидирующие позиции на международном рынке образовательных услуг и позволяет получить высшее профессиональное образование на уровне мировых стандартов (6,3%);
- русский язык – язык науки и технических достижений (2,9%).

Данное распределение ответов подчеркивает престижность и высокий статус нашего языка в оценках жителей Российской Федерации. Тем не менее, существует ряд проблем, связанных с развитием русского языка. В связи с этим необходимо продолжать проводить исследования на данную тему, а также реализовывать различные меры по эффективной поддержке русского языка в регионах Российской Федерации.

Литература

1. О государственном языке Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 01.06.2005 №53-ФЗ

(ред. от 05.05.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.:Юридлит., 2009. С. 27.

3. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Черепанова М.И., Кайзер Н.Ю. Анализ риск-аспектов социального поведения населения Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. 2011. №2-2 (70). С. 231–235.

4. О проекте «Тотальный диктант» [Электронный ресурс]: URL: <https://totaldict.ru/about/> (дата обращения 15.05.2018).

5. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Morkovkina A. Civic and ethnic identities in subjective experiences of national integration in the borderland of Russia Identidades cívicas y étnicas en experiencias subjetivas de integración nacional en la frontera de Rusia // Espacios, Vol. 38 (Nº49). 2017. P. 27

EVALUATION BY THE RESIDENTS OF THE REGIONS
OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR ITS LITERACY IN THE FIELD
OF THE RUSSIAN LANGUAGE
(ON THE RESULTS OF THE SOCIAL RESEARCH)

Shakhova E. V., Barnaul (Russia)

Abstract: *the article discusses the relevance of studying the Russian language – the state language of the Russian Federation, the attention of our multinational state to the problems of its preservation and development, the ongoing projects, programs, activities, actions aimed at supporting it. The results of a sociological study on the development and advancement of the Russian language in the Russian Federation are presented. Particular attention is paid to the analysis of answers to questions related to literacy of the population, with the ability to notice and see mistakes and violations in the writing and speech of others. A comparative analysis of the answers by regions is carried out, and also depending on the age of the respondents. Named the main violations of the rules of the Russian language, which irritate its carriers. Characteristics and features of the Russian language are distinguished.*

Keywords: *the Russian language, state language, multinational state, literacy.*

РАЗДЕЛ 3. МОЛОДЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

СПЕЦИФИКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ¹⁵

Алехина А. Ю., Барнаул (Россия)

Аннотация: *в современном мире проблема межнациональных отношений стоит очень остро. На фоне межэтнических конфликтов во многих странах совершаются террористические акты. Россия не является исключением. Особенностью Российской Федерации является то, что наше государство является одним из крупнейших полиэтнических государств мира, на ее территории проживает более 190 народов, и такое многообразие этносов, неизбежно приводит к конфликтам. Поэтому изучение межнациональных отношений в Алтайском крае является одним из важных условий для решения проблем межэтнического расслоения и национальной нетерпимости.*

Ключевые слова: *межнациональные отношения, местное население, восприятие других, межнациональный конфликт, гармонизация межнациональных отношений.*

Алтайский край – многонациональный регион, в нем проживает население, сложное по этническому составу. В крае насчитывается более чем 140 народностей и 20 религиозных направлений, имеются места компактного проживания немцев, украинцев, кумандинцев, мордвы, казахов, татар [6]. Так как Алтайский край является приграничным регионом, здесь проходят мощные миграционные потоки. Население региона характеризуется тесным взаимодействием различных этносов и культур.

Как справедливо отмечает А.Г. Здравомыслов, в любом национально-этническом сообществе со сложной внутренней структурой и перспективами перераспределения «групп влияния»

¹⁵ Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России».

будет возникать этническая напряженность с тенденцией перерастания ее межнациональный конфликт [1]. Поэтому, чтобы не возникали этнические конфликты, необходимо изучать состояния межэтнических отношений и на ранних стадиях выявлять конфликтные ситуации.

В настоящее время существует целый ряд федеральных нормативных правовых документов, которые регулируют деятельность органов государственной власти в сфере межэтнических отношений. Наиболее значимыми среди них являются: «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» [2-4]. Данные документы содержат ряд важных направлений, которые учитывают узловые проблемы современного российского общества. В Алтайском крае также принят ряд нормативных документов, координирующих действия органов государственной власти по реализации вышеуказанных федеральных документов. Распоряжением Администрации Алтайского края от 19 декабря 2013 г. №478-р утвержден региональный план мероприятий по реализации в Алтайском крае в 2013–2015 гг. Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. [5].

С 2010 г. в регионе функционирует Совет по этнокультурному развитию Алтайского края. Ежегодно составляется план этнокультурных мероприятий, направленных на формирования межэтнического взаимодействия, консолидацию представителей национальных диаспор региона и знакомство населения с национальными традициями и культурой народов Алтайского края, проводятся различные фестивали, такие как День России на Бирюзовой Катуне, праздники Курбан-Байрам, Навруз, и многие другие.

На кафедре психологии коммуникаций и психотехнологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул) под руководством доктора социологических наук С.Г. Максимовой в 2017 г. было проведено исследование на тему: «Транзитная миграция. Безопасность и евразийская интеграция». С целью оценки состояния межэтнических отношений в регионе были опрошены 1200 жителей Алтайского края. Исследование проводилось с помощью анкетного опроса среди представителей разных этнических, половозрастных и социально-профессиональных групп.

Оценка межэтнических отношений, полученная в результате анализа данных опроса населения, позволила заключить, что более половины респондентов отмечают стабильность в межэтнических отношениях (52,0%), достаточно большая часть респондентов указывают на их ухудшение (42,6%), и 5,4% респондентов считают положительными тенденции в данной сфере.

Также респондентам был задан вопрос: «Если у Вас вызывают раздражение, неприязнь представители некоторых наций и народов, с чем это в большей степени связано?». Исходя из этих ответов можно сделать вывод о том, что неприязнь в отношении лиц другой национальности в большинстве случаев объясняется их нежеланием соблюдать обычаи и нормы поведения, принятые в России (45,2%), опасением терроризма, угроза которого ассоциируется с представителями определенных народов (29,6%), а также антипатией к внешности и манерам поведения лиц другой национальности (14,3%).

Также, был рассмотрен вопрос об отношении местного населения к совместному обучению детей с детьми мигрантов. Несмотря на то, что более половины опрошенных (51,6%) не видят ничего плохого в совместном обучении детей, считают, что это дает возможность межнационального общения, достаточно большая часть респондентов (40,0%) считают проблемой совместное обучение своих детей и детей мигрантов, 8,4% – относятся негативно, желая, чтобы их дети, учились только с представителями своей национальности. Таким образом, результаты исследования общественного мнения свидетельствуют о существовании определенных стереотипов в массовом сознании и необходимости дальнейшей реализации мер, направленных на формирование и распространение в обществе идей толерантности и установление межкультурного диалога.

Литература

1. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1999.

2. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. №52. Ст. 7477.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г №718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное

развитие народов России (2014-2020 годы)» // СЗ РФ. 2013. №35. Ст. 4509

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. №1226-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2013-2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. – 2013. – №30. – Ст. 4141.

5. Распоряжение Администрации Алтайского края от 19 декабря 2013 г. №478-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в Алтайском крае в 2013-2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края. URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/0aa/478r_13.pdf (дата обращения: 1.05.2018).

6. Постановление Администрации Алтайского края от 25 ноября 2013 г. №613 «О внесении изменений в Постановление от 20 апреля 2010 года №159 Администрации Алтайского края «О совете по этнокультурному развитию» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края. URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/59e/613_13.PDF (дата обращения: 1.05.2018).

7. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Morkovkina A. Civic and ethnic identities in subjective experiences of national integration in the borderland of Russia Identidades cívicas y étnicas en experiencias subjetivas de integración nacional en la frontera de Rusia // *Espacios*, Vol. 38 (№49). 2017. P. 27

THE SPECIFICITY OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE ALTAI REGION

Alekhina A. Y., Barnaul (Russia)

Abstract: *in contemporary world the problem of inter-ethnic relations is very acute. In many countries terrorist acts are committed because of inter-ethnic conflicts. Russia is no exception. The peculiarity of the Russian Federation is that our state is one of the largest polyethnic states of the world, its territory inhabited by more than 190 peoples, so this diversity of ethnic groups can lead to conflicts. Therefore, the study of interethnic relations in the Altai territory is one of the important conditions for the solution of problems of inter-ethnic stratification, ethnic intolerance and intransigence.*

Keywords: *inter-ethnic relations, local population, perception of others, ethnic conflict, harmonization of inter-ethnic relations.*

АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ МИГРАНТОВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ¹⁶

Васильев А. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: процессы миграции являются неотъемлемой частью жизни современного общества. Миграционные потоки протекают как внутри региона, страны, так и на территории других государств. При перемещении людей на территорию другого государства особенно важен процесс их адаптации к новым условиям, от которого зависят их положение в новом обществе и успешность взаимодействия с местным населением. От степени интеграции и адаптации в новых реалиях мигрантами зависит и благополучие общества реципиента, социальная мобильность иностранных граждан. В данной статье Алтайский край рассматривается в контексте транзитной миграции. Статья раскрывает как отношение жителей Алтайского края к мигрантам, так и то, как мигранты адаптируются к жизни в России.

Ключевые слова: миграция, миграционный процесс, адаптация, мигрант, местное население.

Миграция граждан иных государств в Российскую Федерацию и, в частности, в Алтайский край, влечет за собой ряд возможных социальных конфликтов между различными этносами и социальными группами. В этой связи являются значимыми степень интеграции и адаптации мигрантов в социум принимающего государства, степени комплементарности отношений и близости ценностных ориентаций самых крупных этносов региона, функциональном содержании ценностно-мировоззренческих противоречий и низкой степени вероятности эскалации межэтнической напряженности [1].

Алексеев А.А. в статье «Поведенческие стратегии социальной адаптации беженцев и вынужденных переселенцев» указывает на то, что традиционно применявшаяся этатистски ориентированная стратегия социальной адаптации устарела [3].

¹⁶ Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России».

Автор делает вывод о том, что требуется выработка новой – гуманистической стратегии адаптации, которая будет лично-центрирована.

В результате анализа эмпирической базы были сделаны следующие выводы. Корреляционный анализ степени адаптации беженцев и вынужденных переселенцев показал, что наиболее успешно адаптируются беженцы и внешние переселенцы с достаточно высоким уровнем материального достатка до переезда, ориентированные на достижение жизненного успеха, смотрящие на процесс адаптации с надеждой и оптимизмом. Степень адаптации практически не зависит от населенного пункта прежнего проживания, возрастом, уровнем образования.

Из результатов иерархического кластерного анализа определена типология адаптационного поведения беженцев и вынужденных переселенцев: кластер «консерваторы» (добровольное, пассивное, регрессивное адаптационное поведение), кластер «активисты» (добровольное, активное, прогрессивное адаптационное поведение) и кластер «максималисты» (вынужденное, активное, прогрессивное адаптационное поведение) [3].

Данные Федеральной службы государственной статистики показывают, что в Алтайском крае наблюдаются потери населения. Так, в 2016 году край покинули 82241 человек. В то же время прибыло 75769 мигрантов, из которых, граждан России из других регионов въехало 66011 человек, из дальних зарубежных стран – 9578 переселенцев, 22483 – прибыло из стран ближнего зарубежья.

Из чего следует, что миграционный баланс составил –6472 человека. Прирост же за счет населения из граждан иных государств составил 1480 человек [2]. Приведенные данные важны для понимания миграционных потоков и значимости количества мигрантов из зарубежья.

Для анализа взаимодействия местных жителей и мигрантов на кафедре психологии коммуникаций и психотехнологии Алтайского государственного университета в 2017 г. было проведено исследование (руководитель – доктор социологических наук С.Г. Максимова). Был проведен опрос мигрантов, при использовании метода интервью. Респондентами выступили 10 человек. Так же был проведен анкетный опрос местных жителей, было опрошено 40 человек.

Исходя из анализа проведенных опросов можно сделать следующие выводы. Всем мигрантам (100% опрошенных), при переезде помогали родственники или друзья. У 60% мигрантов возникали проблемы с миграционными службами на разных уровнях и стадиях взаимодействия. Пятая часть мигрантов испытывают негативное отношение к себе со стороны местных жителей (20%).

В свою очередь, местные жители (68% опрошенных) положительно или дружелюбно относятся к мигрантам. В наибольшей мере (45%) респонденты склонны считать, что мигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» рабочие места у местных жителей. В то же время местные жители считают, что привлечение иностранных специалистов негативно влияет на экономику. При этом, в мигрантах не видят опасности терроризма (73%).

Данные исследования говорят о скорее положительном отношении местных жителей к мигрантам, которые опасаются их в рамках экономической конкуренции. Мигранты же в основном полагаются на родственников и друзей при переезде.

Литература

1. Аксютин Ю.М. Этнокультурная комплементарность и ценностные ориентации жителей регионов России: имперскость, советскость, современность / Ю.М. Аксютин // *European Social Science Journal*. 2014. № 3-2 (42). С. 333–338.
2. Миграция населения Алтайского края. [Электронный ресурс] URL: Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 04.05.2018).
3. Максимова С.Г., Старчикова М.В. Методологические подходы к изучению социального механизма формирования адаптивных стратегий лиц старших возрастных групп в рамках становления новой геронтологической реальности // *Известия Алтайского государственного университета*. 2009. №2 (62). С. 150-154.
4. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Morkovkina A. Civic and ethnic identities in subjective experiences of national integration in the borderland of Russia / *Identidades cívicas y étnicas en experiencias subjetivas de integración nacional en la frontera de Rusia* // *Espacios*, Vol. 38 (№49). 2017. P. 27

5. Поведенческие стратегии социальной адаптации беженцев и вынужденных переселенцев. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedencheskie-strategii-sotsialnoy-adaptatsii-bezhentsev-i-vynuzhdennyh-pereselentsev> (дата обращения: 04.05.2018).

6. Markovkina S.G. Some features of elderly adaptation // Социологические исследования. 1997. №12. С. 48–50.

ADAPTATION STRATEGIES OF MIGRANTS IN TO ALTAI TERRITORY

Vasyliiev A. A., Barnaul (Russia)

Abstract: *migration processes are an integral part of the life of modern society. Migration flows run both within the region, the country, and into the territory of other states. When people are transferred to the territory of another state, the process of their adaptation to new conditions is especially important. On this depends their position in the new society and the success of interaction with the local population. On the degree of integration and adaptation in new realities, migrants depend on the welfare of the recipient society, social mobility of foreign citizens. In this article, the Altai Territory is considered in the context of transit migration. The article reveals how the attitude of residents of the Altai Territory to migrants, and how migrants adapt to life in Russia.*

Key words: *migration, migration process, adaptation, migrant, local population.*

ГЕНЕРАЛИЗОВАННОЕ И ПАРТИКУЛЯРНОЕ ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ¹⁷

Воеводина З. Э., Барнаул (Россия)

Аннотация: в результате сложившегося современного российского жизненного уклада наблюдается некоторая разочарованность в государстве, в высших органах управления, к тому же ситуация обостряется за счет недоверяющих друг к другу, за счет эгоистического мышления и превосходства единоличных ценностей. Формирование генерализованного и партикулярного доверия в таких реалиях является важным аспектом, ведь именно на основании этих двух форм доверия зиждется сущность благополучной жизни общества. На основании этого можно построить более высокий уровень жизни, эффективные политические и гражданские институты и, как следствие, увеличить уровень толерантности и субъективного благополучия. В связи с этим выявлены различные подходы к определениям генерализованного и партикулярного доверия, социальной активности населения и их взаимосвязи.

Ключевые слова: социология, социология управления, генерализованное доверие, партикулярное доверие, социальная активность, формирование социальной активности населения.

Доверие в обществе порождает совместные усилия, т.е. является средством кооперации. В связи с этим взаимоотношения доверия индивида и группы становятся более устойчивыми, а его включение в общность – более полным.

Для полноценного развития социальной структуры общества, в том числе властных структур, огромной помехой является неспособность членов общества переступать через свои непосредственные интересы и действовать вместе ради общего блага. Преградой для такого развития служит недостаточное доверие как на специфическом уровне, так и на обобщенном.

Нужно исходить из того, что построение общего блага строится на партикулярном доверии, впоследствии на его основе

¹⁷ Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ №17-33-00049 Институциональное и межличностное доверие как социальный капитал развития гражданского общества в современной России (2017–2019 гг.).

строится генерализованное (обобщенное) доверие и, уже исходя из этих двух форм доверия, обосновывается социальная активность, она является следствием взаимодействия этих двух форм.

Соответственно, вероятность сотрудничества выше там, где больше доверия. Эта мысль является, пожалуй, основным постулатом теории социального капитала. Доверие в обществе служит индикатором его социального здоровья. Так, его наличие определяет объем и качество коллективных действий в обществе, уровень социальной сплоченности. По мнению некоторых исследователей, в частности Р. Патнэма, Ф. Фукуямы, Б. Ротштейна, агентами общественного доверия выступают качество государственных институтов и стабильность правовой системы, которые своей беспристрастностью обеспечивают экономическую стабильность государства и равенство всех членов общества перед законом. Наличие в странах высокого уровня доверия между членами общества, а также к государственным институтам во многом объясняет отсутствие в них коррупции и наличие высокого уровня жизни [4].

Партикулярное доверие характеризует отношения одного индивида к другому, с которым первый ощущает сходство. Зачастую это является фактором построения социальных групп [5]. Все группы имеют определенный радиус доверия, где все для всех участников группы действуют совместные нормы. Нужно отметить, что партикулярное доверие остается позитивным лишь в том случае, если не теряет связи с нормами обобщенного доверия. Партикулярное доверие в закрытой его форме, то есть не выходящее за рамки одной социальной группы или членов этой группы, может сказаться на внешнем обобщенном доверии, стать преградой для совместных усилий разных групп общества для его развития.

Очевидно, что для создания социально активного общества необходима арена совместных действий. Где государственная власть сосредоточена не только на своих интересах, где присутствует управление не ради управления и получения экономической выгоды, а заинтересовано и поддерживает инициативы по созданию различных неправительственных объединений для совместного решения с населением важных социально-экономических вопросов [3].

И если партикулярное доверие намного проще выстроить, то с обобщенным, генерализованным (социальным) доверием складывается немного иная ситуация.

Если партикулярное доверие возникает на основе межличностных взаимодействий, так сказать лицом-к-лицу, то обобщенное доверие можно назвать индикатором всей культуры доверия. Особое значение в данной цепочке отводится культуре доверия в обществе, а именно тому, насколько люди склонны рассматривать окружающих как заслуживающих доверия. Генерализованное доверие является макроуровнем доверия и побуждает человека к более позитивному мышлению. Обобщенное доверие также трактуется как мировоззренческая установка, отражающая позитивный взгляд на мир, а, потому, связанная с такими социально-психологическими характеристиками индивида, как чувство оптимизма, удовлетворенность жизнью.

Зачастую люди с более позитивным мышлением более открыты миру, обществу, в связи с этим у них появляется интерес к жизни общества в целом, появляется активная гражданская позиция, заинтересованность в диалоге между властью и государством, таким образом выражая свою социальную активность и социальную позицию. Социальная активность может реализоваться в мировоззрении и деятельности субъекта, то есть эти категории соотносятся как целое к части, а сама социальная активность определяется как «социально-психологическая, ценностная, профессиональная установка субъекта, реализуемая в его деятельности» [2].

Безусловно, общий уровень и конкретные проявления социальной активности в обществе определяются как внешними, так и внутренними факторами, а потому почти одинаково важны общая социальная ситуация, государственная политика, объективные институциональные возможности реализации социальной активности, свобода самовыражения, жизненная позиция личности, ее социальный статус, вовлеченность в различные группы, спектр личных интересов, доминирующие мотивы и т.д. В процессе осуществления социально активной деятельности для личности важно скорее не удовлетворение социальных потребностей, а осуществление действий, приводящих к социальным изменениям, которые обеспечат формирование благоприятных условий для реализации определенных групповых и личных интересов [1. С. 56].

Другими словами, социальная активность осуществляется на двухуровневой основе: социальная активность верхов власти направлена на укрепление достигнутого ими и предотвращение изменений в устоявшейся иерархии. Социальная активность граждан осуществляется на микроуровне и может носить как поддерживающий, так и протестный характер относительно сложившегося в обществе положения дел. И, чтобы социальная активность граждан проявлялась в большей степени в одобрительном характере дел, стоит осуществлять макроуровневые улучшения в отношении доверия.

Литература

1. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Мураткызы А. Доверие как социальный капитал развития гражданского общества в Алтайском крае // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2018. Вып. 10. С. 42–49.
2. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е. Генерализованное (обобщенное) доверие в российских приграничных регионах как показатель социальной безопасности // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. №2. С. 11–28.
3. Потапова С. А. Социальная активность студенческой молодежи современного молодого города (на материалах Нижнекамска). СПб., 2005.
4. Страдзе А. Э. Социальная активность в российском обществе: структурно-деятельностное измерение. Ростов-на-Дону, 2013.
5. Федотов Л. Н. Деформация социального капитала как фактор возникновения коррупции [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2012. №3 URL: http://www.zpujournal.ru/zpu/contents/2012/3/Fedotov_Deformation-Social-Capital-Factor-Corruption-Genesis/17_2012_3.pdf (дата обращения: 23.05.2018)
6. Democracies in Flux: the Evolution of Social Capital in Contemporary Society (2002) / Ed. by R. D. Putnam. Oxford; N. Y.: Oxford University Press.
7. Rothstein, B., Uslaner, E. (2005) All for All: Equality and Social Trust [Электронный ресурс] // The Minda de Gunzburg Center for European Studies.URL:<http://www.ces.fas.harvard.edu/publications/docs/pdfs/RothsteinUslaner.pdf> (дата обращения: 23.05.2018).

GENERALIZED AND PARTICULAR TRUST AS A FACTOR FOR FORMING OF THE SOCIAL ACTIVITY OF THE POPULATION

Voevodina Z. E., Barnaul (Russia)

Abstract: *as a result of the current Russian lifestyle, there is some disappointment in the state, in the organs of higher government, and the situation is aggravated also due to distrust towards each other due to selfish thinking and superiority of individual values. The formation of generalized and particular trust in such realities is an important aspect. It is on the basis of these two forms of trust that the essence of a prosperous society is based. Based on this, it is possible to build a higher standard of living, effective political and civic institutions and, as a result, increase the level of tolerance and subjective well-being. In this regard, the reason for considering various approaches to the definitions of generalized and particular trust, as well as the definition of social activity of the population and their interrelations, has been revealed.*

Keywords: *sociology, sociology of management, generalized trust, particular trust, social activity, the formation of social activity of the population.*

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ДАТСКИХ СКАЗОК

Казачек А. С., Барнаул (Россия)

Аннотация: под этнической идентичностью понимается представление о себе, формирующееся у человека при осознании им собственной причастности к определенной социальной группе, т.е. в процессе социализации. Речь в этом случае идет о принадлежности к национально-этнической общности. Такое осознание происходит не само собой, а бывает привязано к окружающей действительности. Поэтому в случаях взросления и социализации человека в этнически смешанной среде обретение идентичности часто затруднено или дифференцировано, то есть не имеет четкой привязки к одной единственной национальности или культуре. В данной работе будет описано исследование, направленное на изучение образа представителей других национальностей, формируемого посредством визуального восприятия датских сказок.

Ключевые слова: социализация, этническая идентичность, сказочные образы, психосемантическое пространство, ценности.

Специфика сказки в том, что она – продукт творчества определенного народа и содержит в себе сюжеты, образы, ситуации, специфичные для определения этноса [5, с. 592]. Это находит отражение в именах действующих лиц, названиях животных и растений, особенностях места действия. Эти элементы могут переходить из сказки в сказку, от сказателя к сказателю, от этноса к этносу.

Сказка выполняет функцию социализации, т.е. приобщения новых поколений к общечеловеческому и этническому опыту. Сказочные образы дают определенные сведения об окружающем мире, формируют первые ступени этнической идентичности [4, с. 66–83].

Целью данного исследования является анализ формирования этнической идентичности через датские сказки.

Описание выборки: в исследовании формирования этнической идентичности через датские сказки приняли участие студенты Алтайского государственного университета факультета социологии в возрасте от 18 до 30 лет (n = 41).

Научная новизна. На основе полученных данных о влиянии сказок разных народов на формирование этнической идентичности можно сделать вывод о характеристиках той или иной нации и выработать методику формирования определенных качеств у человека посредством сказок [3].

Описание методики исследования. Для формирования образа представителей других национальностей, формируемого посредством визуального восприятия, мною были выбраны скандинавские (датские) сказки. Было отобрано 10 датских сказок для изучения следующих ценностей: глупость, доброта, дружба, зло, любовь, мудрость, помощь другим, смелость, хитрость, целеустремленность.

Сказки: «Новое платье короля», «Гадкий утенок», «Снежная королева», «Волк», «Стойкий оловянный солдатик», «Бабушка», «Дюймовочка», «Дикие лебеди», «Маленький Клаус и Большой Клаус», «Что всего дороже».

Далее был выполнен отбор 120 картинок (по 12 картинок на каждую ценность) для экспертного опроса.

Был проведен экспертный опрос и ранжирование (из 12 картинок на каждую ценность эксперты выбирали по 3 картинки, которые на их взгляд наиболее отражали представленную ценность и ранжировали их в соответствии с выраженностью ценности).

Далее были отобраны наиболее часто повторяющиеся картинки (по 1 картинке на каждую ценность), с которыми проводился ассоциативный эксперимент (на каждую картинку эксперты писали по 3–4 ассоциации).

Из полученных ассоциаций были сформированы дескрипторы для дальнейшего исследования по трем группам:

- когнитивные (глупость-мудрость, добро-зло, искренность-фальшь, доверие-недоверие, внимательность-невнимательность);

- эмоциональные (дерзость-уважение, беспокойство-спокойствие, отчаяние-надежда, симпатия-антипатия, любовь-ненависть, радость-грусть, страх-отвага, понимание-непонимание, уверенность-сомнение);

- поведенческие (забота-небрежность, замкнутость-открытость, смелость-трусость, отзывчивость-равнодушие, жалость-безжалостность, нежность-грубость, милосердие-жестокость).

Из дескрипторов были сформированы шкалы с положительным отрицательным полюсами.

Для того чтобы разделить респондентов на две группы, были добавлены шесть ценностей по Д. А. Леонтьеву (респонденты с выраженными ценностями и невыраженными ценностями): жизнерадостность, честность, наличие друзей, ответственность, жизненная мудрость, творчество.

При проведении опроса респондентам предлагалось оценить 10 отобранных ранее картинок по 21 сформированной шкале на основе дескрипторов, а также оценить выраженность у себя отобранных ценностей.

Методами анализа являлись дисперсионный анализ и факторный анализ, а также построение психосемантического пространства [2, с. 55–64].

Дескрипторы: уверенность – сомнение, глупость – мудрость, смелость – трусость, милосердие – жестокость, добро – зло, искренность – фальш, забота – небрежность, отзывчивость – равнодушие, жалость – безжалостность, страх – отвага, недоверие – доверие, дерзость – уважение, беспокойство – спокойствие, отчаяние – надежда, симпатия – антипатия, нежность – грубость, любовь – ненависть, радость – грусть, замкнутость – открытость, внимательность – невнимательность, понимание – непонимание.

Результаты исследования. По итогам факторного анализа было построено психосемантическое пространство, отражающее связи картинок и описывающих их шкал-дескрипторов. Выявлено, что отобранные сказки в процессе формирования этнической идентичности личности закладывают следующие качества (таблица 1).

Таблица 1

Результаты психосемантического исследования

Сказка	Качества для группы респондентов с высокими оценками по шкале «жизненная мудрость»	Качества для группы респондентов с низкими оценками по шкале «жизненная мудрость»
1	2	3
Бабушка	Жалость, доверие	Доверие, спокойствие, уважение, надежда и в незначительной степени отвага
Волк	Изображение малоинформативное	Изображение малоинформативное

Окончание таблицы 1

1	2	3
Гадкий утёнок	Антипатия, жестокость, добро и, в незначительной степени, небрежность, равнодушие, грубость	Изображение малоинформативное
Дикие лебеди	Изображение малоинформативное	Изображение малоинформативное
Дюймовочка	Внимательность	Доверие, спокойствие, уважение, надежда и в незначительной степени отвага
Маленький Клаус и Большой Клаус	Изображение малоинформативное	Недоверие
Новое платье короля	Изображение малоинформативное	Радость и, в незначительной степени, милосердие
Снежная королева	Мудрость, доверие, дерзость, беспокойство, надежность	Безжалостность
Стойкий оловянный солдатик	Жалость, радость, понимание	Изображение малоинформативное
Что всего дороже	Любовь	Добро, уверенность, забота, любовь, отзывчивость

В ходе проведения исследования были реализованы следующие задачи: проведен теоретический анализ понятия и основных элементов этнической идентичности; проанализированы основные подходы к изучению этнической идентичности и роли сказок в ее формировании; разработана и применена методика психосемантического анализа этнической идентичности на примере датских сказок; построены психосемантические пространства этнической идентичности [1, с. 13–22].

По результатам построения психосемантических пространств мы пришли к выводу о том, что качества, которые актуализирует та или иная сказка, направлены на воспитание гармоничной и самостоятельной личности, активно взаимодействующей с

другими людьми. В большей степени датские сказки транслируют такие качества, как дружба и целеустремленность.

С точки зрения формирования этнической идентичности важны следующие личностные качества, проявляющиеся в характерах персонажей датских сказок и наиболее ярко воспринимаемых респондентами с различной степенью выраженности ценности «жизненная мудрость»:

«Волк»: злость, грубость, небрежность, фальшь, ненависть, равнодушие, грусть, недоверие, жестокость;

«Новое платье короля»: добро, нежность, забота, фальшь, любовь, отзывчивость, радость, недоверие, милосердие;

«Снежная королева»: внимание, понимание, безжалостность;

«Стойкий оловянный солдатик»: уважение, надежда, симпатия;

«Что всего дороже»: беспокойство и отвага.

Люди с выраженной ценностью «жизненная мудрость» особенно отмечают следующие сказки:

«Бабушка»: жалость и доверие;

«Гадкий утёнок»: антипатия, жестокость, доброта и в незначительной степени небрежность, равнодушие, грубость;

«Дюймовочка»: внимательность;

«Снежная королева»: мудрость, доверие, дерзость, беспокойство и надежность;

«Стойкий оловянный солдатик»: жалость, радость и понимание;

«Что всего дороже» для формирования такой характеристики, как любовь.

Люди с невыраженной ценностью «жизненная мудрость» чаще отмечают следующие сказки:

«Бабушка»: доверие, спокойствие, уважение, надежда и в незначительной степени отвага;

«Маленький Клаус и Большой Клаус»: недоверие;

«Новое платье короля»: радость и в незначительной степени милосердие;

«Снежная королева»: безжалостность;

«Дюймовочка»: доверие, спокойствие, уважение, надежда и в незначительной степени отвага;

«Что всего дороже»: добро, уверенность, забота, любовь, отзывчивость.

Литература

1. Александренко Э. Г. «Этническое самосознание» и «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. №3. С. 13–22.
2. Баранова Т. С. Психосемантические методы в социологии // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 1994. № 3–4. С. 55–64.
3. Лазарян С. С. Структура и критерии формирования этнической идентичности личности // ЧиО. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-kriterii-formirovaniya-etnicheskoj-identichnosti-lichnosti> (дата обращения: 01.05.2018).
4. Почебут Л. Г. Этнические факторы развития личности / Л. Г. Почебут // Введение в этническую психологию / Под ред. Ю. П. Платонова. – СПб.: Речь, 1995. С. 66–83.
5. Эриксон Э. Детство и идентичность. 2-е изд., перераб. и доп./ Пер. с англ. СПб.: Ленато. АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
6. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Morkovkina A. Civic and ethnic identities in subjective experiences of national integration in the borderland of Russia Identidades cívicas y étnicas en experiencias subjetivas de integración nacional en la frontera de Rusia / // Espacios, Vol. 38 (Nº 49). 2017. P. 27

PSYCHOSEMANANTIC ANALYSIS OF THE FORMATION OF ETHNIC IDENTITY ON THE EXAMPLE OF DANISH FAIRYTALES

Kazachek A. S., Barnaul (Russia)

Abstract: *ethnic identity is understood as a self-image formed by a person when he/she realizes his/her own involvement in a particular social group, i. e. in the process of socialization. Speech in this case is about belonging to a national-ethnic community. This awareness does not happen by itself but can be tied to the surrounding reality. Therefore, in cases of growing up and socialization of a person in an ethnically mixed environment, finding an identity is often difficult or differentiated, that is, it does not have a clear link to a single nationality or culture. In this paper, we will describe a study aimed at studying the image of representatives of other nationalities, formed through the visual perception of Danish fairytales.*

Key words: *socialization, ethnic identity, fairy-tale images, psychosemantic space, values of religious tales.*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ДЕТЕЙ С ТЯЖЕЛЫМИ И МНОЖЕСТВЕННЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКИХ ДОМОВ ИНТЕРНАТОВ ДЛЯ УМСТВЕННО-ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Кирпу С. С., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье анализируются международные, федеральные нормативно-правовые акты законодательной и исполнительной власти в области социокультурной реабилитации детей с тяжелыми и множественными нарушениями развития, проживающих в детских домах-интернатах для умственно-отсталых детей, исследуются цель и основные задачи данного вида реабилитации, а так же права детей с точки зрения социальной модели инвалидности.

Ключевые слова: тяжелые и множественные нарушения развития, дети с инвалидностью, социокультурная реабилитация, детский дом-интернат для умственно отсталых детей, право.

В последние десятилетия во многих странах мира необычайно возрос интерес к разработке такой важной и актуальной проблемы как реабилитация инвалидов, в том числе детей-инвалидов. В этих целях проводятся широкие исследования, разрабатываются новые международные и государственные программы, создаются и совершенствуются нормативные правовые акты различных уровней. Причина столь большого интереса – высокое практическое значение реабилитации.

Государственная политика Российской Федерации в области реабилитации инвалидов реализуется в соответствии с нормами международного законодательства, а также положениями федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Основными международными нормативно-правовыми актами, призванными защищать и гарантировать права и свободы рассматриваемой категории детей выступают:

Декларация о правах инвалидов (утверждена Резолюцией тринадцатой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 3447(XXX) от 9 декабря 1975 г.). Согласно статьям 2, 7 и 9 данного международного документа инвалиды должны пользоваться всеми правами, изложенными в настоящей Декларации, включающими право на меры, предназначенные для того, чтобы

дать им возможность приобрести как можно большую самостоятельность; право на социальное обеспечение, а также право на участие во всех видах общественной деятельности, связанных с творчеством или проведением досуга. Также в статье 9 настоящего документа отмечается, что если пребывание инвалида в специальном учреждении является необходимым, то среда и условия жизни в нем должны как можно ближе соответствовать среде и условиям нормальной жизни лиц его или ее возраста [2];

Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.). В соответствии со статьей 23 Конвенции о правах ребенка, неполноценный в умственном и физическом развитии ребенок должен вести полноценную жизнь в достойных условиях, которые обеспечивают его уверенность в себе и облегчают активное участие в жизни общества [1];

Конвенция о правах инвалидов (принята Резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г.). Большое значение в формировании и реализации государственной политики в области реабилитации инвалидов имела ратификация Российской Федерацией Конвенции о правах инвалидов, что, в свою очередь, потребовало внесения изменений во многие законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации. Конвенция о правах инвалидов является документом, который возлагает на государства-участники обязанность комплексно обеспечивать инвалидам гарантии в различных сферах жизнедеятельности. Россия как участник Конвенции обязалась запретить любую дискриминацию по признаку инвалидности и гарантировать инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации на любой почве [3].

Данные документы отражают основополагающий принцип равенства прав, предоставляющий детям без особенностей развития и детям-инвалидам одинаковые права.

В соответствии со статьей 7 Конституцией Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) – высшим нормативным правовым актом нашего государства, Россия признана социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [4].

Приоритеты социально-культурной реабилитации инвалидов в Российской Федерации определяются следующими нормативно-

правовыми актами, направленными на урегулирование основных вопросов данной сферы. Основопологающим документом, определяющим политику Российской Федерации в сфере реабилитации инвалидов, является Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 №181-ФЗ. Данный документ определяет понятие реабилитации инвалидов, ее цели, основные направления, требования к организациям, осуществляющим реабилитацию инвалидов. В соответствии со статьей 9 данного нормативно-правового акта, основным направлением социальной политики в решении проблем инвалидности является комплексная реабилитация и абилитация инвалидов. В частности, под абилитацией понимается система и процесс формирования отсутствовавших у инвалидов способностей к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности. Понятие реабилитации инвалидов представляет собой систему и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности [5].

Организация реабилитации инвалидов осуществляется в соответствии с положениями ряда нормативно-правовых актов Российской Федерации. В соответствии с действующим Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», обязательным условием для успешного процесса реабилитации детей с тяжелыми множественными нарушениями развития является наличие индивидуальной программы реабилитации и абилитации. В данном законе понятие индивидуальной программы реабилитации и абилитации определяется как комплекс оптимальных реабилитационных мероприятий, включающий в себя отдельные виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации медицинских, профессиональных и других реабилитационных мер, направленных на восстановление, компенсацию нарушенных функций организма, формирование, восстановление, компенсацию способностей инвалида к выполнению определенных видов деятельности [5].

В соответствии с Приказом Минтруда России №528н от 31 июля 2015 г. «Об утверждении порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными

государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм» одной из значимых форм реабилитации детей с тяжелыми множественными нарушениями развития является социокультурная реабилитация как один из способов приобщения детей-инвалидов к активной жизни общества, культурным, духовно-нравственным ценностям, здоровому образу жизни [8].

Правовая база социокультурной реабилитации детей-инвалидов – это важная составная часть организации системы реабилитации инвалидов в Российской Федерации. Принимаемые нормативные правовые акты должны обеспечивать регулирование всех аспектов организации и деятельности заинтересованных служб, призванных осуществлять социокультурную реабилитацию детей-инвалидов, определять цели, конкретные задачи и функции соответствующих институциональных структур.

Согласно Национальному стандарту РФ ГОСТ Р 53874–2010 «Реабилитация инвалидов. Основные виды реабилитационных услуг» под социокультурной реабилитацией понимают комплекс мероприятий, цель которых заключается в помощи инвалиду достигнуть и поддерживать оптимальную степень участия в социальных взаимосвязях, необходимый уровень культурной компетенции, что должно обеспечивать возможность для позитивных изменений в образе жизни и наиболее полную интеграцию в общество за счет расширения рамок его независимости [6].

В рамках социокультурной реабилитации детей с тяжелыми множественными нарушениями развития оказываются следующие виды услуг:

- обучение навыкам проведения досуга;
- проведение мероприятий, направленных на создание условий полноценного участия в социокультурных мероприятиях, удовлетворяющих социокультурным и духовным запросам детей с тяжелыми множественными нарушениями развития, на расширение общего и культурного кругозора, сферы общения;
- разработка и реализация разнопрофильных досуговых программ, способствующих формированию здоровой психики, развитию творческой инициативы и самостоятельности [8].

Вышеперечисленные виды услуг должны оказываться вне зависимости от формы жизнеустройства ребенка с тяжелыми множественными нарушениями развития. В реалиях современной действительности в Российской Федерации большое количество

детей с тяжелыми множественными нарушениями развития воспитываются вне семьи: функции по защите прав ребенка, обучению и воспитанию, а также социальному развитию, возлагаются на государственные стационарные организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Так как дети с тяжелыми множественными нарушениями развития требуют постоянной и интенсивной поддержки во многих сферах жизнедеятельности, проживание их в условиях центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей, становится невозможным.

Несмотря на тяжелые нарушения речи, двигательной сферы, функций анализаторных систем, аутистические расстройства и расстройства эмоционально-волевой сферы, основой тяжелых и множественных нарушений развития выступает умственная отсталость. Принимая во внимание данный факт, воспитание детей с тяжелыми множественными нарушениями развития возложено на детские дома-интернаты для умственно отсталых детей.

Согласно классификации учреждений социального обслуживания, приведенной в Национальном стандарте Российской Федерации, детский дом-интернат для умственно отсталых детей – государственное медико-социальное реабилитационное учреждение, предназначенное для постоянного, временного (до шести месяцев) и пятидневного в неделю проживания детей в возрасте от 4 до 18 лет с аномалиями умственного развития, нуждающихся по состоянию здоровья в уходе, бытовом и медицинском обслуживании, а также в социально-трудовой адаптации [6]. В состав дома-интерната могут входить структурные подразделения, обеспечивающие размещение воспитанников и предоставление им всех видов социальных услуг. В зависимости от тяжести интеллектуальных и физических нарушений воспитанников в состав дома-интерната могут входить отделение «Милосердие», отделение медико-социальной реабилитации, отделение психолого-педагогической реабилитации, отделение социально-трудовой реабилитации.

Необходимо отметить, что социокультурная реабилитация – процесс, доступный вне зависимости от формы жизнеустройства ребенка и (или) от степени его тяжелых и множественных нарушений развития. При этом данная область требует большего внимания и реформирования со стороны правительства как на международном, так и на государственном уровне. На

сегодняшний день Россия продолжает расширять законодательную базу в данной области. В частности, к числу относительно новых законодательных актов можно отнести приказ Министерства культуры РФ от 22 марта 2017 года №3019 «Об утверждении модельной программы социокультурной реабилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов», в котором, помимо иных значимых мероприятий, предусмотрено проведение учреждениями культуры диагностики культурных потребностей, творческих интересов и предпочтений детей-инвалидов, а также утверждение программы социокультурной реабилитации для ребенка-инвалида, с учетом рекомендаций индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, а также культурных потребностей, творческих интересов ребенка-инвалида [7].

Проанализировав международные и государственные нормативные правовые акты, касающиеся вопросов социальной защиты и реабилитации детей-инвалидов, можно сделать вывод, что в связи с ратификацией Конвенции ООН о правах инвалидов, вступлением в силу значимых для инвалидов федеральных законов и иных нормативных документов в сфере социального обслуживания, правовое положение детей-инвалидов, в том числе детей с тяжелыми множественными нарушениями развития, в течение последнего времени значительно улучшилось. Однако в законодательстве Российской Федерации по сей день остается ряд нерешенных вопросов, касающихся данной области, в частности, отсутствие концепции социокультурной реабилитации инвалидов в Российской Федерации, что требует от Правительства Российской Федерации дальнейшей работы в этом направлении.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка. URL: <http://base.garant.ru//2540422/> (дата обращения: 1.06.2018).
2. Декларация о правах инвалидов. URL: <http://qps.ru/tWoDw> дата обращения: 1.06.2018).
3. Конвенция о правах инвалидов. URL: goo.gl/LuZ3Rn дата обращения: 1.06.2018).
4. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России: принята на внеочеред. седьмой сес. Верхов. Совета РСФСР девятого созыва 12 апр. 1978 г. с изм. и доп. М., 1992. 110с.

5. Федеральный закон №181 от 24.11.1995 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». URL: [goo.gl/ pM1nvZ](http://goo.gl/pM1nvZ) дата обращения: 1.06.2018).

6. ГОСТ Р 53874 – 2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Реабилитация инвалидов. Основные виды реабилитационных услуг URL: <http://qps.ru/Fy5mq> дата обращения: 1.06.2018).

7. Приказ Министерства культуры Российской Федерации № 3019 от 30.12.2016 «Об утверждении модельной программы социокультурной реабилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов» URL: goo.gl/VC2sUj дата обращения: 1.06.2018).

8. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 13.06.2017 №486н «Об утверждении порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм» URL: <http://qps.ru/u0XHb> дата обращения: 1.06.2018).

SOCIAL CULTURAL REHABILITATION OF CHILDREN WITH SEVERE DISABILITIES AT CARE HOME FOR CHILDREN WITH LEARNING AND PHYSICAL DISABILITIES: THE LAW BASIS

Kirpu S. S., Barnaul (Russia)

Abstract: in the article the international and federal legislative and executive acts in the sphere of social cultural rehabilitation of children with severe disabilities living at the care homes for children with learning and physical disabilities are analyzed. The goal and main objectives of the rehabilitation, children's rights from the point of social model of disability are also examined in the article.

Keywords: severe disability, children with disability, social cultural rehabilitation, care home for children with disabilities, law.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ МЕЖПОКОЛЕННЫХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мацакова Е. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: *межпоколенные семейные отношения и их социальная регуляция связаны с социально-экономическими преобразованиями, в процессе которых отношения семьи, общества и государства вступают в противоречие с современными жизненными реалиями и перестают соответствовать сложившимся представлениям.*

Ключевые слова: *регуляция, поколения, взаимоотношения, конфликты.*

В современной науке возникла острая потребность в изучении особенностей семей, в которых присутствует и активно участвует в жизнедеятельности третье поколение – поколение прауродителей. Расширенные семьи в современном мире получают широкое распространение в связи с дестабилизацией общей политической и экономической ситуации, объединении нуклеарных семей в расширенные с целью преодоления последствий мирового экономического кризиса (потеря работы, снижение доходов семьи и т.д.) [1], так как семья решает не только свои индивидуальные проблемы, но и проблемы государства: демография, прирост трудоспособного населения. В связи с этим становится весьма актуальной цель изучения расширенной семьи как отдельной системы, взаимодействие расширенной семьи и государства, основы семейной политики и значение семьи с демографической точки зрения, что составляет основу государственной семейной политики.

Сложность государственного регулирования семейной политики заключается в необходимости влиять на ценности и нормы семейных отношений, которые сложны по своей сути и не всегда подвержены институциональному влиянию.

В то же время демографическая политика в основном воздействует на общество с помощью административных, экономических и воспитательных мер. Первая группа мер подразумевают установление возраста согласия на брак, минимального возраста вступления в брак, легализацию аборт. Экономические меры включают в себя материнский капитал, денежное содержание во время декретного отпуска, введение

ценза на разводы. Под воспитательными мерами имеется в виду не столько активное образование населения в сфере полового воспитания, сколько популяризация многодетности, усыновления, повышение значимости института брака и семьи [2].

Необходимость государственного регулирования демографической обстановки обусловлена многими факторами. Уровни рождаемости, смертности, естественного прироста имеют прямое влияние на различные социально-экономические аспекты жизни общества.

Законодательство предоставляет отпуск по беременности и родам, а также отпуск по уходу за ребенком до достижения им полутора либо трех лет вне половой принадлежности, но для молодой семьи данный период времени является экономически сложным. Декретные пособия многих семей часто не позволяют должным образом обеспечить свое существование, вследствие чего родители вынуждены обращаться к своим родителям, чтобы получить помощь и скорее выйти на работу. Стремление выйти на работу как можно скорее, дабы восстановить знания и материальную обеспеченность, приводит к уходу от вопроса рождения следующего ребенка. В связи с этим традиционная «многопоколенная» семья не отвечает ни экономическим, ни социальным тенденциям современного общества.

Таким образом, главной задачей государства является обеспечение уверенности в том, что с рождением ребенка текущий уровень заработка и жизни в семье не упадет, а хотя бы сохранится на уровне. Так, например, не так давно рассматривалось предложение ввести «налог на развод» специальный федеральный сбор, притом, что не учитывалась масса негативных последствий. Столь радикальная мера вполне может привести к обратной реакции молодежи: сокращение числа браков, ввиду ощущения давления со стороны государства. Столь категоричные меры напоминают вмешательство, попытку контролировать столь уязвимую и чувствительную сферу, как семья. Вышеописанные меры пытаются вернуть семью и общество в прошлое, а не адаптировать будущее [3].

Очевидно, что в регулировании межпоколенных семейных отношений следует прежде всего ориентироваться, по-видимому, на молодое и особо подверженное влиянию различных новых ценностей и норм поколение. Именно молодежи предстоит определить курс развития современного общества и, в особенности, семьи, поэтому столь остро встает проблема

вмешательства государства в жизнь семьи, в том числе и в плане регулирования межпоколенных семейных отношений. Кроме того, как отмечают некоторые исследователи, семья по-прежнему является неотъемлемой частью духовной жизни человека и ее роль в укреплении межпоколенных отношений трудно переоценить [4].

Литература

1. Харчев А. Г. Современная семья и ее проблемы М.: Просвещение. 2012. С. 34–35.
2. Синельников А. Б. Брак// Социальная энциклопедия. М., 2014.
3. О Концепции государственной семейной политики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/action/interview/> (дата обращения: 1.06.2018).
4. Максимова С.Г., Старчикова М.В. Методологические подходы к изучению социального механизма формирования адаптивных стратегий лиц старших возрастных групп в рамках становления новой геронтологической реальности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №2 (62). С. 150-154.
5. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 24–28.

SOCIO-LEGAL REGULATION OF INTERGENERATIONAL RELATIONS

Matsakova E. A., Barnaul (Russia)

Abstract: *intergenerational family relations and their social regulation are associated with socioeconomic transformations, in the process of which the relations of the family, society and state come into conflict with modern life realities and cease to correspond to the established ideas.*

Keywords: *regulation, generations, mutual relations, conflicts.*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Мицких Д. А., Барнаул (Россия)

Аннотация: статья посвящена описанию критериев международной интеграции. Актуальность темы определена тенденцией к глобализации, развитием международных связей на государственном уровне и представляет собой сближение национальных образовательных систем. Рассматриваются основные факторы, способствующие эффективному межкультурному взаимодействию в образовательной сфере во всем мире, а также их значение в современных российских реалиях.

Ключевые слова: образование, интеграция, межкультурное взаимодействие, образовательная интеграция.

В современном мире процесс международной интеграции представляется совершенно естественным. По своему содержанию интеграция высшего образования представляет собой сближение национальных образовательных систем, их взаимодополняемость, превращение высшего образования в мировую социальную систему как следствие углубления и развития интернационализации и интеграции национальных образовательных систем.

Одним из важнейших критериев, определяющих развитие любого государства, является сегодня качество образования, его эффективность, востребованность и доступность. Развитие современной цивилизации и качество жизни населения зависят от реформирования образовательных систем в разных концах мира.

Как показала практика, российское общество в целом пока не готово к радикальным изменениям в сфере образования, и большинство населения негативно относится к реформам в сфере образования. В то же время в обществе сохраняется сформировавшийся еще в советскую эпоху высокий престиж образования.

Система высшего образования в России ориентирована на формирование единых с Европой критериев качества образования, соблюдение единых технологических норм и требований к системе образования.

Серьезной проблемой для осуществления международной образовательной интеграции остается отторжение инноваций традициями и стандартами классической российской системы

высшего образования, вобравшей в себя достижения советской высшей школы. Таким образом, одна из важнейших проблем современной российской системы высшего образования – поиск и реализация оптимальных форм взаимодействия традиционных и инновационных технологий в высшем образовании.

На сегодняшний день эффективность образовательной интеграции зависит от наличия у студентов необходимых общекультурных и профессиональных навыков взаимодействия [1, с. 1334].

Международная интеграция становится одной из базовых категорий современного преподавания. Ее развитие наблюдается на уровне отдельных стран, а также внутри страны на региональном уровне. Интеграция в образовании способствует сближению, взаимодействию и взаимопроникновению национальных структур.

Интеграция будет наиболее эффективной, если страны готовы к сближению, синхронизации действий, а также формированию единого образовательного пространства [2, с. 116].

Однако в таких условиях встает вопрос о сохранении своей культурной и национальной идентичности.

Основной культурной сложностью, сдерживающей приток иностранных студентов в Россию, является язык преподавания. Страны с наиболее распространенными языками – английским, французским, немецким и испанским – могли бы быть наиболее привлекательны для иностранных студентов. В этом случае Россия привлекательна для русскоговорящих студентов из стран СНГ [3, с. 42].

К специфическим культурно-образовательным предпосылкам интеграции можно отнести следующие:

- усиление конкуренции на национальных образовательных рынках и в рамках мирового образовательного пространства;
- переход на многоуровневую систему образования и появление новых типов и видов образовательных программ;
- схожесть национального законодательства, регулирующего образовательную деятельность;
- схожесть культурно-образовательных традиций отдельных государств.

Культурно-образовательные предпосылки должны быть реализованы через обеспечение гарантий качества и повышение конкурентоспособности национального образования в мировом контексте.

На сегодняшний день можно привести целый ряд реально существующих и успешно функционирующих межгосударственных объединений, например, Европейский союз и Содружество Независимых Государств (СНГ). Постсоветская интеграция пошла по пути формирования более компактных и действенных субрегиональных объединений: Евразийское экономическое сообщество, Союз Белоруссии и России, Центрально-азиатское экономическое сообщество, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая, кроме бывших союзных республик СССР, интегрирует Китай и ряд стран-наблюдателей: Индию, Иран, Монголию, Пакистан [3, с. 44].

Межкультурная коммуникация в сфере межкультурных отношений связана не только с развитием диалога и распространением собственной культуры за рубежом, но также с проблемами, которые возникают в сфере культуры и международного гуманитарного общения, выступая главным условием экономического, политического и гуманитарного сотрудничества. Без учета основных культурных особенностей невозможно представить процесс коммуникации, так как от самих особенностей межкультурных отношений во многом зависят глубина, направленность и содержание межкультурного взаимодействия.

Подводя итог, следует сказать о том, что образование в современном мире становится все более интернациональным и основывается на динамических процессах культурного общения. В то же время межкультурная коммуникация служит залогом обогащения национальных культур разных регионов и стран мира. На сегодняшний день активные процессы международного культурного обмена являются основой развития образовательной сферы, объединяющей представителей разных традиций и культур [4, с. 88].

Таким образом, образование и наука на современном этапе стали не только ведущим культурным, но и эффективным способом международного общения, а также одним из решающих факторов экономического и политического развития. Ведь именно образовательные и научные связи являются основой формирования межкультурной коммуникации.

Литература

1. Кесаева Р. Э., Бязрова Т. Т., Кесаева Ж. Э. Качество образования как фактор интеграции России в европейское

образовательное пространство // Фундаментальные исследования. 2014. №9 (часть 6). С. 1331–1338.

2. Бондарева Н. А. Интеграция как инновационное направление в образовании // Современные наукоемкие технологии. 2011. №1 С. 115–116.

3. Стукалова И. Б. Интеграция в сфере высшего образования: предпосылки и условия // Вестник Марийского государственного университета. 2017. №3 (27). С.40–47.

4. Соколова М. М., Соколова А. М., Калита В. В. Международное академическое сотрудничество стран АТР и России: опыт качественного социологического исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №12. С.86–88.

INTERCULTURAL COMMUNICATION AS A FACTOR OF EDUCATIONAL INTEGRATION

Mitskikh D. A., Barnaul (Russia)

Abstract: the article is devoted to the description of international integration criteria. The relevance of the topic is determined by the trend towards globalization, the development of international relations at the state level and represents a convergence of national educational systems. The main factors contributing to effective intercultural interaction in the educational sphere all over the world are considered, as well as their significance in contemporary Russian realities.

Keywords: education, integration, intercultural interaction, educational integration.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ РАННЕЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА И ИХ СЕМЬЯМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Морева Ю. Е., Барнаул (Россия)

Аннотация: *ранняя помощь – это комплекс действий, направленных на уменьшение уровня инвалидизации среди детей, удовлетворение их потребностей, интеграцию и адаптацию в обществе. В статье представлен опыт организации ранней помощи детям с РАС и их семьям в России и за рубежом. Выделены отличительные черты российской системы ранней помощи детям и их семьям.*

Ключевые слова: *ранняя помощь, раннее вмешательство, программы ранней помощи детям с ограниченными возможностями здоровья, расстройство аутистического спектра.*

Несмотря на то, что в России единая система ранней помощи находится на стадии становления, тем не менее, в некоторых регионах страны уже накоплен богатый опыт раннего вмешательства и поддержки детей с расстройством аутистического спектра и их семьям.

Прежде чем рассматривать отечественный опыт организации ранней помощи детям и их семьям, обратимся к зарубежной практике.

Анализируя историю становления ранней помощи, можно отметить, что первые программы раннего вмешательства реализовывались в Соединенных Штатах Америки. В 2011 году была издана последняя редакция основного закона американской системы ранней помощи «IDEA (Individuals with Disabilities Education Act)». В законе прописана междисциплинарная и индивидуальная помощь детям с особыми потребностями и их семьям, а также некоторые другие аспекты. Документ состоит из двух частей:

- 1) Часть В – Обучение в школах;
- 2) Часть С – Раннее вмешательство.

Во второй части закона, прописаны основные требования по реализации ранней помощи в США, среди которых:

- доступность всем детям к услугам программы Раннего вмешательства;

- назначение ответственной структуры по реализации программы Ранней помощи. Ответственной структурой может быть назначена система здравоохранения, социальной защиты или образования;

- создание межведомственной команды по реализации программы раннего вмешательства, куда входят не только специалисты различных структур, но и родители, воспитывающие особых детей, с целью оптимизации усилий по поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья;

- информирование населения о программе Ранней помощи [3].

В Америке раннее вмешательство начинается тогда, когда в одной из организаций, которые посещает ребенок, обнаруживается, что у него имеются какие-либо отклонения в развитии. Согласно закону «IDEA» сотрудники различных учреждений обязаны обращать внимание на возможные признаки нарушения у ребенка: в учреждениях здравоохранения – клиниках, в перинатальных центрах, где врачи работают с ребенком и семьей; в образовательных учреждениях, особенно в детских садах, ясельных группах; а также в социальных службах, в организациях по защите прав ребенка.

Отличительной чертой американской системы ранней помощи детям от других моделей заключается в критерии «доступа». Раннее вмешательство и ранняя поддержка начнется тогда, когда ребенок будет отнесен к группе риска [1, с. 73–79].

В отличие от американской модели, в Швеции существует модель оказания ранней помощи не только детям с ограниченными возможностями здоровья, но и вообще всем детям. В настоящее время шведская модель оказания ранней помощи детям с ОВЗ пользуется большой популярностью и занимает лидирующее положение. Данная модель в своей структуре имеет три уровня: первичный, вторичный и третичный.

Первичный уровень. В Швеции функционируют детские службы здоровья, социальные службы и детские дошкольные учреждения, в которых специалисты помимо своего основного функционала (лечение, воспитание, социальное обслуживание, забота), могут выявлять какие-либо отклонения в развитии ребенка [5].

Службы детского здоровья посещают дети в возрасте до 6 лет, но до полутора лет ребенок с ОВЗ воспитывается дома, особая форма социального страхования Швеции позволяет одному из родителей не работать в этот период, находиться на полном

обеспечении государства. Цели центра детского здоровья заключаются в уменьшении инвалидности среди детей, негативных воздействий на родителей и их детей, оказании всесторонней помощи родителям в воспитании детей с особыми потребностями. В центрах действуют программы, состоящие из различных методов наблюдения за развитием ребенка. Записи о здоровье ребенка производятся в стандартной, используемой по всей стране форме. Посещение таких центров является ответственностью родителей, то есть, сколько раз посещать, когда посещать центры – данные решения принимают только родители, и какое будет решение родителей, настолько будут решаться проблемы их детей. Детские центры здоровья играют важную роль в жизни ребенка в раннем возрасте, его семье оказывается всесторонняя поддержка [6, с. 71–79].

Второй уровень ранней помощи предполагает работу детских реабилитационных центров, детских психиатрических клиник и социальных служб. В категорию детей, попадающих в данные учреждения, входят дети с риском в психосоциальной сфере (с подозрениями на ранний детский аутизм). В случае, если ребенок уже состоял на учете реабилитационного центра и нуждается в специализированном уходе, то во время поступления в детский сад за ним закрепляется ассистент.

Третий уровень. Социальные службы в соответствии с законом стремятся создавать аналогичные комфортные условия жизни для людей-инвалидов, как и у обычных людей. В круг основных обязанностей социальных служб входят: обеспечение семьи вспомогательными технологиями, предоставление персонального помощника, обеспечение транспортом и др. [6, с. 71–79].

Таким образом, можно говорить, что система ранней помощи детям в Швеции носит децентрализованный характер, наблюдается распределение обязанностей среди учреждений различного профиля и уровня.

Германия имеет свой опыт организации ранней помощи детям с ОВЗ и их семьям. В стране действует региональный центр ранней помощи детям, где работают высококвалифицированные специалисты. В стране особое внимание уделяется подготовке кадров для работы с детьми-инвалидами. Специалисты центров постоянно проходят курсы повышения своих профессиональных компетенций без отрыва от своего основного рабочего места. Также в региональных центрах родители получают информацию

об услугах ранней помощи в учреждениях здравоохранения, социальной защиты и образования [4].

В России одной из острых проблем стоит построение единой системы ранней помощи детям с особенностями в развитии и их семьям. Впервые в нашей стране идея раннего вмешательства была сформулирована инициативной группой ученых Санкт-Петербурга под руководством профессора Л. Чистович. Была разработана программа раннего вмешательства «Абилитация младенцев» и вынесена на рассмотрение городским властям. В 1992 г., в связи с поддержкой программы, был основан Санкт-Петербургский Институт Раннего вмешательства (ИРАВ). И таким образом, Санкт-Петербург стал первым регионом России, где начала развиваться система ранней помощи детям с различными нарушениями здоровья. Изначально идея основания Института состояла в том, чтобы осваивать и внедрять методы раннего вмешательства. Затем, развиваясь и расширяясь, «ИРАВ стал ставить более широкие цели: предупреждение институционализации детей; нормализацию жизни ребенка с нарушениями развития и нормализацию жизни его семьи; социальное включение ребенка и его семьи в жизнь общества» [3].

В Санкт-Петербурге действуют службы Раннего вмешательства. Как только у ребенка выявляются какие-либо нарушения в развитии, сотрудники медицинских учреждений предоставляют родителям информацию о службах Раннего вмешательства. Районные службы направляют в Институт Раннего вмешательства детей для точной оценки диагноза, а также, если это необходимо, и специалистов службы для получения консультации. В Петербурге существует также программа по переходу ребенка из службы Раннего вмешательства в детский сад, если потребуется, то с участием сопровождающего специалиста. В настоящий момент в Санкт-Петербурге при центрах социальной реабилитации детей-инвалидов открывается отделение Раннего вмешательства [7]. Положительным моментом является то, что обратиться за помощью к специалистам в ИРАВ может любой родитель, и, если у ребенка обнаруживается какое-либо отклонение в развитии, ему предлагается программа раннего вмешательства. Программа раннего вмешательства строится с учетом индивидуальных потребностей ребенка и его семьи. Все услуги предоставляются семьям бесплатно.

Постепенно коллеги из разных регионов страны начинают перенимать опыт петербургских коллег в оказании ранней

помощи детям с особыми потребностями и их семьям. Благодаря российскому Фонду поддержки детей были реализованы программы ранней помощи республике Бурятия и Татарстан, Алтайского края, Ульяновской, Тюменской, Астраханской, Тверской, Тульской, Новосибирской и Владимирской областей [2].

Так, например, начиная с 2009 года при поддержке Фонда в Новосибирске, сформированы службы ранней помощи детям с ограниченными возможностями здоровья, в том числе и с аутизмом, а также их семьям. За период 2012–2015 годов были реализованы программы «За равные возможности», «Семья и дети», которые способствовали развитию новых служб ранней помощи и лекотек. В 2013 году в учреждении социального обслуживания Новосибирской области «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями» был создан Сетевой региональный центр ранней помощи. Одной из главных целей данного центра является повышение профессиональных компетенций специалистов, работающих в области ранней помощи. В настоящий момент в Новосибирске и Новосибирской области действуют восемь служб ранней помощи, семь из которых действуют на базе учреждений социального обслуживания населения и одна – на базе городской общественной организации «Общество «ДАУН СИНДРОМ». В службах работает междисциплинарная команда специалистов, которая в процессе совместной работы создает единый маршрут абилитации и реабилитации для конкретного ребенка, имеющего какое-либо отклонение в развитии [7].

В Нижегородской области при поддержке Фонда в 2012–2014 гг. была реализована программа «Мы как все». Свою деятельность службы ранней помощи детям-инвалидам, а также их семьям ведут, в основном, на базе учреждений социального обслуживания населения. Работа служб заключается в посещении семей, воспитывающих детей с особыми потребностями, работе с детьми и их родителями в групповой и индивидуальной форме, в консультировании, проведении различных мероприятий и занятий, в том числе: арт-терапии, канистерапии, кинезотерапии, методы альтернативной коммуникации, музыкотерапии и др. В Нижнем Новгороде существуют пункты проката специализированного инвентаря для детей с особыми потребностями. Ведется активная работа по внедрению технологий ранней помощи в детские дошкольные учреждения. Помимо функционирования служб ранней помощи на базе

учреждений социального обслуживания населения, действует региональная общественная организация «Верас», созданная по инициативе некоммерческих организаций города. В организацию может обратиться любая семья, воспитывающая ребенка с ограниченными возможностями здоровья, в том числе ребенка с расстройством аутистического спектра.

В Ульяновской области в рамках реализации проекта «Если ребенок не такой, как все» (2010–2012 гг.) было открыто отделение раннего вмешательства, являющееся структурным подразделением учреждения социального обслуживания «Реабилитационного центра «Подсолнух». Специалистами отделения разрабатываются индивидуальные маршруты развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Работа с детьми и родителями ведется как в дневном стационаре отделения, так и с выходом на дом, причем выезд специалистов на дом осуществляется и в отдаленные населенные пункты. Специалисты отделения раннего вмешательства проходят обучение, курсы повышения квалификации на базе Ресурсного центра учреждения социального обслуживания «Подсолнух» [7].

В каждой стране существует своя специфика функционирования системы ранней помощи детям с особыми потребностями. Раннее вмешательство – это комплекс действий, направленных на уменьшение уровня инвалидизации среди детей, удовлетворение их потребностей, интеграция и адаптация в обществе. Резюмируя опыт программ раннего вмешательства в Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что программы направлены на поддержку не только детей с особыми потребностями, но и на поддержку семей в целом. В настоящий момент одной из главных и приоритетных задач государства является разработка и внедрение единой модели ранней помощи детям с особыми потребностями и их семьям.

Литература

1. Ахметзянова А. И. Становление и развитие ранней помощи детям с нарушениями в развитии в России и за рубежом // Неврологический вестник – 2015 – Т. XLVII, вып. 1. С. 73–79.
2. Дети в трудной жизненной ситуации: актуальные проблемы/ Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. М., 2011. 106 с.
3. Доброва-Крол Н. Раннее вмешательство: ключевые аспекты и международный опыт [Электронный ресурс]. URL:

http://www.unicef.org/ukraine/ukr/Early_Intervention_Concept_RUS.pdf (дата обращения: 1.05.2018).

4. Ошлепова В. В. Деятельность центра раннего вмешательства пфальц-института слуха и коммуникации г. Франкенталь (Германия) // Актуальные проблемы специальной психологии и коррекционной педагогики: теория и практика. Материалы IX Международной научно-образовательной конференции. Под редакцией А. И. Ахметзяновой. М., 2015. 204 с.

5. Разенкова Ю. А. Система ранней помощи. Поиск основных векторов развития: учебник. М.: Карапуз, 2011. 90 с.

6. Разенкова Ю. А. Система ранней помощи в Швеции // Дефектология. 2013. №6. С. 71–79.

7. Эффективные практики ранней помощи (Опыт реализации программ Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в субъектах Российской Федерации): Информационно-методический сборник. М.: Благотворительный фонд социальной поддержки граждан «Соинтеграция», 2015. 130 с.

ORGANIZATIONAL FORMS OF EARLY INTERVENTION TO CHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS AND THEIR FAMILIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Moreva Y. E., Barnaul (Russia)

Abstract: early assistance is a set of actions aimed at reducing the level of disability among children, meeting their needs, integrating and adapting in society. The article presents the experience of organizing of early assistance to children with the ASD and their families in Russia and abroad. The distinguishing features of the Russian system of early care for children and their families are outlined

Keywords: early assistance, early intervention, early intervention programs for children with disabilities, autism spectrum disorders.

СТЕРЕОТИПИЗИРОВАННЫЙ ОБРАЗ ПРОФЕССИИ УЧИТЕЛЯ В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Мотина А. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: профессиональные стереотипы могут выступать источником социальной напряженности и дезинтеграции социальных групп и общностей. На учителя возложена большая социальная ответственность, поэтому выявление деструктивных профессиональных стереотипов о данной деятельности и их трансформация будут способствовать установлению эффективного взаимодействия субъектов образовательной сферы. В данной статье приведен сопоставительный анализ стереотипизированных образов профессии учителя у студенческой молодежи в целом и студентов, получающих педагогическое образование. Рассмотрены основные профессиональные предубеждения, которые несут угрозу социальной напряженности в области образовательного процесса.

Ключевые слова: социальный стереотип, профессиональный стереотип, информационное поле стереотипа, социология стереотипа, профессия.

Актуальность исследования профессиональных стереотипов на сегодняшний день в социологической науке невероятно высока. Стереотипы являются одним из конституирующих аспектов существования современного социума, под которыми принято понимать создаваемые культурой образы людей из других групп, призванные объяснить их поведение и дать им оценку [5, с. 56]. Профессиональные стереотипы являются лишь одним из множества видов стереотипов социальных. Их основная цель заключается в упрощении образа представителя той или иной профессии, придании свойственных ему черт характера, особенностей поведения, межличностной коммуникации. Данный упрощенный образ служит определенным маяком, ориентируясь на который человек выстраивает свою линию взаимодействия с представителем той или иной профессии.

Современное общество находится на пороге наступления новой информационной эпохи. С каждым днем нас окружает все большее количество информации, в которой легко потеряться. В данных условиях стереотипы становятся своеобразными маяками, на основе которых выстраивается окружающая индивидуальность реальность. Особенно актуально в современном

трансформирующемся обществе отследить соответствие существующего в обществе профессионального стереотипа и реального его присутствия у представителей данной профессии. Несоответствие двух данных категорий может привести к обострению социальных противоречий, росту напряженности между представителями различных профессиональных сообществ, появлению недоверия и разочарования относительно представителей определенных профессий. Все это может привести к социальной дезинтеграции, нарушению эффективного взаимодействия в обществе. Несмотря на то, что каждый из нас в течение долгого времени находился в непосредственном взаимодействии с учителями, информационное поле данного рода деятельности наполнено различного рода стереотипами.

В рамках проведенного нами исследования изучался стереотипизированный образ учителя в группе студентов, обучающихся в Алтайском государственном педагогическом университете.

Стереотипизированный образ учителя среди студенческой молодежи г. Барнаула выглядит следующим образом: учитель – это женская профессия, связанная со зрелым возрастом, имеющая скорее низкие престиж и оплачиваемость труда. Среди поведенческих и личностных стереотипов наиболее распространены следующие: каждый учитель обожает предмет, которые он преподает; у учителей хорошая память; они любят командовать; учитель всегда делит класс на плохих и любимчиков; они работают почти круглосуточно; учителя подрабатывают репетиторством.

По мнению студентов АлтГПУ, которые получают данную профессию, ее стереотипизированный образ выглядит следующим образом: учитель – это женская профессия, связанная со зрелым возрастом, имеющая низкую оплачиваемость труда и скорее низкий престиж. Среди личностных и поведенческих стереотипов выделены следующие: учителя любят детей; учителя легко узнать в толпе; они любят командовать; у учителей плохо складывается личная жизнь; в обычной жизни учителя склонны оценивать других людей; они работают почти круглосуточно.

Стереотипы о половой и возрастной характеристике профессии у студенчества в целом и студентов АлтГПУ, в частности, почти полностью совпадают, исключением является несколько больший процент ассоциаций учителя с пожилым возрастом у студенчества в целом. Также студенты-педагоги

склонны более низко оценивать уровень оплаты труда и престижность профессии учителя, нежели студенческая молодежь.

Стоит отметить, что у данных двух групп существуют некоторые несовпадения в отношении наиболее разделяемых личностных и поведенческих предубеждений. Студенты-педагоги не разделяют стереотипов о хорошей памяти, делении класса на плохих и любимчиков и любви к преподаваемому предмету, которые поддерживает студенчество в целом. В то же время среди будущих педагогов распространено предубеждение о том, что учителя можно узнать в толпе. Все ранее названные стереотипы в первую очередь связаны со спецификой работы, именно поэтому среди студентов АлтГПУ, которые с ней непосредственно знакомы, они имеют большую или меньшую выраженность.

Среди студентов-педагогов распространены стереотипы о плохой личной жизни учителей и их склонности к оцениванию других людей, в то время как среди студенчества в целом данные предубеждения абсолютно не распространены. Данные два стереотипа связаны с впечатлением работы на личность, возможно именно поэтому среди респондентов, непосредственно знакомых с этой работой, процент согласившихся гораздо выше.

Стоит отметить, что в отношении данной профессии выявлены предубеждения, которые могут спровоцировать социальную напряженность и дезинтеграцию. Наиболее «популярен» среди студентов АлтГПУ стереотип о том, что учителя любят детей, в то время как в студенческой среде в целом он абсолютно не распространен. Полученные результаты согласуются с работами Г. Ф. Шафранова-Курцева, который отмечает, что большинство учителей обосновывают свой профессиональный выбор привлекательностью работы с детьми [4, с. 49]. Слабая распространенность данного стереотипа среди студентов несет в себе непосредственную угрозу для межличностной коммуникации, так как степень доверия к учителю постепенно падает, а стереотип о нелюбви учителями детей делает ситуацию лишь хуже.

Еще один стереотип, несущий в себе опасность, состоит в том, что все учителя подрабатывают репетиторством. С ним согласно студенчество в целом и не согласны студенты-педагоги. В ходе проведенной в рамках исследования фокус-группы выяснилось, что, по мнению некоторой части студенческой молодежи, учителя лишь «прибедняются», и их заработные платы не являются слишком низкими, кроме того их постоянно повышает

государство. Репетиторство в данном контексте для многих родителей выступает как средство выманивания денег со стороны учителей, что повышает напряженность во взаимоотношениях в процессе образования [3, с. 38]. Данные полученные в результате исследования, подтверждают это предположение, так как, действительно, студенческая молодежь склонна более высоко оценивать размер оплаты труда учителя, нежели будущие педагоги. Также в ходе проведения фокус-группы выявлена негативная оценка самого явления репетиторства со стороны студенческой молодежи. Все это может выступать в качестве угрозы эффективной коммуникации между учителями и будущими родителями, без которой невозможно добиться качественного образования.

Изменить соотношение реальности и стереотипа можно путем коррекции последнего. По мнению большинства ученых, разрушить существующий стереотип или создать новый почти невозможно, однако существуют механизмы его трансформации и дополнения содержания. Основными источниками информации для изменения содержания предубеждения служат личный опыт индивида, его социальное окружение и средства массовой информации. Проведенное нами исследование показывает, что для современной студенческой молодежи наибольшее влияние на трансформацию стереотипа оказывают первые два источника, эти данные подтверждают и другие исследователи [2, с. 20]. Именно на них стоит опираться при трансформации информационного поля стереотипа. Однако исключать СМИ из данного процесса не стоит, так как, по мнению некоторых ученых, они несут долю манипулятивного компонента, который может оказывать большое влияние, но не осознаваться людьми [1, с. 136].

Таким образом, стереотипизированный образ учителя в сознании современной молодежи несколько отличается от образа, сформированного у студентов, получающих данную специальность. Некоторые расхождения между ними могут нести в себе угрозу социальной напряженности и способствовать дезинтеграции социальных групп и общностей, прямо или косвенно приобщенных к данной профессиональной деятельности. Для недопущения подобного рода явлений необходимо трансформировать ряд социальных стереотипов, которые далеки от реальности и способствуют укреплению негативного образа учителя у молодежи.

Литература

1. Воронина С. А. Манипулятивный аспект функционирования средств массовой коммуникации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. Вып. 5. С. 135–143.
2. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия: монография. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 202 с.
3. Чекалина А. А. Профессиональные стереотипы учителя и работа с ними: гендерный аспект // Проблемы социальной работы: теория и практика: Сборник материалов II международной научно-практической конференции. Омск: Лира, 2008. 692 с.
4. Шафранов-Курцев Г. Ф. Место учительства в стратификационной структуре современного российского общества // Социологические исследования. 2016. №9. С. 48–56.
5. Ядов В. А. К вопросу о теории стереотипизации в социологической науке // Философские науки. 1996. №5. С. 54–69.

STEREOTYPED IMAGE OF THE TEACHER'S TRAIN IN STUDENTS'S CONSCIOUSNESS OF YOUTH STUDENT

Motina A. V., Barnaul (Russia)

Abstract: *professional stereotypes can be a source of social tension and the disintegration of social groups and communities. If prejudice is remote from reality, then this situation is exacerbated. The profession of the teacher is entrusted with great social responsibility, therefore the identification of destructive professional stereotypes about this activity and their transformation will contribute to the establishment of effective interaction between subjects of the educational sphere. This article provides a comparative analysis of stereotypical images the profession of the teacher in the mind student youth in general and students receiving pedagogical education. The main professional prejudices that threaten social tension in the field of the educational process are considered.*

Keywords: *social stereotype, professional stereotype, stereotype information field, sociology of stereotype, profession.*

ВЛИЯНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ ВУЗА НА ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Овсянникова Е. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: *в период роста престижа обучения за рубежом и повышения мобильности студентов, актуальной становится проблема адаптации иностранных студентов в образовательной среде высших учебных заведений. Важной данная проблема является и для российских вузов. В данной работе исследуется взаимодействие администрации вузов с иностранцами, обучающимися в стандартных академических группах вместе с русскими студентами. Рассматриваются проблемы, с которыми они сталкиваются в процессе социальной адаптации. Выделяются и описываются особенности решения данных проблем на примере Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова.*

Ключевые слова: *социология молодежи, молодежь, студенчество, толерантность, адаптация студентов.*

В современном мире большую популярность набирает тенденция получения высшего образования за границей. Особое влияние на уровень профессиональной подготовки студентов оказывает социокультурная адаптация в стране пребывания. Значимой особенностью России является неоднородность культуры ее общества, так как это многонациональная страна. Поэтому адаптация иностранных студентов может быть затруднена вследствие разнообразия в нашей стране культур и традиций, присущих им [1]. Иностранцам может быть достаточно тяжело ориентироваться не только в образовательной среде, но и в русском быте, особенно если они оказываются в нашей стране впервые. Стоит отметить, что если речь идет об учебных заведениях не столицы, а провинциальных городов, то также возможно проявление нетолерантного поведения со стороны местных граждан, что тоже сказывается на жизни иностранцев в России, их личностном развитии и качестве получаемого образования. Именно поэтому на сегодняшний день проблема адаптации иностранных студентов является актуальной для вузов России.

Задачей администрации высших учебных заведений является поиск методов и средств решения данной проблемы и их

реализация. Автором данной работы был рассмотрен пример взаимодействия иностранных студентов с деканатами и ректоратом ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова» (далее АлтГТУ). Всего в университете обучается около 700 иностранных граждан. В большей степени это люди, приехавшие из стран Центральной Азии (Казахстан, Китай, Узбекистан, Монголия, Таджикистан и др.). На базе АлтГТУ работает Институт международного образования и сотрудничества (далее ИМОиС), главной целью которого является обучение иностранных граждан русскому языку, адаптация их к условиям новой языковой среды, знакомство с русской культурой, традициями и подготовка к дальнейшему обучению в вузах России [2]. Образовательная программа ИМОиС включает в себя изучение русского языка и профильных дисциплин. Обучающиеся на данном факультете объединены в академические группы и в процессе обучения находятся в достаточно благоприятной среде, так как из коренных носителей языка в процессе получения образования они взаимодействуют в основном только с преподавателями, а с местными жителями общаются уже во внеучебное время. Поэтому, по мнению автора, особое внимание стоит уделить учащимся в стандартных академических группах различных факультетов, где иностранные граждане получают профессиональные навыки наряду с русскими студентами. Иностранные студенты в таких условиях подвержены стрессу в большей степени. И, если преподаватели на ИМОиС ориентированы на работу с иностранцами, учебная программа преподавательского состава других факультетов вуза не предусматривает решение проблем, возникающих именно у иностранных студентов. К таким проблемам могут относиться лингвистические трудности, трудности усвоения учебного материала и овладения навыками, проблемы межличностного взаимодействия и взаимодействия с окружающей средой. Вследствие этого возникает необходимость в дополнительном сотрудничестве администрации вуза с иностранными студентами для повышения качества образования и ускорения процесса их адаптации к новой культурной среде.

Решением данной проблемы стал следующий метод взаимодействия деканатов со студентами. На каждом факультете иностранцы с одного курса объединяются в формальные группы со своим выборным старостой, в обязанности которого входит посещение факультетских и общеуниверситетских старостатов,

обеспечение посещаемости собраний и мероприятий университета, касающихся решения вопросов и проблем иностранных граждан, поддержание связи с деканатом и с членами своей группы, а также распространение на группу информации, полученной из деканата или на старостате. Однако такой староста, в отличие от старосты стандартной академической группы не обязан следить за посещаемостью и успеваемостью иностранцев, так как они все могут являться членами различных академических групп. Вместо куратора из числа преподавателей, закрепленного за обычной группой, со старостой группы иностранных учащихся вуза напрямую работает заместитель декана факультета. Основной задачей заместителя декана в этом случае является обеспечение включенности студентов в учебный процесс, мотивация их к получению новых навыков, контроль успеваемости и посещаемости учебных занятий, приобщение их к внеучебной деятельности для ускорения процесса адаптации.

Создание такого коллектива имеет положительные результаты, которые отмечают как преподаватели, так и сами студенты. Основопологающим, конечно, является повышение качества образования. Также отмечается ускорение процесса преодоления стеснения и замкнутости студентов, адаптации иностранных студентов к повседневной жизни, налаживание контактов в академической группе и вне ее. Это обуславливается тем, что создание таких неформальных коллективов приводит к образованию более благоприятной среды для получения новых навыков и знаний. Студентам психологически и эмоционально легче учиться, если они имеют возможность общения и обмена опытом с людьми, оказавшимся в таком же положении.

Литература

1. Выявление проблем иностранных студентов в процессе их адаптации в образовательной среде российского вуза [Электронный ресурс] // Образовательный сайт: [сайт]. URL: <http://refleader.ru/jgeujgbewyfsaty.html> (дата обращения: 25.05.2018).

2. Институт международного образования и сотрудничества [Электронный ресурс] // Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова: [сайт]. URL: <https://www.altstu.ru/structure/institute/imois/> (дата обращения 25.05.2018).

THE INFLUENCE OF THE UNIVERSITY ADMINISTRATION ON THE PROCESS OF ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS

Ovsyannikova E. V., Barnaul (Russia)

Abstract: *in the period of growing prestige of studying abroad and increasing mobility of students, the problem of adaptation of students in the educational environment of higher education institutions becomes urgent. This problem is also important for Russian universities. This article examines the interaction of the University administration with foreign students studying in standard academic groups together with Russian students. The problems faced by foreigners in the process of social adaptation are considered. The features of solving these problems on the example of the Polzunov Altai State Technical University.*

Key words: *sociology of youth, youth, students, tolerance, adaptation of students.*

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ИНТЕГРАЦИИ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ДИАСПОРНЫХ ГРУПП)¹⁸

Перепелкина К. В., Максимова С. Г., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье рассматривается один из важных вопросов для полиэтнической России – роль национально-культурных объединений в интеграции местного сообщества, их значение и функции как для всего общества, так и для отдельного человека, принадлежащего к той или иной национальности.

Ключевые слова: национально-культурные объединения, этнос, нация, национальная политика, местное сообщество, некоммерческие организации.

Современная Россия представляет собой полиэтническое государство, насчитывающее более 190 различных национальностей [7]. Рост национального сознания и стремление сохранить свою национальную культуру приводят к объединению соотечественников в земляческие группы, чья деятельность оказывает заметное влияние на местное сообщество.

В Алтайском крае национально-культурные объединения начали появляться в 1991-м году. В текущем году количество национально-культурных объединений достигло 53-х зарегистрированных организаций, в деятельности которых принимают участие 20 народов, проживающих на территории региона.

Наиболее развитой национально-культурной сетью в Алтайском крае обладают немцы (12), казахи (6), коренные народы Севера – кумандинские организации (5), татары (4), азербайджанцы (3). По две НКО в крае зарегистрировано у поляков, армян, белорусов, украинцев, таджиков, одной обладают чеченцы, евреи, литовцы, киргизы, алтайцы, узбеки [4].

С точки зрения правового статуса национально-культурные объединения, понимаемые как разновидности общественных объединений, выполняют значимую функцию в интеграции

¹⁸ Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России».

местного сообщества [2]. Данная функция, во-первых, реализуется с помощью добровольного объединения людей, принадлежащих к одному народу, говорящих на одном языке, исповедующих одну религию, во-вторых, проявляется в сохранении самобытности культуры населения, которое принадлежит к данному объединению, и, в то же время, интегрируется в систему других институтов гражданского общества, в общегражданскую культуру. И, наконец, интегрирующая роль национально-культурных объединений проявляется в том, что все члены данных объединений получают право голоса через организацию в определении государственной национальной политики, которая касается каждой этнической группы, каждого народа [5].

На основе изучения деятельности национально-культурных объединений Алтайского края, можно выделить ее основные направления:

- изучение, сохранение и пропаганда национальной культуры (обрядов, праздников, традиций, языка);
- создание и организация художественных коллективов, любительских объединений, клубов, кружков, воскресных школ, прочих объединений творческого характера;
- участие в проведении фестивалей, конкурсов, форумов и конференций, посвященных национальным культурам;
- защита национально-культурных интересов представляемой нации;
- укрепление межнационального единства народов Алтайского края;
- оказание социальной помощи, защита прав и законных интересов членов сообщества в органах государственной власти и местного самоуправления в соответствии с действующим законодательством;
- пропаганда здорового образа жизни и т.д. [8].

Для реализации своих целей организации проводят различные мероприятия, такие как выставка «Культура Армении» – АКОО «Союз армян Алтайского края» [1], акция «Мин татарча сөйләшәм» (Что барнаульцы знают о татарах?) – АКОО «Центр татарской культуры «Дулкын», проект «Дни Литвы на Алтае» – АКОО «Общество литовской культуры», фестиваль национальной культуры кумандинского народа – АРОО «Объединение кумандинцев Алтая» [3], участие в конференциях и форумах, посвященных развитию этнокультур (Межрегиональный форум татарской молодежи «Молодые сердца» – АКОО «Центр татарской

культуры «Дулкын», участие в I Региональной научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в региональном социуме» в Алтайском государственном университете [6]) и т.д.

Таким образом, можно увидеть, что национально-культурные объединения выполняют очень важную роль в интеграции местного сообщества. С одной стороны, они сохраняют культуру народа, который они представляют, а с другой – способствуют его вовлечению в жизнь общества, успешной интеграции и адаптации представителей различных национальностей в полиэтнической России.

Литература

1. Алтайская краевая общественная организация «Союз армян Алтайского края» [Электронный ресурс], URL: <https://www.saak-sam.org/> (дата обращения: 1.06.2018).
2. Григоренко Ю. А. Национально-культурные объединения как элемент интеграции полиэтнического общества // Известия Российского педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 170. С. 87–90.
3. Информационный портал «НКО Алтайского края» [Электронный ресурс] URL: <https://www.nko22.ru> (дата обращения: 1.06.2018).
4. Максимова С.Г., Морковкина А.Г. Гражданская и этническая идентичность как маркеры межэтнических отношений в приграничных регионах России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 347-358.
5. Официальный сайт Алтайского края [Электронный ресурс], URL: <http://www.altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/Natsionalno-kulturnye-obedineniia-kraia/> (дата обращения: 1.06.2018).
6. Прилуцкий А. М., Погасий А. К. Понятие «секта»: основное значение и правомерность употребления // Религиоведение. 2006. № 1. С. 164–170.
7. Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае [Электронный ресурс]. URL: <https://rescenter22.ru/unite/> (дата обращения: 1.06.2018).

8. Русский портал «Народы России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ороссу.ком/narody.htm> (дата обращения: 1.06.2018).

9. Сайт о национально-культурных объединениях Алтайского края «Наш-Алтай.РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://наш-алтай.рф>. (дата обращения: 1.06.2018).

THE ROLE OF ETHNIC CULTURAL ASSOCIATIONS IN THE
INTEGRATION OF THE LOCAL COMMUNITY
(ON THE EXAMPLE OF DIASPORARY GROUPS)

Perepelkina K. V., Maksimova S. G., Barnaul (Russia)

Abstract: *the article considers one of the important issues for multiethnic Russia the role of ethnic-cultural associations in the integration of the local community, their values and functions for the whole society, as well as for an individual belonging to one or another nationality.*

Keywords: *ethnic-cultural associations, ethnos, nation, national policy, local community, non-profit organizations.*

БОЛЬНИЧНАЯ КЛОУНАДА КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ДОМА-ИНТЕРНАТА

Плотникова М. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: данная статья посвящена исследованию особенностей и возможностей больничной клоунады в социокультурной реабилитации детей с ментальной инвалидностью в условиях детского дома-интерната для умственно-отсталых детей. В статье рассматриваются профессиональная и непрофессиональная больничная клоунада, выделяются основные аспекты больничной клоунады, отвечающие потребностям детей с интеллектуальными нарушениями, проживающим в детской доме-интернате.

Ключевые слова: больничная клоунада, больничный клоун, ментальная инвалидность, социокультурная реабилитация, детский дом-интернат для умственно-отсталых детей.

В настоящее время для успешной адаптации и реабилитации детей с ментальной инвалидностью в условиях ДДИ становится актуальным применение различных технологий социокультурной реабилитации.

Детям с ментальной инвалидностью, как и любому ребенку, необходимо получать заботу, внимание и новые положительные эмоции. Зачастую, проживая в доме интернате, дети находятся в условиях социальной депривации, испытывают дефицит в общении. Такая деформация сферы потребностей объясняется длительным пребыванием в однообразной обстановке с монотонным стилем жизни, отсутствием общения с новыми людьми, невозможностью реализовать приобретенные в процессе обучения знания и навыки. Справиться с социальной депривацией и успешно адаптироваться к социальной реальности может помочь больничная клоунада. На наш взгляд, при работе с детьми с ментальной инвалидностью наиболее эффективно применение именно данной технологии, так как она способствует получению новых положительных эмоций, повышению эмоционального фона, преодолению чувства депривации, коррекции негативных чувств, удовлетворению потребности в позитивной коммуникации и расширению сферы интересов детей, проживающих в условиях ДДИ.

В рамках данной работы будет рассмотрено понятие «больничная клоунада», для чего она используется и как ее возможности соответствуют потребностям детей с ментальной инвалидностью, проживающих в детском доме для умственно отсталых детей.

Больничная клоунада – это инновационная, динамично развивающаяся деятельность по социокультурной реабилитации тяжелобольных детей в стационарных учреждениях методами арт-терапии, клоунотерапии и игротерапии [8].

Больничная клоунада подразделяется на любительскую и профессиональную. Основная дискуссия в сообществе клоунотерапевтов связана с тем, кто должен работать в качестве больничного клоуна – профессиональный клоун-доктор или волонтер.

Основоположником непрофессиональной (волонтерской) больничной клоунады является американец П. Адамс. Его яростными противниками являются европейцы К. Симон и В. М. Ольшанский.

К. Симон – известная актриса – клоун Жираф, основатель и директор французской организации «Доктор-смех» считает, что социальной работой должны заниматься самые талантливые актеры, режиссеры и клоуны, потому что больной ребенок достоин самого лучшего, самого талантливого и самого профессионального.

Также явным сторонником профессиональной больничной клоунады является В. М. Ольшанский. По его мнению, профессия клоунотерапевта требует особого таланта и определенных актерских и клоунских навыков, которые необходимо постоянно развивать и много работать над собой [6].

Социальная клоунада П. Адамса является альтернативой профессиональной больничной клоунаде. Патч Адамс – американский врач, общественный деятель, больничный клоун и писатель. Более всего миру он известен своей деятельностью в качестве больничного клоуна, и считается одним из создателей данного явления. В отличие от К. Симон и В. М. Ольшанского он считает, что больничным клоуном может стать любой человек, его не нужно загонять в профессиональные рамки, а наоборот – нужно дать ему возможность свободно мыслить и творить. По его мнению, профессиональная подготовка может привести к тому, что от каждого волонтера-клоуна будут требовать диплом. П. Адамс убежден, что зачастую многим начинающим

клоунотерапевтам не хватает той уверенности, которая приходит только с опытом [9].

В России технологии больничной клоунады сейчас активно развиваются. Конечно, необходимых материальных и кадровых ресурсов для создания мощной профессиональной сети организационной больничной клоунады в России пока нет. Тем не менее, в разных регионах страны функционируют профессиональные и волонтерские сообщества клоунотерапевтов. Движение больничных клоунов существует в России с 2005 года. За это время данная технология доказала свое эффективное и позитивное воздействие на психоэмоциональное самочувствие и физическое состояние тяжелобольных детей.

На данный момент наиболее известными организациями в нашей стране, которые занимаются больничной клоунадой, являются: «Доктор-клоун» под руководством Ю. Райской и М. Матвеевой, и автономная некоммерческая организация помощи детям, оказавшимся в тяжелых жизненных обстоятельствах, «Больничные Клоуны» под руководством К. Седова [3].

Автономная некоммерческая организация «Больничные Клоуны» является первой в России профессиональной организацией, практикующей регулярную и системную реабилитацию детей, находящихся на стационарном лечении, с помощью средств больничной клоунады, арт-терапии и игротерапии. Основными направлениями деятельности данной организации являются: регулярная профессиональная помощь в больницах и хосписах детям с тяжелыми заболеваниями; помощь в социализации и гармонизации детей-сирот в детских домах и детских психиатрических больницах; содействие реабилитации детей, попавших в трудные жизненные ситуации в результате чрезвычайных ситуаций.

Руководит организацией один из первых профессиональных больничных клоунов в России Константин Седов. В данной организации работают профессиональные актеры, режиссеры и музыканты, а также люди других творческих профессий. Коллектив насчитывает более 50 человек, которые регулярно, один-два раза в неделю, посещают детей.

Работа с тяжелобольными детьми требует профессиональной подготовки, поэтому больничные клоуны проходят строгий отбор и серьезную подготовку в школе больничных клоунов. После обучения для клоунов проводятся различные формы повышения

квалификации, включающие семинары с психологами, мастер-классы иностранных коллег и стажировки в других странах [5].

Помимо профессиональных организаций в разных регионах нашей страны также создаются непрофессиональные организации, оказывающие помощь тяжелобольным детям. Наиболее известными из них являются: АНО «Партнеры по Радости» (Томск); АНО «Больничные клоуны НОС» (Новосибирск); АК ЖОО «Отклик» (совместно с кафедрой социальной работы Алтайского государственного университета, Барнаул).

В настоящее время многие организации, занимающиеся больничной клоунадой, все чаще уделяют особое внимание работе с детьми с ментальной инвалидностью. Зачастую, такие дети проживают в домах-интернатах для умственно отсталых детей. Воспитанники не имеют возможности покидать данные учреждения, многие из них живут с тяжелыми физическими нарушениями и на всю жизнь прикованы к кровати или инвалидному креслу.

Чаще всего жизнь в таких учреждениях планируется с учетом работы со всей группой, а не каждого ребенка отдельно. Проживая в условиях ДДИ, дети находятся в условиях крайне бедной сенсорной среды: групповые помещения, как правило, имеют больничный вид, игрушек мало, они часто малодоступны и не используются по назначению. Воспитанники практически не общаются друг с другом, редко обращают внимание на одноклассников. Череду меняющихся, эмоционально отстраненных взрослых не дает возможности построить устойчивые эмоциональные связи [2]. Зачастую такие дети замкнуты и тяжело идут на контакт, помочь ребенку раскрыться и наладить навыки коммуникативного общения может больничный клоун.

Больничный клоун – это яркий, позитивный персонаж, который несет с собой всегда радость, веселье и положительные эмоции. Одним своим появлением он повышает настроение и вызывает восторг у детей [6].

Многие считают, что если это клоун, то на нем обязательно должен быть ярко-рыжий парик и огромные ботинки, огненно-красный с желтыми помпонами комбинезон. Ну, и, само собой, яркий грим на все лицо, на фоне которого его красный нос и не заметен, но это ошибочное мнение. Так выглядит клоун-аниматор или ковровый клоун в цирке. Больничный клоун от них очень сильно отличается. Он не сразу заметен в толпе, он входит почти

бесшумно, проникается атмосферой пространства, дышит, смотрит, чувствует – и только после этого его красный нос становится заметен всем, кто в помещении. Ведь грим на лице лишь подчеркивает черты лица и дополняет главный аксессуар клоуна – его красный нос.

Еще одной визитной карточкой клоуна является имя. У больничных клоунов особые имена – они отражение того, кем является человек, который отправился на поиски своего внутреннего клоуна.

Имя дает клоуну защиту, ведь пока он часть имени – он часть клоуна, а значит, он соткан из любви, наивности и любопытства. Клоун готов увидеть все и справиться с любой задачей, которая смогла бы заинтересовать детей, – он открыт новому и неизведанному [4, с. 13].

Основной целью деятельности больничного клоуна в условиях ДДИ является социокультурная реабилитация детей с ментальной инвалидностью.

Ввиду того или иного отклонения дети имеют ряд специфических особенностей, которые проявляются: в отставании сроков и темпе развития; инертности, пассивности, отмечаемых во всех сферах жизнедеятельности ребенка; существенном недоразвитии моторных и речевых функций; несформированности когнитивной деятельности; примитивности интересов, потребностей, мотивов; снижение познавательного интереса; нарушении эмоционально – волевой сферы. Степень проявления этих нарушений варьируется от легких до глубоких форм [1].

Работать с такими детьми психологически тяжело, поэтому клоун должен быть подготовлен не только профессионально, но и эмоционально. На наш взгляд основными качествами больничного клоуна для работы с детьми с ментальной инвалидностью являются следующие: обучаемость, стрессоустойчивость, гибкость, мобильность, умение найти индивидуальный подход к конкретному ребенку [6]. Клоун должен быть открытым, но, в тоже время, создать определенную дистанцию, защищающую от внешних факторов и спасающую от профессионального выгорания.

Работа клоуна основывается на трех основных элементах – игре, юморе, общении [5]. Игра является основным инструментом, который использует больничный клоун при взаимодействии с ребенком с ментальной инвалидностью. Так как такие дети

тяжело идут на контакт, больничный клоун в процессе игры должен решать следующие задачи: во-первых, он должен создать для ребенка атмосферу безопасности, во-вторых, он должен понимать и принимать мир ребенка с ментальной инвалидностью, в-третьих, поощрять выражение эмоционального мира ребенка. Что бы ребенок ни чувствовал – это принимается клоуном безоценочно. В-четвертых, больничный клоун должен создать для ребенка ощущение дозволенности, так как, проживая в условиях ДДИ, дети ограничены в свободе своих действий. Это не означает, что дозволено абсолютно все [7, с. 13]. Важным аспектом игровой терапии является, однако то, что у ребенка появляется чувство свободы. Наличие у ребенка выбора создает у него ощущение ценности собственной личности.

Следовательно, можно сделать вывод, что основная работа больничного клоуна в результате игры с ребенком должна быть направлена на поддержание позитивного эмоционального состояния, помощь в совладании с негативными эмоциями, обучение навыкам коммуникативного и социального взаимодействия, а также адаптацию и реабилитацию в условиях ДДИ.

В настоящее время становится популярным мнение о том, что юмор и смех полезны для здоровья. Большинство ученых считает, что юмор вызывает эмоцию радости. Также выявлено, что даже просто смех может вызывать эмоцию радости [10]. Дети с ментальной инвалидностью, проживая в условиях ДДИ, очень редко испытывают те или иные положительные эмоции. Зачастую это связано с тем, что деятельность специалистов данных учреждений направлена на улучшение физического здоровья, а не на повышение уровня эмоционального состояния детей. Поэтому, когда больничный клоун идет в палату к ребенку, он должен быть готов к тому, что он может на него никак не реагировать ввиду сниженного эмоционального фона, либо будет агрессивно настроен, или наоборот будет проявлять гиперактивность.

На наш взгляд использование данного элемента поможет больничному клоуну создать атмосферу доверия в общении с особенными детьми. Поскольку дети очень замкнуты и тяжело идут на контакт, юмор и смех помогут снять скованность и зажатость. Клоуну будет легче найти общий язык с ребенком, который улыбается, так как он более коммуникабелен и будет проще адаптироваться. Помимо этого, польза смеха для детей заключается в его способности развить моторику их движений,

что немаловажно для детей с ментальными нарушениями, и повысить интерес к изучению нового.

Конечно, основная задача больничного клоуна – веселить и развлекать, но также неотъемлемой частью его работы является налаживание общения с детьми. Налаживать контакт с ребенком нужно очень осторожно, так как особенности у всех разные, кто-то может быстро пойти на контакт, а кому-то нужно время, чтобы почувствовать себя в безопасности. Поэтому больничный клоун должен быть еще и психологом, чтобы вовремя сориентироваться и начать индивидуальную работу с тем или иным ребенком. Также клоун должен проявлять подлинный интерес, испытывать привязанность, быть человеком, от которого ребенок почувствует ту самую любовь, заботу и внимание, которой он был лишен на протяжении всей своей жизни.

Таким образом, можно сделать вывод, что больничная клоунада за тридцать лет превратилась в специфическую технологию социокультурной реабилитации, имеющую достаточное теоретическое обоснование, обладающую богатым опытом практической реализации, сформировавшимися методиками, учитывающими индивидуальные психологические особенности ребенка. Все это говорит о становлении нового технологического направления социокультурной адаптации и реабилитации тяжелобольных детей не только в больницах, но также в домах-интернатах для умственно отсталых детей.

Литература

1. Белопольская Н. Л. Детская патопсихология. Хрестоматия. М., 2010.
2. Битова А. Л. Психолого-педагогическое сопровождение детей с тяжелыми и множественными нарушениями развития в условиях детского дома-интерната // Центр лечебной педагогики «Особое детство». М., 2015.
3. Гурьева Е. С. Теоретические аспекты больничной клоунады – анализ отечественной и зарубежной литературы // Казанский педагогический журнал. 2016. №6 (119). С. 140–143.
4. Гурьева Е. С. Озорно о Серьезном. Казань, 2016. 98 с.
5. Долженкова М. И. Больничная клоунада в структуре технологий социокультурной реабилитации // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. №7–8 (159–160). С. 84–94.

6. Ольшанский В. М. Путь клоуна. История смехотерапии // Электронная библиотека «Ваш верный проводник в мире книг». М., 2013.

7. Седов К. Больничные клоуны: от волонтерства к профессии. М., 2014. 56 с.

8. Сиротина Т. В., Миллер С. М. Больничная клоунада как технология адаптации и реабилитации ребенка в больничном учреждении // BaikalResearchJournal. Иркутск, 2015. Т. 6. № 6.

9. Рагожина Е. Патч Адамс. Смех, открывающий души // Новый стиль. М., 2013. Февраль. № 16.

10. Род М. Психология юмора // Книжный архив. М., 2002.

MEDICAL CLOWNERY AS METHOD OF SOCIAL CULTURAL
REHABILITATION OF CHILDREN WITH IMENTAL DISABILITIES AT
CARE HOME FOR CHILDREN WITH LEARNING AND PHYSICAL
DISABILITIES

Plotnikova M. V., Barnaul (Russia)

Abstract: the article is devoted to the study of the main features and possibilities of medical clownery as a method of social cultural rehabilitation of children with mental disabilities living at care homes for children with disabilities. In the article the professional and nonprofessional medical clownery, its main aspects that suit children's needs with intellectual disabilities are analyzed.

Keywords: medical clownery, hospital clown, mental disability, social cultural rehabilitation, care home for children with learning and physical disabilities.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ НА РЫНКЕ ТРУДА Г. БАРНАУЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Попова А. И., Максимова С. Г., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье рассматривается роль вузов в формировании кадрового потенциала региона. Раскрыто особое положение молодых специалистов на рынке труда г. Барнаула, отмечены связанные с этим риски. Проанализированы официальные статистические данные, сделаны выводы о современном на рынке труда г. Барнаула.

Ключевые слова: востребованность выпускников, рынок труда, занятость, миграция, трудоустройство.

В настоящее время вузы являются одними из главных поставщиков образовательных услуг на рынок труда. За последние годы отечественный рынок образовательных услуг существенно расширился за счет увеличения как числа вузов, так и числа специальностей и направлений подготовки. Возросли требования рынка труда к качеству обучения и уровню квалификации выпускников, а молодежь сейчас все больше задумывается в ходе выбора профессии о конкурентоспособности рабочей силы [2].

Молодые специалисты являются трудовым потенциалом и залогом экономического развития города, при этом выступая одним из наиболее проблематичных участников регионального рынка труда [3].

Барнаул является самым крупным городом Алтайского края и основным источником квалифицированных кадров на региональном рынке труда, насчитывая 9 государственных высших учебных заведений, выпускающих ежегодно более 10 тыс. специалистов.

И здесь необходимо отметить возможность возникновения риска противоречий между социально-профессиональными ориентациями молодежи и потребностями предприятий, организаций и фирм в рабочей силе. Несбалансированность объемов и профилей подготовки специалистов с потребностями рынка труда в ряде случаев усугубляет проблемы трудоустройства выпускников образовательных учреждений.

Уровень безработицы экономически активных граждан с высшим образованием – самый низкий по сравнению с другими группами населения. Но с народнохозяйственной точки зрения их

трудовой потенциал используется недостаточно эффективно, если учесть значительные затраты на подготовку таких специалистов. Проблема безработицы молодых людей не является единственной, хоть и основной проблемой современного рынка труда города. Отсутствие возможности найти достойную работу все чаще побуждает жителей края сменить место жительства в пользу более перспективных и экономически безопасных зон России: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Дальний Восток, Север.

Если обратиться к статистическим данным, представленным на портале краевой статистики, то миграционную и экономическую ситуацию в крае можно охарактеризовать так. Согласно данным, на конец 2016 г. безработными были 15,5 тыс. выпускников с высшим образованием, это больше, чем количество выпущенных специалистов всеми вузами в аналогичный период (12 000 чел.), т.е. проблема трудоустройства выпускников наблюдается продолжительное время. Средняя заработная плата по Алтайскому краю на февраль 2018 года составила 23 071 руб., это больше, чем в феврале 2017г. (20 091 руб.), однако меньше, чем средняя заработная плата в декабре 2017г. (29 469 руб.). В любом случае, это ниже, чем в соседних регионах, например, в Томской области средняя заработная плата составляет 39 000 руб., Новосибирской – 33 000 руб., Кемеровской – 34 000 руб.

Миграционная ситуация так же находится в зоне риска. За январь – февраль 2018 г. из края уехали 10 000 чел., за этот же период из других регионов приехали всего 8767 чел., миграционная убыль населения составила 1490 человек. Какое количество выпускников из этого числа покинуло регион вообще не известно [4].

В этой связи представляется необходимой активная работа трех сторон, непосредственно влияющих на состояние рынка труда города: вузы, региональные и муниципальные органы управления, работодатели. Каждый из них имеет свою компетенцию и механизмы влияния на ситуацию в сфере занятости выпускников.

Полномочия по решению данного вопроса в Алтайском крае принадлежат непосредственно Министерству труда и социальной защиты Алтайского края. Согласно положению, министерство осуществляет следующие функции:

- организует временное трудоустройство безработных граждан в возрасте от 18 до 20 лет из числа выпускников образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования, ищущих работу впервые;

- определяет потребности экономики Алтайского края в профессионально подготовленных кадрах на среднесрочный период, вносит в Правительство региона предложения по корректировке объемов и профилей подготовки кадров в системе профессионального образования Алтайского края;

- согласовывает контрольные цифры приема обучающихся за счет средств краевого бюджета в краевые государственные учреждения начального и среднего профессионального образования [1].

Как видно, о содействии в трудоустройстве выпускникам высших учебных заведений не упоминается, видимо, имеется в виду, что они попадают под общую категорию безработных граждан и не требуют специального подхода.

Так же стоит отметить работу администраций районов и комитетов города. Эти учреждения регулярно организуют дни открытых дверей для выпускников с целью донесения специфики деятельности муниципального служащего и формирования кадрового резерва.

В вузах проблемой трудоустройства выпускников занимаются отделы управления по работе с предприятиями и организациями и трудоустройству выпускников, главными видами деятельности которых являются: развитие сотрудничества и взаимодействия с предприятиями, организациями и другими хозяйствующими субъектами различных форм собственности – потенциальными и действующими работодателями для студентов и выпускников университета, содействие занятости выпускников и оказание помощи молодым специалистам на рынке труда.

Что касается работодателей, то здесь достаточно трудно проследить конкретные действия в этом направлении, каждое предприятие устанавливает это внутренним регламентом и порядком.

Таким образом, можно сказать, что существует некое противоречие между регламентированными мерами поддержки молодых специалистов и реальной картиной трудоустройства и миграционными потоками. Именно поэтому глубокое исследование по оценке востребованности выпускников вузов на рынке труда г. Барнаула является необходимым для корректировки образовательной стратегии вузов под современный рынок труда г. Барнаула. Также чрезвычайно важны для развития профессионального образования всех уровней, особенно с длительным периодом обучения, прогнозы рынка

труда, поскольку они касаются удовлетворения потребностей отраслей в кадрах, оптимального сочетания источников финансирования образовательных услуг и рационального использования труда молодежи.

Литература

1. Постановление Администрации Алтайского края от 5 июля 2010 года №294 «Положение об Управлении Алтайского края по труду и занятости населения».

2. Дикусарова М. Ю., Данильчук С. В., Перевалова К. В. Специфика молодежного рынка труда Приморского края [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2017. №5. С. 152–154. URL <https://moluch.ru/archive/139/39202/> (дата обращения: 01.06.2018).

3. Колтунова Ю. И. Трудности трудоустройства и профессиональной адаптации выпускников вузов // Вестник челгу. 2014. №24 (353). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-trudoustroystva-i-professionalnoy-adaptatsii-vypusknikov-vuzov> (дата обращения: 01.06.2018).

4. Социально-экономическое положение Алтайского края. Январь – апрель 2018 года. Стат. докл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Б., 2018. 148 с.

5. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Goncharova N., Maksimov M., Surtaeva O. Sociological Monitoring of Interethnic Relations // Procedia – Social and Behavioral Sciences, Volume 219, 31 May 2016, Pages 534–540.

THE DEMAND FOR GRADUATES OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN THE BARNAUL LABOR MARKET: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Popova A. I., Maksimova S. G., Barnaul (Russia)

Abstract: *the article examines the role of higher education institutions in the formation of the personnel potential of the region. A special position of young specialists in the labor market of Barnaul is revealed, and the risks associated with this are noted. Analyzed official statistics, conclusions are made about the current labor market in Barnaul.*

Keywords: *graduates' demand, labor market, employment, migration, employment.*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ ПО ВОЙЛОКОТЕРАПИИ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН

Пугачев М. Д., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье автор рассматривает терапевтические возможности войлоковаляния. Автор анализирует потенциал войлоковаляния для открытия благотворительных курсов для социально незащищенных групп населения на примере реализации социального проекта эко-мастерской «АлтайФелт».

Ключевые слова: некоммерческие организации, войлок, терапия, инвалиды, шерсть.

История благотворительности в России традиционно ведет исчисление с 10 века, с принятия древней Русью христианства. Система государственной и частной благотворительности в России окончательно оформилась только в 19 веке, когда сложились правила благотворительности, соответствующие духовно-моральным устоям православия.

В современном обществе, в условиях кардинальных перемен, большое значение имеет милосердие и благотворительная деятельность.

Войлокотерапия, как следует из самого названия художественно-творческой технологии психосоциальной работы, основана на работе с войлоком. Работа с войлоком очень полезна, так как шерсть согревает, успокаивает, наполняет энергией, позитивными эмоциями, снимает стресс и психическое напряжение.

Войлок – это плотный нетканый текстильный материал из валяной шерсти, который обладает уникальными свойствами, а именно: это дышащий материал, он воздухопроницаем, великолепно сохраняет тепло. Войлок изготавливается из натуральной шерсти, как правило, шерсти овец. Также войлок может изготавливаться из пуха кроликов и коз. Шерстяные волокна обладают способностью сцепляться друг с другом под действием пара, горячей воды, активного механического воздействия, – именно на этих свойствах шерсти основано войлоковаляние.

Считается, что войлоковаляние, или терапия шерстью, – это терапия живым теплом.

Валяние войлока – очень древняя технология. Так как для валяния используется шерсть овец, данное искусство существует столько же, сколько существуют овцы. Так, первым упоминанием о войлоке принято считать библейскую историю о Ноевом ковчеге.

Именно там был найден первый валяный ковер: овечья шерсть, падающая на пол, намокала и сбивалась копытами. Когда же овцы покинули Ковчег, то в Ковчеге остался сваленный овцами ковер.

Валяние из шерсти было очень востребовано у кочевых народов. Из шерсти делали ковры, дорожки, войлочные подушки, дорожные сумки, чулки, накидки для животных. Оседлые народы со временем переняли секреты изготовления изделий из войлока.

В России войлоковаляние чаще связывают с валенками, изделия из шерсти использовались для хозяйственных нужд. Например, с помощью шерсти обогревались морозными вечерами.

В современное время валяние из шерсти переживает «второе рождение». Теперь изделия из шерсти превратились из жизненно необходимого ремесла в яркую форму художественного самовыражения. Становятся модными войлочные аксессуары и украшения из войлока, одежда и игрушки.

Растущий интерес к войлоковалянию связан с развитием технологий валяния и появлением большого выбора материалов и инструментов для этого вида творчества. Валяние становится доступным каждому.

Войлок обладает целебными свойствами. Поэтому одной из уникальных процедур социальной терапии является арт-терапия шерстью.

При работе с шерстью происходит активизация ресурсов бессознательного – внутренних архитектурных структур. Когда клиент прикасается к этому материалу, это дает ему прекрасный ресурс и вдохновляет на творчество. Процесс раскладывания и валяния шерсти носит терапевтический характер. Также арт-терапия шерстью позволяет человеку отреагировать, осознать и переработать психотравматический опыт.

Войлоковаляние может рассматриваться как проективная методика, которая помогает актуализировать на символическом уровне динамику внутреннего мира человека. Шерсть дает возможность в материальной форме передать характер и эмоции человека. Так, мокрое валяние шерстью позволяет продумать, углубиться в свое внутреннее «Я», осмыслить, выбрать и принять решение.

Терапия шерстью опирается на здоровый потенциал психики, прибегает к ресурсам, силе вдохновения, способствует обучению новым моделям поведения и развитию творчества.

В процессе терапевтической работы с шерстью уменьшается уровень агрессии и эмоционального напряжения. Войлоковаляние способствует релаксации, обогащению позитивными эмоциями,

поиску новых внутренних ресурсов, позволяет отыгрывать травматический опыт, развивает мелкую моторику. «Свалять» из шерсти свое состояние или проблему, идею или движение, а потом созерцать продукт своего творчества – все это реально в арт-терапии шерстью. Это – процесс самоисследования [1, с. 300].

В России пока не используется войлоковалание как основа благотворительных курсов для социально незащищенных групп населения. Только психологи при работе с детьми используют данную методику для снятия эмоционального напряжения.

В Алтайском крае в 2017–2018 гг. будет реализован социальный проект эко-мастерской «АлтайФелт». Работа мастерской ориентирована как на творческую реабилитацию социально незащищенных категорий населения (в т.ч. людей с инвалидностью), так и обучение ремеслу валяния шерсти, создание возможностей для дополнительного заработка обучающихся в мастерской. Социальный проект будет реализован на средства гранта Правительства Алтайского края и Федерального агентства по делам молодежи [2].

Литература

1. Сиротина Т. В., Миллер С. М. Творческие технологии в практике паллиативного ухода // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Вып. 7. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 299–306.

2. Номинация «Лучший проект социального предпринимательства» 2017 [Электронный ресурс]. URL:: <http://atrsib.ru/index.php/konkursy/pobediteli-i-finalisty-konkursa-molodjozhnykh-proektov-2017/nominatsiya-luchshij-proekt-sotsialnogo-predprinimatelstva-2017> (дата обращения: 10 октября 2017 г.)

CHARITY COURSES IN FELT THERAPY FOR SOCIALLY VULNERABLE PEOPLE

Pugachev M. D. Barnaul (Russia)

Abstract: in the article the author considers the research interventions of felting. The author analyzes the potential of charitable courses on the felt therapy for socially vulnerable groups of population on the example of implementation of the environmental mastery project AltaiFelt.

Keywords: non-profit organizations, felt, therapy, people with disabilities, wool.

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹⁹

Силонова М. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: в статье раскрываются особенности статуса русского языка и языковой политики в странах бывшего Советского Союза, анализируются факторы, мотивирующие к изучению русского языка, проблемы сокращения сферы функционирования русского языка на постсоветском пространстве, обсуждаются возможности повышения качества преподавания русского языка как иностранного с учетом страновой специфики.

Ключевые слова: русский язык, постсоветское пространство, культурная дипломатия, языковая политика.

Распад Советского Союза и впоследствии создание Содружества Независимых Государств повлияли на социокультурное пространство всех участвующих в нем стран и привело к возрождению этнической идентичности, включающей политику новых суверенных государств в отношении русского языка. Первые годы после этих событий на всем постсоветском пространстве русский язык стал активно вытесняться языками титульных наций при признании их единственными государственными, что незаметно привело к исключению русского языка практически из всех сфер жизни общества.

В настоящее время на мировой арене русский язык занимает шестое по популярности место. Вторым государственным и официальным языком он признан в Белоруссии. Вместе с тем это – единственное постсоветское государство, где государственный статус русского языка подтвержден на референдуме подавляющим большинством голосов. На всей территории страны средства массовой информации издаются и транслируются преимущественно на русском языке.

В государственных учреждениях Казахстана и Кыргызстана русский язык тоже является официальным. Так во «многих учреждениях городского и регионального уровня, а также в

¹⁹ Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России».

столичных правительственных учреждениях Казахстана русский язык используется не реже, чем казахский» [3, стр. 105]. Такое положение связано с тем, что большинство населения крупных городов этих стран не владеют национальными языками, а русский язык является для них родным. В связи с этим в Казахстане и Кыргызстане оказывается государственная поддержка русскому языку, а во всех русскоязычных школах предметы преподаются на русском.

В Таджикистане, Туркмении и Узбекистане русский язык употребляется в меньшей степени, чем в соседних Казахстане и Кыргызстане. В Таджикистане, согласно Конституции, русский язык выступает языком межнационального общения, а в Узбекистане является языком национального меньшинства. В национальных школах обеих стран русский язык преподается в качестве иностранного, а в таджикских школах дети учатся русскому языку по учебникам, подготовленным российскими и таджикскими русистами.

Одним из главных факторов, мотивирующих узбеков к изучению русского языка, является их массовая ориентация на получение доступа к российскому рынку труда. При этом русские граждане нередко воспринимаются титульным населением Узбекистана как проводники их интересов во «внешний мир», которые способны облегчить их обустройство в России. Но, так или иначе, и в Таджикистане, и в Туркмении, и в Узбекистане русским языком владеет большая часть населения. Стоит отметить, что «коренные жители между собой разговаривают на родном языке, а на русский переходят только в разговоре с русскими или с представителями национальных меньшинств» [1, стр. 174].

Также статус языка национального меньшинства русский язык имеет в Армении и Азербайджане. Доля русских в общей численности населения Армении весьма незначительна, но многие армяне могут хорошо говорить по-русски. В национальных школах Армении русский язык преподают со второго класса как иностранный. В Азербайджане ситуация примерно та же, однако «языковая политика государства направлена на обеспечение устойчивости, лингвистического качества и конкурентоспособности азербайджанского языка как государственного на мировом языковом пространстве» [4, с. 111]. Это равным образом ведет к сокращению использования русского языка в стране. В первую очередь это отразится на сфере образования, так как все предметы в школах

страны будут переведены на азербайджанский язык при использовании русского только в качестве иностранного.

Ограничения для русского языка также существуют в Украине, особенно – в свете последних политических событий. В последние годы в стране произошло сокращение сфер функционирования русского языка: ликвидация образования, сокращение теле- и радиовещания на русском языке, принятие постановлений государственных ведомств и местных органов власти, имеющих целью ограничение сферы использования русского языка. Зачастую такие меры воспринимаются населением Украины неоднозначно и встречают сопротивление в регионах с русскоязычным населением. Русскоязычная социокультурная общность отличается неформальной целостностью и выступает в роли самостоятельного субъекта социального поведения. Проблемы русского языка в Украине достаточно тесно связаны с текущей политической ситуацией в стране и ее отношениями с Россией. Среди молодежи в русскоязычных регионах не отмечается большого интереса к русскому языку, поскольку «наличие государственного украинского языка заставляет молодежь изучать именно его, чтобы в будущем быть конкурентоспособными на рынке труда и образования» [6, стр. 53].

По результатам опроса «Левада-центра» за апрель 2014 года, больше половины россиян (58 %) обеспокоены «дискриминацией русских» на постсоветском пространстве. Основной проблемой этой дискриминации, по мнению респондентов, является запрет на официальное использование русского языка в странах СНГ.

Об ослаблении позиций русского языка в постсоветских странах в последние годы стали говорить не только эксперты, но и государство. Министерство образования и науки, например, с 2011 года реализует федеральную целевую программу «Русский язык», одной из целей которой является «поддержка русского языка за рубежом путем создания условий и повышения интереса к его изучению». В рамках данной программы проводятся образовательные и культурно-просветительские мероприятия, оказывается поддержка преподавателям русского языка как в ряде республик Российской Федерации (Башкортостан, Татарстан и других), так и за пределами России.

Большинство экспертов считают такие мероприятия полезными, поскольку «одной из причин, по которым русский язык недостаточно закреплён за рубежом, является дефицит учителей-русистов, которые к тому же сами иногда недостаточно им владеют»

[5, стр. 43]. Кроме этого, во многих постсоветских странах запрещены российские учебники и образовательные разработки по русскому языку, так как российские для иностранцев не адаптированы, в них встречаются «обидные» для них фразы вроде «Москва – столица нашей Родины». Поэтому государства предпочитают использовать собственные пособия и по ним обучать всех жителей.

Необходимо всеми возможными инструментами повлиять на возвращение и укрепление статуса русского языка на постсоветском пространстве, используя все доступные инструменты, включая политические договоренности и соглашения, экономическое влияние в виде инвестиций, а также воздействие культуры и науки. Кроме того, большинство экспертов сходятся во мнении, что «оказание необходимой финансовой и иной поддержки русскоязычным средствам массовой информации, которые бы рассказывали жителям ближнего зарубежья именно о местных событиях, может вполне поспособствовать возвращению русскому языку прежних лидирующих позиций в современном мире» [2, стр. 50].

Большая часть трудовых мигрантов, в частности из стран СНГ, имеют недостаточный уровень владения русским языком. Поэтому с начала 2015 года предписано сдавать комплексный экзамен на знание русского языка, истории и законодательства России иностранцам, желающим работать в России. При том, что сами вопросы теста по русскому языку, которые делятся на нескольких разделов: чтение, письмо, аудирование, устная речь, лексика и грамматика, – достаточно простые, даже если русский неродной.

Но сохранение потребностей в русском языке у жителей стран СНГ должно исходить не только из того, что это инструмент выживания для приезжающих в Россию мигрантов, но и средство международного и межнационального общения. Стоит отметить, что русский язык играет важную роль в обеспечении консолидации и культурного развития народов. Кроме того популяризация и продвижение русского языка – большой плюс в развитии политических и культурных взаимоотношений между постсоветскими странами, что является стратегически выгодным в первую очередь для России.

Литература

1. Воевода Е. В. Контактные языки как лингвокультурная доминанта на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО Университета. 2012. №6. С. 172–175.

2. Кулешова Н. С., Этносоциокультурные особенности населения государств на постсоветском пространстве и иммиграционные процессы // Вестник МГУКИ. – 2014. – №3 (59) май–июнь. С. 49–57.

3. Летняков Д. Э., Роль русского языка в постсоветской центральной Азии // Полития. 2015. №4 (79). С. 100–115.

4. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Авдеева Г.С. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. №12 (86). С. 117–120.

5. Мариносян Т. Э., Куровская Ю. Г. Регионализация образования в странах постсоветского пространства: предпосылки, результаты, положение русского языка (на примере стран Закавказья и Балтии) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1. №1 (35). С. 107–123.

6. Семенова Е. В., Проблемы русского языка в РФ и за рубежом // Сибирский торгово-экономический журнал. 2014. №1 (19). С. 42–44.

7. Тертри Д. Русский вопрос в постсоветский период // Вестник СПбГУ. История. Вып. 1. 2017. Т. 62. С. 43–56.

8. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Goncharova N., Maksimov M., Surtaeva O. Sociological Monitoring of Interethnic Relations // Procedia – Social and Behavioral Sciences, Volume 219, 31 May 2016, Pages 534–540.

POSITION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE POST-SOVIET SPACE

Silonova M. V., Barnaul (Russia)

Abstract: the article reveals peculiarities of the status of the Russian language and language policy in the former Soviet Union countries, presents an analysis of factors, motivating population to learn Russian, problems of reduction of the sphere of functioning of the Russian language in the post-Soviet space, discusses possibilities for improving the quality of teaching Russian as a foreign language adapted to country-specific circumstances.

Keywords: the Russian language, post-Soviet space, cultural diplomacy, language policy.

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ ИЗ СТРАН СНГ²⁰

Риш М. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: анализируются оценка принимающим населением Алтайского края отношений с мигрантами из стран СНГ и состояние межнациональных отношений, роль информационной среды в формировании этно- и мигрантофобий, дифференциация мигрантских этнических меньшинств в общественном мнении, фобии принимающего населения. Утверждается, что важнейшим направлением формирования атмосферы доброжелательности принимающего общества становится просвещение как представителей мигрантских меньшинств о нормах и традициях принимающего населения, так и самих местных жителей о мигрантах. Анализ строится на выявлении групп лояльных к мигрантам и групп, настроенных негативно по отношению к миграции и мигрантам. В качестве факторов, влияющих на отношение к мигрантам, рассматриваются структуры капиталов – социального, человеческого и культурного.

Ключевые слова: адаптация, интеграция, мигранты, индикаторы интеграции, миграционная политика, политика интеграции, межнациональные отношения, принимающее общество.

Миграция – это любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности [8]. Это сложный общественный процесс, выполняющий важные функции в жизни общества и отдельного человека [5, 6]. Миграция способствует обмену трудовыми навыками и производственным опытом, содействует развитию личности, влияет на семейный состав и половозрастную структуру населения, непосредственно связана с социальной, отраслевой и профессиональной мобильностью [2, 7, 10].

²⁰ Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России».

Историческая роль миграции связана с процессами заселения земли, образования и смешения рас и народов; экономическая – с хозяйственным освоением земли, развитием производительных сил, соединением территориально распределенных природных ресурсов и средств производства с рабочей силой; социальная – связана с более полной реализацией потребностей населения в жилье, работе, социально-профессиональном продвижении и т. д. [3, 4].

Миграция является серьезным вызовом для общества, так как приток мигрантов, с иными, не всегда понятными для принимающего населения нормами и традициями поведения, вызывает социально-политическую напряженность в локальных сообществах [9]. Непременным условием успешности такой политики является не только повышение интеграционных настроений среди мигрантов, но и готовность принимающего населения, наряду с властными структурами и гражданским обществом, к сотрудничеству с мигрантами. [1]

Миграция становится как важнейшим ресурсом поддержания потенциала экономического развития, так и основным источником компенсации сокращения трудовых ресурсов в Алтайском крае на ближайшие десятилетия. Так как Алтайский край является приграничным краем, мигранты находят его более благоприятным для трудовой деятельности, постоянного места жительства и дальнейшего транзита в более крупные регионы. В то же время, приток мигрантов из стран СНГ станет серьезным вызовом, если не обеспечить адаптацию и интеграцию мигрантов. Социальная исключенность мигрантов чревата ростом социальной и экономической напряженности, а также обострением межнациональных отношений.

В настоящее время отношения между жителями Алтайского края и трудовыми мигрантами из стран СНГ стремительно развиваются, так как многие мигранты приезжают в регион на заработки и в дальнейшем стремятся остаться на ПМЖ. Для изучения уровня взаимодействия местного населения с приезжими на кафедре психологии коммуникаций и психотехнологии Алтайского государственного университета под руководством доктора социологических наук С.Г. Максимовой в 2017 г. было проведено исследование на тему: «Транзитная миграция. Безопасность и евразийская интеграция». Были опрошены 1200 жителей Алтайского края с целью выявления отношения к трудовым мигрантам из стран СНГ. Опрос

проводился среди представителей разных этнических, половозрастных и социально-профессиональных групп.

Было проанализировано отношение местного населения к присутствию иностранных специалистов в зависимости от типа поселения. Можем сделать вывод о том, что чем крупнее тип поселения, тем более лояльно отношение к трудовым мигрантам. Если в малых городах значимо выше доле тех, кто считает, что нужно готовить своих специалистов, а не платить деньги иностранцам (33,7%), то в средних городах респонденты чаще согласны с высказыванием о том, что иностранные специалисты способствуют распространению влияния России в мире и поддерживают дружеские отношения России с другими странами (59%), а в крупных городах жители более распространено мнение о том, что иностранные специалисты оказывают положительное влияние на экономику страны (46,2%).

Были проанализированы мнения о взаимосвязи между массовыми миграциями иностранных граждан и уровнем национальной безопасности с учетом типа занятости жителей Алтайского края и состояния рынка труда. Было выявлено, что студенты и безработные жители в большей степени склонны полагать, что мигранты угрожают национальной безопасности.

Особенным образом складывается ситуация с межэтническими отношениями в малом городе. Анализ межэтнических установок выявил, что в малых поселениях в наибольшей степени проявлено негативное отношение к иным национальным группам. При этом в данном типе поселения выше, чем в других типах населенных пунктов, доля тех, кто выражает готовность в случае необходимости участвовать в протестных действиях.

К рискам межэтнической напряженности можно отнести временный характер пребывания трудовых мигрантов на территории региона: мигранты создают волнения среди местного населения, так как привносят изменения своими культурными особенностями и обычаями в трудовую и в бытовую сферу, не желают принимать местные нормы и обычаи. Уровень межэтнической напряженности также повышается в случае роста безработицы среди местного населения. Одним из способов улучшения ситуации может выступать активное сотрудничество государственных структур с НКО, представляющие разные национальности в Алтайском крае. Положительное влияние оказывает культурное взаимодействие и организация совместных

мероприятий, где местные жители узнают особенности других культур.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает многогранность отношения жителей Алтайского края к трудовым мигрантам из стран ближнего зарубежья. В целом мы можем отметить готовность принятия трудовых мигрантов местными жителями. Этому должны способствовать удовлетворительный уровень занятости местного и состояния рынка труда.

Литература

1. Воробьева О. Д., Топилин А. В., Гребенюк А. А., Лебедева Т. В. Трудовая миграция: организация выборочных наблюдений (методологические подходы). М.: Экон-Информ, 2015.

2. Дробижева Л. М. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам [Электронный ресурс]: Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2021#top-content (дата обращения 20.11.2016).

3. Зайончковская Ж. А. Иммиграция: альтернативы нет / Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В. И. Мукомеля, Э. А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2016. С. 7–30.

4. Зайончковская Ж. А., Ноздрина Н. Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2014. №4. С. 98–111.

5. Карабаш И. В. Межэтническая напряженность и конфликты в современной России: основные теоретико-методологические концепции // Теория и практика общественного развития. 2013. №12. С. 153–156.

6. Львов С. В. ВЦИОМ: почти половина россиян отмечают межнациональную напряженность в стране [Электронный ресурс]: Русская планета. 2014. URL: <http://rusplt.ru/news/vtsiom-pochti-polovina-rossiyanotmechaet-mejnatsionalnuyu-napryajennost-v-strane-85866.html> (дата обращения 16.09.2016).

7. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. №12 (86). С. 117–120.

8. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Омельченко Д. А., Варава В. В., Дубова Т. Г. Современные реалии

социальной безопасности регионального социума // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №2–1 (66). С. 187–190.

9. Мукомель В.И. Свои и чужие: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. № 1(77). 2015. С. 79–92.

10. Мукомель В.И. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика. М.: НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. 245 с.

11. Пипия К. Ксенофобия и национализм // Левада-Центр. Прессвыпуск, 25.08.2015. URL: <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiyai-natsionalizm/> (дата обращения: 20.11.2016).

12. Полетаев Д. В. Учебные мигранты в российских вузах: опыт социологического исследования // Экономика XXI века. 2012. №4. С.15–36.

ATTITUDES BETWEEN ABORIGINAL POPULATION AND LABOR MIGRANTS FROM THE CIS COUNTRIES IN ALTAI REGION

Rish M.V., Barnaul (Russia)

Abstract: *the assessment of the host population of the Altai territory with migrants from the CIS countries and the state of interethnic relations, the role of the information environment in the formation of ethno- and migrant-phobias, the differentiation of migrant ethnic minorities in public opinion, phobias of the host population are analyzed. Education of representatives of migrant minorities about the norms and traditions of the host population, and of the local residents themselves about migrants, is becoming an important direction in shaping the atmosphere of the benevolence of the host society. The analysis is based on the identification of groups loyal to migrants, and groups that are negative about migration and migrants. As factors influencing attitudes towards migrants, we consider the structure of capital – social, human and cultural.*

Keywords: *adaptation, integration, migrants, indicators of integration, migration policy, integration policy, interethnic relations, receiving society.*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДОЙ СЕМЬИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕЛИННОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Ханмурадова А. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: в данной статье рассматривается опыт работы организации предоставления мер социальной поддержки молодой семье в сельской местности. Освещаются основные результаты работы.

Ключевые слова: молодая семья, социальная поддержка.

Сохранение сельского сообщества в современной России во многом связано с решением проблемы укоренения молодежи на селе. Развитие социальной инфраструктуры на селе, внедрение инновационных технологий в сельскохозяйственном производстве невозможно в условиях нехватки высококвалифицированных специалистов. Основу воспроизводства сельского сообщества составляют молодые семьи.

В настоящее время без социальной поддержки молодые семьи не в состоянии сформировать собственные ресурсы, необходимые для полноценного выполнения функций института семьи. Поэтому от того, какие условия будут созданы для их жизни, зависят, с одной стороны, их желание остаться на селе, с другой, – их репродуктивные установки.

В Целинном районе Алтайского края основными организациями по предоставлению государственной социальной поддержки молодой семье являются: УСЗН по Целинному и Ельцовскому районам и отдел по культуре и делам молодежи администрации Целинного района.

С целью закрепления молодых специалистов в районе реализуется комплекс мер социальной поддержки, в частности: производится выплата «подъемных» в размере 10 000 руб., предоставляется компенсация расходов по оплате жилого помещения с отоплением и освещением, реализуются программы «Социальное развитие села» и «Обеспечение жильем молодых семей». За два года пять молодых специалистов получили единовременное пособие по 100 тыс. руб. В 2010 году молодой учитель получил грантовую поддержку в размере 500 тыс. руб.

С целью пропаганды семейных ценностей, повышения престижа семьи в обществе, укрепления института семьи,

развития семейного творчества и форм семейного досуга, а также продвижения жанра семейной фотографии отделом по культуре и делам молодежи был организован и проведен II районный фотоконкурс «Счастливое мгновение». Конкурс проходил в заочной форме, что позволило привлечь к участию самую занятую категорию участников – это молодые семьи, в которых только родился ребенок или семьи, которые в ближайшее время станут родителями. Более 30 семей приняли участие в данном конкурсе. В целях поддержки молодых семей, при предоставлении им государственной поддержки на строительство или приобретение жилья в районе осуществляются меры в рамках дополнительных программ – это муниципальная программа «Обеспечение жильем молодых семей в Целинном районе на 2015–2020 годы», ФЦП «Устойчивое развитие села на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» в направлении предоставления социальных выплат молодым семьям и молодым специалистам, а также гражданам, проживающим в сельской местности. В последней программе получателями социальной выплаты за период 2014–2017 гг. стали 11 семей, из них 3 семьи в категории «Молодая семья», 5 семей в категории «Молодой специалист» 2 семьи в категории «Граждане»:

- в 2014 году 5 семей из них 4 семьи получили социальную выплату на строительство и 1 семья на приобретение жилья на вторичном рынке;

- в 2015 году 1 семья получила социальную выплату на строительство и 1 семья на покупку жилья. Обе семьи по категории молодой специалист в социальной сфере;

- в 2016 году 1 семья стала получателем социальной выплаты на строительство дома;

- в 2017 году 3 семьи получили социальную выплату по программе, из них 2 семьи построили собственный дом, и 1 семья приобрела жилье на вторичном рынке.

В Целинном районе действует муниципальная программа «Обеспечение жильем молодых семей в Целинном районе» на 2015–2020 годы. Данная программа реализуется в районе с 2003 года. Участником программы может стать молодая семья, возраст одного из супругов в которой не превышает 35 лет, и которая признана нуждающейся в улучшении жилищных условий. Кроме того, обязательным условием участия в программе является наличие у семьи собственных средств, достаточных для приобретения жилья. За данный период претендентами на

участие в программе стали 240 молодых семей. 100 молодых семей получили субсидии на приобретение жилья на вторичном рынке либо на строительство нового жилья. В администрации района ведется журнал очередности молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий в Целинном районе. Ожидание своей очереди получения субсидии в среднем составляет 3 года. Получить информацию о программе молодая семья может на официальном сайте.

В 2015 году субсидии получили 3 семьи на общую сумму 1 388 300 рублей. В 2016 году субсидии получили 4 семьи на общую сумму 2 170 700 рублей, из них 494 200 рублей – из федерального бюджета, 1 050 100 рублей – из краевого бюджета и 626 400 рублей – из местного бюджета. В 2017 году субсидии получили 2 семьи на общую сумму 1 041 400 рублей, 520 700 рублей – из краевого и 520 700 – из местного бюджетов. В бюджете района на 2018 год было запланировано 700 000 рублей на софинансирование программы. По состоянию на 01.04.2018 список претендентов на участие в программе состоит из 18 молодых семей.

Кроме того, программой предусмотрена дополнительная субсидия на рождение второго ребенка для тех семей, которые уже были ее участниками. За последние 3 года дополнительные субсидии получили 7 семей на общую сумму 316 800 рублей. Все средства выплачены из краевого бюджета [1].

В следующем году отдел по культуре и делам молодежи планирует продолжить реализацию молодежной политики с учетом приоритетных направлений государственной, региональной и муниципальной молодежной политики, а также развивать традиционные направления деятельности.

В 2017 году в системе социальной защиты населения Алтайского края произошли структурные изменения: постановлением Правительства Алтайского края утверждена реорганизация территориальных управлений социальной защиты населения в форме присоединения к ним краевых государственных казенных учреждений центров занятости населения. Все процессы реорганизации проводились с учетом интересов граждан, и это не отразилось на качестве предоставления государственных услуг, все структуры работали в привычном для населения режиме. В июне 2017 года мероприятия по реорганизации были завершены.

Управление социальной защиты населения по Целинному району с 1 июня носит название УСЗН по Целинному и Ельцовскому районам, имеет статус юридического лица и включает в себя четыре организации: УСЗН в Целинном районе, УСЗН в Ельцовском районе, Центры занятости населения в Целинном и Ельцовском районах.

В Целинном районе на учете в УСЗН, включая клиентов Центра занятости, состоит около 12 тыс. жителей, которым предоставляется свыше 89 видов мер социальной поддержки и социальных услуг по трудоустройству. В 2017 году жителям Целинного района в виде мер социальной поддержки и пособий выплачено более 119 млн. руб. за счет средств краевого и федерального бюджетов.

Особое внимание в районе уделяется поддержке семей с детьми. Этой категории граждан предоставляется 11 видов различных пособий. Получателями являются около 2000 семей, из них более 200 многодетные. Несомненно, самым многочисленным видом пособия этой категории является ежемесячное пособие на детей, но наиболее значимые для бюджета семьи в денежном выражении – это ежемесячная денежная выплата при рождении (усыновлении) третьего ребенка до достижения им возраста трех лет (ее размер в 2016 году составлял 9011 рублей в месяц), а также выплаты для подготовки детей, из многодетных семей к школе по 7500 рублей на первоклассника и по 5000 рублей ежегодно на учащихся 2–11 классов. Так в 2017 году более 14 млн. руб. направлено на эти виды выплат. Нельзя не отметить, что размеры этих выплат в Алтайском крае одни из самых высоких в сравнении с другими субъектами Сибирского федерального округа. Этот комплекс мер дает результат. Так, за последние 5 лет количество многодетных семей в районе увеличилось на 44%.

Следует также отметить, что в конце 2017 года продлено действие программы предоставления регионального материнского капитала до 31 декабря 2021 года, размер капитала составляет 55387 рублей. В 2017 году материнский капитал предоставлен 45 семьям, воспользовались этими средствами, в соответствии с Законом Алтайского края, 19 человек.

В Алтайском крае, как и на всей территории Российской Федерации, с 1 января 2018 года вступил в силу Федеральный закон от 28.12.2017 №418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», в соответствии с которым предоставляется

новая мера социальной поддержки семьям в виде ежемесячной выплаты при рождении (усыновлении) первого ребенка.

На сегодняшний день в Целинном районе в пятнадцати семьях родились первенцы. Семьи, оформившие документы в течение года, будут получать по 9434 рубля в месяц, а затем необходимо подтвердить свое право и продлить выплату еще на полгода до достижения ребенком возраста 1,5 лет. Такая поддержка молодых семей стала существенным подспорьем в семейном бюджете.

Приоритетными задачами исполнительной власти в Целинном районе Алтайского края являются обеспечение стабильной работы социальной сферы, модернизация системы образования и здравоохранения, поддержка учреждений культуры, развитие сельского хозяйства и экономики района. Постоянное внимание уделяется работе коммунального хозяйства, выполняются определенные мероприятия по снижению числа безработных.

Район продолжает развиваться, а социальная сфера – работать без перебоев. Условия проживания людей становятся более комфортными. Полным ходом идет развитие услуг такси, сферы общественного питания и многое другое. Достигнутое является ступенькой для следующего шага к улучшению условий жизни жителей района.

Литература

1. Администрация Целинного района [Электронный ресурс]: Молодежная политика URL: http://admcelinnoe.ucoz.ru/index/molodezhnaja_politika/0-101 (дата обращения 28.05.2018).

SOCIAL SUPPORT OF YOUNG FAMILY IN RURAL AREA (ON THE EXAMPLE OF THE TSELINNOE DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY)

Khanmuradova A. V. Barnaul (Russia)

Annotation: this article examines the work experience of the organization to provide social support to a young family in rural areas. The main results of the work are discussed.

Keywords: young family, social support.

Сведения об авторах

Айкина Любовь Павловна – кандидат педагогических наук, заместитель проректора по НРиМС, Алтайский государственный институт культуры, ajk-lyubov@yandex.ru

Алёхина Анастасия Юрьевна – магистрант факультета социологии, Алтайский государственный университет, nastiaal94@mail.ru

Артюхина Валентина Андреевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет, a-walentina@mail.ru

Бессчетнова Оксана Владимировна – доктор социологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, sharon_oksana@rambler.ru

Борисова Ольга Владимировна – старший преподаватель факультета социологии, Алтайский государственный университет, olya333es@mail.ru

Бухнер Наталия Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, nbuhner@mail.ru

Ведакова Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, директор Центра языковой подготовки и тестирования Института международного образования, vedyakova@mail.ru

Виницкая Наталья Владимировна – кандидат искусствоведения, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина

Воеводина Земфира Эдуардовна – магистрант факультета социологии, Алтайский государственный университет, zemfira-voevodina@mail.ru

Волкова Татьяна Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, v.t.g@mail.ru

Геворгян Гарик Меграбович – заместитель председателя, Алтайская краевая общественная организация «Союз армян Алтайского края», saak.sam22@gmail.com

Гекман Наталья Анатольевна – старший преподаватель кафедры художественной культуры и декоративно-прикладного творчества, Алтайский государственный институт культуры

Гоношилова Татьяна Олеговна – магистрант факультета социологии, Алтайский государственный университет, gto1995g@mail.ru

Горбунова Анастасия Андреевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет, nastia_gorbunova@mail.ru

Дворянчикова Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, Алтайский государственный университет

Дедюшина Елена Витальевна – аспирант, Алтайский государственный институт культуры, lena-dolphin@yandex.ru

Еремин Алексей Алексеевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Алтайский государственный университет, Алтайский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, eremin.alexey@mail.ru

Злобина Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, zlobyi@yandex.ru

Кадникова Галина Константиновна – студентка второго курса историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет, galya_kadnikova@mail.ru

Казачек Алена Сергеевна – магистрант факультета социологии, Алтайский государственный университет

Кряклина Тамара Федоровна – доктор философских наук, профессор факультета социологии, Алтайский государственный университет, kovolgavl@mail.ru

Липатова Юлия Павловна – ведущий документовед отдела статистики и мониторинга управления стратегии, анализа и мониторинга, магистрант МИЭМИС, Алтайский государственный университет, Pus.88_8@mail.ru

Мазайлова Татьяна Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Алтайский государственный университет, bakulinat@mail.ru

Максимова Светлана Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий АлтГУ, Директор Азиатского экспертно-аналитического центра этнологии и международного образовательного сотрудничества АлтГУ, член Общественной палаты Алтайского края, Председатель совета АКОО ПССОЗ «Позитивное развитие», директор Ресурсного центра по развитию гражданских инициатив и содействия интеграции народов и культур в Алтайском крае, svet-maximova@yandex.ru

Мамчур Юлия Юрьевна –начальник отдела инновационного проектирования КГБУ ДПО «Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования», аспирант Алтайского государственного педагогического университета, mamchur.yulia@mail.ru

Мацакова Екатерина Алексеевна – магистрант, Алтайский государственный университет, angel343geba@mail.ru

Мицких Дарья – магистрант факультета социологии, Алтайский государственный университет

Молдагазинова Жулдыз – аспирантка факультета социологии, Алтайский государственный университет

Морева Юлия Евгеньевна – магистрант факультета социологии, Алтайский государственный университет, t---38@mail.ru

Московкина Евгения Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и сценической речи, Алтайский государственный институт культуры, evgenya.moskovkina@yandex.ru

Мотина Анна Владимировна – магистрант факультета социологии, Алтайский государственный университет, motina-anna@mail.ru

Глуховерова Динара Алиевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет, dinaranevaeva@mail.ru

Ноянзина Оксана Евгеньевна – консультант отдела по взаимодействию с институтами гражданского общества департамента Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам внутренней политики, кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет, noe@list.ru

Овсянникова Екатерина Валерьевна – студентка третьего курса строительно-технологического факультета, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, ka.ovs521@gmail.com

Омельченко Дарья Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет, omelchenko@edu.asu.ru

Перепелкина Ксения Владимировна – магистрант, Алтайский государственный университет, kse_nya94@mail.ru

Плотникова Марина Владимировна – студентка четвертого курса, факультет социологии, Алтайский государственный университет, mp2532842@gmail.com

Попова Анастасия Игоревна – студентка магистратуры, факультет социологии, Алтайский государственный университет, Mybanana666@gmail.com

Пугачев Михаил Дмитриевич – студент первого курса магистратуры, факультет массовых коммуникаций филологии и политологии, Алтайский государственный университет, miklpugachev@yandex.ru

Реттих Светлана Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая сектором стратегии развития образования, Алтайский государственный университет, директор по развитию образовательных услуг НОУ ДПО «Академия Российского союза офицеров запаса», svetlanarettikh@rambler.ru

Риш Мария Владимировна – студентка второго курса магистратуры, факультет социологии, Алтайский государственный университет, 89132736969mv@gmail.ru

Сарыглар Сылдысмаа Артуровна – аспирант факультета социологии, Алтайский государственный университет, syldysma93@mail.ru

Синцова Людмила Константиновна – доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет

Сиротина Татьяна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Алтайский государственный университет, tatjanasirotina@gmail.com

Сытых Ольга Леонидовна – доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет, sytykh@yandex.ru

Трофимова Юлия Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики в

ОВД, Барнаульский юридический институт МВД России,
trofimova_yu@mail.ru

Ханмурадова Анастасия Вячеславовна – студентка магистратуры, Алтайский государственный университет, stebunova.nastasya@mail.ru

Харитонов Александр Михайлович – научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Владивосток, mavr@tig.dvo.ru

Черепанова Мария Ивановна – доктор социологических наук., доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет, cher_67@mail.ru

Чуканова Татьяна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Алтайский государственный университет

Шабалина Елена Петровна – кандидат педагогических наук, доцент Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина (Бийск), shabalinaep@mail.ru

Шахова Екатерина Владимировна – аспирантка факультета социологии, Алтайский государственный университет, EWS05@yandex.ru

Шершнева Елена Александровна – старший преподаватель кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, Алтайский государственный университет, email

Щербакова Ольга Семеновна – кандидат педагогических наук, доцент, Алтайский государственный институт культуры, olgs-uzorie@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР
В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Сборник материалов I Международного форума
«Интеграционные процессы в этнокультурной сфере»*

*I Региональная конференция
«Социальная интеграция и развитие
этнокультур в региональном социуме»*

Подписано в печать 06.11.2018 г.

Объем 26,4 уч.-изд. л. Формат 64х90 1/16. Бумага офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ №5197.

Отпечатано ИП Колмогоров И.А.,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583,
nf-kniga@yandex.ru,
сайт: типография-новый-формат.рф